

О.К. Зателепин

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(вопросы теории,
законодательства и практики)**

«За права военнослужащих»

Москва 2013

Автор:

Зателепин Олег Кимович — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Военного университета.

Рецензенты:

Фатеев Константин Валерьевич — доктор юридических наук, профессор;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Российской академии правосудия.

З 37

Уголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации (вопросы теории, законодательства и практики): Монография. Серия «Право в Вооруженных Силах — консультант». — М.: «За права военнослужащих», 2013. — Вып. 135. — 192 с. ISBN 978-5-93297-143-7

Настоящая работа посвящена актуальной для юридической науки проблеме уголовно-правового обеспечения военной безопасности Российской Федерации в условиях проводимого реформирования военной организации. В ней на основе учета принципов уголовного права и правил законодательной техники, широкого использования материалов судебной практики, исторического и зарубежного опыта разработана концепция преступлений против военной безопасности, исходя из которой предложена новая редакция раздела XI УК РФ. Автор также обосновал решение актуальных вопросов квалификации преступлений против военной безопасности, выявленных в ходе осуществленного им мониторинга судебной практики военных судов за период с 1996 по 2012 гг.

Работа может представлять интерес для преподавателей и студентов юридических вузов, курсантов Военного университета, практических работников военных следственных органов, военной прокуратуры, военных судов, а также для органов дознания военных организаций государства.

Книга продолжает серию изданий «Право в Вооруженных Силах — консультант», которая издается с февраля 1999 г.

Сборник «Право в Вооруженных Силах — консультант» зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИИ № 77-12712 от 20 мая 2002 г.

Учредитель и издатель: Региональное общественное движение «За права военнослужащих».

Выходит один раз в два месяца, распространяется в розницу и по подписке.

ББК 67.408

© «Право в Вооруженных Силах — консультант», 2013 г.
© Оформление РОД «За права военнослужащих», 2013 г.

ISBN 978-5-93297-143-7

Содержание

Указатель сокращений	4
Введение	5
Глава 1. Военная безопасность Российской Федерации в системе охраняемых уголовным законом социальных ценностей	8
§ 1. Эволюция взглядов на объект уголовно-правовой охраны и объект преступления в российской науке уголовного права (методологические аспекты)	8
§ 2. Военная безопасность Российской Федерации как объект уголовно-правовой охраны	33
Глава 2. Система преступлений против военной безопасности Российской Федерации	42
§ 1. Понятие и виды преступлений против военной безопасности Российской Федерации по УК РФ	42
§ 2. Теоретическая модель системы преступлений против военной безопасности Российской Федерации и ее учет при совершенствовании уголовного законодательства	52
Глава 3. Состав преступления против военной безопасности Российской Федерации	65
§ 1. Общие и специальные составы преступлений против военной безопасности Российской Федерации	65
§ 2. Объективные элементы специального состава преступления против военной безопасности Российской Федерации	79
§ 3. Субъективные элементы специального состава преступления против военной безопасности Российской Федерации	79
Глава 4. Квалификация преступлений против военной безопасности Российской Федерации	93
§ 1. Актуальные вопросы квалификации должностных преступлений против военной безопасности Российской Федерации	93
§ 2. Уголовно-правовая оценка нарушений порядка комплектования военной организации государства	118
§ 3. Квалификация воинских преступлений (глава 33 УК РФ)	131
Приложение. Проект закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части совершенствования уголовной ответственности за преступления против военной безопасности Российской Федерации	181

Указатель сокращений

БВК ВС СССР — Бюллетень Военной коллегии Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик

БУВС и ВК ВС РФ — Бюллетень Управления военных судов и Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации

БУВС и ВК ВС СССР — Бюллетень Управления военных судов и Военной коллегии Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик

БУВТ — Бюллетень Управления военных трибуналов

БУВТ и ВК ВС СССР — Бюллетень Управления военных трибуналов и Военной коллегии Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик

Ведомости СНД и ВС РФ — Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ИБ ГВП — Информационный бюллетень Главной военной прокуратуры

ИБВС — Информационный бюллетень военных судов

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

СЗ РФ — Собрание законодательства Российской Федерации

СУ РСФСР — Собрание узаконений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УГК и КС ВС РФ — Устав гарнизонной, комендантской и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РСФСР — Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир характеризуется формированием многополярной системы международных отношений, ослаблением идеологической конфронтации, снижением уровня экономической, политической активности одних государств (групп государств, союзов) и ростом влияния других государств, претендующих на всеобъемлющее доминирование, в том числе с использованием силового воздействия. Рецидивы вооруженного вмешательства в кризисные ситуации, попытки действовать в обход общепризнанных принципов и норм международного права создают напряженность в межгосударственных отношениях, требуют повышенного внимания к вопросам обеспечения национальной безопасности государств¹.

Российская Федерация, несмотря на снижение вероятности развязывания против нее крупномасштабной войны с применением обычных средств поражения и ядерного оружия, руководствуется тем, что на ряде направлений внешние военные опасности (угрозы) не устранены, а, напротив, имеют тенденцию к усилению². Задача состоит в том, чтобы не допустить эскалации напряженности до взрывоопасного уровня. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. указано, что предотвращение глобальных и региональных войн и конфликтов является стратегической целью совершенствования национальной обороны³. В Военной доктрине Российской Федерации (2010) названы также основные внутренние военные опасности⁴, выработке мер противодействия которым должно быть уделено особое внимание.

В целях недопущения любого вооруженного конфликта, в особенности ядерного, необходимо развивать военный потенциал страны, совершенствовать структуру военной организации государства, формы и способы ее деятельности. Вооруженные Силы Российской Федерации, будучи ядром военной организации, должны выйти на принципиально новый уровень возможностей уже в ближайшие 3—5 лет. На их развитие, а также модернизацию оборонно-промышленного комплекса в предстоящее десятилетие планируется выделить порядка 23 триллионов рублей⁵. К 2015 г. предполагается долю техники нового поколения в войсках довести до 30 %, к 2017 г. — до 70 %, а в некоторых случаях и до 100 %⁶.

Успех осуществляемой в настоящее время военной реформы, достижение заявленных целей и выполнение поставленных задач в военной сфере во многом зависят от эффективности функционирования системы правового обеспечения военной безопасности Российской Федерации. Одним из важных элементов такой системы является механизм уголовно-правовой охраны военной безопасности, обеспечивающий неизбывность конституционного строя, территориальную целостность и суверенитет Российской Федерации.

Основным показателем состояния военной безопасности страны является уровень дисциплины и правопорядка в военной организации государства. Анализ статистических данных о преступности и судимости военнослужащих свидетельствует о существовании ряда негативных тенденций в сфере уголовно-правового и криминологического обеспечения военной безопасности.

Динамика преступности военнослужащих в 1992—2010 гг. характеризуется снижением абсолютного числа зарегистрированных преступлений⁷, что, на первый взгляд,

¹ Декларация глав государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/ref/notes/1219> (дата обращения: 04.03.2013).

² Подробный прогноз развития военно-политической обстановки содержится в Плане обороны Российской Федерации до 2016 года, утвержденном Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в январе 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/news/17385> (дата обращения: 04.03.2013).

³ СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

⁴ Там же. 2010. № 7. Ст. 724.

⁵ Путин В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Рос. газ. 2012. 20 февр.

⁶ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на встрече с руководством Министерства обороны Российской Федерации 30 мая 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/news/15408> (дата обращения: 04.03.2013).

⁷ Абсолютным показателем зарегистрированной преступности военнослужащих в целом коррелируют статистические данные военных судов. С 2000 г. по 2012 г. судимость в военной организации сократилась более чем наполовину (на 61 %), а за преступления против военной службы (гл. 33 УК РФ) с 2006 г. по 2012 г. — на 76 %.

является положительным фактором. Но такой процесс обусловлен главным образом сокращением общей численности войск. Обращает на себя внимание тот факт, что за указанные годы личный состав военной организации сократился на 66,6 %, а преступность военнослужащих снизилась лишь на 35,2 % (воинская преступность — на 49 %), т. е. реального сокращения преступности в армии не произошло. Напротив, из расчета на 100 тыс. человек такая преступность выросла более чем вдвое (в 1990 г. коэффициент учтенной преступности составлял 794 деяния на 100 тыс. военнослужащих, а в 2008 г. — 1 702)⁸. Тревожит высокая латентность преступности военнослужащих, особенно в сфере военно-служебных отношений.

Уголовно-правовая охрана военной безопасности государства осуществляется в основном путем криминализации общественно опасных деяний военнослужащих, нарушающих порядок прохождения военной службы и предусмотренных в гл. 33 УК РФ. Вместе с тем, военной безопасности причиняют вред и другие преступления военнослужащих, ответственность за которые установлена в иных главах Особенной части УК РФ (например, должностные преступления). Более того, угрозу военной безопасности представляют также преступления, совершаемые не военнослужащими, а гражданскими лицами (призывниками, гражданским персоналом военных организаций, работниками предприятий оборонно-промышленного комплекса и т. д.). Однако официальная отчетность не предполагает наличия обобщенных данных о преступлениях против военной безопасности, что, на взгляд автора настоящей работы, искажает действительную картину состояния военного (оборонного) потенциала страны.

Проведенный автором анализ судимости за все преступления против военной безопасности показывает, что за последние 12 лет доля осужденных военнослужащих за эти преступления выросла с 51 до 60 %. Значительное количество военнослужащих осуждены за наиболее опасные посяательства на военную безопасность — уклонения от военной службы, нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, в том числе нарушения порядка подчиненности, злоупотребление служебными полномочиями или их превышение (примерно четыре пятых от числа всех осужденных). Доля офицеров, совершивших аналогичные преступления и осужденных за указанный период, составила в среднем 15 %. Сложившаяся ситуация подрывает основы воинской дисциплины и свидетельствует о существенных недостатках в подготовке и воспитании командного состава.

Общественную опасность преступлений против военной безопасности трудно переоценить. Она заключается в снижении уровня готовности военной организации к вооруженной защите жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз (в частности, в снижении боевой, мобилизационной, военно-экономической готовности). При неблагоприятных сценариях это может повлечь насильственное изменение конституционного строя, подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности, дезорганизацию функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Проблеме уголовно-правового обеспечения военной безопасности государства не уделяется должного внимания на законодательном уровне. Несмотря на многочисленные изменения, внесенные в УК РФ с 1996 г. (более 3 000), они практически не коснулись вопросов совершенствования уголовного законодательства в части ответственности за преступления против военной безопасности при условии масштабных преобразований в военной области в последние годы (например, до сих пор не криминализованы согласно ч. 3 ст. 331 УК РФ воинские общественно опасные деяния, совершаемые в военное время или в боевой обстановке)⁹. А между тем изучение материалов практики военных судов показывает, что значительное количество следственных и судебных ошибок сопряжено с неадекватной квалификацией преступлений против военной безопасности, обусловленной именно несовершенством норм уголовного закона.

Таким образом, решение проблемы уголовно-правового обеспечения военной безопасности Российской Федерации относится к числу приоритетных задач отечественной юридической науки и требует установления четких ориентиров для дальнейшего развития уголовной политики в рассматриваемой сфере.

⁸ Более подробно см.: *Лунев В.В.* Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 2. Особенная часть: учеб. для вузов. М., 2013. С. 828—829.

⁹ В нашей истории военные реформы, как правило, сопровождались и соответствующими изменениями в военно-уголовном законодательстве, например, принятие в 1715 г. Воинских артикулов, в 1867—1868 гг. — Воинского устава о наказаниях, в 1927 г. — Положения о воинских преступлениях, в 1958 г. — Закона об уголовной ответственности за воинские преступления.

В отечественном уголовном праве всегда уделялось и уделяется достаточно много внимания вопросам борьбы с преступлениями, совершаемыми военнослужащими, в том числе на уровне диссертационных исследований. Весомый вклад в развитие теории военно-уголовного законодательства внесли Х.М. Ахметшин, З.М. Абдуллаев, С.С. Аветисян, З.О. Ашитов, И.Ю. Белый, Ф.С. Бражник, Г.И. Бушув, Ю.А. Бут, А.П. Васецов, Н.В. Васильев, А.Ю. Девятко, А.Л. Иванов, Д.М. Изотов, С.М. Иншаков, Г.Н. Исаев, А.В. Ищенко, Я.Н. Ермолович, Д.В. Калякин, Б.А. Кожемякин, Д.Н. Кожухарик, В.И. Курляндский, А.А. Куцев, Я.В. Лобов, В.В. Лунеев, И.П. Малахов, А.М. Медведев, П.Е. Мелешко, В.Д. Мольков, Е.А. Моргуленко, А.А. Осипов, И.Г. Погребняк, Е.В. Прокопович, М.Ю. Птицын, П.С. Ромашкин, М.Я. Савицкий, А.С. Самойлов, Е.М. Самойлов, Е.А. Смирнов, В.Н. Сидоренко, Н.Е. Степаненко, И.А. Слободанюк, А.А. Смердов, Ю.Ю. Соковых, А.А. Тарасов, А.А. Тер-Акопов, А.А. Толкаченко, М.А. Торкунов, Д.О. Хан-Магомедов, А.А. Ходусов, А.И. Хомяков, К.В. Фатеев, Р.Б. Черный, В.М. Чхиквадзе, С.Н. Шарапов, Н.А. Шулепов, Ю.А. Шульмейстер, В.П. Шупленков, А.Н. Якушев и другие военные ученые-юристы.

Преступлениям против обороны посвящены докторские диссертации В.Д. Меньшагина (1951) и В.П. Шупленкова (1986).

Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения раскрыт в диссертации В.И. Боева.

Анализ специальной литературы показывает, что в основном в ней освещены различные стороны борьбы с воинскими преступлениями (преступлениями против военной службы)¹⁰. Военной безопасности как социально-правовому феномену в юридической науке не уделено должного внимания. Соответствующая концепция преступлений против военной безопасности не разработана. Глубоких комплексных исследований по проблеме уголовно-правового обеспечения военной безопасности, несмотря на ее актуальность, не проводилось.

В теории военно-уголовного законодательства можно выделить лишь одну работу, подготовленную Х.М. Ахметшиным, где использован комплексный подход по вопросам квалификации воинских преступлений¹¹. Но, как известно, правила квалификации преступлений не являются абсолютными и неизменными. Они зависят от содержания уголовного закона и военного законодательства, практики их применения, уровня развития уголовно-правовой и военно-правовой науки. Принятие в 1996 г. УК РФ, внесенные в него многочисленных изменений и дополнений, реформирование военной организации и нормативной правовой базы ее функционирования, сложившаяся судебная практика, достижения уголовно-правовой доктрины актуализировали разработку теории квалификации преступлений против военной безопасности и связанных с ней проблем.

В предлагаемой работе автор предпринял попытку систематизации научных знаний в области уголовно-правового обеспечения военной безопасности, исследовал военную безопасность и обеспечивающий ее порядок деятельности военной организации в качестве объектов уголовно-правовой охраны и объектов преступления, сформулировал концепцию преступлений против военной безопасности (определил понятие этих преступлений, установив их виды по УК РФ, дав им общую характеристику, разработав теоретическую модель таких преступлений), обосновал конкретные предложения, направленные на совершенствование уголовного законодательства в части ответственности за преступления против военной безопасности (см. приложение), рассмотрел актуальные теоретические проблемы квалификации преступлений против военной безопасности и предложил их решение.

При написании монографии использованы статистические данные о судимости в военной организации с 2000 по 2012 гг.; материалы опубликованной судебной практики Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (СССР) с 1950 по 2012 гг.; обзоры и справки по применению военными судами уголовного законодательства в отношении военнослужащих; обзоры кассационной и надзорной практики окружных (флотских) военных судов; справки окружных (флотских) военных судов по результатам обобщения материалов судебной практики; результаты изучения более 2 000 приговоров военных судов, а также анкетирования 400 судей военных судов различных инстанций.

¹⁰ За 300 лет таких работ вышло в свет свыше 1 800. См.: Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: библиогр. справ. (1780—2009 годы) / под ред. О.К. Затеппина. М., 2010. 222 с.

¹¹ Ахметшин Х.М. Квалификация воинских преступлений: учеб. пособие. М., 1977. 79 с.

Глава 1. ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ОХРАНЯЕМЫХ УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОМ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

§ 1. Эволюция взглядов на объект уголовно-правовой охраны и объект преступления в российской науке уголовного права (методологические аспекты)

Учение об объекте преступления на протяжении уже фактически трех столетий было и остается одним из наиболее сложных и дискуссионных разделов российской уголовно-правовой науки¹.

Объект преступления в юридической литературе чаще всего определяется как то, на что (или на кого) посягает субъект преступления, чему (или кому) преступлением причинен или может быть причинен тот или иной вред. В доктрине уголовного права на протяжении длительного времени, начиная с 20-х гг. прошлого столетия, существовало фактически единодушное мнение о том, что любое преступное деяние посягает на общественное отношение, которое и является содержанием понятия объекта преступления². Этот подход был положен в основу разработки и других положений учения об объекте преступления. Однако «общепризнанность» этой точки зрения на самом деле была весьма условной. Авторы расходились в понимании сущности самих общественных отношений, их структуры, не было единства в вопросе разграничения между объектом и предметом преступления, существовали различные подходы к классификации объекта преступления и т. д. (подробнее эти вопросы будут рассмотрены ниже).

Анализ современной учебной и научной литературы показывает, что положение в учении об объекте преступления стало еще более сложным. В настоящее время нет уже былого единства взглядов даже на краеугольный вопрос о том, какой же феномен действительности является объектом преступления. Одни авторы определяют его как общественные отношения, беря за основу, как правило, без дополнительной аргументации, подход, имевший место почти во всех работах советского (социалис-

¹ Несмотря на появление в отечественной науке термина «объект преступления» и формирование соответствующего учения лишь во второй половине XIX в., сами явления, признаки которых отражаются в этом понятии, были известны отечественному «законодателю» и издавна использовались им для систематизации преступлений. Так, уже в Русской Правде, во всех трех редакциях, преступления располагались не хаотично, а в определенной системе, построенной с учетом главным образом признаков объекта уголовно-правовой охраны (*Ланге Н.* Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860. С. 6). Дальнейшее развитие русского уголовного законодательства (Псковская судная грамота 1467 г., Соборное Уложение 1649 г., Воинские артикулы Петра I 1715 г. и т. д.) также свидетельствует о классификации преступных деяний в основном по объекту уголовно-правовой охраны (*Линовский В.* Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса, 1847. С. 12; *Мальцев В.В.* Учение об объекте преступления: моногр.: в 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. Волгоград, 2010. С. 17—74; *Савинков В.М.* Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства. СПб., 1869. С. 13; *Чебышев-Дмитриев А.П.* О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862. С. 173).

² *Глистин В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация). Л., 1979. С. 19—58; *Коржанский Н.И.* Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву (актуальные проблемы): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1979. С. 2—20; *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 8—122; *Фролов Е.А.* Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1971. С. 8—22 и др.

тического) периода³. Другие полагают возможным отказаться от концепции «объект преступления есть общественные отношения». При этом, предлагается возвратиться к теории объекта преступления как правового блага, созданной в конце XIX в. в рамках классической и социологической школ уголовного права⁴. Ряд юристов обосновывают взгляд на объект посягательства как на отдельных лиц или какое-то множество лиц⁵.

С учетом изложенного автор полагает необходимым в настоящем параграфе рассмотреть основные методологические вопросы учения об объекте преступления, в том числе показать и эволюцию соответствующих взглядов, поскольку, как справедливо утверждал Н.Д. Сергиевский, посредством изучения истории уголовного права можно найти «ключ» к пониманию и оценке действующего права⁶. Кроме этого, нужно помнить, что в науке «нет такой вещи, которая была бы созданием ex nihilo: она неизбежно должна быть продуктом предшествовавшего развития»⁷.

Любая наука должна оперировать терминами, определениями и категориями, наиболее полно и точно отражающими явления окружающего мира и позволяющими ограничивать одни объекты познания от других. Понятия «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» не являются исключением. Установление их содержания — одна из главных исследовательских задач, решаемых в настоящем параграфе, поскольку «из неуточненных понятий также нельзя создать стройную научную систему, как нельзя собрать машину из болванок вместо готовых деталей»⁸.

В понятиях «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» несущей основную смысловую нагрузку является категория «объект»⁹. Юридическая наука не разрабатывает самостоятельную категорию объекта, она использует уже имеющиеся в философии знания о нем¹⁰. В связи с этим представляется необходимым вначале установить «философские» качества объекта, а затем выяснить, сохраняются ли они в интересующих нас правовых понятиях¹¹ либо это только терминологическое сходство. Решение этого методологического вопроса определит и подходы к их дефинициям.

В философии объект определяется по-разному, в зависимости от той научной системы, в которой он рассматривается. Основными его концепциями являются следующие: а) объект — это продукт деятельности субъекта (субъективный идеализм); б) объект — это, с одной стороны, чувственно данный объект у индивидуального

³ В этом вопросе можно выделить, пожалуй, лишь одну работу, содержание которой свидетельствует о дальнейшем развитии теории объекта как общественных отношений (*Мальцев В.В.* Учение об объекте преступления: моногр.: в 2 т. Волгоград, 2010. 264 с.).

⁴ *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 146—151; *Его же.* Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. М., 2007. С. 302—312; Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении: учеб. для вузов / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.Ф. Кузнецовой, канд. юрид. наук, доц. И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 197—212.

⁵ *Новоселов Г.П.* Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 43—67; *Семченков И.П.* Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты уголовно-правовой проблемы: моногр. Калининград, 2002. С. 30—88.

⁶ *Таганцев Н.С.* Лекции по русскому уголовному праву, читанные Н.С. Таганцевым. Часть общая. Вып. 1. СПб., 1887. С. 8.

⁷ *Ферри Э.* Преступления и преступники в науке и жизни. Две лекции. Одесса, 1890. С. 7.

⁸ *Сагатовский В.Н.* Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973. С. 6.

⁹ Соотношение понятий «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» будет раскрыто ниже.

¹⁰ *Дудин А.П.* Объект правоотношения (вопросы теории). Саратов, 1980. С. 14—15; *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 229; *Огурцов Н.А.* Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве: учеб. пособие. Рязань, 1976. С. 14—15.

¹¹ Правовые (юридические) понятия — это понятия, отражающие юридические свойства, качества и отношения предметов и явлений, т. е. такие, которые имеют значение для юридической деятельности (*Тер-Акопов А.А.* Юридическая логика: учеб. пособие. М., 2002. С. 30—33).

субъекта, с другой — предметный мир общественной жизни у абстрактного субъекта (объективный идеализм); в) объект — это определенная часть объективной реальности, существующая вне и независимо от сознания (диалектический материализм).

Автор, не ставя цели проанализировать все изложенные выше позиции¹², считает, что подход к объекту, выработанный в рамках диалектического материализма, наиболее точно и глубоко «выкрывает» содержание этой центральной категории гносеологии. Как представляется, диалектико-материалистическая методология в условиях происходящей в настоящее время переоценки ценностей не утратила своего права на существование. Практическое «политическое банкротство» марксистской теории еще не означает полной девальвации диалектического материализма как ее основы.

Категория «объект» всесторонне раскрыта в работах по философии¹³. Не касаясь некоторых различий в трактовке этой категории отдельными авторами, с учетом решаемых в настоящей работе задач отметим лишь следующее:

а) объект — это такая часть объективной реальности, которая вступила в практическое и познавательное взаимодействие с познающим субъектом. Объект связан не только с познанием, но и с деятельностью субъекта;

б) объект и субъект — это диалектические противоположности. Объект может идеально воспроизводиться или воссоздаваться субъектом познания посредством определенных логических операций, однако это ни в коем случае не означает его творения, «построения». Нет двух типов объектов: реального объекта и «умственного» объекта, существующего лишь во внутреннем субъективном мире субъекта познания;

в) объект — это всегда сложное, а не однородное, одномерное явление действительности. Движение познания от исходных чувственных данных к идеальному воссозданию объекта в виде системы понятий, от эмпирического уровня знания к теоретическому выступает как движение «по слоям» самого объекта, от поверхностных к более глубоким, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д.;

г) объект выступает перед познающим его субъектом теми или иными своими сторонами, под тем или иным углом зрения субъекта. Само познание характеризуется тенденцией осмыслить реальный объект как «вещь саму в себе», как единство ее разнообразных сторон, как единое системное целое. Сущность любого объекта представляет собой, с одной стороны, определенную структуру его элементов, а с другой — определенную систему закономерных связей и отношений;

д) субъект на эмпирическом и на теоретическом уровнях познания имеет дело с одной и той же объективной реальностью. При этом, на эмпирическом уровне познания объект характеризуется такими категориями, как вещь, тело, а на теоретическом — как система отношений, связей между телами, вещами;

е) бытие объектов в определенный момент времени и в данном пространстве проявляется через их состояния, понимаемые как совокупность их свойств. Никакой материальный объект не может находиться бесконечно долго в одном и том же состоянии; он рано или поздно перейдет в другое состояние, зависящее от предыдущего. Категорией, полярной «состоянию», является категория «изменение».

На основании изложенного объектом (в философском смысле) следует считать сложное явление объективной действительности, проявляющееся вовне через состояния и вступившее в познавательное и практическое взаимодействие с субъектом. Как видно, существенными его признаками являются реальное существование через «состояние» независимо от сознания и воли субъекта, а также его связанность с субъектом и деятельностью последнего.

С учетом свойств объекта несомненным будет являться то обстоятельство, что любая деятельность субъекта (поведенческий акт) всегда воздействует на определен-

¹² Подробнее об этом см., напр.: *Лекторский В.А.* Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965. С. 60.

¹³ *Авакян Р.А.* Проблема взаимоотношения субъекта и объекта в философии Л. Фейрбаха: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ереван, 1986. С. 3—16; *Краснова Н.В.* Гегелевская концепция субъекта и объекта (гносеологический аспект) и ее методологическая значимость: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1980. С. 2—14; *Любутин К.Н.* Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. М., 1981; *Любутин К.Н., Пиваваров Д.В.* Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993. С. 10—48 и др.

ный внешний (по отношению к субъекту) феномен действительности. Другими словами, деятельность всегда на что-то направлена, как-то опредмечивается во внешнем мире.

Выявленные универсальные признаки объекта должны учитываться при разработке юридических понятий, включающих в себя указанную категорию.

В уголовном праве нет однозначного мнения по вопросу о соотношении понятий «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления». Одни ученые эти категории отождествляют¹⁴, другие полагают необходимым их «развести». Например, Ю.А. Демидов, Н.И. Коржанский, А.В. Кузнецов, Л.И. Спиридонов считают, что в этих категориях отражены признаки разных явлений правовой действительности. В частности, объекты уголовно-правовой охраны существуют до совершения преступления (охраняемые уголовным законом ценности), а после того, как им конкретным преступным деянием будет причинен вред или создана угроза причинения вреда, они становятся объектом преступления, т. е. «деформированными» ценностями¹⁵.

Следует согласиться с теми авторами, которые между указанными понятиями не ставят знак равенства, не считают их тождественными. Действительно, с учетом установленных признаков объекта в философии эти понятия различаются между собой. Так, объект уголовно-правовой охраны обозначает ту часть действительности, которую государство в качестве субъекта стремится защитить от общественно опасных посягательств. Объект преступления, в свою очередь, представляет собой ту же часть действительности, но на которую уже другим субъектом — преступником совершено посягательство, которой причинен вред¹⁶.

В рассматриваемых понятиях с точки зрения их философского понимания различаются в первую очередь субъекты (государство и преступник) и характер их деятельности (для государства — защита значимых для социума явлений действительности путем признания опасных для личности, общества и государства деяний преступлениями, для преступника — причинение им вреда).

Мы согласны с тем, что объект уголовно-правовой охраны возникает с момента принятия соответствующей уголовно-правовой нормы, он существует при отсутствии деяний, на него посягающих. Объект же преступления появляется с момента совершения деяния; это уже всегда «деформированное» в результате посягательства «охраняемое» явление. Понятие «объект преступления» превращает «объект уголовно-правовой охраны» в самостоятельный элемент состава преступления. Следовательно, признание существующих явлений объектом уголовно-правовой охраны предшествует признанию их объектом преступления¹⁷.

Таким образом, понятия объекта преступления и объекта уголовно-правовой охраны с философской точки зрения не являются тождественными. Вместе с тем, они органически взаимосвязаны между собой, было бы неправильным считать, что уголовный закон охраняет одни явления, а преступник посягает на другие. Использование того или иного рассматриваемого понятия (точнее — термина) зависит от аспекта, в котором исследуется проблема. В случае если речь идет о том, какие явления защищаются государством посредством уголовного права от общественно опасных посягательств, какова антисоциальная направленность деяния, следует говорить об объекте уголовно-правовой охраны. Когда исследуются общественная опасность как признак преступления, состав преступления в целом и его элементы, то следует оперировать понятием объекта преступления.

¹⁴ Мальцев В.В. Учение об объекте преступления: моногр.: в 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. С. 93—130.

¹⁵ Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 32; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 83; Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 44—46; Уголовное право. Часть Общая: учеб. пособие: в 4 т. Т. 2. Пределы и виды дифференциации уголовной ответственности. Екатеринбург, 1992. С. 5; Уголовное право. Общая часть: учеб. Казань, 1994. С. 112; Уголовное право России. Общая часть: учеб. М., 1996. С. 110 и др.

¹⁶ Более подробно о содержании того, что же охраняет уголовный закон и чему причиняется вред, будет сказано ниже.

¹⁷ В дальнейшем будут показаны и другие отличительные признаки этих понятий.

Представляется, что такой подход позволяет разрешить один из спорных вопросов учения об объекте преступления. Во многих зарубежных уголовно-правовых системах объект преступления вообще не включается в структуру преступления, равно как и в структуру состава преступления. В этих случаях то, что в российском уголовном праве именуется обычно объектом преступления, рассматривается как социальный феномен, подлежащий уголовно-правовой охране¹⁸. Ряд отечественных ученых также исключают объект из числа элементов состава преступления, обосновывая это в основном тем, что то явление, на которое направлено преступление и которое именуется «объектом преступления», не может быть одновременно частью (элементом) такого преступления¹⁹. Думается, что установленное нами различие между понятиями «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» снимает этот вопрос, поскольку объект преступления, будучи «деформированным» явлением (феноменом), уже «не противостоит» преступлению, в отличие от «объекта уголовно-правовой охраны», а является его имманентной частью (элементом), без которого не будет и самого преступления.

Таким образом, объектом уголовно-правовой охраны является то, что защищается государством от общественно опасных посягательств, а объектом преступления — то, чему преступник в результате общественно опасного посягательства причинил вред.

Современный период развития учения об объекте преступления, как отмечалось, характеризуется двумя основными тенденциями. Первая — это сохранение в качестве основной концепции объекта преступления как общественных отношений, вторая — поиск новых подходов (по сути, новых парадигм).

В настоящее время большинство исследователей по-прежнему содержанием объекта уголовно-правовой охраны (преступления) признают общественные отношения и разделяют в целом основные положения этой теории, сформулированные в предшествующих периодах²⁰.

Необходимо обратить внимание на то, что категория «общественное отношение» впервые встречается в работе Л. Цветаева уже в 1825 г.²¹ Дореволюционные ученые-криминалисты использовали ее в своих трудах и признавали в качестве общественных отношений социальные связи между людьми в обществе²². В связи с

¹⁸ Уголовное право: учеб.: в 3 т. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ А.Э. Жалинского. М., 2011. С. 373.

¹⁹ Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1952. С. 187.

²⁰ Мальцев В.В. Указ соч. С. 93—182; Уголовное право России. Общая часть: учеб. Казань, 1994. С. 100; Уголовное право России. Общая часть: учеб. М., 1996. С. 110.

В диссертационных исследованиях по проблемам Особенной части уголовного права многие авторы также придерживаются определения объекта преступления как общественного отношения (Иванова В.В. Предупреждение уголовно наказуемых нарушений правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 11; Хлопцева Е.Ю. Уголовно-правовая охрана правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 6).

²¹ Цветаев Л. Начертание теории уголовных законов. М., 1825. С. 35.

²² В.Д. Спасович, рассматривая преступление как социальное явление, писал: «...преступное деяние должно содержать в себе посягательство на известные общественные отношения» (Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1—2. СПб., 1863. С. 84). Н.С. Таганцев также считал, что преступление «есть прежде всего порвание каких-либо нормальных отношений членов общества» (Таганцев Н.С. О повторении преступлений (исследование). СПб., 1867. С. 5—7, 10, 12, 29). Интересным представляются взгляды Н.А. Неклюдова, который утверждал: «Равным образом понятие преступления исчезает, коль скоро лицо не посягает на общественные отношения, а учиняет действие, направленное к поддержанию оных». Субъектом преступления могло быть только «лицо, участвующее в общественных отношениях» (Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права. Конспект. СПб., 1875. С. 14, 22). Об общественных отношениях при раскрытии социальной сущности преступления и его объекта писали также А.Ф. Кистяковский, А.А. Пионтковский (отец), П.П. Пусторослев, И.Я. Фойницкий (Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. Киев, 1891. С. 236; Пионтковский А.А. Уголовное право (Пособие к лекциям). Часть общая. Вып. 2. Казань, 1916. С. 177; Пусто-

этим было бы не совсем верно утверждать, что сама концепция объекта преступления как общественного отношения появилась лишь в советской науке уголовного права²³.

После 1917 г. методологической основой теории объекта преступления стало марксистско-ленинское учение о классах. Советские юристы полагали, что внеклассовая (дореволюционная) доктрина уголовного права была не в состоянии решить вопрос об истинной сущности объекта преступного посягательства²⁴. При этом, объектом преступления они считали то, на что направлены преступные действия, чему причиняется вред или создается угроза его причинения, а его содержанием — общественные отношения. Такое понимание объекта преступления нашло и «нормативное» отражение в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г.²⁵ В советской литературе этот подход впервые был предложен в учебнике А.А. Пионтковского (сын)²⁶, позицию которого концептуально поддержали все советские ученые²⁷.

Несмотря на то что объектом посягательства признавались общественные отношения, взгляды на их содержание и структуру среди ученых-правоведов были весьма разнообразны. По справедливому замечанию А.Н. Трайнина, признание общественных отношений объектом преступлений не исчерпывает проблему объекта, так как «по существу она лишь здесь начинается»²⁸.

Категория «общественное отношение» длительное время, вплоть до 40-50-х гг. XX в., с точки зрения содержания и структуры в литературе по уголовному праву не рассматривалась. Это, видимо, можно объяснить тем, что в самой философии теоретическая разработка проблемы общественных отношений начинается лишь в 60-х гг. прошлого века²⁹.

*р*ослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Введение. Источники уголовного права. Преступление. Юрьев, 1912. С. 256; *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1912. С. 4, 5).

²³ Как нам представляется, после 1917 г. эта теория получила лишь свое дальнейшее развитие, правда, уже на иной методологической базе — марксистско-ленинском учении о классах.

²⁴ *Кригер Г.А.* К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // *Вестн. Моск. ун-та.* 1955. № 1. С. 111, 112; *Никифоров Б.С.* Об объекте преступления // *Советское государство и право.* 1948. № 9. С. 35; *Пионтковский А.А.* Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924. С. 7—9 и др.

²⁵ СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

²⁶ *Пионтковский А.А.* Уголовное право РСФСР. Часть общая. М., 1924. С. 129, 130.

²⁷ *Гельфер М.А.* Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве // *Ученые записки ВЮЗИ.* Вып. 7. Вопросы советского уголовного права. М., 1959. С. 41; *Глистин В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979. С. 19—31; *Дурманов Н.Д.* Советское уголовное право: учеб. пособие для правовых школ. М., 1938. С. 27; *Загородников Н.И.* Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву // *Труды Военно-юридической академии.* Вып. 10. М., 1949. С. 11; *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 14; *Кригер Г.А.* Указ. соч. С. 112; *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 28,29; *Тайц В.Я.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 13—21; *Трайнин А.Н.* Уголовное право. Часть Общая. М., 1929. С. 302,303; *Федоров М.И.* Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву // *Ученые записки Пермского университета.* Т. 11. Вып. 4. Кн. 2. Пермь, 1957. С. 180, 181; *Фролов В.А.* Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1971. С. 8—13 и др.

²⁸ *Трайнин А.А.* Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 176.

²⁹ Подробнее об этом см., напр.: *Андреев Ю.П.* Общественные отношения: сущность, содержание, структура: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1990. С. 8—31; *Арапова М.А.* Идеологические отношения: единство социально-практического и духовно-практического: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1991. С. 5—17; *Кондратьев В.М.* Структура общественного отношения: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Куйбышев, 1989. С. 6—18; *Кривуля А.М.* Диалектика общественных отношений и деятельности людей: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1989. С. 10—26; *Перфильев М.Н.* Общественные отношения. Методологические и социоло-

В уголовном праве общественные отношения впервые были комплексно исследованы Б.С. Никифоровым³⁰. Они являлись предметом изучения и в работах других авторов³¹.

Все исследователи считали общественные отношения явлением сложным, представляющим собой в целом отношения между людьми в процессе их общественного существования. При этом, рассматривая отношения как целостность, авторы предлагали различную их структуру:

а) участники (субъекты), отношения между участниками, условия существования (возможности) реализации общественных отношений (Б.С. Никифоров);

б) участники, предмет отношения и само отношение (Н.А. Беляев, В.К. Глистин, В.Я. Тацкий);

в) субъекты, права и обязанности, предметы (В.Н. Кудрявцев);

г) участники, взаимосвязь (соотносимость определенных позиций участников или их деятельность), интерес (Е.К. Каиржанов);

д) субъект, предмет, отношение, интересы субъектов общественных отношений (Я.М. Брайнин).

Отдельные ученые вообще не рассматривали структуру общественных отношений. Так, Н.И. Коржанский считал «ядром» любых общественных отношений социальную связь как возможность поведения людей или их состояния и никаких структурных элементов не называл³².

Ю.И. Ляпунов и В.С. Прохоров полагали, что общественные отношения не могут включать в себя в качестве составных элементов различные предметы материального мира, в том числе и людей, поскольку отношения не включают в себя ничего вещественного³³. Аналогичную позицию занимает Л.И. Спиридонов³⁴.

Как видно, вопрос о структуре общественного отношения, рассматриваемого в качестве объекта преступления, в целом не получил единого решения в советский период. Это в какой-то степени можно объяснить уровнем разработки данной категории в философии и социологии³⁵.

ические проблемы. М., 1974. С. 96—124; *Песенко В.Н.* Диалектика общественных связей и отношений: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д, 1982. С. 9—39; *Семилет Т.А.* Проблема регуляции деятельности общественными отношениями: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1984. С. 12—19; *Степаненко И.В.* Методологическая функция категории «общественные отношения»: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киев, 1990. С. 5—18.

³⁰ *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. С. 29—116.

³¹ *Глистин В.К.* Указ. соч. С. 19—31; *Тацкий В.Я.* Указ. соч. С. 13—21 и др.; *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., 1963. С. 167; *Каиржанов Е.К.* Интересы трудящихся и уголовный закон. Проблемы объекта преступления. Алма-Ата, 1973. С. 18—32; *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 43; *Кудрявцев В.Н.* О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву // Труды Военно-юридической академии. Вып. 13. М., 1951. С. 50; Курс советского уголовного права. Часть Общая / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 304; *Ляпунов Ю.И.* Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел. М., 1974. С. 44—51; *Прохоров В.С.* Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 29—43; *Спиридонов Л.И.* Указ. соч. С. 45.

³² *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 43. Эта авторская позиция сохранилась и в последующих его работах (Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. СПб., 2005. С. 87—236).

³³ *Ляпунов Ю.И.* Указ. соч. С. 44—51; *Прохоров В.С.* Указ. соч. С. 29—43.

³⁴ *Спиридонов Л.И.* Указ. соч. С. 45.

³⁵ *Андреев Ю.П.* Указ. соч. С. 8—31; *Арапова М.А.* Указ. соч. С. 5—17; *Гундаров И.А.* «Отношение» как философская категория: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1983. С. 2—18; *Кондратьев В.М.* Указ. соч. С. 6—18; *Колпаков В.А.* Логико-методологический анализ отношений: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 1969. С. 2—16; *Колычев П.М.* Категория «отношение» и ее методологические функции: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 1989. С. 3—16; *Кривуля А.М.* Указ. соч. С. 10—26; *Левин Г.Д.* Категория «отношение»: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1969. С. 3—10; *Мальков И.Е., Пузанов А.П.* Место категории «отношение» в марксистско-ленинской философии. Кишинев, 1976. С. 8—26; *Перфильев М.Н.* Указ. соч. С. 96—124; *Песенко В.Н.* Указ. соч. С. 9—39; *Семилет Т.А.* Указ. соч. 12—19; *Степаненко И.В.* Указ. соч. С. 5—18.

В современных исследованиях, специально посвященных проблеме объекта преступления как общественных отношений, утверждается, что его структуру образуют три элемента: социальные субъекты («правообладатели») и государство; предмет отношения — социальные блага; социальная связь между субъектами отношения — связь между государством и социальными субъектами («правообладателями») по поводу социальных благ, выражающаяся в определении государством уголовно-правового статуса субъектов по отношению к этим благам и в связи с ним к другим субъектам общественной жизни. Эти общественные отношения по существу признаются уголовно-правовыми³⁶.

Теория объекта преступления как общественных отношений в настоящее время утратила свой прежний «статус» — «единственно верной концепции».

Ряд ученых-юристов предлагают вообще отказаться от вышеназванной теории. Так, Н.И. Загородников считал, что «традиционное понимание объекта (как общественных отношений. — О. З.) основано на абстрактных, умозрительных, идеологических постулатах, искусственно внедренных в нашу действительность»³⁷. По мнению А.Н. Игнатова, «использование для обозначения объекта преступления социолого-философской категории “общественные отношения” представляется нецелесообразным... Оно (общественное отношение. — О. З.) не отражает свойств объекта преступления. Противоречивость отношений людей в обществе не позволяет считать эти отношения объектом однородным, т. е. одинаково ценным, повреждаемым, нуждающимся в защите. Измерить параметры общественных отношений невозможно»³⁸.

А.А. Тер-Акопов полагал, что общепринятое определение объекта преступления как общественного отношения, охраняемого уголовным законом, которое было уместно при прежнем уголовном законодательстве, вытекало из него, с принятием действующего УК РФ нуждается в пересмотре. Он, в частности, обращал внимание на то, что в ст. 7 УК РСФСР (1960) в качестве единого общего для всех преступлений объекта назывался *правопорядок* (курсив мой. — О. З.); последнее есть не что иное, как урегулированное правом состояние общественных отношений; родовыми и непосредственными объектами преступлений признавались конкретные сферы правопорядка, общественных отношений (объектом убийства признавались отношения, обеспечивающие жизнь человека; объектом хищений — отношения собственности и т. д.)³⁹. В УК РФ 1996 г. «правопорядок» уже не используется в качестве родового понятия; это, как считал названный ученый, следует учитывать при определении содержания объекта уголовно-правовой охраны (преступления).

Автор в целом разделяет позицию указанных ученых в части необходимости пересмотра взгляда (в определенном смысле — парадигмы) на объект уголовно-правовой охраны (преступления) как исключительно общественные отношения.

Во-первых, единодушно признавая общественные отношения объектом преступления, как отмечалось, авторы резко расходились, да и продолжают расходиться в понимании сущности самих общественных отношений, их структуры. Это объясняется тем, что категория «общественные отношения» в социальной философии является системно более высокой и более абстрактной, чем любая категория уголовного права⁴⁰. В связи с этим ученым пришлось много «потрудиться», чтобы «приспособить» категорию «общественные отношения» к действительным нуждам теории уголовного права и правоприменительной практики. Однако многие теоретические суждения об объекте преступления, обеспечивающие «идеологическую чистоту», фактически игнорировались и продолжают игнорироваться в особенной части уголовного права. В частности, при характеристике отдельных преступлений без ссылки на общественные отношения объектом преступления признают, например, жизнь, здоровье, личную свободу, государственный строй.

³⁶ Мальцев В.В. Указ. соч. С. 7, 181.

³⁷ Загородников Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию // Проблемы уголовного политики и уголовного права: межвуз. сб. науч. тр. М., 1994. С. 22.

³⁸ Уголовное право России: учеб. для вузов: в 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 1998. С. 101—105.

³⁹ Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 29.

⁴⁰ Андреев Ю.П. Указ. соч. С. 8—31; Арапова М.А. Указ. соч. С. 5—17; Кондратьев В.М. Указ. соч. С. 3—18; Перфильев М.Н. Указ. соч. С. 96—124; Песенко В.Н. Указ. соч. С. 6—39 и др.

Во-вторых, признание объектом уголовно-правовой охраны (преступления) исключительно общественных отношений, а по сути — правоотношений, ставит их на высшую ступень иерархии ценностей. Получается, что уголовный закон существует только ради установленного порядка отношений. Правоотношения с точки зрения аксиологии представляют собой «инструментальную» правовую ценность, т. е. являются ценностями-средствами. В механизме правовой охраны они выполняют служебную роль, суть которой заключается в правовом обеспечении защиты определенных ценностей высшего порядка. Следует помнить, что за отношениями всегда скрываются ценности, которые важнее самих отношений, ради которых отношения и складываются. Исключительно негуманно, пишет А.А. Тер-Акопов, подменять, например, жизнь человека отношениями, обеспечивающими жизнь⁴¹.

В-третьих, указанный подход в отдельных случаях искажает механизм преступления. Из того факта, что некоторые преступления, действительно, вначале нарушают определенный порядок, правила, что вызывает вредное последствие (например, часовой нарушает правила несения караульной службы — уходит с поста, вследствие чего происходит проникновение на пост третьих лиц и уничтожение ими охраняемого часовым объекта), не следует, что такой механизм «работает» во всех преступлениях, а сами правоотношения являются объектом любого преступления (подробнее об этом будет сказано ниже). На самом деле значительная часть преступлений, по нашему мнению, имеет иной механизм. К примеру, убийство не является следствием нарушения правил, порядка поведения (отношений), обеспечивающих жизнь человека, напротив, о допущенном нарушении можно судить только по факту убийства; пока оно не произошло, нарушения нет.

Таким образом, нет достаточных правовых и теоретических оснований считать концепцию объекта преступления как общественных отношений «универсальной» теорией⁴². Определение объекта преступления только через общественные отношения (правоотношения) является, на наш взгляд, неточным и неполным.

В настоящее время получила «вторую» жизнь дореволюционная концепция объекта преступления как субъективных прав частных лиц, общества и государства.

В.Д. Спасович, вслед за А. Фейербахом⁴³, признавал объектом преступления субъективные права, охраняемые уголовным законом⁴⁴. Такое понимание объекта нашло отражение и в ст. 1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1845 г.⁴⁵

В современной доктрине уголовного права рассматриваемый подход получил свое развитие применительно к преступлениям против личности во взглядах А.Н. Красикова⁴⁶.

Субъективные права, представляя собой по сути лишь юридическую форму различных благ личности, общества и государства⁴⁷, на наш взгляд, не могут рассмат-

⁴¹ Понимание жизни человека как совокупности общественных отношений принижает абсолютную ценность человека как биологического существа, жизни вообще как биологического явления. В.С. Барулин подверг весьма конструктивной критике сам тезис К. Маркса о сущности человека как совокупности всех общественных отношений. Названный автор справедливо замечает, что данное суждение не лишено следующих противоречий: а) сущность человека выводится за пределы самого человека; б) сведение сущности человека к общественным отношениям абсолютно выводит человеческую духовность за пределы его сущности; в) если общественные отношения рассматривать как сущность, то это сущность не человека, а общества (Барулин С.В. Социальная философия: учеб.: в 2 ч. Ч. 1 М., 1993. С. 95—97).

⁴² Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 146—151.

⁴³ Фейербах А. Уголовное право. Кн. 1. Философическая или всеобщая часть уголовного права. СПб., 1810. С. 21.

⁴⁴ Спасович В.Д. Указ. соч. С. 94.

⁴⁵ В этой норме утверждалось, что «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть преступление» (Российское законодательство X—XX веков. Т. 6. М., 1988. С. 174).

⁴⁶ Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 6—7, 151, 157, 170.

⁴⁷ Протасов В.Н. Указ. соч. С. 5; Лифшиц Р.З. Теория права: учеб. М., 1994. С. 161—164.

риваться в качестве ценностей, ради охраны которых существует уголовный закон (подробнее об этом будет сказано ниже). Более того, вряд ли можно утверждать, что нарушение субъективных прав, которое имеет место при совершении преступного посягательства, составляет сущность общественной опасности последнего. Субъективные права различных субъектов, в том числе и человека, нельзя считать объектом уголовно-правовой охраны (преступления). Думается, что упоминание в ст. 2 УК РФ прав и свобод человека и гражданина обусловлено не желанием законодателя признать их в качестве самостоятельных объектов охраны, а стремлением таким образом «обобщить» непосредственно защищаемые уголовным законом ценности личности. Такой вывод подтверждается и названиями глав разд. VII УК РФ (например, преступления против жизни и здоровья — гл. 16 УК РФ, преступления против свободы, чести и достоинства личности — гл. 17 УК РФ).

Н.И. Загородников, Г.П. Новоселов и И.П. Семченков⁴⁸ предлагают вернуться, по сути, к одной из дореволюционных теорий, в которой объектом преступления признавался человек⁴⁹.

В одной из своих последних статей Н.И. Загородников, рассматривая в качестве объекта преступления человека, обращал внимание на то, что в человеке соединены три образующих начала: 1) биологическое (или антропологическое) — жизнь, здоровье, честь, достоинство; 2) биосоциальное — права и свободы человека, связанные с собственностью, сама собственность; 3) социальное — связи людей в обществе. Охрана перечисленных начал (благ) человека и является задачей уголовного права⁵⁰.

Теоретически завершенную концепцию «объект преступления — человек» предложил Г.П. Новоселов, который сформулировал следующее определение: «объект преступления — тот, против кого оно совершается, т. е. отдельные лица или какое-то множество лиц, материальные или нематериальные ценности которых, будучи поставленными под уголовно-правовую охрану, подвергаются преступному воздействию, в результате чего этим лицам причиняется вред или создается угроза причинения вреда»⁵¹.

Данная концепция, безусловно, является «прорывной» в учении об объекте преступления, она позволяет снять (решить) многие накопившиеся вопросы и открывает интересные ракурсы для исследователей. Однако, по нашему мнению, «разделение» человека (объект преступления) и материальных (нематериальных) ценностей (благ), способных удовлетворять потребности людей (предмет преступления), их противопоставление является скорее искусственной научной «операцией», чем решением существующих вопросов. Более продуктивным следует признать поиск оснований для их «объединения» в одно целое и определение того, чем оно является (его содержание).

⁴⁸ Загородников Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию. С. 17, 19—22; Уголовное право. Общая часть: учеб. для вузов. М., 1997. С. 125—135; Семченков И.П. Указ. соч. С. 30—88.

⁴⁹ Концепция объекта преступления как физических или юридических лиц в разных интерпретациях представлена в работах дореволюционных юристов — С. Будзинского, В.В. Есипова, П.Д. Калмыкова, А. Лохвицкого, А.Ф. Кистяковского, А.П. Чебышева-Дмитриева (Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 123; Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая: Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. М., 1904. С. 256; Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. М., 1866. С. 49; Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 199, 200; Кистяковский А.Ф. Указ. соч. С. 280; Чебышев-Дмитриев А.П. Указ. соч. С. 54). Например, В.В. Есипов писал: «...непосредственным объектом преступной деятельности являются государство, общество и отдельное лицо» (Есипов В.В. Указ. соч.). Представляется интересной позиция А. Лохвицкого, который рассматривал в качестве объекта преступления потерпевшего («жертву преступления») (Лохвицкий А. Указ. соч. С. 199). К сторонникам этой точки зрения можно отнести и В.Д. Спасовича, который «предметом» преступления считал «лицо» (Спасович В.Д. Указ. соч. С. 94).

⁵⁰ Загородников Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию. С. 17, 19—22.

⁵¹ Новоселов Г.П. Указ. соч. С. 43—67.

Как отмечалось, отдельные ученые предложили вернуться к теории объекта преступления как правового блага (интереса). Этот подход был наиболее распространенным в дореволюционном уголовном праве⁵².

Среди современных ученых последовательно отстаивает такой подход А.В. Наумов, считая объектом преступления «блага (интересы), на которые посягает преступное деяние и которые охраняются уголовным законом»⁵³. Его поддерживают и другие ученые (например, А.Э. Жалинский, А.В. Пашковская)⁵⁴. При этом, в юридической литературе отмечается, что попытка ухода от признания объектом преступления общественных отношений и обращения к категории правового блага пока что не воплотилась в развернутую новую теорию объекта преступления⁵⁵. С таким утверждением следует согласиться. К примеру, А.В. Пашковская относит к объектам преступления охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы, блага. Перечисление этих явлений через запятую свидетельствует о том, что автор считает их разными феноменами действительности, однако в дальнейшем их не дифференцирует.

⁵² Эта концепция была предложена Ф. Листом в рамках его социологического учения о преступлении. Он считал, что преступление с материальной стороны представляет собой вторжение в сферу интересов, юридически защищенных государственными нормами (*Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903. С. 145*).

Н.С. Таганцев писал: «Определяя преступное деяние, как посягательство на правовую норму в ее реальном бытии или, другими словами, как посягательство на правоохраненные интересы жизни, мы тем самым устанавливаем и понятие об объекте преступного посягательства: таковым является заповедь или норма права, нашедшая свое выражение во входящем в сферу субъективных прав, охраняемом этой нормой интересе жизни». Указанный автор считал, что интересы жизни, получив охрану со стороны норм права, приобретают особую структуру, «облекаются в значение правовых благ», при этом сглаживается их частный характер, они приобретают социальное, общественное значение. «Жизненный интерес» и «правоохраненный интерес жизни (правовое благо)», по его мнению, понятия не тождественные, а преступление в общем виде есть посягательство на правовое благо (*Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Т. 1. СПб., 1902. С. 46, 484*).

Правоохраняемые блага (интересы) признавали объектом преступления и другие дореволюционные авторы (*Белогриц-Когляревский Л.С. Учебник русского права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 161; Владимиров Л.Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков, 1889. С. 62; Вульфберг А.К. Лекции по особенной части русского уголовного права, читанные в Военно-юридической академии в 1895 г. Вып. 1. СПб., 1896. С. 4; Колоколов Г.Е. Уголовное право. Курс лекций, читанный в 1892—1893 гг. Общая часть. М., 1893. С. 113; Немировский Э.Я. Основные начала уголовного права. Одесса, 1917. С. 155; Пионтковский А.А. Указ. соч. С. 135; Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. Пособие к лекциям. СПб., Б. г. С. 266; Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву, читанные Н.С. Таганцевым. Часть общая. Вып. 1. С. 44*).

⁵³ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. С. 146—151.

⁵⁴ Уголовное право: учеб.: в 3 т. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ А.Э. Жалинского. С. 370—378; Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении: учеб. для вузов / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.Ф. Кузнецовой, канд. юрид. наук, доц. И.М. Тяжковой. С. 197—212.

⁵⁵ Уголовное право: учеб.: в 3 т. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ А.Э. Жалинского. С. 371. Наряду с представленным выше подходом, в зарубежной науке существует взгляд на объект как социальное благо. Так, Г. Вельцель, основоположник так называемой финальной теории уголовного права, и его многочисленные последователи полагали, что посягательство на правовое благо может и отсутствовать, когда суд признает на основе общей направленности воли лица наличие преступления. Сторонники этого подхода считают, что защита уголовным законом правовых благ имеет второстепенное значение для признания наличия преступления. По их мнению, преступления могут быть и в тех случаях, когда отсутствует посягательство на какое-либо правовое благо (*Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1967. С. 153*). Такой подход имеет место и в американском уголовном праве, представителем которого является, например, Р. Перкинс (*Преступление и наказание в Англии, США, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права. М., 1991. С. 138*).

В зарубежном уголовном праве именно указанному выше подходу отдают предпочтение большинство юристов⁵⁶.

Подход к объекту уголовно-правовой охраны (преступления) как «правовому благу» («правовой ценности») заслуживает внимания⁵⁷. Однако ограничиваться указанием на них нельзя, поскольку при этом неясным остается вещная (материальная, предметная) природа такого объекта уголовно-правовой охраны (преступления), т. е. его содержание.

С позиции аксиологии охраняемые уголовным законом объекты, понимаемые как определенные «явления действительности», в том числе и правовой, представляют собой в самом общем виде основные ценности социума (общества)⁵⁸, или социальные ценности⁵⁹.

Ряд авторов считают, что применительно к объекту преступления недопустимо использование понятия «социальная ценность». Так, Н.И. Коржанский, критикуя Ю.А. Демидова за употребление категории «ценность» для обозначения объекта преступления, считает возможной такую точку зрения, только если не различать объект и предмет посягательства. Сам автор называет объект преступления «социальным благом»⁶⁰.

С таким подходом согласиться нельзя. В аксиологии (теории ценностей) вопрос о содержании, соотношении благ и ценностей продолжает оставаться предметом дискуссии⁶¹. При использовании этих категорий в юриспруденции следует ориентиро-

⁵⁶ Теория объекта преступления как правового блага (правоохраняемых интересов) основательно разработана в немецкой уголовно-правовой доктрине. В ней под правовым благом понимается такое состояние, которое право должно защищать от нарушения. К ним немецкие юристы относят: а) психофизический или идеально-духовный объект (жизнь, честь); б) реальное состояние (мирная жизнь в доме); в) жизненные отношения (семейные, родственные); г) правовые отношения — собственность (Демидов Ю.А. Указ. соч. С. 34). Система Особенной части УК ФРГ построена по принципу специфики правоохраняемого блага (Серебренникова А.В. Система Особенной части Уголовного кодекса ФРГ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 13). Уголовно-правовые доктрины большинства европейских стран (например, Австрии, Дании, Швейцарии, Финляндии) имеют в своей основе также концепцию объекта преступления как правового блага (Современное зарубежное уголовное право. Т. 1. 1957. М., С. 125; Современное зарубежное уголовное право. Т. 2. М., 1959. С. 43, 324; Современное зарубежное уголовное право. Т. 3. М., 1961. С. 604).

⁵⁷ Оппоненты этой точки зрения, как правило, приводят следующие доводы: понятие «благо» не конкретизировано, это то ли вещь материального мира, то ли нечто субъективное из сферы восприятия этой вещи, использование его в качестве объекта преступления приведет к терминологической путанице, когда объектом преступления против собственности необходимо будет признавать материальные блага; понятие «благо» охватывает явления, существенно различающиеся по степени обобщенности, например вещь и общественную безопасность; понятие «ценность» («благо») можно употреблять только в качестве характеристики свойств каких-либо явлений в системе общественных отношений; не имеет перспективы противопоставление любой социальной ценности (жизненный интерес, правовое благо или т. п.) общественным отношениям; идея блага как объекта преступления не вызывает возражений, кроме одной оговорки: то или иное правовое благо или социальная ценность имеют смысл только в рамках этих отношений, элементы которых они выступают и по поводу сохранности которых общественные отношения складываются и существуют; в качестве ценности можно рассматривать общественные отношения, складывающиеся и развивающиеся в интересах общества, вследствие чего обозначение объекта преступления через понятие «ценность» возможно лишь в целях экономии, но не по существу (более подробно об этом см.: Винокуров В.Н. Человек в системе общественных отношений как объект уголовно-правовой охраны и критерий построения Особенной части УК РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.juristlib.ru_8008.html (дата обращения: 08.01.2013).

⁵⁸ Демидов Ю.А. Указ. соч. С. 32.

⁵⁹ А.А. Тер-Акопов в своей последней работе предлагает в качестве объекта преступления считать социальные ценности (курсив мой. — О. З.), охраняемые уголовным законом (Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. С. 29—35).

⁶⁰ Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. С. 100, 131.

⁶¹ Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004. С. 344.

ваться на их «нормативную» и «судебную» интерпретацию. Так, в ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы названы высшей ценностью (курсив мой. — О. З.). Об «охраняемых уголовным законом социальных ценностях» речь идет в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»⁶².

Вместе с тем, для уяснения содержания объекта уголовно-правовой охраны (преступления) такой характеристики, как «социальная ценность», хотя и очень важной, все-таки недостаточно, требуется более конкретно установить, что она из себя представляет. В этих целях необходимо иметь в виду следующие устоявшиеся положения аксиологии (в том числе юридической):

а) в аксиологии по общему правилу ценность не отождествляют с объектом ценности (вещью), поскольку она не является имманентной объекту. Любые ценности — «это не сами вещи, существующие самостоятельно как отдельные части мира, а это качества вещей...»⁶³. Поэтому ценностью может быть все, любое⁶⁴. «Ценности свойства объекта, — писал Ю.А. Демидов, — существуют лишь в рамках отношения к субъекту в отличие от тех свойств, которыми обладает объект и вне такого отношения»⁶⁵. В социальной сфере ценности выражают значение вещей и их свойств для личности, общества, государства;

б) в юридической науке, когда говорится о «ценностях», то чаще всего они понимаются как некая «вещь» (в философском смысле), обладающая значимыми для субъекта свойствами, т. е. как целостность, система (своего рода «аксиологическая фикция»). Такой подход позволяет говорить и о структуре такой «ценности»: 1) субъекты (носители) ценности — личность, общество, государство; 2) предмет или материальный субстрат ценности — различные вещественные и невещественные образования материального и духовного мира (например, жизнь, здоровье, свобода, имущество), их чаще всего именуют «благами»; 3) взаимосвязь между субъектом и предметом ценности (собственно «ценностное» отношение субъекта к тем или иным явлениям действительности)⁶⁶. В таком понимании «ценности» имеют объективный (реальный), в определенном смысле и вещественный характер, хотя и «неосознаемый»;

в) посредством права, в том числе и охраны, различные ценности приобретают значение правовых. Право обеспечивает условия для их осуществления и развития, становится средством их достижения;

г) в юридической аксиологии принято различать два вида ценностей: ценности-цели и ценности-средства⁶⁷. При этом, считается, что ценности-цели стоят над ценностями-средствами и обуславливают их. Право в качестве социального регулятора поведения не есть ценность-самоцель, оно является *вторичной* (курсив мой. — О. З.) ценностью, поскольку подчиняется как средство защищаемым им ценностям личности, общества, государства и человечества. В этом смысле право (правовые нормы, субъективные права и юридические обязанности, правоотношения и другие правовые явления) считается «инструментальной ценностью», поскольку оно ценно в той мере, в какой помогает реализации признанных в обществе ценностей высшего порядка⁶⁸. Уголовное право охраняет (защищает) только те социальные ценности, которые значимы для всего общества, ими должны быть, прежде всего, так называемые ценности-цели. В отдельных случаях уголовный закон берет под свою охрану и ценности-средства (более подробно об этом будет сказано ниже).

В УК РФ для общего «обозначения» того явления, которое им охраняется (защищается), используются различные способы, юридические приемы.

⁶² Рос. газ. 2012. 3 окт.

⁶³ Герасимов В.М. Благо и зло (антиблаго) как социальные качества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 1985. С. 5.

⁶⁴ Селиванов Ф.А. Благо. Томск, 1967. С. 7.

⁶⁵ Демидов Ю.А. Указ. соч. С. 11.

⁶⁶ Там же. С. 12—13.

⁶⁷ Неновски Н. Право и ценность. М., 1987. С. 187.

⁶⁸ Черданцев А.Ф. Социальная ценность социалистического права // Советское государство и право. 1978. № 7. С. 21—28.

Так, в ст.ст. 37, 39, 40, 41 и 42 УК РФ речь идет о защите «охраняемых законом интересов общества или государства», об «охраняемых уголовным законом интересах». В связи с этим возникает вопрос о содержании категории «интерес» и его соотношении с категорией «социальная ценность».

В учении об объекте преступления категория интереса разрабатывалось главным образом в рамках концепции объекта преступления как общественных отношений, что обуславливало и его содержание⁶⁹.

Предложения некоторых ученых вернуться к теории объекта преступления как «правоохраняемых интересов» (при условии отказа от универсальности концепции объекта как общественных отношений), а также использование термина «интерес» в уголовном законе для обозначения охраняемого объекта, как представляется, требуют вновь обратить внимание исследователей на категорию «интерес».

К сожалению, в отечественной философии отсутствует единство взглядов на природу «интереса», что, безусловно, затрудняет использование этой категории в юридической науке⁷⁰.

⁶⁹ Например: а) интерес — один из основных структурных элементов общественного отношения и вместе с ним выступает в качестве объекта преступления (*Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. С. 4, 50); *Фролов Е.А.* Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов Свердловского юрид. ин-та. Вып. 10. Свердловск, 1969. С. 198); б) интерес — не только элемент общественного отношения, отражающий его сущность, но и фактически само общественное отношение (*Каиржанов Е.К.* Указ. соч. С. 18, 57; *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 41); в) интерес — это категория, которая всегда выражает глубинную сущность общественного отношения (*Тацкий В.Я.* Указ. соч. С. 75). В.К. Глистин же полагал, что интерес и общественное отношение являются различными понятиями, в связи с чем категория «интерес» не может быть использована при определении объекта преступления (*Глистин В.К.* Указ. соч. С. 64—83). В юридических документах (концепциях, стратегиях) интерес определяется и через потребности, и через деятельность. Например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, национальные интересы Российской Федерации определяются как «совокупность внутренних и внешних потребностей (курсив мой. — О. З.) государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства».

⁷⁰ В теории интереса можно выделить следующие основные его определения:

а) интерес — это состояние сознания, направленность мыслей и внимания человека, так называемый психологический подход (*Куликов А.К.* Категория интереса в социологической юриспруденции Роско Паунда // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1977. № 6. С. 89—96; *Михайлова О.Н.* Место и роль интереса в структуре культуры личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 1991. С. 5—12 и др.);

б) интерес — это объективное общественное отношение (*Лавриенко В.М.* Проблема социальных интересов в историческом материализме: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1978. С. 35). Этот подход преобладает как в общей теории права (*Шайкенов Н.А.* Правовое обеспечение интересов личности: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Алма-Ата, 1992. С. 12), так и в уголовном праве (*Е.К. Каиржанов* и др.);

в) интерес — это сложное явление, представляющее собой единство объективного и субъективного (*Здравомыслов А.Г.* Потребности, интересы, ценности. М., 1986. С. 45; *Кулиев Г.А.* Проблема интересов в социалистическом обществе. М., 1967. С. 9; *Урмансова Н.Е.* Место и роль интересов в социальном познании: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1983. С. 10; *Чан Бао.* Категория интереса (философско-методологический анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1992. С. 4—12);

г) интерес — это явление, которое может в общественной жизни выступать как в объективной форме (направленность интереса на производственную деятельность, в основе которой лежит объективное противоречие между потребностями субъекта и условиями их удовлетворения), так и в субъективной (осознанный субъектом объективный интерес) (*Дидковский А.М.* Интересы в детерминации человеческой деятельности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1987. С. 5—8; *Мезенцев Ю.Л.* Соотношение общественных отношений и личных интересов: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1991. С. 5—11; *Ханитов А.Т.* Социальные интересы как вид общественных отношений: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1987. С. 3—11);

При всем многообразии взглядов на данную категорию можно утверждать, что интерес — это сложное явление, взаимосвязанное с потребностями субъектов социальной жизни и представляющее собой один из аспектов деятельности (поведения) в виде ее направленности на те или иные материальные или нематериальные блага (объекты интереса) для удовлетворения своих потребностей. При таком подходе «интерес» проявляется, по сути, в виде отношения субъекта — носителя ценности к ее материальным субстратам, т. е. благам, и вряд ли его можно считать самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны (преступления).

Следует обратить внимание на то, что С.В. Познышев, в отличие от Н.С. Таганцева и Н.Д. Сергиевского, не отождествляя понятия «правоохраненный интерес» и «правовое благо». Он полагал, что правоохраненным интересам не может быть преступлением причинен какой-либо вред, ущерб. По его мнению, преступление может причинить реальный вред только объектам интереса (курсив мой. — О. З.), например, *состоянию* (курсив мой. — О. З.) лиц или вещей. При этом, нарушение интереса может состоять только в том или ином повреждении или «поставлении» в опасность того блага, с которым этот интерес связан и которое служит «мишенью» для преступника⁷¹.

Использование в тексте закона термина «интерес» в различных интерпретациях для обозначения, по существу, объектов уголовно-правовой охраны (преступления) обусловлено, прежде всего, тем, что разработчики уголовного кодекса, будучи, скорее всего, сторонниками концепции объекта преступления как общественных отношений, придерживались позиции, согласно которой общественные отношения и интересы суть одно и то же. На наш взгляд, более удачным и правильным было бы использовать в уголовном законе для обозначения охраняемых им объектов не термин «интерес», а термин «социальная ценность» (как отмечалось, Верховный Суд Российской Федерации употребляет именно этот термин).

Вместе с тем, вряд ли следует вообще отказываться от понятия «интерес» в уголовном праве. Его можно вполне использовать для обозначения предмета той или иной социальной ценности (материального субстрата или блага), являющегося одновременно и «объектом» интереса. Поэтому допустимо вести речь о различных интересах (в том числе жизненно важных) личности, общества, государства или человечества, имея при этом в виду жизнь, здоровье, половую свободу человека и т. п.⁷²

Кроме использования термина «охраняемый уголовным законом интерес», в УК РФ имеются и другие способы (своеобразные законодательные приемы) обозначения в общем (точнее — обобщенном) виде охраняемых объектов.

В ч. 2 ст. 2 УК РФ законодатель говорит об *опасности* (курсив мой. — О. З.) деяния для личности, общества и государства (курсив мой. — О. З.). А в ч. 1 ст. 14 УК РФ в качестве сущностного признака любого преступления использует понятие *общественной опасности* деяния (курсив мой. — О. З.). Указание в законе, с одной стороны, на личность, общество и государство, а с другой — на общественно опасные для этих социальных субъектов деяния, служит определенным ориентиром в поиске общих признаков охраняемых уголовным законом объектов.

Опасность в общей теории безопасности характеризуется как наличие и действие сил (факторов), которые являются деструктивными и дестабилизирующими по отношению к какой-либо системе. При этом, деструктивными и дестабилизирующими следует считать те силы (факторы), которые способны нанести ущерб данной системе, вывести ее из строя или полностью уничтожить⁷³.

Общественная опасность — категория, характеризующая наличие и действие таких сил, которые представляют собой опасность для всего общества в целом и отдельных сфер его жизнедеятельности в частности.

д) интерес — это сложное явление, взаимосвязанное с потребностями субъектов социальной жизни, представляющее собой один из аспектов деятельности (поведения) в виде ее направленности на объекты интереса (те или иные социальные ценности) для удовлетворения своих потребностей (Бернацкий В.О. Интересы и их роль в обществе: учеб. пособие. Омск, 1990. С. 6—29).

⁷¹ Познышев С.В. Указ. соч. С. 131—135.

⁷² Именно в таком контексте в настоящей работе в дальнейшем используется понятие «интерес».

⁷³ Общая теория безопасности (актуальные методологические и социально-политические проблемы): учеб. пособие. М., 1994. С. 17.

Диалектической противоположностью понятия общественной опасности является понятие *безопасности общества* или *социума* (курсив мой. — О. З.), которая не должна ограничиваться безопасностью общества в узком смысле, она, помимо нее, включает в себя и безопасность человека, и безопасность государства.

Уголовное право непосредственно решает задачи обеспечения (охраны) именно *безопасности социума*⁷⁴. Хотя эта задача в ст. 2 УК РФ и не формулируется, тем не менее, она частично представлена в содержании принципа гуманизма (ст. 7 УК РФ), согласно которому «уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает *безопасность человека* (курсив мой. — О. З.)». Видимо, следует «распространить» эту задачу не только на человека, но также на общество, государство и человечество. Правильно пишет А. А. Тер-Акопов: «Эта задача не есть инородная для уголовного законодательства, фактически она решается им, но без должного определения»⁷⁵.

Общественная опасность любого преступления заключается, прежде всего, в том, что преступным деянием (источником опасности) в той или иной форме причиняется криминообразующий вред безопасности социума⁷⁶.

Безопасность социума в самом общем виде представляет собой состояние защищенности личности, общества, государства и человечества от воздействия факторов, угрожающих нанести неприемлемый для конкретного социума вред (угроз)⁷⁷. Социальная суть такого вреда состоит в нарушении конституционных прав и свобод, снижении качества и уровня жизни граждан, в нарушении суверенитета, территориальной целостности и устойчивого развития Российской Федерации, в ослаблении обороны и безопасности государства.

⁷⁴ О безопасности как объекте уголовно-правовой охраны речь шла уже в ст. 1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1845 г., в которой посягательство, в том числе и на «безопасность общества или частных лиц», признавалось преступлением (Российское законодательство X—XX веков. Т. 6. С. 174).

⁷⁵ Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. С. 17.

⁷⁶ По нашему мнению, уголовное право, которое должно бы в первую очередь определиться по отношению к понятию «безопасность», поскольку одной из основных ее категорий является «общественная опасность преступления», вообще не реагирует на проблему. Обращает на себя внимание то, что даже в специальных работах, посвященных указанной категории, аспект «безопасности», по сути, не затрагивается (см., напр.: *Епифанова Е. В.* Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность: моногр. М., 2012. 152 с.; *Солодков И. А.* Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 24 с.).

⁷⁷ В нормативных правовых актах и специальной литературе понятие «безопасность» чаще всего определяется через состояние защищенности кого-либо или чего-либо. Так, Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» определял безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» (ст. 1). В этой дефиниции впервые на законодательном уровне были четко обозначены объекты и предметы безопасности и источники угроз. При этом, объектами безопасности признавались личность, общество и государство, предметом — их жизненно важные интересы (права и свободы личности, материальные и духовные ценности общества, конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность государства).

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года содержится определение национальной безопасности, под которой понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, позволяющее обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

Теоретическая разработка понятия «безопасность» в юридической сфере содержится в работах А. А. Тер-Акопова, который определял ее как защиту нормального состояния объекта от воздействия факторов, угрожающих жизненно важным интересам, и восстановление такого состояния (Тер-Акопов А. А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М., 1998. С. 9—36).

Таким образом, безопасность выступает одним из главных социальных условий существования социума, его фундаментальной ценностью. В правовой аксиологии безопасность (наряду со справедливостью, свободой, равенством, демократией) является одной из центральных правовых ценностей-целей⁷⁸.

На наш взгляд, именно безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства являются теми социальными ценностями, ради охраны которых и существует в первую очередь уголовный закон.

Безопасность социума (личности, общества и государства) представляет собой относительно самостоятельную область объективной реальности, которая защищается государством посредством уголовного закона и на которую при совершении общественно опасного посягательства воздействует субъект преступления.

Другими словами, объект уголовно-правовой охраны (преступления) опредмечивается (материализуется) в реальной действительности в целом через безопасность кого-то (чего-то).

Безопасность, как и любой объект действительности, проявляется вовне через *состояние* (курсив мой. — О. З.)⁷⁹. Последним следует считать *защищенность*⁸⁰ (курсив мой. — О. З.) интересов (благ) личности, общества и государства от различных форм общественно опасного посягательства. Защищенность указанных благ — это обязательное условие безопасности. Каким бы ни было их состояние, например здоровья человека, главный исходный момент его безопасности состоит в защите того, что есть, от дальнейшего разрушения, чтобы создать возможность для его последующего восстановления.

Уголовный закон защищает тот минимум качеств социальных ценностей, без которых они не могут существовать либо меняют свою ценность. Так, личность не может существовать, если ее лишить жизни, она потеряет свои качества, если не охранять ее честь и достоинство, нравственность.

Защищенность тех или иных благ проявляется, в частности, и в возможности определенного поведения в различных сферах жизнедеятельности социума (например, возможность человека владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему на праве собственности имуществом).

Безопасность нарушается не только тогда, когда ликвидируется сам социальный субъект или его благо (предположим, погибает человек или государство в результате войны утрачивает свою независимость, суверенитет), но и в тех случаях, когда «страдает» отдельное благо, но удовлетворяется отдельный интерес личности, общества и государства (например, человека лишают имущества путем похищения последнего).

В научной литературе отмечается, что безопасность характеризуется полифункциональностью, ее задача не только в том, чтобы защищать те или иные блага, но и в том, чтобы снижать, ослаблять, устранять, предупреждать опасности и угрозы⁸¹. Кроме того, безопасность охватывает как защиту «нормального состояния» субъекта от воздействия факторов, угрожающих его жизненно важным интересам (благам), так и восстановление такого состояния. Эти качества будут подробнее рассмотрены в параграфе 2 настоящей главы при описании военной безопасности в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

В философии любой объект (феномен действительности) принято рассматривать как явление сложное, многомерное и, следовательно, требующее уяснения своей структуры⁸². С учетом изложенного ранее «аксиологическая» структура безопасности со-

⁷⁸ Неновски Н. Указ. соч. С. 177.

⁷⁹ Следует заметить, что понятие «состояние» давно используется рядом авторов при содержательной характеристике объекта преступления. Так, Н.И. Коржанский признает основным признаком последнего «возможность определенного поведения или состояния» (Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. С. 117).

⁸⁰ Подробнее о понятии «защищенность» см., напр.: Тер-Акопов А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). С. 9—13.

⁸¹ Серебрянников В., Холопов А. Социальная безопасность России. М., 1996. С. 16.

⁸² Подробнее о системном подходе см., напр.: Аверьянов А.Н. Система: философская категория и реальность. М., 1976; Его же. Системное познание мира. Методологические проблемы. М., 1985; Блауберг И.В., Мирский Э.М., Садовский В.Н. Системный подход и системный ана-

циума выглядит следующим образом: а) субъект или носитель ценности — социум (личность, общество и государство); б) предметы ценности или материальные носители ценностных качеств — принадлежащие социуму различные по своей вещной природе субстраты или блага⁸³; в) связь между субъектом и предметом ценности, т. е. само ценностное отношение, суть которого в том, что материальные носители (субстраты) жизненно значимы для социума, в связи с чем последний заинтересован в их защите (охране), в том числе и уголовно-правовыми средствами, если речь идет об общественно опасных посягательствах.

В общей теории безопасности предлагается несколько иная ее структура. Принято выделять объекты безопасности (личность, общество и государство); предметы безопасности (жизненно важные интересы личности, общества и государства); субъекты обеспечения безопасности (основным из которых является государство).

Виды безопасности обуславливаются тем основанием, которое берется за основу при делении целого на части. В случае если им является характеристика объектов, то выделяют безопасность человека, безопасность общества и безопасность государства. По предмету безопасности, например применительно к человеку, можно говорить о витальной, физической, психической, генетической, репродуктивной, интеллектуальной и духовной безопасности.

Если брать за основу характеристику угроз или сфер жизнедеятельности, то рассматривают такие виды безопасности, как политическая, экономическая, научно-техническая, информационная, гуманитарная, экологическая, военная и т. д.⁸⁴

Уголовный закон охраняет об общественно опасных посягательствах различные виды безопасности (подробнее об этом будет сказано ниже).

Безопасность социума в нашем понимании является не общественным отношением (или их совокупностью) в его «классическом» понимании (о чем говорилось выше), а результатом (целью) функционирования таких отношений (это положение будет «развернуто» в параграфе 2 настоящей главы).

Общественные отношения (правоотношения) хотя и нарушаются при совершении всех без исключения преступлений, однако не всегда являются «самостоятельными» объектами охраны. Уголовный закон во многих случаях защищает не их, а те ценности-цели (безопасность личности, общества и государства), ради которых отношения, правопорядок (ценности-средства) устанавливаются.

Вместе с тем, полностью исключать общественные отношения (правоотношения) из содержания объекта уголовно-правовой охраны (преступления) нельзя⁸⁵.

В ст. 2 УК РФ среди охраняемых уголовным законом объектов прямо назван общественный порядок, представляющий собой не что иное, как совокупность общественных отношений.

лиз // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1982. М., 1982. С. 43—60; *Веденев Ю.А.* О применении системного подхода в исследовании права. Введение в методологию проблемы // Труды научных сотрудников и аспирантов. Вып. 9. М., 1974; *Гвишиани Д.М.* Системная природа перестройки // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 3—10; *Сагатовский В.Н.* Опыт построения категориального аппарата системного подхода // Философские науки. 1976. № 3. С. 65—80; *Тюхтин В.С.* Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. М., 1972; *Юдин Э.Г.* Деятельность и системность // Системные исследования. Ежегодник. 1976. М., 1977. С. 4—39.

⁸³ В самом общем виде такие субстраты или блага представляют собой разнообразные формы существования материи. Во-первых, это различные неорганические (неживые) объекты, например атмосфера, недра, вода и т. д. Во-вторых, это органические (живые) объекты — жизнь и здоровье человека, животный мир и т. д. В-третьих, это социальные объекты, в частности половая свобода и неприкосновенность, собственность и др. Классификация этих материальных носителей может быть осуществлена и по другим основаниям.

⁸⁴ *Зологарев В.А.* Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование). 2-е изд. М., 1998. С. 27—28.

⁸⁵ Автор настоящей работы ранее придерживался точки зрения, согласно которой общественные отношения ни при каких обстоятельствах не следует признавать объектом уголовно-правовой охраны (преступления) (*Зателпин О.К.* Объект преступления против военной службы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 16—35).

Следует согласиться с А.А. Тер-Акоповым, который утверждал, что существуют преступления, в которых вред безопасности личности, общества и государства причиняется не непосредственно (например, как при убийстве), а посредством нарушения определенного порядка, правил поведения, т. е. общественного отношения (правоотношения). Это, в частности, все криминальные нарушения «специальных правил поведения», например, правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ), в которых вначале происходит нарушение правил (и, как следствие, порядка отношений), а затем, лишь через это нарушение, посредством его, причиняется вред жизни и здоровью человека. Более того, имеются преступления, составы которых содержат только нарушение специальных правил без указания на последствия. К ним относятся, в частности, нарушения правил несения боевого дежурства или пограничной службы, которые образуют преступления даже при отсутствии реальных вредных последствий (ч. 1 ст. 340 и ч. 1 ст. 341 УК РФ).

В таких случаях, по нашему мнению, уголовный закон берет под охрану, наряду с той или иной безопасностью, и общественные отношения (правоотношения), имея в виду только те из них, через нарушение которых лицо причиняет вред безопасности личности, общества и государства (эти отношения условно можно назвать обеспечивающими безопасность). При этом, иные юридические явления не обладают свойствами объекта уголовно-правовой охраны (например, нормы права, субъективные права).

Социальные ценности, взятые под охрану уголовным законом, приобретают правовое свойство — уголовно-правовую защищенность, таким образом, у них появляется своеобразная «правовая оболочка», в результате чего многие из них становятся правовыми ценностями⁸⁶. К их числу можно отнести, например, «охраняемую законом» физическую или психическую безопасность человека.

Признак «уголовно-правовой защищенности» социальных ценностей подчеркивает, что уголовный закон охраняет их только от общественно опасных, а не от любых посягательств на них. Например, в ситуациях, предусмотренных в гл. 8 УК РФ, вред социальным ценностям может быть причинен, но при этом исключается уголовная ответственность «причинителя вреда», поскольку закон признает такое поведение правомерным. В этих случаях отсутствует и общественно опасное посягательство, поэтому принято говорить о правомерном причинении вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Таким образом, общее понятие объекта уголовно-правовой охраны можно определить как защищаемые уголовным законом от общественно опасных посягательств социальные ценности в виде безопасности социума и обеспечивающих ее общественных отношений (правоотношений). Безопасность — это основа, фундамент, необходимое условие существования определенного социума⁸⁷. Ликвидация безопасных условий существования последнего разрушает его. Это обстоятельство, собственно, и является основанием для уголовно-правовой охраны названных социальных ценностей.

Вся совокупность охраняемых уголовным законом социальных ценностей представляет собой систему, которая в обобщенном виде обозначена в ст. 2 УК РФ⁸⁸.

⁸⁶ В отдельных случаях уголовный закон берет под свою защиту феномены правовой действительности, которые уже являются правовыми ценностями, например, некоторые виды правоотношений.

⁸⁷ Еще до революции 1917 г. И.В. Платонов и Н.Н. Полянский объектом преступления признавали нормальные условия существования общежития, общественные интересы (Платонов И.В. Популярная лекция по уголовному праву. СПб., 1901. С. 3; Полянский Н.Н. Взаимное отношение уголовного права и социальной политики. Статьи по уголовному праву. М., 1912. С. 154 и др.). Таким образом, традиционное деление объектов на общий, родовой (видовой) и непосредственный представляет собой, на наш взгляд, не классификацию (в смысле логической операции), а результат системного подхода к охраняемым уголовным законам социальным ценностям.

⁸⁸ По степени общности охраняемых социальных ценностей в уголовном праве принято выделять, как правило, три или четыре основных вида объекта преступления — общий, родовой (видовой) и непосредственный (так называемая классификация «по вертикали») (Глистин В.К. Указ. соч. С. 19—64; Загородников Н.И. Значение объекта преступления при определении меры

Подсистемой являются конкретные виды безопасности, на которые посягает определенная группа преступлений. В качестве таковых выступают в первую очередь безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства. Это именно те объекты, которые составляют основу социума и учтены при делении Особенной части УК РФ на разделы (их можно условно считать подсистемой первого уровня). При этом, следует учитывать наличие в Особенной части УК РФ таких объектов, которые нельзя однозначно отнести ни к безопасности личности, ни к безопасности общества, ни к безопасности государства, они имеют отношение ко всем названным субъектам, имеют комплексный характер. Например, собственность, которой владеют и личность, и государство, и общественные организации, военная безопасность, обеспечивающая защищенность жизненно важных интересов (благ) личности, общества и государства (подробнее об этом будет сказано в параграфе 2 настоящей главы). Мир и безопасность человечества относятся к глобальным ценностям. А.А. Тер-Акопов допускает вариант отнесения мира и безопасности человечества к области интересов личности⁸⁹.

Безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства не однородны, имеют разные стороны (аспекты), иными словами, сами могут быть рассмотрены в качестве определенной системы. К примеру, человек обладает такими благами, как жизнь, здоровье, честь и достоинство, собственность. Также выделяются разные виды и в других социальных ценностях. Это обстоятельство учтено при делении Особенной части УК РФ на главы (хотя есть и исключения из этого правила, о чем говорилось ранее применительно, например, к гл. 21). Совокупность таких социальных ценностей является подсистемой второго уровня.

В свою очередь, структура каждой главы УК РФ также зависит от дальнейшей «детализации» охраняемых в ней социальных ценностей. К примеру, если в гл. 16 УК РФ защищаются такие ценности, как безопасность жизни и безопасность здоровья человека, то в ст.ст. 105—110 УК РФ — безопасность жизни, а в ст.ст. 112—117 УК РФ — безопасность здоровья. Такого рода социальные ценности составляют подсистему третьего уровня.

Элементами (первичными «кирпичиками») рассматриваемой системы следует признавать конкретные, единичные социальные ценности, охраняемые уголовным законом. Последний защищает, в частности, и безопасность жизни Иванова, и экономическую безопасность ООО «Омега», и т. п.

Любое преступление — это всегда с философской точки зрения «отдельное». Исходя из этой посылки, его объектом (который традиционно принято называть непосредственным) могут быть только «отдельные» или «индивидуальные» социальные ценности — та или иная безопасность «конкретных» субъектов, являющаяся первичным элементом системы охраняемых уголовным законом объектов. С одной стороны, объектом любого преступления являются не абстрактные понятия (жизнь, здоровье, права, свободы и т. п.), а реально существующие явления окружающей дейст-

наказания по советскому уголовному праву. С. 13; *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 72, 73; *Кригер Г.А.* Указ. соч. С. 113—115; *Кудрявцев В.Н.* О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву. С. 47—71; Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1960. С. 239—244; *Тащый В.Я.* Указ. соч. С. 78—94; *Фролов Е.А.* Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 22 и др.).

Следует согласиться с Г.П. Новоселовым, который считает, что, говоря об общем, родовом и непосредственном объекте посягательства, юристы в данном случае подразумевают фактически взаимосвязь иного категориального ряда: целого и части, или, точнее, системы, подсистемы и элемента. С позиций взаимосвязи данных категорий вся совокупность объектов преступлений должна рассматриваться не как вид (общий) объекта посягательства, а в качестве некоторой системы (совокупности, множественности) объектов, в составе которой могут быть выделены определенные подсистемы и элементы (части). Роль подсистем, очевидно, играют объекты разновидностей преступлений, однородных по направленности посягательств. Объект отдельно взятого преступления выступает как элемент системы объектов в целом и одновременно какой-то ее подсистемы (Уголовное право. Общая часть: учеб. для вузов. М., 1997. С. 137).

⁸⁹ *Тер-Акопов А.А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. С. 38.

вительности, обладающие индивидуальными (неповторимыми) качествами⁹⁰. С другой — объект преступления представляет собой «измененные» (с точки зрения философии) в результате преступного посягательства охраняемые государством социальные ценности (к примеру, здоровье конкретного человека до посягательства и после — это, бесспорно, разные «физические состояния» одного и того же субъекта).

Причинение вреда не является исключительным признаком объекта преступления. В определенных случаях вред может причиняться и объекту уголовно-правовой охраны, например, при посягательствах невменяемых или лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, невиновном причинении вреда, однако в этих случаях не происходит его «трансформация» в объект преступления. Поэтому важно подчеркнуть при характеристике последнего «преступный» характер посягательства.

Кроме того, как отмечалось выше, отсутствует объект преступления и в случаях, предусмотренных гл. 8 УК РФ. Например, в ситуации необходимой обороны при правомочном лишении жизни посягающего лица «не появляется» объект преступления, поскольку закон защищает безопасность жизни человека только от общественно опасных посягательств, которых в данном случае нет. В этом проявляется еще одно существенное различие понятий «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления»⁹¹.

Таким образом, можно предложить следующее определение объекта преступления: это «деформированные» («измененные») в результате преступного посягательства конкретные («отдельные») охраняемые уголовным законом социальные ценности.

Отдельно взятое преступление может одновременно посягать на несколько социальных ценностей, защищаемых в одной уголовно-правовой норме от преступных посягательств. Речь идет о так называемых многообъектных преступлениях⁹².

Многие ученые на уровне непосредственного объекта преступления выделяют основную, дополнительный и факультативный его виды (это называется классификацией объекта преступления «по горизонтали») ⁹³. В юридической литературе встречаются и другие варианты этой классификации⁹⁴.

«Горизонтальную» классификацию поддерживают не все ученые. Например, Н.А. Беляев вообще отрицал целесообразность выделения дополнительных объектов, поскольку полагал, что все «терпящие вред» объекты — равноценны⁹⁵.

В.К. Глистин предлагал различать случаи причинения вреда двум элементам в одном объекте от совокупности преступлений; он утверждал, что в так называемых двухобъектных преступлениях следует говорить о множественности предметов внутри одного и того же по своему содержанию отношения. Концепция дополнительных

⁹⁰ Это, кстати, еще один из аргументов в пользу разграничения (неотождествления) понятий «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления».

⁹¹ Например, Н.И. Коржанский исключает уголовную ответственность при необходимой обороне на том основании, что вред причиняется не общественным отношениям, а человеку как биологическому существу; он вообще разграничивает понятия «жизнь в биологическом смысле» и «жизнь как объект охраны» (Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. С. 98).

⁹² Многообъектность обусловливается тем, что отдельные преступления причиняют вред не одной, а нескольким охраняемым уголовным законом социальным ценностям. Об этом писали и дореволюционные юристы; в частности, С.В. Познышев считал, что насильственные имущественные преступления одновременно причиняют вред личным и имущественным благам; при этом если «поражение» одного блага является постоянным признаком состава, а другого блага — нет, то все преступление следует относить к группе деяний против постоянно «поражаемого» блага (Познышев С.В. Указ. соч. С. 135). Множественность объектов некоторых преступных посягательств признавал и И.Я. Фойницкий (Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1912. С. 6).

⁹³ Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С. 213—216; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 79—84 и др.

⁹⁴ Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969. С. 14; Уголовное право. Общая часть: учеб. М., 1996. С. 39; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. С. 152, 153; Тащій В.Я. Указ. соч. С. 103; Мальцев В.В. Указ. соч. С. 182—262.

⁹⁵ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. С. 299—300.

и факультативных объектов, по его мнению, не имеет никакой практической ценности и возникла вследствие того, что ее авторы отказались от анализа объекта как определенной целостности⁹⁶.

Н.Ф. Кузнецова утверждает, что нет и не может быть никаких основных, дополнительных и т. п. объектов преступления, следует вести речь о простых и сложно-оставных объектах⁹⁷.

Автор настоящей работы разделяет позицию ученых, признающих существование многообъектных преступлений. Законодатель, конструируя отдельные составы преступлений, указывает (прямо или опосредованно) не один, а несколько объектов преступления. Например, в ст. 162 УК РФ ими являются безопасность собственности различных субъектов и безопасность жизни человека или безопасность его здоровья. Этот факт нельзя игнорировать, не учитывать, в частности, при уяснении структуры состава многообъектных преступлений, выявлении его квалифицированных видов, при конкретизации его общественной опасности.

Вместе с тем, сама классификация требует некоторых уточнений.

Во-первых, следует поддержать авторов, выделяющих основные, дополнительные и факультативные объекты преступления. При этом, в основе такой классификации лежит не «важность» («иерархическая значимость») охраняемых социальных ценностей, а их связанность с охраняемыми в главах Особенной части УК РФ объектами, конкретизация последних⁹⁸. Поэтому в отдельных преступлениях, например в разбое, безопасность жизни человека может оказаться дополнительным объектом преступления, а менее значимые ценности (безопасность собственности) — основным.

К основным объектам преступления относятся те социальные ценности, которые не только находятся в той сфере, что и охраняемый в главе Особенной части УК РФ объект, но и всегда, во всех без исключения случаях терпят вред от общественно опасных посягательств.

Дополнительными объектами являются социальные ценности, которым, как и основному объекту, всегда причиняется вред, но они не являются частью объекта, охраняемого в данной главе Особенной части УК РФ. Его наличие требует особого подхода к анализу элементов состава преступления, так как он нередко обуславливает необходимость установления «второго» ряда преступных последствий, влияет на определение момента окончания преступления, на характеристику способа совершения преступления, признаков субъективной стороны⁹⁹.

Факультативный объект преступления — это социальные ценности, которые при совершении того или иного преступления довольно часто, хотя и не обязательно, ставятся под угрозу причинения вреда; причинение им вреда не меняет квалификацию преступлений, поскольку они не обязательны для состава преступления; его наличие влияет лишь на индивидуализацию наказания. Причем, это не любые социальные ценности, которым фактически причиняется вред, а только более или менее «типичные» для данного вида преступного поведения (подробнее об этих видах будет сказано в параграфе 2 настоящей главы).

Во-вторых, представляется допустимым выделять и другие виды объектов преступления.

На наш взгляд, в ряде составов преступлений можно говорить о наличии объектов-целей и объектов-средств. Например, в ст. 143 УК РФ объектами-целями выступают безопасность жизни и безопасность здоровья человека (так называемые дополнительные объекты), а порядок охраны труда (правоотношения), обеспечивающий сохранность указанных выше ценностей, является объектом-средством (в другой классификации — основной непосредственный объект). Практическая значимость такого деления будет показана ниже.

⁹⁶ Глистин В.К. Указ. соч. С. 111—114.

⁹⁷ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 172.

⁹⁸ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. 2007. С. 308.

⁹⁹ Подробнее об этом см.: Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 26.

Наличие указанных объектов обуславливает и выделение в теории общих и специальных составов преступления (подробнее о таких составах будет сказано в гл. 3 настоящей работы)¹⁰⁰.

В-третьих, выделение основных, дополнительных и факультативных объектов, объектов-целей и объектов-средств, общих и специальных объектов возможно не только при анализе состава конкретного преступления, но и при исследовании объектов уголовно-правовой охраны.

Рассмотрение в качестве объектов уголовно-правовой охраны (преступления) социальных ценностей в виде безопасности личности, общества и государства, а также обеспечивающих их общественных отношений (правоотношений) требует уточнения содержания понятия «предмет преступления»¹⁰¹.

Термин «объект» представляет собой перевод позднелатинского слова «*objectum*» (предмет), которое произошло от латинского *objicio*, т. е. «бросаю вперед, противопоставляю»¹⁰². Отмеченная синонимичность терминов «объект» и «предмет» обуславливает и их содержательное сходство. В частности, в философской литературе объект определяется как предмет, на который направлена какая-либо деятельность¹⁰³. В то же время под предметом понимаются «включенные в процесс практической деятельности человека стороны, свойства и отношения объектов, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах»¹⁰⁴.

Из приведенных выше определений следует, что предметом в философском смысле является определенная часть объекта (понимаемого как целостность), на которую непосредственно воздействует субъект в процессе своей социальной деятельности.

¹⁰⁰ Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. С. 148—154.

¹⁰¹ А.А. Пионтковский (сын), например, не усматривал какого-либо различия между объектом и предметом преступления и делал вывод о тождестве этих понятий (Пионтковский А.А. Учение о преступлении. С. 140—142; Курс советского уголовного права. Т. 2. Преступление. М., 1970. С. 118—120; Советское уголовное право. М., 1959. С. 120).

Однако большинство криминалистов считали объект и предмет различными правовыми явлениями. Так, Б.С. Никифоров считал предметом преступления любой элемент общественного отношения (Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С. 130).

Такое широкое понимание предмета преступления можно встретить и у других авторов (Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. 1968. С. 303; Кригер Г.А. Указ. соч. С. 123; Кудряцев В.Н. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву. С. 48; Советское уголовное право. Часть Общая. 1960. С. 246). Другие авторы, понимая предмет преступления как элемент общественного отношения, ограничивали это понятие лишь материальными объектами, путем физического или психического воздействия на которые принимается социально опасный вред в сфере общественных отношений (Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 103; Кравцов С.Ф. Предмет преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1976. С. 3, 8, 16; Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С. 222—224; Спиридонов А.М. Указ. соч. С. 45; Уголовное право России. Общая часть: учеб. Казань, 1994. С. 110, 111).

В.К. Глистин считал предметом преступлений только предметы общественных отношений (вещи или социальные или духовные блага, ценности) (Глистин В.К. Указ. соч. С. 48—53).

В.Я. Тацкий полагал, что необходимо различать предмет как структурный элемент общественного отношения и предмет преступления как существующий наряду с объектом самостоятельный факультативный признак состава преступления. Указанный автор утверждал, что предмет преступления — понятие более широкое, чем вещный предмет отношения, поскольку в него входят все «материализованные» предметы, упоминаемые в уголовном законе (например, фальшивые деньги, подложные документы, герб, флаг и т. п.). В итоге он предлагал выделять три группы предметов: 1) предмет охраняемого общественного отношения; 2) предмет преступления (признак факультативный); 3) предмет преступного воздействия (субъекты, социальная связь, предметы отношения (Тацкий В.Я. Указ. соч. С. 41—58).

¹⁰² Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 418; Уголовное право. Общая часть. М., 1997. С. 127.

¹⁰³ Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 313—314.

¹⁰⁴ Философский словарь. М., 1975. С. 326.

С учетом установленных философских подходов к соотношению понятий «объект» и «предмет» и предложенного нами взгляда на объект преступления предметом последнего следует считать, прежде всего, подвергшиеся непосредственному преступному воздействию различные по характеру блага (в нашем понимании — предметы безопасности), являющиеся носителями и выразителями того или иного вида безопасности.

По своему содержанию данный предмет преступления всегда материален, однако его нельзя сводить только к какой-либо вещи или объекту природы. Им могут быть и идеальные (невещественные) носители тех или иных ценностей¹⁰⁵. Он может претерпевать изменения (например, при уничтожении или повреждении имущества), но может быть и неведимым (например, при похищении денег).

В уголовном праве понятие «предмет преступления», с учетом сложившихся о нем представлений, трактуется шире, чем только «часть объекта преступления». В некоторых статьях уголовного закона речь идет о различных материальных предметах внешнего мира, которые не всегда являются частью объекта преступления, но на которые непосредственно «воздействует» преступник, осуществляя при этом посягательство на соответствующий объект. Например, при хищении наркотиков преступник непосредственно «воздействует» на них, осуществляя тем самым посягательство на общественную безопасность и безопасность здоровья людей. В этом случае наркотики вряд ли можно считать тем «благом», которое выступает носителем или выразителем общественной безопасности как ценности. В ряде статей Особенной части УК РФ речь идет о «создании» преступником определенных предметов материального мира (фальшивые деньги и т. п.), которые нельзя признавать «частью» объекта преступления.

Представляется, что подобные материальные образования можно отнести к предметам преступлений¹⁰⁶.

Предмет преступления следует отличать от орудия и средства совершения преступления, в качестве которых выступают материальные образования. В отличие от предмета преступления под орудием или средством совершения преступления понимается то, посредством чего оказывается воздействие на объект, в том числе и на предмет.

Таким образом, предметом преступления являются подвергшиеся преступному воздействию материальные образования (предметы безопасности), являющиеся носителями и выразителями охраняемой уголовным законом социальной ценности (безопасности), а также указанные в статьях уголовного закона различные иные материальные образования, на которые непосредственно воздействует преступник, осуществляя посягательство на объект преступления, или которые он сам создает.

В уголовном праве традиционно уделяется много внимания проблеме механизма причинения вреда объекту преступления. Однако в основном такой механизм разрабатывался в рамках концепции объект преступления — общественные отношения¹⁰⁷. Применительно к «другим» объектам он почти не затрагивался.

¹⁰⁵ Предметами преступлений могут быть, в частности, живые организмы (при убийстве и телесных повреждениях, причиняемых людям и т. д., в данном случае допустимо говорить о теле человека и его психике как предметах преступления), в том числе и животные; вещи — имущество, деньги, ценные бумаги, документы (в экономических и других преступлениях); природные образования (например, атмосфера, моря, леса и т. п. в экологических преступлениях); информация (в преступлениях, связанных с разглашением тайны, компьютерных преступлениях и др.); материально-информационный процесс (например, в составе незаконного экспорта технологий, научно-технической информации и услуг, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники).

¹⁰⁶ Подробнее об этом см., напр.: *Таций В.Я.* Указ. соч., С. 41—58; *Бикмурзин М.П.* Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М., 2006. С. 34—104.

¹⁰⁷ Во многих дореволюционных работах этот механизм выглядел следующим образом: преступник своим действием (бездействием) разрушает, повреждает охраняемые уголовным законом блага (ценности) либо создает такую опасность. Так, Л.С. Белогриц-Котляревский представлял его следующим образом: преступник, нарушая правовые нормы (абстрактные запреты и веления закона), разрушает те реальные блага и интересы, для охраны которых эти нормы существуют (*Белогриц-Котляревский Л.С.* Указ. соч. С. 161). Некоторые исследователи счита-

С учетом признания объектами преступлений «деформированных» («измененных») социальных ценностей в виде безопасности социума и обеспечивающих их общественных отношений (правоотношений) механизм причинения вреда таким объектам имеет ряд особенностей.

Социальный вред объекту причиняет любое преступление. Суть такого вреда — это изменение у личности, общества и государства состояния «защищенности» на «незащищенность».

В оконченных преступлениях преступник причиняет вред непосредственно личности, обществу или государству, воздействуя различным образом на предметы безопасности (в частности, на жизнь или здоровье человека, имущество и другие материальные или нематериальные блага). Указанные субъекты в момент посягательства и в определенном пространстве утрачивают свое состояние уголовно-правовой защищенности; последнее сменяется на свой антипод — состояние незащищенности, которое является сутью социально опасных последствий любых преступлений. При этом, преступник, непосредственно воздействуя на предметы безопасности (материальные носители или субстраты ценностей), в одних случаях разрушает (ликвидирует) саму безопасность как определенную целостность (например, безопасность жизни при убийстве), в других — лишь изменяет ее (при похищении или повреждении имущества и т. п.).

В так называемых формальных составах преступлений, а также при некоторых разновидностях неоконченных преступлений реального вреда в «физическом» смыс-

ли, что преступление не всегда причиняет вред (ущерб) правоохраняемым благам, а может просто создавать угрозу причинения им вреда (*Кистяковский А.Ф.* Указ. соч. С. 280; *Сергеевский Н.Д.* Указ. соч. С. 286; *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Т. 1. С. 51).

А.А. Пионтковский (отец) полагал, что любая преступная деятельность, нарушая лишь нормы индивидуального поведения, извлекаемые из законодательных диспозиций, тем самым разрушает интересы общегития или создает такую опасность (*Пионтковский А.А.* Уголовное право (Пособие к лекциям). Часть общая. Вып. 2. С. 135).

В юридической литературе советского периода наибольшее распространение получил подход Е.А. Фролова. Сущность механизма посягательства на объект уголовно-правовой охраны, по мнению данного автора, заключается в лишении участника общественной жизни имевшей у него социальной возможности либо в затруднении реализации этой возможности (*Фролов Е.А.* Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 31—33).

Н.И. Коржанский полагал, что преступные последствия (противоправное изменение общественных отношений) имеют физическую и социальную стороны. Суть физической стороны заключается в определенных внешних изменениях в предметах, людях, вещах, а социальной — определенный вред в «сфере общественных интересов» (лишение возможности пользоваться имуществом, ухудшение здоровья, ослабление обороноспособности и т. д.). При этом, только социальная сторона вредных последствий входит в объект преступления. Представляется интересным замечание Н.И. Коржанского о том, что преступление всегда изменяет или разрушает только единичное проявление общественных отношений. Общественные отношения отдельного вида могут быть ликвидированы только государством, но не преступлением (*Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 134—169).

В.К. Глистин механизм причинения вреда объекту раскрывал через процесс изменения в общественных отношениях. Он писал: «Поскольку общественное отношение всегда есть целостная система с присущими ей, как единству, свойствами, не сводящимися к свойствам входящих в нее структурных элементов, то любые изменения, относящиеся к любой из составных частей, меняют свойства либо разрушают всю систему как целостность» (*Глистин В.К.* Указ. соч. С. 85—105).

В.Я. Тацкий полагал, что сущность вреда объекту преступления зависела, во-первых, от субъектного состава (вред «извне» и «изнутри»), во-вторых, от предмета общественных отношений (вред материальный или нематериальный), в-третьих, от сущности социальных связей («разрыв» либо изменение их). Он утверждал, что непосредственно воздействуя на один, два или более элементов отношения («предметы преступного воздействия»), преступник в целом изменяет охраняемое уголовным законом отношение, тем самым и причиняет ущерб объекту преступления (*Тацкий В.Я.* Указ. соч. С. 29—57).

ле может и не быть (например, лицо, желая убить жертву, произвело в неевыстрел, но промахнулось), тем не менее, «социальный» вред объекту преступления причинен (состояние защищенности сменилось своим антитедом — незащищенностью)¹⁰⁸.

Как отмечалось ранее, существуют преступления, в которых вред безопасности личности, общества и государства причиняется не непосредственно, а посредством нарушения определенного порядка, правил поведения, т. е. общественных отношений (правоотношений)¹⁰⁹. В этих преступлениях вначале происходит нарушение правил и, как следствие, правоотношений (объектов-средств), а затем, лишь через это нарушение, посредством его, причиняется вред безопасности личности, общества и государства (объектам-целям). Нарушаемые общественно опасным деянием правоотношения (различные порядки) возникают и складываются именно в связи с необходимостью обеспечить защиту правовыми средствами различных объектов-целей. Более подробно особенности такого механизма причинения будут рассмотрены в параграфе 2 настоящей главы.

§ 2. Военная безопасность Российской Федерации как объект уголовно-правовой охраны

В уголовном праве военная безопасность признается рядом автором объектом уголовно-правовой охраны (преступления)¹¹⁰. При этом, в работах, как правило, либо не раскрываются ее признаки¹¹¹, либо она рассматривается преимущественно в качестве объекта преступлений против военной службы (воинских преступлений)¹¹², предусмотренных в гл. 33 УК РФ¹¹³.

¹⁰⁸ Н.И. Коржанский обоснованно предлагает, на наш взгляд, в преступных последствиях различать их физическую и социальную стороны (Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. С. 185).

Физическая сторона преступных последствий заключается в определенных внешних изменениях в предметах, вещах, людях (например, уничтожение имущества, причинение вреда здоровью и т. п.).

Социальная сторона последствий представляет собой их социальное свойство и выступает в виде определенного вреда в сфере безопасности — изменения состояния защищенности на незащищенность, которое может иметь различные проявления (лишение возможности пользоваться имуществом, ухудшение состояния здоровья, снижение уровня боевой готовности военной организации и т. п.).

Социальная сторона преступных последствий входит в объект преступления. Физическая сторона входит в объективную сторону.

¹⁰⁹ Такие преступления предусматриваются во всех разделах Особенной части УК РФ, но больше всего их указано в разд. IX, X, XI.

¹¹⁰ В юридической литературе некоторые авторы в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны рассматривают военно-политическую безопасность государства, которую считают подвидом национальной безопасности, ее необходимым элементом и материальной основой (*Боев В.И.* Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 7; *Боев В.И., Кочубей М.А., Новиков А.П.* Война и уголовный закон: моногр. М., 2009. 208 с.).

¹¹¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., изм. и доп. М., 1997. С. 746—747; Российское уголовное право. Особенная часть: учеб. М., 1998. С. 433.

¹¹² *Тер-Акопов А.А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. С. 38.

¹¹³ В теории военно-уголовного законодательства существовали и другие подходы к объекту воинских преступлений (более подробно об этом см.: *Зателешин О.К.* Объект преступления против военной службы. С. 36—61). В частности, им признавались военно-служебные обязанности (*Кузьмин-Караваев В.Д.* Военно-уголовное право. Введение. Часть Общая. СПб., 1895. С. 243; *Мушников А.А.* Руководство военно-уголовных законов в связи с законами общеуголовными. Часть 1. Законы материальные. СПб., 1884. С. 55, 105; *Неелов Я.А.* Курс военно-уголовного права. Лекции, читанные в Военно-юридической академии в 1882/1883 гг. СПб., Б. г. С. 9, 38, 43); военно-правовые нормы в реальном бытии (*Друцкой С.А.* Причины невменения в военно-уголовном праве. Варшава, 1902. С. 3); воинский правопорядок (*Фалеев Н.И.* Цели воинского наказания. СПб., 1902. С. 5; *Ахметшин Х.М.* Основные вопросы теории советского военно-уголовного законодательства и практики его применения: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1974. С. 78).

В предыдущем параграфе объектом уголовно-правовой охраны предложено считать социальные ценности в виде безопасности социума и обеспечивающих ее отношений (правоотношений). Военная безопасность является одним из видов безопасности социума, выделение которой обусловлено, прежде всего, наличием военных опасностей и военных угроз Российской Федерации; ее обеспечивает сложный комплекс правоотношений (подробнее об этом будет сказано ниже). Можно утверждать, что уголовный закон охраняет в качестве самостоятельных объектов военную безопасность и обеспечивающие ее правоотношения. В связи с этим актуальным является анализ указанных социальных ценностей.

Понятие «военная безопасность» входит в категориальный аппарат военной науки¹¹⁴. Термин «военная безопасность» встречается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537¹¹⁵ (далее — Стратегия 2020 г.), в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146¹¹⁶ (далее — Военная доктрина 2010 г.), в Концепции безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации (приложение № 1 к директиве министра обороны Российской Федерации 1997 г. № Д-10). Эта категория включена в научный оборот и в литературе, посвященной проблемам безопасности¹¹⁷.

В Военной доктрине 2010 г. впервые дается официальное определение военной безопасности — это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующее отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять¹¹⁸.

Данное определение нами будет взято за основу, хотя, конечно, оно нуждается в дополнительном истолковании, расшифровке, что приходится делать относительно вялой дефиниции, которая всегда лаконична и поэтому узка.

Для уяснения сущности военной безопасности в первую очередь следует рассмотреть военные угрозы (их характер), объекты и предметы военной безопасности, а также субъектов ее обеспечения.

В Военной доктрине 2010 г. военная угроза определяется как состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующее реальную

¹¹⁴ Военная безопасность России: материалы науч. конф. Военной академии Генерального штаба. М., 1992.

¹¹⁵ СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

¹¹⁶ Там же. 2010. № 7. Ст. 724.

¹¹⁷ Возжеников А.В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России: моногр. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000; Военная безопасность страны и Вооруженные Силы: проблемы и пути решения. Военно-теоретический труд. М., 1995; Военная безопасность России: материалы науч. конф. Военной академии Генерального штаба; Военные доктрины и реформы России в XX веке: материалы науч.-практ. конф. «Российский опыт оборонного и военного строительства в XX столетии. Возможности его применения в организации и реформировании Российских Вооруженных Сил». М., 1997; *Болятко А.В.* Задачи военной безопасности и обеспечение их решения // Военная мысль. 1993. № 4. С. 10—13; *Глебов М.Н.* Право национальной безопасности. М., 1998; *Гущин С.В.* Сущность и функции системы внутренней безопасности: моногр. М., 1996; *Золотарев В.А.* Указ. соч.; *Клокотов В.П.* О военной безопасности. М., 1993; *Корсунь В.П., Токарев Д.А.* К вопросу о показателях оценки оборонной безопасности России // Военная мысль. 2003. № 4. С. 50; *Серебрянников В., Хлопов А.* Социальная безопасность России. М., 1996; *Савенков А.Н.* Конституционная законность и военная безопасность России. М., 2002; *Его же.* Актуальные проблемы конституционной законности в Вооруженных Силах Российской Федерации и роль прокуратуры в их решении: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2002; *Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И., Ефимов Н.Н., Ковалев В.И.* Безопасность России и армия. М., 1995; *Степашин С.В.* Теоретико-правовые аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1994; *Ткачев В.Н.* Обеспечение военной безопасности России как системная проблема // Военная мысль. 1996. № 3. С. 11—14; *Трофимов В.Н.* Военная и экологическая безопасность. Международное право и сила. М., 1991.

¹¹⁸ Следует обратить внимание на то, что сам термин «военная безопасность» используется в официальных документах с 1993 г. (например, в военных доктринах).

возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию). Источники военных угроз могут быть внешними и внутренними¹¹⁹. Главное, на что следует обратить внимание, это то, что военные угрозы обязательно должны быть связаны с применением военной (вооруженной) силы или угрозы ее применения.

Объектами военной безопасности являются личность, общество и государство, а в качестве предметов военной безопасности выступают их жизненно важные интересы. Как видно, военная безопасность имеет комплексный характер, ее нельзя полностью отнести ни к безопасности личности, ни к безопасности общества, ни даже к безопасности государства (не случайно, видимо, речь идет не о военной безопасности государства, а о военной безопасности в целом Российской Федерации).

В приведенном выше определении говорится о защищенности не в целом личности, общества и государства, а их жизненно важных интересов. Это значит, что условия безопасности нарушаются, как отмечалось, не только тогда, когда ликвидируется сам объект, но и в тех случаях, когда страдает, не удовлетворяется отдельный его интерес, причем по важности такой, что его неудовлетворение может привести к ликвидации объекта. К числу таких интересов можно отнести, например, применительно к государству — незыблемость конституционного строя, суверенитет, территориальная целостность; к человеку — витальную безопасность, обеспечивающую сохранность жизни; к обществу — материальные и духовные ценности, которые надежно обеспечивают его существование и возможности прогрессивного развития (например, общественный порядок).

Военная организация включает в себя три основных компонента: 1) управленческий, 2) собственно военный (силовой) и 3) военно-экономический¹²⁰. Национальная безопасность обеспечивает состояние защищенности всем, а не только жизненно важным, интересам личности, общества и государства. Кроме того, национальная безопасность проявляется в защищенности личности, общества и государства от всех угроз, а военная безопасность проявляется в защищенности только от военных угроз.

«Вооруженный» характер военных угроз объективно требует для противодействия таким деструктивным силам специфических субъектов обеспечения военной бе-

¹¹⁹ Основные военные угрозы заключаются в следующем: а) резком обострении военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создании условий для применения военной силы; б) воспрепятствовании работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушении функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической промышленности и других потенциально опасных объектов; в) создании и подготовке незаконных вооруженных формирований, их деятельности на территории Российской Федерации или на территориях ее союзников; г) демонстрации военной силы в ходе проведения учений на территориях сопредельных с Российской Федерацией или ее союзниками государств с провокационными целями; д) активизации деятельности вооруженных сил отдельных государств (групп государств) с проведением частичной или полной мобилизации, переводом органов государственного и военного управления этих государств на работу в условиях военного времени.

¹²⁰ В юридической литературе имеются и другие взгляды на структуру военной организации. В частности, под военной организацией государства понимается многоуровневая, многопрофильная система, включающая три структурных компонента: военная сила (вооруженные силы и другие войска, воинские формирования и органы, привлекаемые к решению задач обороны и безопасности страны); материально-техническая база строительства, подготовки и применения военной силы (совокупность материально-технических элементов государства и общества, способных обеспечить устойчивое функционирование и развитие военной силы); духовный потенциал (комплекс социальных, нравственно-этических и психических явлений, которые проявляются в условиях жизни, национальном характере, традициях и исторической памяти народа) (Манилов В.Л. Военная организация государства // Военная мысль. 1999. № 2. С. 2—13; Д. Ловцов, М. Богданова О военно-экономической безопасности России [Электронный ресурс]. URL: http://www.nasledie.ru/oboz/N04_00/04_12.HTM (дата обращения: 01.02.2012).

зопасности. В самом общем виде таким субъектом является военная организация, которая представляет собой совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также части производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации (п. 6 Военной доктрины 2010 г.).

Ядром военной организации являются Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы (далее — военные силы). По нашему мнению, именно этот компонент — главный субъект обеспечения военной безопасности и поэтому требует более подробного рассмотрения.

Военные силы представляют собой:

а) Вооруженные Силы Российской Федерации (Сухопутные войска, Военно-Воздушные Силы, Военно-Морской Флот, Ракетные войска стратегического назначения, войска воздушно-космической обороны, воздушно-десантные войска);

б) внутренние войска МВД России;

в) воинские формирования: инженерно-технические воинские формирования и дорожно-строительные воинские формирования при Федеральном агентстве специального строительства; спасательные воинские формирования МЧС России;

г) федеральные органы исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба: Служба внешней разведки Российской Федерации, органы Федеральной службы охраны Российской Федерации, органы Федеральной службы безопасности Российской Федерации (в том числе пограничные органы), Служба специальных объектов при Президенте Российской Федерации;

д) воинские подразделения Государственной противопожарной службы МЧС России;

е) создаваемые на военное время специальные формирования.

Анализ характера внешних и внутренних источников военной опасности и военной угрозы позволяет прийти к выводу, что для противодействия деструктивным силам (факторам) требуется «вооруженная» защита со стороны военной организации. Иными словами, для их парирования оказывается недостаточным использование «невоенных» сил системы обеспечения безопасности государства, например органов внутренних дел, таможенных органов и т. п. В связи с этим важной характеристикой субъектов обеспечения военной безопасности, на наш взгляд, является указание на осуществление ими своей деятельности *военными методами* (курсив мой. — О. З.). К сожалению, в Военной доктрине 2010 г. и других официальных источниках не раскрывается содержание понятия «военные методы». Можно предположить, что осуществление такой деятельности «военными методами» предполагает использование вооружения, подготовку к бою, боевые действия, в том числе ведение боя и т. п.

Анализ военного законодательства позволяет утверждать, что военная организация обеспечивает защиту личности, общества и государства не только от военных, но и от «не военных» угроз¹²¹, например от природных и техногенных катастроф, преступности. Привлекаемые в таких случаях для обеспечения безопасности различные военные организации (например, спасательные воинские формирования или воинские подразделения Государственной противопожарной службы МЧС России, внутренние войска МВД России) применяют «невоенные» методы (тушение пожаров, разбор завалов, патрулирование в городе и т. п.).

Таким образом, военная организация обеспечивает как военную безопасность, так и другие сферы (виды) безопасности социума. Этот вывод имеет принципиаль-

¹²¹ Амиров Р.З. Вооруженные Силы РФ в системе обеспечения безопасности: внутривнутриполитический аспект // Преступность как угроза национальной безопасности: материалы первой Международной открытой сессии «Modus Academicus» (г. Ульяновск, 4—5 декабря 1997 г.) / под ред. А.И. Чучаева. Ульяновск, 1998. С. 86—90; Гушин С.В. Указ. соч. С. 62—84; Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И., Ефимов Н.Н., Ковалев В.И. Указ. соч. С. 261—262.

ное значение для определения круга преступлений против военной безопасности и разработки теоретической модели их системы (подробнее об этом будет сказано в параграфе 1 главы 2 настоящей работы).

В состав управленческого компонента входят органы государственного и военного управления. Например, к государственным органам управления относятся Президент Российской Федерации, являющейся Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил Российской Федерации¹²², Правительство Российской Федерации. Управление Вооруженными Силами Российской Федерации осуществляет также министр обороны Российской Федерации через Министерство обороны Российской Федерации. В свою очередь, Министерство обороны Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности подведомственных ему федеральных органов исполнительной власти: Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству, Федеральной службы по оборонному заказу, Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, Федерального агентства по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств и Федерального агентства специального строительства.

Министерство обороны Российской Федерации возглавляет и объединяет систему органов военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации, которая включает: а) центральные органы военного управления (Министерство обороны Российской Федерации, Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации, главные управления, управления, департаменты, службы, главные командования видов Вооруженных Сил Российской Федерации, командования родов войск); б) органы военного управления военных округов и флотов; в) органы военного управления соединениями и воинскими частями; г) начальников гарнизонов (старших морских начальников), военных комендантов¹²³.

Органы военного управления другими военными силами имеют свою структуру и особенности, обусловленные возложенными на них функциями¹²⁴.

Основной задачей военно-экономического компонента военной организации является создание условий для устойчивого развития и поддержания возможностей военно-экономического и военно-технического потенциалов государства на уровне,

¹²² Подробнее о полномочиях Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил Российской Федерации см.: *Писарев А.Н.* Полномочия Президента Российской Федерации в области обороны: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 56.

¹²³ Военное право: учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М., 2004. С. 109—121. Подробнее полномочия Министерства обороны Российской Федерации раскрыты в Положении о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» (СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3538).

¹²⁴ О государственной границе: закон Рос. Федерации от 1 апреля 1993 г. (с изм. и доп., внесенными Федеральным законом от 10 августа 1994 г., Федеральным законом от 29 ноября 1996 г., Федеральным законом от 19 июля 1997 г., Федеральным законом от 31 июля 1998 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594; СЗ РФ. 1994. № 16. Ст. 1861; Рос. газ. 1996. 18 дек.; СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3507; Рос. газ. 1998. 7 авг.; Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации: федер. закон от 3 апреля 1995 г. // Ведомости Федерального собрания Рос. Федерации. 1995. № 12. Ст. 401; О внешней разведке: федер. закон от 10 января 1996 г. // Рос. газ. 1996. 17 янв.; О государственной охране: федер. закон от 27 мая 1996 г. (с изм. и доп., внесенными Федеральным законом от 18 июля 1997 г.) // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594; Рос. газ. 1997. 26 июля; О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации: федер. закон от 6 февраля 1997 г. // СЗ РФ. 1997. № 6. Ст. 711; О гражданской обороне: федер. закон от 12 февраля 1998 г. // Там же. 1998. № 7. Ст. 799; Положение о Федеральной службе безопасности Российской Федерации. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 6 июля 1998 г. № 806, с изм., внесенными Указом Президента Российской Федерации от 5 октября 1998 г. № 1181 // Там же. № 28. Ст. 3320; Там же. № 41. Ст. 5004; Структура Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 6 июля 1998 г. № 806, с изм., внесенными Указом Президента Российской Федерации от 5 октября 1998 г. № 1181 // Там же. № 28. Ст. 3320; Там же. № 41. Ст. 5004; Положение о Федеральной службе охраны Российской Федерации. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 2 августа 1996 г. № 1136 // Там же. 1996. № 32. Ст. 3901.

необходимом для реализации военной политики и надежного удовлетворения потребностей военной организации в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время. Основу этого компонента составляет оборонно-промышленный комплекс страны (далее — ОПК), в состав которого входят научно-исследовательские, испытательные организации и производственные предприятия, выполняющие разработку, производство, хранение, постановку на вооружение военной и специальной техники, боеприпасов, амуниции и т. п.

В настоящее время важной военно-экономической составляющей военной безопасности является ОАО «Оборонсервис»¹²⁵, которое в целях обеспечения безопасности и обороноспособности государства осуществляет управление предприятиями, входящими в структуру Министерства обороны Российской Федерации и объединенными в девять холдингов («Авиаремонт», «Спецремонт», «Ремвооружение», «Оборонстрой», «Агропром», «Оборонэнерго», «Военторг», «Красная звезда», «Славянка»)¹²⁶, и координацию их взаимодействия в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации, государственных и иных заказчиков, включая иностранных.

Важным для уяснения содержания военной безопасности является указание в ее «нормативном» определении на характеристику состояния защищенности личности, общества и государства как *способности* (курсив мой. — О. З.) противостоять

¹²⁵ Открытое акционерное общество «Оборонсервис» создано в соответствии с ГК РФ, Федеральным законом от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», Указом Президента Российской Федерации от 15 сентября 2008 г. № 1359 «Об открытом акционерном обществе «Оборонсервис», постановлениими Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 875 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 15 сентября 2008 г. № 1359 «Об открытом акционерном обществе «Оборонсервис»», от 29 декабря 2008 г. № 1053 «О некоторых мерах по управлению федеральным имуществом» и является коммерческой организацией.

¹²⁶ Основное предназначение оборонных холдингов состоит в следующем:

ОАО «Авиаремонт» обеспечивает гарантийное и сервисное обслуживание, модернизацию, ремонт и утилизацию авиационной техники, техники обеспечения полетов авиации, вооружения и военной техники противовоздушной обороны в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации, государственных и иных заказчиков, включая иностранных, а также внедрение новых технологий и разработок в данной области;

ОАО «Агропром» обеспечивает производство и поставку сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации, государственных и иных заказчиков, включая иностранных;

ОАО «Военторг» осуществляет торгово-бытовое обслуживание и организацию питания в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации, государственных и иных заказчиков;

ОАО «Красная звезда» обеспечивает производство полиграфической продукции и осуществление деятельности в сфере культуры, кинематографии и средств массовой информации в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации, государственных и иных заказчиков;

ОАО «Оборонстрой» обеспечивает строительство и эксплуатацию объектов в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации, государственных и иных заказчиков, включая иностранных, а также внедрение новых технологий и разработок в данной области;

ОАО «Оборонэнерго» обеспечивает эксплуатацию, обслуживание, ремонт, модернизацию энергетических объектов в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации, государственных и иных заказчиков;

ОАО «Ремвооружение» обеспечивает гарантийное и сервисное обслуживание, модернизацию, ремонт и утилизацию вооружения и военной техники в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации, государственных и иных заказчиков, включая иностранных, а также внедрение новых технологий и разработок в данной области;

ОАО «Славянка» осуществляет основную деятельность по управлению специализированным жилищным фондом Министерства обороны Российской Федерации, эксплуатации и комплексному обслуживанию казарменно-жилищного фонда и сетей водоснабжения военных городков;

ОАО «Спецремонт» осуществляет гарантийное и сервисное обслуживание, модернизацию, ремонт и утилизацию техники в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации, государственных и иных заказчиков, включая иностранных, а также внедрение новых технологий и разработок.

военной угрозе. Это означает, что в военной безопасности определяющим является не состояние объектов безопасности, а состояние самой военной организации как субъекта ее обеспечения. На наш взгляд, таким состоянием является постоянная готовность военной организации к сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации и ее союзников. Ее слагаемыми являются: а) готовность органов государственного и военного управления; б) боевая готовность военных сил (это главная составляющая); в) мобилизационная готовность Российской Федерации; г) военно-экономическая готовность государства¹²⁷.

Изложенное позволяет определить военную безопасность как постоянную готовность военной организации к вооруженной защите жизненно важных интересов личности, общества и государства и вооруженную их защиту от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения (для краткости военной безопасности можно считать готовность военной организации к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации и ее союзников).

В Стратегии 2020 г. используются термины «оборона и безопасность государства», «национальная оборона», «военная безопасность». В связи с этим необходимо рассмотреть их соотношение.

В научной литературе встречаются два принципиальных подхода к понятию военной безопасности. В первом из них военная безопасность, по существу, отождествляется с обороной и понимается как защищенность государства от внешних угроз (нарушения границ, вторжения на его территорию, вооруженных посягательств на его целостность и суверенитет)¹²⁸.

Сторонники другого подхода рассматривают оборону как исключительно способность страны к отражению военной агрессии, а в понятие военной безопасности включают, кроме военных мер, предотвращение внешней опасности дипломатическим путем или путем переговоров по различным общественным и экономическим каналам¹²⁹.

По нашему мнению, оба указанных подхода являются не совсем удачными.

В ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»¹³⁰ под обороной понимается система политических, экономических, военных, социальных,

¹²⁷ Готовность органов государственного и военного управления проявляется в их функционировании (деятельности), обеспечивающем выполнение стоящих перед компонентами военной организации задач по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации.

Боевая готовность военных сил в целом понимается как состояние, определяющее степень готовности войск к выполнению возложенных на них боевых задач (Старов Б. Ф. Обеспечение боевой готовности Вооруженных Сил Российской Федерации средствами прокурорского надзора: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1993. С. 5). Основными ее показателями (критериями оценки ее уровня) считаются состояние личного состава, вооружения и военной техники (укомплектованность соединений, частей, кораблей и подразделений личным составом, вооружением и военной техникой; содержание в исправном состоянии и готовым к применению оружия и военной техники); степень организационной готовности части к выполнению свойственных для нее задач (высокий уровень боевой подготовки войск, твердая воинская дисциплина).

Мобилизационная готовность заключается в способности к мобилизационному развертыванию военной организации, всех ее компонентов в отдельности. При этом, особенно важным является мобилизационное развертывание, прежде всего, Вооруженных Сил Российской Федерации.

Военно-экономическая готовность — это поддержание возможностей военно-экономического и военно-технического потенциалов государства на уровне, необходимом для реализации военной политики и надежного удовлетворения потребностей военной организации в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.

¹²⁸ Золотарев В. А. Указ. соч. С. 67—68; Общая теория безопасности (актуальные методологические и социально-политические проблемы) С. 26; Серебрянников В. В., Дерюгин Ю. И., Ефимов Н. Н., Ковалев В. И. Указ. соч. С. 317.

¹²⁹ Военная безопасность страны и Вооруженные Силы: проблемы и пути решения. Военно-теоретический труд. С. 38.

¹³⁰ СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.

правовых мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории. Как видно, оборона (национальная оборона) включает в себя не только «военный», или силовой, аспект, но и другие весьма важные стороны ее обеспечения — политическую, экономическую, социальную, правовую, технологическую и др. Сущность же военной безопасности заключается в защите жизненно важных интересов личности, общества и государства исключительно от военных угроз, связанных с *применением военной силы или угрозой ее применения* (курсив мой. — О. З.). В связи с этим военная безопасность представляет собой лишь одну из составных частей обороны (национальной обороны). Однако такое соотношение этих понятий будет не совсем точным.

Военная организация в настоящее время в целом предназначена не только для вооруженной защиты страны от внешней агрессии. Несмотря на то что военное (силовое) обеспечение обороны (национальной обороны) входит в компетенцию военных сил, тем не менее, они имеют и весьма разнообразные «внутренние» военные задачи. Их наличие обусловлено необходимостью вооруженного противодействия внутренним военным угрозам (например, борьба с терроризмом), следовательно, военная безопасность является компонентом не только внешней, но и внутренней безопасности государства.

Таким образом, понятия «военная безопасность» и «оборона» («национальная оборона»), «безопасность государства» являются пересекающимися, но не совпадающими или подчиненными. Военная безопасность представляет собой весьма специфический вид национальной безопасности Российской Федерации; она одновременно является одной из составляющих как обороны (национальной обороны), так и безопасности государства (имеется в виду внутренняя его безопасность)¹³¹.

В научной литературе обосновывался взгляд на «оборону СССР» как на специально охраняемый уголовным законом объект и соответственно на наличие в УК РСФСР системы преступлений против обороны¹³². Постановка в 50-х и середине 80-х гг. прошлого века такой проблемы и ее решение в целом были правильными, поскольку армия и флот предназначались исключительно для выполнения задач по защите страны от внешнего врага. Однако уже в 90-х гг. ситуация изменилась кардинальным образом. Военную организацию стали привлекать для решения внутренних задач. Понятие «оборона» перестало отражать все аспекты деятельности военной организации. Видимо, с учетом этих обстоятельств уже в конце XX в. появляется новое понятие — «военная безопасность», которое более точно отражает содержание новой военной политики Российской Федерации, допускающей использование ее военной организации для противодействия внутренним угрозам, в том числе и «невоенными» методами.

Изложенное позволяет считать именно военную безопасность понятием, которое наиболее полно и всесторонне отражает современную структуру и предназначение военной организации.

В понятийном аппарате теории безопасности встречается термин «безопасность военной службы»¹³³. В ст. 20 УВС ВС РФ говорится, что каждый военнослужащий должен знать и соблюдать в повседневной деятельности требования безопасности военной службы. Глава 7 УВС ВС РФ полностью посвящена безопасности военной службы, которая заключается в поддержании в полку (подразделении) условий военной службы и порядка ее несения, обеспечивающих защищенность личного состава и каждого военнослужащего в отдельности, а также местного населения, его имущества и окружающей среды от воздействия опасных факторов военной службы, возникающих в ходе повседневной деятельности полка (подразделения) (ст. 317 УВС ВС РФ).

¹³¹ Более глубокий анализ места военной безопасности в системе национальной безопасности требует самостоятельного исследования, что выходит за рамки настоящей работы.

¹³² *Меньшагин В.Д.* Преступления против обороны СССР: учеб. пособие для слушателей ВЮА КА. М., 1946. С. 3—22; *Шупленков В.П.* Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против обороны СССР: дис. докт. ... юрид. наук. М., 1986. С. 27—76.

¹³³ *Тер-Акопов А.А.* Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). С. 148—162.

Возникла потребность установления соотношения понятий «военная безопасность» и «безопасность военной службы». Основное их различие состоит в характере угрозы: если для военной безопасности — это военные угрозы, сопряженные с применением военной силы (например, вооруженное вторжение на территорию России), то для безопасности военной службы — это «опасные факторы военной службы, возникающие в ходе повседневной деятельности полка (подразделения)» (в частности, существенное ухудшение состояния здоровья граждан призывного возраста, снижение уровня общеобразовательной, морально-психологической и физической подготовленности к исполнению воинской обязанности; низкий уровень воинской дисциплины; неудовлетворительное финансирование войск, недостаточное обеспечение продовольствием, вещевым и другим видами имущества, материальными и иными ресурсами (услугами), не позволяющее своевременно и в полном объеме доводить до каждого военнослужащего положенные нормы довольствия, реализовывать установленные законодательством льготы, организовывать боевую подготовку и поддерживать нормальные условия службы и быта).

Далее, суть военной безопасности — в готовности военной организации, позволяющей ей противостоять военным угрозам и тем самым обеспечивать защиту личности, общества и государства, а суть безопасности военной службы — в защищенности личного состава, местного населения, его имущества и окружающей среды. Кроме того, имеются различия в объектах и предметах военной безопасности и безопасности военной службы.

Выявленные различия военной безопасности и безопасности военной службы имеют значение для выделения из Особенной части УК РФ преступлений против военной безопасности (подробнее об этом см. параграф 1 гл. 2 настоящей работы).

Военная безопасность обеспечивается целым комплексом правовых норм (специальных правил) и, как следствие, различными правоотношениями. Последние являются второстепенными, вспомогательными по отношению к военной безопасности, их нарушение является, по сути, средством посягательства на нее, но «тем не менее они остаются объектом, поскольку лицо непосредственно может посягать на них как самостоятельную социальную ценность»¹³⁴. Правоотношения не могут существовать бесцельно, так как «не существует (во всяком случае, не должно существовать) правоотношений бесцельных, не ориентированных на достижение какого-либо социально полезного результата»¹³⁵. Такой целью в правоотношениях, обеспечивающих военную безопасность, по нашему мнению, является готовность военной организации к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации и ее союзников.

Совокупность таких правоотношений образует порядок деятельности военной организации, включающий в себя деятельность аппарата государственного (военного) управления; воинский учет; обязательную подготовку к военной службе; призыв на военную службу; прохождение военной службы по призыву и в добровольном порядке (по контракту); пребывание в запасе; призыв на военные сборы и их прохождение; деятельность гражданского персонала военной организации; мобилизацию; военно-экономическую деятельность.

¹³⁴ Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. С. 31.

¹³⁵ Протасов В.Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 104.

Глава 2. СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. Понятие и виды преступлений против военной безопасности Российской Федерации по УК РФ

Признание военной безопасности и порядка деятельности военной организации социальными ценностями, охраняемыми уголовным законом, предполагает, наряду с исследованием их сущности, необходимость решения вопросов о том, какие именно посягательства на них, на каком основании, в каких разделах (главах) и пределах должны влечь уголовную ответственность. Однако прежде чем предложить решения названных вопросов, следует определиться с тем, какие общественно опасные деяния в принципе могут быть отнесены к преступлениям против военной безопасности, а также какие их виды уже предусмотрены в УК РФ.

При определении понятия преступлений против военной безопасности следует учитывать особенности уголовно-правовой охраны военной безопасности и порядка деятельности военной организации. Указанные социальные ценности в данном случае являются «системообразующими» признаками.

В УК РФ имеется специальный раздел — разд. XI, в котором, на наш взгляд, в качестве основного объекта охраняется военная безопасность, обеспечиваемая порядком прохождения военной службы и порядком прохождения военных сборов. Однако эти социальные ценности защищаются не только в разд. XI, но и в других разделах Особенной части УК РФ. В первую очередь следует сказать о разд. X УК РФ, где военная безопасность и соответствующий порядок прохождения военной службы в отдельных нормах являются основными объектами уголовно-правовой охраны. К примеру, совершенные военнослужащими государственная измена, разглашение сведений в военной области, отнесенных к государственной тайне (гл. 29 УК РФ), должностные преступления (гл. 30 УК РФ) причислены в первую очередь военной безопасности, что дает нам основания относить указанные деяния к анализируемым преступлениям.

В других разделах (главах) Особенной части УК РФ имеются так называемые «универсальные» нормы, которые, наряду с другими социальными ценностями, охраняют также военную безопасность и порядок прохождения военной службы¹. При этом, данные социальные ценности защищаются в качестве дополнительных или факультативных объектов уголовно-правовой охраны. Например, в п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ (гл. 16) военную безопасность можно считать дополнительным объектом, влияющим на квалификацию содеянного. В ст.ст. 158—163 УК РФ (гл. 21), в ст.ст. 225, 226 УК РФ (гл. 24) военная безопасность и соответствующие правоотношения охраняются в качестве факультативных объектов, причинение им вреда может быть в конкретных случаях учтено путем признания наступления тяжелых последствий отягчающим обстоятельством (подробнее об этих преступлениях будет сказано ниже). Предусмотренные в таких нормах преступления в случае совершения их военнослужащими и причинения вреда военной безопасности могут быть также отнесены к группе преступлений против военной безопасности.

В Особенной части УК РФ имеются нормы, в которых охраняются военная безопасность и другие, кроме порядка прохождения военной службы (военных сборов), обеспечивающие ее правоотношения (в частности, в ст. 201 УК РФ ими являются военно-экономические отношения, в ст. 328 УК РФ — отношения в сфере комплектования военной организации).

¹ На существование таких норм обращал внимание в свое время А.А. Тер-Акопов (*Тер-Акопов А.А. Развитие системы советского военно-уголовного законодательства // 50 лет военно-юридического образования в СССР: сб. докладов науч.-практ. конф. М., 1987. С. 113—122*).

Рассмотрим более подробно указанные выше преступления против военной безопасности.

1. Основу (ядро) системы преступлений против военной безопасности составляют преступления, нарушающие порядок прохождения военной службы. Эти преступления совершаются военнослужащими и предусмотрены главным образом в гл. 33 УК РФ².

В ст. 331 УК РФ устанавливается, что преступлениями против военной службы признаются предусмотренные гл. 33 УК РФ преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими и гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Использование в ст. 331 УК РФ для обозначения объекта уголовно-правовой охраны только понятия «порядок прохождения военной службы» является неполным. Во-первых, этот «порядок» не является «объектом-целью», нормы этой главы предназначены в первую очередь для охраны иной социальной ценности — военной безопасности. Во-вторых, порядок прохождения военной службы, как было показано выше, обеспечивает не только военную безопасность, но и другие виды безопасности социума. Анализ гл. 33 УК РФ свидетельствует о том, что в ней предусмотрены преступления, хотя и нарушающие порядок прохождения военной службы, но при этом не причиняющие вреда военной безопасности (ст.ст. 349—352 УК РФ) (подробнее об этом будет сказано ниже). В-третьих, преступления, совершаемые лицами, пребывающими в запасе, нарушают порядок прохождения военных сборов, а не военной службы.

Понятие преступлений против военной службы, приведенное в ст. 331 УК РФ, нельзя считать «родовым», поскольку такие преступления предусмотрены не только в гл. 33, но и в других главах Особенной части УК РФ. Следовательно, данное понятие «не перекрывает» все виды преступлений против военной службы.

Следует обратить внимание и на название указанных преступлений. Получается, что они посягают на «военную службу». Однако мы установили, что главным их объектом является военная безопасность, которая, в свою очередь, обеспечивается не только порядком прохождения военной службы, но и иными видами деятельности военной организации. Субъектами преступлений против военной безопасности могут быть не только военнослужащие и граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов, но и другие «гражданские» лица.

С учетом изложенного определение преступлений против военной службы в гл. 33 УК РФ следует признать неудачным, оно не позволяет четко разграничить преступления против военной службы, предусмотренные в этой главе, от иных преступлений против военной службы, не ясен и критерий отбора воинских общественно опасных деяний в эту главу.

Преступления, предусмотренные в данной главе, исходя из содержания порядка прохождения военной службы, можно разделить на следующие группы: 1) преступления против порядка воинских уставных взаимоотношений (ст.ст. 332—336 УК РФ); 2) преступления против порядка пребывания на военной службе (ст.ст. 337—339 УК РФ); 3) преступления против порядка несения специальных видов военной службы (ст.ст. 340—344 УК РФ); 4) преступления против порядка несения военной службы в особых условиях (ст. 345 УК РФ); 5) преступления против порядка сбережения военного имущества (ст.ст. 346—348 УК РФ); 6) преступления против порядка эксплуатации военно-технических средств (ст.ст. 349—352 УК РФ).

Указанные преступления, за исключением нарушений порядка эксплуатации военно-технических средств (подробнее об этом будет сказано ниже), составляют основу системы преступлений против военной безопасности.

К преступлениям против военной безопасности, как отмечалось, могут быть отнесены отдельные преступления военнослужащих против личности, собственности, общественной безопасности и государственной власти.

² Об этом свидетельствуют и статистические данные о судимости военнослужащих. По нашим подсчетам за преступления против военной безопасности в 2012 г. осуждены примерно 3 600 человек, или 60 % от всех осужденных военными судами (свыше 6 000 человек). При этом, по гл. 33 УК РФ привлечены к ответственности 2 563 лица, или 42 % от всех осужденных военными судами.

В гл. 33 УК РФ не предусмотрено специальных норм об умышленном лишении жизни (убийстве) одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы. Ответственность за совершение этого преступления наступает на общих основаниях. Вместе с тем, такое убийство всегда сопряжено с нарушением порядка уставных взаимоотношений между военнослужащими и должно квалифицироваться по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ³ по признаку «в связи с осуществлением потерпевшим военнослужащим служебной деятельности»⁴. Убийство военнослужащего может быть результатом (последствием) превышения воинским должностным лицом своих должностных полномочий.

Бережное отношение военнослужащего к военному имуществу, содержание в постоянной боевой готовности вверенного ему вооружения и боевой техники — одно из требований военной службы, закрепленных в воинских уставах. Преступления, нарушающие порядок сбережения оружия, боеприпасов, предметов военной техники и другого военного имущества, представляют собой в целом посягательство на военную безопасность. Однако указанные социальные ценности охраняются не только в гл. 33 УК РФ (ст.ст. 346—348), но и в гл. 21 УК РФ. Уголовная ответственность военнослужащих за хищение или вымогательство военного имущества, несмотря на то, что эти преступления причиняют вред военной безопасности, наступает на общих основаниях по соответствующим статьям УК РФ о преступлениях против собственности (ст.ст. 158—163)⁵.

Представляется, что характер общественной опасности рассмотренных «общегосударственных» преступлений против военной безопасности, совершенных военнослужащими, учтен в названных нормах и нет необходимости предусматривать «аналогичные» деяния в разд. XI УК РФ⁶. Вместе с тем, в процессе применения соответствующих норм необходимо обязательно учитывать то, что эти «общегосударственные» деяния военнослужащих сопряжены с нарушением порядка прохождения военной службы и причинением вреда военной безопасности⁷.

С учетом изложенного можно предложить все преступления, связанные с нарушением порядка прохождения военной службы, называть «воинскими», при этом те из них, которые причиняют вред военной безопасности и предусмотрены в разд. XI УК РФ, считать «специально воинскими», а все иные — «общими воинскими» (именно в таком значении эти термины употребляются в настоящей работе). В разд. XI УК РФ следует сформулировать понятие «специальные воинские преступления» — это предусмотренные данным разделом виновно совершенные военнослужащими или гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов, нарушения установленного порядка прохождения военной службы или военных сборов, причинившие вред военной безопасности Российской Федерации.

2. Пребывание граждан в запасе, их призыв на военные сборы и прохождение военных сборов являются, как отмечалось, формами реализации воинской обязанности, которые направлены на подготовку обученных резервов военной организации для военного времени.

³ В этой норме военная безопасность и порядок уставных взаимоотношений между военнослужащими охраняются в качестве дополнительных объектов.

⁴ Убийство может быть совершено из мести за те или иные действия потерпевшего по службе (например, лишение жизни начальника за отказ в переводе подчиненного к новому месту службы либо за отказ в предоставлении отпуска, убийство военнослужащим сослуживца за то, что последний доложил командиру о грубом нарушении им воинской дисциплины).

⁵ По информации Главной военной прокуратуры, при снижении общего количества учтенных преступлений число выявленных фактов мошенничества с использованием служебного положения в 2013 г. возросло почти в полтора раза (URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-83576> (дата обращения: 11.07.2013)).

⁶ В Особенной части УК РФ, в гл. 30, указаны преступления, нарушающие порядок военного управления и причиняющие вред военной безопасности (так называемые воинские должностные преступления). Однако, как полагает автор, в целях повышения эффективности охраны порядка военного управления и военной безопасности необходимо предусмотреть специальные виды таких преступлений в разд. XI УК РФ (подробнее об этом будет сказано в гл. 2 настоящей работы).

⁷ Это обстоятельство, на наш взгляд, должно приниматься во внимание при индивидуализации наказания за данные преступления.

В настоящее время создается новая система подготовки и накопления мобилизационных людских ресурсов военной организации, которая призвана обеспечить гарантированное доукомплектование Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в установленные сроки военно-обученными мобилизационными людскими ресурсами как в период мобилизации, так и для разрешения кризисных ситуаций. В этих целях принят Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 288-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания мобилизационного людского резерва»⁸.

С 1 января 2013 г. в составе запаса Вооруженных Сил Российской Федерации, запаса Службы внешней разведки Российской Федерации и запаса Федеральной службы безопасности Российской Федерации выделяется мобилизационный людской резерв, в который граждане будут включаться на добровольной основе путем заключения с ними контракта. Остальные граждане, пребывающие в запасе, будут относиться к мобилизационному людскому ресурсу.

Основной формой подготовки к военной службе всех граждан, пребывающих в запасе, остается прохождение ими военных сборов. Кроме этого, подготовка резервистов будет обеспечиваться путем привлечения их к мероприятиям оперативной, мобилизационной, боевой подготовки и тренировочным занятиям в конкретных воинских частях, в которые в соответствии с контрактом они предназначаются.

Мы в целом разделяем позицию законодателя, установившего уголовную ответственность для граждан, пребывающих в запасе, в период прохождения ими военных сборов⁹. Однако считаем, что в ст. 331 УК РФ они необоснованно признаны субъектами преступлений против военной службы. Указанные лица имеют особое правовое положение, их статус существенно отличается от статуса военнослужащего. В отличие от последних такие граждане нарушают не порядок прохождения военной службы, а порядок прохождения военных сборов.

При буквальном толковании ч. 1 ст. 331 УК РФ можно прийти к выводу, что в отношении граждан, пребывающих в запасе, в период прохождения ими военных сборов применимы все без исключения нормы гл. 33 УК РФ. Однако такой подход не учитывает особенности их правового статуса и сущность самих военных сборов¹⁰. По нашему мнению, указанные лица в настоящее время могут быть привлечены к ответственности за преступления против военной безопасности, предусмотренные ст.ст. 332—337 и ст.ст. 344, 346—348 УК РФ (подробнее об этом см. гл. 3 настоящей работы). Это обстоятельство следует учесть и при выработке теоретической модели преступлений против военной безопасности.

3. Особое место в системе преступлений против военной безопасности занимают преступления, связанные с нарушением порядка государственного и военного управления военной организацией, уголовная ответственность за которые предусмотрена главным образом в гл. 30 УК РФ. Их субъектами являются военнослужащие¹¹ и гражданский персонал военной организации, обладающие признаками должностного лица (согласно примечанию к ст. 285 УК РФ).

⁸ Рос. газ. 2013. 11 янв.

⁹ Такой подход обусловлен историческим развитием отечественного военно-уголовного законодательства. Кроме того, он характерен для военно-уголовного законодательства некоторых иностранных государств. Например, ст. 450 УК КНР в качестве субъектов преступлений против воинского долга определяет резервистов, выполняющих военные задачи. В военно-уголовном законодательстве США существуют некоторые особенности уголовной ответственности лиц, находящихся в резерве. Единый кодекс военной юстиции относит личный состав резерва во время прохождения им сборов к субъекту воинских преступлений. По военно-уголовному законодательству Великобритании «резервисты» также подлежат уголовной ответственности за воинские преступления.

¹⁰ Подробнее об этом см., напр.: *Фатеев К.В.* О военных сборах и правовом статусе граждан, пребывающих в запасе, во время прохождения военных сборов // *Право в Вооруженных Силах* — Военно-правовое обозрение. 2008. № 8; *Корнишин С.В.* О некоторых вопросах распространения статуса военнослужащих на граждан, призванных на военные сборы // Там же. 1999. № 11; *Калыкин Д.В.* Субъект воинского преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 65—97.

¹¹ Должностные преступления в случае их совершения военнослужащими нарушают порядок прохождения военной службы (порядок военного управления).

На наш взгляд, вред военной безопасности причиняют не только преступления, предусмотренные ст.ст. 285, 286 и 293 УК РФ, как об этом пишут ряд авторов¹², но и нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285¹ УК РФ), нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285² УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) и служебный подлог (ст. 292 УК РФ)¹³.

Указанные преступления можно условно назвать общими должностными преступлениями против военной безопасности.

В учении о должностных преступлениях, наряду с общими их видами, предусмотренными в гл. 30 УК РФ, выделяют их специальные составы в других главах¹⁴.

Специальные должностные преступления против военной безопасности предусмотрены в гл. 33 УК РФ, к ним относятся:

а) неисполнение приказа (ст. 332 УК РФ), которое может выразиться в неиспользовании начальником полномочий представителя власти, организационно-распорядительных или административно-хозяйственных полномочий;

б) оскорбление начальником подчиненного во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы (ч. 2 ст. 336 УК РФ);

в) преступления, нарушающие порядок несения специальных видов военной службы и совершенные должностными лицами (ст.ст. 340 — 344 УК РФ);

¹² А.А. Тер-Акопов к числу «должностных преступлений против военной службы», или «воинских должностных преступлений», относил злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и служебную халатность (ст. 293 УК РФ). Бездействие власти, по мнению названного ученого, в новом УК РФ не предусмотрено (Преступления против военной службы. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: науч.-практ. коммент. УК РФ / Х.М. Ахметшин, Н.А. Петухов, А.А. Тер-Акопов, А.Т. Уколов. М., 1999. С. 175, 181—186).

¹³ То, что указанные должностные преступления причиняют вред военной безопасности, подтверждает информация заместителя Генерального прокурора Российской Федерации — главного военного прокурора С. Фридинского, которую он сообщил на координационном совещании правоохранительных органов с участием руководителей Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, органов военной контрразведки и Пограничной службы ФСБ России, представителей Счетной палаты, военных следственных органов, Министерства обороны Российской Федерации и МЧС России, Главного командования внутренних войск МВД России, других ведомств, состоявшая 11 июля 2013 г.

В частности, С. Фридинский заявил, что военными прокурорами только в текущем году выявлено свыше 7 тыс. нарушений законов коррупционного характера. По требованию военной прокуратуры к административной и дисциплинарной ответственности привлечено более 1,1 тыс. нарушителей закона, в отношении 505 лиц возбуждены уголовные дела. Свыше 1,3 миллиарда рублей из похищенных бюджетных средств возвращены в государственную казну.

При снижении общего количества учтенных преступлений каждое пятое имеет коррупционную направленность. Сохраняется высокий уровень взяточничества, должностных подлогов, превышения должностных полномочий из корыстных побуждений. При этом, каждое третье коррупционное преступление совершается госслужащими и гражданским персоналом. Размер материального ущерба, причиненного государству коррупционными преступлениями в текущем году, возрос в 5,5 раза и превысил 4,4 миллиарда рублей (URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-83576> (дата обращения: 11.07.2013).

¹⁴ Специальные должностные преступления совершаются конкретно в законе определенными должностными лицами либо в определенной, указанной в законе сфере деятельности. В юридической литературе предлагаются следующие их виды: 1) преступления, совершаемые только должностным лицом, специально выделенным в диспозициях статей (например, ст.ст. 140, 149, 169, 170 УК РФ); 2) преступления, совершаемые с «использованием служебного положения», что указывается в диспозициях (ч. 2 ст. 128, ч. 2 ст. 136, ч. 2 ст. 137 УК РФ и др.); 3) преступления, в которых в качестве исполнителя назван конкретный субъект, права и обязанности которого имеют должностной характер, — член избирательной комиссии; лицо, на котором лежали обязанности по соблюдению правил техники безопасности и охраны труда и др. (ст.ст. 142, 143, 145, 156, 176, 177, 195 УК РФ и др.); 4) преступления, в которых субъект не назван, но сам характер деяния таков, что оно может быть совершено только должностным лицом (ст.ст. 299, 301 УК РФ и др.); 5) преступления, которые могут быть совершены как должностными лицами с использованием служебного положения, так и частными лицами.

г) оставление погибающего военного корабля командиром, не исполнившим до конца свои служебные обязанности (ст. 345 УК РФ)¹⁵.

Система специальных должностных преступлений против военной безопасности в разд. XI УК РФ должна быть значительно расширена (подробнее об этом будет сказано ниже).

4. Ответственность за нарушение порядка комплектования военной организации предусмотрена в ст. 328 УК РФ (уклонение от призыва на военную службу и от прохождения альтернативной гражданской службы).

Формами реализации конституционной обязанности по защите Отечества являются призыв на военную службу в соответствии с требованиями Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»¹⁶ и прохождение альтернативной гражданской службы вместо военной службы по призыву в порядке, установленном Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе»¹⁷.

Призыв на военную службу является основой порядка комплектования военной организации. Уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы ведет к неукомплектованности личным составом военных сил, которые могут оказаться в результате «некомплекта» не способными выполнить стоящие перед ними боевые задачи, что, в свою очередь, снижает уровень готовности в целом военной организации к вооруженной защите Российской Федерации, т. е. в итоге причиняет вред военной безопасности.

Основной формой реализации воинской обязанности граждан является несение военной службы согласно федеральному законодательству. Вместе с тем, ст. 59 Конституции Российской Федерации, как отмечалось, предоставляет возможность гражданам заменить военную службу на альтернативную гражданскую службу, если их убеждения или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях.

Гражданин, которому военная служба была заменена на альтернативную гражданскую службу, должен ее проходить в течение установленного срока в той или иной организации, куда он был направлен военным комиссариатом. Местом прохождения такой службы в качестве гражданского персонала могут быть и организации Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов. В таких случаях различные формы уклонения от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы непосредственно причиняют вред военной безопасности. Однако и гражданин, проходящий альтернативную гражданскую службу в «гражданских» организациях (больницах и т. п.) и уклоняющейся от нее, также причиняет вред военной безопасности, поскольку он не только «не трудится», но еще и не обучается военному делу. Эти обстоятельства обуславливают общественную опасность данного деяния, необходимость его криминализации, а также отнесение его к преступлениям против военной безопасности.

5. Анализ действующего уголовного законодательства свидетельствует, что в нем отсутствуют деяния, которые нарушают порядок подготовки к мобилизации, порядок мобилизации, порядок обеспечения военного положения (военного времени)¹⁸. В настоящее время ответственность за отдельные виды нарушений указанных порядков установлена в административном законодательстве. Например, неисполнение военно-транспортных мобилизационных обязанностей влечет ответственность по ст. 19.25 КоАП РФ.

С таким положением в части уголовной ответственности вряд ли можно согласиться. На наш взгляд, имеются основания для дополнения УК РФ нормами, предусматривающими ответственность за наиболее опасные виды нарушений указанных порядков (подробнее об этом будет сказано ниже).

¹⁵ Более подробно об этом см.: *Зателепин О.К.* Квалификация преступлений против военной безопасности государства: моногр. М., 2009. С. 53—58.

¹⁶ СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

¹⁷ Там же. 2002. № 30. Ст. 3030.

¹⁸ В УК РСФСР 1960 г. признавались государственными преступлениями — уклонение от призыва по мобилизации (ст. 81), уклонение в военное время от выполнения повинностей и уплаты налогов (ст. 82), преступлениями против порядка управления — уклонение военнообязанного от учебных или поверочных сборов и воинского учета (ст. 1981).

6. Военно-экономическое обеспечение военной безопасности является важным элементом системы ее обеспечения¹⁹. Основной его задачей является создание условий для устойчивого развития и поддержания возможностей военно-экономического и военно-технического потенциалов государства на уровне, необходимом для реализации военной политики и надежного удовлетворения потребностей военной организации в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.

Частные задачи военно-экономического обеспечения включают в себя: а) достижение уровня финансового и материально-технического обеспечения военной организации, достаточного для решения возложенных на нее задач; б) оптимизацию расходов на оборону, рациональное планирование и распределение финансовых и материальных ресурсов, направляемых на обеспечение военной организации, повышение эффективности их использования; в) своевременное и полное ресурсное обеспечение выполнения планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их применения, боевой, специальной и мобилизационной подготовки и других потребностей военной организации; г) концентрацию научных сил, финансовых и материально-технических ресурсов для создания условий качественного оснащения (перееоснащения) Вооруженных Сил и других войск; д) интеграцию в определенных сферах производства гражданского и военного секторов экономики, координацию военно-экономической деятельности государства в интересах обеспечения обороны; е) обеспечение правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения; ж) выполнение обязательств Российской Федерации в соответствии с заключенными ею международными договорами в военно-экономической сфере²⁰.

Порядок военно-экономической деятельности регулирует, в частности, государственный оборонный заказ; реализацию и сдачу в аренду имущества, находящегося в собственности военных организаций; управление предприятиями, входящими в структуру военных организаций.

Закупка военного имущества осуществляется посредством государственного оборонного заказа. Суть последнего заключается в поставках в военную организацию боевого оружия, боеприпасов, военной техники, другого военного имущества, комплектующих изделий и материалов в целях поддержания необходимого уровня ее боевой готовности, а также выполнении работ и предоставлении услуг в указанных целях.

Приоритетным направлением государственной политики нашей страны в области обеспечения военной безопасности является успешная реализация Государственной программы вооружения. Это направление, требующее объединения усилий по выполнению государственного оборонного заказа со стороны предприятий ОПК и государственных заказчиков — федеральных органов исполнительной власти. Функции государственного заказчика по размещению заказов, заключению, оплате, контролю и учету выполнения госконтрактов по оборонному заказу осуществляет Федеральное агентство по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств (Рособоронпоставка).

Нарушения порядка военно-экономической деятельности, безусловно, причиняют вред военной безопасности и должны влечь ответственность по законодательству

¹⁹ Следует обратить внимание на то, что проблема уголовно-правовой охраны военно-экономической безопасности в современных условиях требует самостоятельного и углубленного исследования. К сожалению, автору не удалось обнаружить комплексных работ по этой проблеме. При этом, имеются работы, посвященные отдельным проблемам квалификации преступлений в сфере финансово-экономического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, совершаемых военнослужащими с использованием служебного положения (см., напр.: *Тарасов А.А.* Квалификация преступлений, совершаемых в сфере финансовой деятельности воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 183 с.; *Черный Р.Б.* Уголовная ответственность за преступления в сфере экономического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, совершаемые военнослужащими с использованием служебного положения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 191 с.).

²⁰ В Военной доктрине 2010 г. содержится специальный раздел, посвященный военно-экономическому обеспечению обороны.

ву Российской Федерации. К числу таких нарушений можно отнести, в частности, продажу имущества по заниженным ценам, коммерческий подкуп при заключении госконтрактов, нарушение правил проведения тендеров, использование контрафактной продукции (например, когда бывшие в употреблении комплектующие и запасные части военной техники с полностью выработанным ресурсом эксплуатации не утилизируются, а подвергаются «косметическому ремонту», выдаются за новые и снова вводятся в оборот); неисполнение, в том числе ненадлежащее, госконтрактов.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации — главный военный прокурор С. Фридинский полагает, что в военной организации в наибольшей степени подвержены коррупции сферы распределения и использования средств федерального бюджета, в первую очередь выделяемых на государственный оборонный заказ. Кроме этого, он отмечает, что широкое распространение получили нарушения при планировании заданий и подготовке конкурсов, привлечении к исполнению государственных контрактов посредников и фирм-однодневок, не обладающих ни производственными, ни трудовыми ресурсами. Факты коррупции распространены при использовании, распоряжении, высвобождении и реализации государственной собственности. Значительные проблемы имеются и при организации питания личного состава, обеспечения военных городков тепло- и энергоресурсами. Несмотря на обещания экономии денег, эти услуги значительно подорожали при снижении качества их предоставления. Государственный бюджет несет потери от реализации коррупционных схем в капитальном строительстве военных объектов в результате оплаты неисполненных работ и составления «липовой» отчетной документации. Ранее принятые в Министерстве обороны Российской Федерации решения по передаче функций эксплуатации, содержания и обслуживания объектов военной инфраструктуры специализированным организациям, как считает С. Фридинский, не искоренили нарушения при использовании бюджетных средств и привели к потерям на сотни миллионов рублей²¹.

Анализ федеральных законов от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»²² и от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»²³ показывает, что нарушения порядка военно-экономической деятельности (с учетом специфики рыночной экономики и соответствующих правоотношений) в основном влекут гражданско-правовую ответственность. Вместе с тем, не исключаются и иные виды юридической ответственности, в том числе и уголовная.

В УК РФ отсутствуют отдельные (специальные) нормы, предусматривающие ответственность за посягательство на военную безопасность посредством нарушения военно-экономических отношений. Следует обратить внимание на то, что их не было и в УК РСФСР 1960 г.²⁴

Однако вышесказанное не означает, что военная безопасность от таких посягательств вообще не защищается в уголовном законе. По нашему мнению, она охраняется в качестве факультативных объектов в некоторых статьях гл. 21 УК РФ: например, ст. 159 УК РФ (мошенничество), ст. 159⁴ УК РФ (мошенничество в сфере предпринимательской деятельности), ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата), ст. 189 УК РФ (незаконные экспорт или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники), ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями), ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп). К примеру, в случае хищения денежных средств, выделенных на поставку военной техники в соответствии с государственным контрактом по государственному оборонному заказу, не только причиняется

²¹ URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-83576> (дата обращения: 11.07.2013).

²² Рос. газ. 2012. 30 дек.

²³ СЗ РФ. 2005. № 30. Ч. 1. Ст. 3105.

²⁴ С определенными оговорками к их числу можно было отнести ст. 69 УК РСФСР (вредительство), ст. 78¹ УК РСФСР (незаконный экспорт товаров, научно-технической информации и услуг, используемых при создании вооружения и военной техники, оружия массового уничтожения), ст. 152 УК РСФСР (выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции).

имущественный вред собственнику этих денежных средств (государству), но и терпит ущерб военная безопасность, поскольку в результате такого преступления военная техника не поступила на вооружение военной организации в установленные контрактом сроки.

Таким образом, изложенное позволяет утверждать, что преступлениями против военной безопасности являются предусмотренные Особенной частью УК РФ виновно совершенные общественно опасные деяния, выражающиеся в нарушении установленного порядка деятельности военной организации и причиняющие вред военной безопасности. Значительная часть таких преступлений предусмотрена в разд. XI УК РФ. Вместе с тем, отдельные их виды встречаются и в других разделах Особенной части УК РФ.

К преступлениям против военной безопасности относятся:

а) посягательства на порядок прохождения военной службы, предусмотренные в гл. 33 УК РФ (ст.ст. 332—348);

б) посягательства на порядок прохождения военной службы, предусмотренные в иных главах Особенной части УК РФ (ст.ст. 105, 158—163, 165, 167, 168, 275, 283, 284, 225, 226);

в) посягательства на порядок пребывания в запасе (ст.ст. 332—337, 344—348);

г) посягательства на порядок управления военной организацией (ст.ст. 285, 285¹, 285², 286, 290, 292, 293, 332, 336, 340—344, 345);

д) посягательства на порядок военно-экономической деятельности (ст.ст. 159, 159⁴, 160, 189, 201, 204).

Анализ статистических данных о судимости военнослужащих за преступления против военной безопасности за период с 2000 по 2012 гг. свидетельствует о наличии в целом негативных тенденций.

С 2001 по 2003 гг. судимость военнослужащих снижалась (2000 г. — 13 908, 2001 г. — 14 195, 2002 г. — 13 341, 2003 г. — 12 909), с 2004 по 2006 гг. зафиксирован ее рост (2004 г. — 14 119, 2005 г. — 14 887, 2006 г. — 16 282), с 2007 г. вновь наблюдается снижение (2006 г. — 16 282, 2007 г. — 13 584, 2008 г. — 11 046, 2009 г. — 10 439, 2010 г. — 9 659, 2011 г. — 7 150), 2012 г. — 6 047. Примерно такая же динамика наблюдается и с судимостью за воинские преступления — гл. 33 УК РФ (2006 г. — 10 554, 2007 г. — 7 947, 2008 г. — 6 801, 2009 г. — 6 619, 2010 г. — 5 722, 2011 г. — 3 622), 2012 г. — 2 563. С учетом доли судимости за воинские преступления, которая в среднем составляет примерно половину от числа всех осужденных (2006 г. — 52,39 %, 2007 г. — 54,62 %, 2008 г. — 55,13 %, 2009 г. — 57,11 %, 2010 г. — 52,65 %, 2011 г. — 44,63 %, 2012 г. — 42,4 %), можно утверждать, что общая судимость военнослужащих сократилась в основном за счет снижения судимости за воинские преступления. При этом, как отмечалось, такое положение дел обусловлено главным образом сокращением численности военной организации Российской Федерации, и прежде всего ее Вооруженных Сил.

Если анализировать только приведенные статистические данные, то в целом складывается вполне благоприятная картина с преступностью и судимостью военнослужащих — наличие устойчивой положительная динамика.

Однако преступления против военной безопасности не ограничиваются воинскими преступлениями, предусмотренными в гл. 33 УК РФ. К их числу мы относим и другие общественно опасные деяния, ответственность за которые установлена в иных главах Особенной части УК РФ. К сожалению, в официальных формах судебной статистики (формы № 1, 2 и 10-а) отсутствуют данные о числе осужденных военнослужащих за преступления против военной безопасности. В связи с этим при подсчете таких осужденных необходимо учитывать, прежде всего, официальные данные о лицах, привлеченных к ответственности по ст.ст. 285, 286, 293, ст.ст. 332—348 УК РФ. Кроме этого, из числа военнослужащих, осужденных по ст.ст. 105, 158—163, 165, 167, 168, 225, 226, 275, 283, 284 УК РФ, автор допускает возможность осуждения за преступления против военной безопасности примерно 150 человек²⁵.

Анализ судимости военнослужащих за преступления против военной безопасности дает другую картину. Так, несмотря на то, что с 2000 г. судимость сократилась

²⁵ Этот показатель хотя и требует дополнительной проверки, но в принципе существенно не влияет на размер соответствующего показателя и его динамику. Таким образом, имеющиеся статистические погрешности вполне приемлемы для целей настоящего исследования.

почти наполовину (48,6 %), доля осужденных за преступления против военной безопасности по нашим экспертным подсчетам выросла с 51 % в 2000 г. до 60 % в 2012 г. (2001 г. — 50 %, 2002 г. — 59 %, 2003 г. — 64,4 %, 2004 г. — 69,3 %, 2005 г. — 66,3 %, 2006 г. — 63 %, 2007 г. — 67,5 %, 2008 г. — 69 %, 2009 г. — 70 %, 2010 г. — 67,5 %, 2011 г. — 64 %, 2012 г. — 60 %).

Среди всех осужденных за преступления против военной безопасности в 2000—2012 гг. различным образом уклонились от военной службы (ст.ст. 337—339 УК РФ) 48 %, около 31 % нарушили уставные правила взаимоотношений между военнослужащими (ст.ст. 332—336 УК РФ), 22 % злоупотребили служебными полномочиями или превысили их (ст.ст. 285, 286 УК РФ). Эти преступления являются наиболее опасными для военной безопасности.

Доля осужденных в 2000—2012 гг. офицеров составила в среднем 15 % (при этом, в 2000 г. — 10 %, а в 2010 г. — 18,5 %). Такие высокие показатели офицерской судимости свидетельствуют о существенных недостатках в подготовке и воспитании командного состава.

Рост судимости за преступления против военной безопасности за последние 12 лет на фоне сокращения численности военной организации, значительное количество осужденных за наиболее опасные преступления против военной безопасности, беспрецедентно высокие показатели офицерской судимости свидетельствуют, с одной стороны, о низком уровне воинской дисциплины и правопорядка в военной организации, а с другой — о невысокой эффективности имеющихся уголовно-правовых средств охраны военной безопасности.

Кроме этого, не ведется сбор статистических данных о судимости невоинслужащих (гражданских лиц) за посяательства на военную безопасность.

Во многом такое положение дел обусловлено отсутствием в теории уголовного права концепции преступлений против военной безопасности и, как следствие, «разбросанностью» таких преступлений по всей Особенной части УК РФ, что негативно влияет на сбор статистических данных и не позволяет увидеть реальное положение дел в сфере уголовно-правового обеспечения военной безопасности.

Система преступлений против военной безопасности нуждается в совершенствовании, в ходе которого следует по возможности объединить их в разд. XI УК РФ²⁶, а также обратить внимание на те стороны военной безопасности, которые в настоящее время вообще не охраняются уголовным законом.

Целью уголовно-правовой политики в условиях наличия военных опасностей и угроз являются разработка и принятие мер по обеспечению адекватными и эффективными уголовно-правовыми средствами защиты военной безопасности как составляющей национальной безопасности Российской Федерации. При этом, уголовно-правовое обеспечение военной безопасности является насущной проблемой, ее решение не может быть поставлено в зависимость от того, когда в Российской Федера-

²⁶ При этом, исходной методологической посылкой является наличие в настоящее время в России единственного источника уголовного законодательства — УК РФ, что обуславливает и особенности процесса криминализации общественно опасных деяний против военной безопасности. Н.А. Шулепов отмечает, что в зависимости от законодательной техники, используемой в том или ином государстве, принадлежности его правовой системы к той или иной правовой семье, а также с учетом фактического положения вооруженных сил в политической системе конкретного общества обособление источников военно-уголовного права осуществляется по-разному. Так, в ряде стран, как и в России, юридические нормы, относящиеся к военно-уголовному законодательству, включены в уголовные кодексы (страны СНГ, Китай, Польша, Болгария, Македония и др.). В тех государствах, где предусмотрена возможность функционирования параллельно с УК других источников уголовного права, действуют специальные правовые акты, образующие военно-уголовное законодательство. Эти акты, дополняя уголовное законодательство положениями об особенностях уголовной ответственности военнослужащих, нередко именуются военно-уголовными кодексами (законами) и содержат в основном нормы материального уголовного права (Австрия, Германия, Дания, Испания, Нидерланды, Норвегия и др.). В ряде стран действуют кодексы военной юстиции, отличающиеся комплексным характером, т. е. наряду с нормами уголовного законодательства они содержат положения, которые можно отнести к иным отраслям права (США, Франция, страны Латинской Америки и др.) (Военно-уголовное право: учеб. / Х.М. Ахметшин [и др.]. М., 2008. С. 324—329).

ции будут разработаны и реализованы необходимые другие средства ее обеспечения (социальные, экономические, организационные и т. п.). Одной из таких мер является разработка теоретической модели преступлений против военной безопасности.

§ 2. Теоретическая модель системы преступлений против военной безопасности Российской Федерации и ее учет при совершенствовании уголовного законодательства

Научной основой для совершенствования уголовного законодательства может стать теоретическая модель системы преступлений против военной безопасности²⁷. При ее создании необходимо учитывать три важных момента: 1) военная безопасность должна, прежде всего, охраняться в разд. XI УК РФ, но при этом не исключается ее охрана и в других разделах Особенной части УК РФ; 2) основным способом формирования разд. XI УК РФ является криминализация правонарушений, не имеющих аналогов в Особенной части УК РФ; 3) «выделение» в разд. XI УК РФ правонарушений из общеуголовных норм, в которых охраняется военная безопасность, должно осуществляться только при недостаточности общеуголовного запрета.

Нормы действующей гл. 33 УК РФ, за исключением ст.ст. 340—352, должны составить основу теоретической модели системы преступлений против военной безопасности. Эти нормы следует включить в одну главу с названием «Специальные воинские преступления». В ней должны быть сосредоточены нарушения порядка прохождения военной службы и военных сборов, причиняющие вред военной безопасности. Представляется возможным в отдельной норме сформулировать и родовое понятие таких преступлений (об этом говорилось выше). При создании новых статей о специальных воинских преступлениях следует учесть необходимость, в частности:

а) новой конструкции воинских насильственных преступлений, нарушающих порядок уставных взаимоотношений между военнослужащими, согласно которой причинение по неосторожности любого вреда здоровью, а также умышленное причинение легкого вреда здоровью должны охватываться основными составами сопротивления начальнику или принуждения его к нарушению обязанностей военной службы, насильственных действий в отношении начальника, нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, а умышленное причинение средней тяжести и тяжкого вреда здоровью — квалифицированными и особо квалифицированными составами этих преступлений; необходимо изменить санкции за них таким образом, чтобы содеянное полностью охватывалось воинскими нормами и не требовало квалификации по совокупности с преступлениями против здоровья;

б) исключения дифференциации ответственности за уклонение от военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по призыву и по контракту; установления уголовно наказуемых сроков уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами; выделения нормы об ответственности за уклонение от прохождения военных сборов;

²⁷ При разработке такой модели автор учитывал результаты других исследований в этом направлении. Например, нормативно-правовую модель уголовного права военного времени, предложенную В.И. Боевым (*Боев В.И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 27—36*). Вопросы криминализации воинских общественно опасных деяний рассматриваются в трудах военных юристов (*Абдулаев З.М. Теоретические основы криминализации воинских общественно опасных деяний: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991; Ахметшин Х.М. Основные вопросы теории советского военно-уголовного законодательства и практики его применения. М., 1974; Ермолович Я.Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации: моногр. М., 2012; Тер-Акопов А.А. Правовые основания ответственности за воинские преступления: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1982; Самойлов А.С. Уголовная ответственность военнослужащих за нарушения правил обращения с оружием, веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989; Шупленков В.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против обороны СССР: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1986 и др.*)

в) криминализации нарушений уставных правил комендантской службы, повлекших тяжкие последствия;

г) уточнения способов приведения в негодное для использования или эксплуатации состояние оружия, боеприпасов или предметов военной техники.

Совершенствование разд. XI УК РФ путем криминализации принципиально новых правонарушений, посягающих на военную безопасность, является приоритетным направлением.

Под криминализацией общественно опасных деяний, посягающих на военную безопасность, следует понимать осуществляемое уполномоченным органом государственной власти определение и закрепление в уголовном законодательстве преступности деяний, причиняющих вред военной безопасности²⁸.

В соответствии с ч. 3 ст. 331 УК РФ уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время или в боевой обстановке, определяется законодательством военного времени. Таким образом, получается, что в гл. 33 УК РФ содержится система преступлений только для мирного времени, а воинские преступные деяния, совершаемые в военное время или в боевой обстановке, фактически «декриминализованы»²⁹.

Под военным временем следует понимать период нахождения Российской Федерации в состоянии войны с другим государством или группой государств с момента объявления федеральным законом состояния войны или фактического начала военных действий до момента объявления о прекращении военных действий, а в случае их продолжения после объявленного срока — не ранее их фактического прекращения³⁰.

Боевая обстановка представляет собой подготовку к бою и его ведение в условиях вооруженного соприкосновения с противником³¹. Военная организация и в мирное время может привлекаться (и реально привлекается) к выполнению боевых задач в условиях боевой обстановки (например, при проведении принудительных операций по решению ООН, в том числе по принуждению к миру, контртеррористических операций, отражении нападения на участках государственной границы, в ходе участия во внутренних вооруженных конфликтах немеждународного характера). Это обстоятельство должно быть учтено в действующем законодательстве. Специальные исследования показывают, что в условиях боевой обстановки наблюдается тенденция роста преступности среди военнослужащих³².

²⁸ Криминализация (декриминализация) общественно опасных деяний, посягающих на военную безопасность, базируется на общей теории криминализации (*Гальперин И.М.* Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 47—76; *Гринберг М.С.* Психофизиологические возможности человека и уголовная ответственность // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 43—58; *Злобин Г.А., Келина С.Г.* Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 45—56; Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М. 1982; *Тер-Акопов А.А.* Уголовная политика Российской Федерации: учеб. пособие. М., 1999. С. 24—31; *Яковлев А.М.* Социальные функции процесса криминализации // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 83—97 и др.).

²⁹ В данном случае под фактической «декриминализацией» имеется в виду то, что к уголовной ответственности лиц можно будет привлечь, но по нормам мирного времени, в санкциях которых не отражена степень общественной опасности деяний, совершаемых в военное время или в боевой обстановке. Вместе с тем, отдельные деяния, представляющие в условиях военного времени и боевой обстановки повышенную общественную опасность, не будут являться преступлениями (например, самовольное оставление части или места службы на срок менее двух суток, отдельные действия военнослужащих, находящихся в плену).

³⁰ Более подробно о содержании понятия военного времени см., напр.: Военно-уголовное право: учеб. С. 308—311.

³¹ О понятии «боевая обстановка» см., напр.: *Маликов С.В.* Правовое обеспечение, организация и методика расследования преступлений в боевой обстановке: моногр. М., 2004. С. 10—29.

³² Например, в период проведения контртеррористической операции в Чеченской Республике (1999—2003) среди военнослужащих, объединенной группировки войск (сил) рост уровня преступности составил +20 %. Доля преступлений против военной службы составила 43 %. Сре-

В уголовном праве существуют два противоположных мнения о необходимости включения в УК РФ преступлений против военной службы, совершаемых в военное время. Одни военные юристы полагают такое включение излишним, поскольку с точки зрения теории криминализации преступлениями могут быть признаны деяния, которые фактически совершаются либо для совершения которых имеются реальные предпосылки³³. Другие, обосновывая необходимость их включения, ссылаются на предпочтительность так называемой превентивной криминализации³⁴. Последняя позиция, в том числе и с учетом исторического опыта, представляется более убедительной. Такие преступления предусматривались УК РСФСР 1960 г. и в принципе могут быть взяты за основу при разработке соответствующей «подсистемы» преступлений для УК РФ³⁵. К нарушениям порядка прохождения военной службы в боевой обстановке и в районе военных действий можно отнести сдачу сил и средств ведения войны или оставление противнику средств ведения войны; самовольный выход из боя или отказ действовать оружием. С определенной долей условности преступлениями против военной безопасности можно признать добровольную сдачу в плен и преступные действия военнослужащих, находящихся в плену (см. приложение).

Кроме включения в разд. XI УК РФ новых, «боевых», статей, степень общественной опасности преступлений, совершаемых в условиях военного времени или боевой обстановки, должна быть отражена в квалифицированных или особо квалифицированных составах тех преступлений против военной безопасности, которые могут совершаться как в мирное, так и в военное время (см. приложение).

В ранее действовавшем военно-уголовном законодательстве предусматривалась также ответственность военнослужащих за мародерство (похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых), насилие над населением в районе военных действий (разбой, противозаконное уничтожение имущества, насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий), дурное обращение с военнопленными, незаконное ношение знаков Красного Креста и Красного Полумесяца и злоупотребление ими. Перечисленные преступления в УК РСФСР 1960 г. считались воинскими и предусматривались в гл. 12.

На наш взгляд, в настоящее время отсутствуют основания для включения указанных деяний военнослужащих в разд. XI УК РФ. Эти преступления хотя и нарушают

ди них наиболее распространенными преступлениями были самовольное оставление части или места службы (18,7%), нарушения правил обращения с оружием (10,5%), превышение должностных полномочий (9,5%), нарушение уставных правил взаимоотношений (6,1%). Среди общеуголовных преступлений (57%) преступления в отношении гражданского населения составили 6,2%, умышленные убийства — 5,6%, хищение оружия и боеприпасов — 4,1% (Винокуров А.Ю. Расследование насильственных преступлений, совершенных военнослужащими в отношении гражданского населения в районах вооруженного конфликта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 4; Маликов С.В. Указ. соч. С. 10—29).

³³ Абдулаев З.М. Указ. соч. С. 42, 43.

³⁴ Шупленков В.П. Указ. соч. С. 60—61.

³⁵ Интерес представляет и зарубежный опыт. В военно-уголовном праве довольно широко представлены нормы, которые устанавливают ответственность за деяния, которые могут быть совершены только в военное время или в районе военных действий, т. е. за преступления против порядка исполнения воинских обязанностей в военное время и в боевой обстановке.

В США к данной группе преступлений относятся: позорное поведение перед противником; принуждение командира к сдаче в плен; ненадлежащее использование пароля; принуждение охраны; нарушение порядка обращения с трофейным имуществом; преступное поведение в плену.

В Великобритании на случай войны устанавливается ответственность за сдачу (оставление) противнику позиции, вооружения или имущества; передачу противнику какой-либо информации; предоставление противнику военного снаряжения или продовольствия; сдачу в плен, трусость; мародерство и другие преступления.

Во Франции по законам военного времени наказываются капитуляция, подстрекательство к бегству или прекращению боя, содействие противнику, невыполнение боевой задачи и т. д.

Подробнее об этих преступлениях см.: Военно-уголовное право: учеб. С. 340—343.

порядок прохождения военной службы, но направлены не против военной безопасности, а главным образом против безопасности человечества. В международном уголовном праве их принято относить к военным преступлениям.

Военными преступлениями в юридической литературе признаются посягательства на регламентированный договорными и обычными нормами международного права порядок ведения военных действий в международных и внутрисоударственных вооруженных конфликтах³⁶. Выделяют следующие их виды: 1) применение запрещенных средств и методов ведения войны, совершаемое в ходе вооруженных конфликтов международного характера; 2) применение запрещенных средств и методов ведения войны, совершаемое в ходе вооруженных конфликтов немеждународного характера; 3) наемничество. Подробный перечень военных преступлений содержится в ст. 8 Римского статута Международного уголовного суда³⁷.

Законы и обычаи войны (вооруженных конфликтов) регулируют отношения воюющих сторон, ограничивают их в применении средств и методов ведения войны (вооруженных конфликтов). Основными международно-правовыми актами в области охраны мирного населения от произвола воюющих сторон, ограничения бессмысленных жертв и разрушений, уменьшения страданий людей, не могущих защитить себя (больных, раненых, военнопленных, попавших под оккупацию), являются принятые в 1949 г. в Женеве на Конференции 56 государств конвенции, получившие название Женевских конвенций о защите жертв войны³⁸. Кроме того, одними из наиболее значимых источников международного права, устанавливающих преступность нарушений правил и обычаев ведения военных действий, считаются Дополнительные протоколы I и II 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. При этом, по-настоящему «революционное» значение имеет Дополнительный протокол II, установивший ряд преступных нарушений, совершаемых в ходе конфликтов немеждународного характера³⁹. Важность этого Протокола обусловлена преобладанием в современном мире внутренних вооруженных конфликтов⁴⁰.

Ответственность за совершение военных преступлений предусмотрена в гл. 34 УК РФ (ст.ст. 356, 359). Такое законодательное решение, на наш взгляд, следует признать правильным. Ученые обоснованно считают основным объектом этих преступлений порядок ведения военных действий в международных и внутрисоударственных конфликтах. Однако этот порядок обеспечивает не военную безопасность государства, а безопасность человечества. При этом, следует особо подчеркнуть, что если не уста-

³⁶ Подробнее о военных преступлениях см.: *Бельй И.Ю.* Международное уголовное судопроизводство по делам о военных преступлениях: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 16—23; *Лукашук И.И., Наумов А.В.* Международное уголовное право: учеб. М., 1999. С. 114—122; *Международное уголовное право: учеб. для вузов.* М., 2013. С. 194—213.

³⁷ 18 июля 1998 г. в Риме Дипломатической Конференцией ООН был принят и открыт к подписанию до 31 декабря 2000 г. Статут об учреждении Международного уголовного суда. Статут вступил в силу с 1 июля 2000 г. Россия подписала Статут (распоряжение Президента Российской Федерации от 8 сентября 2000 г. № 394-рп). Первое заседание Международного уголовного суда состоялось 11 марта 2003 г.

³⁸ «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» (I Женевская конвенция, принята вместо конвенций 1864, 1906 и 1929 гг.); «Об улучшении участи раненых и больных, а также лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море» (II Женевская конвенция, принята вместо Гаагской конвенции 1907 г.); «Об обращении с военнопленными» (III Женевская конвенция, принята вместо конвенции 1929 г.); «О защите гражданского населения во время войны» (IV Женевская конвенция, выработана впервые на основе учета опыта Второй мировой войны) (Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1957. Вып. 16. С. 71—280).

³⁹ *Адельханян Р.А.* Военные преступления в современном праве. М., 2003. С. 16.

⁴⁰ В 1900—1941 гг. из 24 вооруженных конфликтов 19 были международными, 5 — внутренними. В период 1945—1970 гг. из 97 вооруженных конфликтов только 15 были международными, 26 — внутренними, а 56 носили смешанный характер или являлись антиколониальными войнами. За десятилетие после окончания холодной войны (1990—2000) в мире произошло 56 различных вооруженных конфликтов. За исключением трех, все вооруженные конфликты были внутренними. Межгосударственный характер имели только иракско-кувейтский, индийско-пакистанский и эфиопско-эритрейский вооруженные конфликты (Военно-уголовное право: учеб. С. 315).

новлено наличие вооруженного конфликта (международного или немеждународного характера), то речь должна идти не о военных преступлениях, а о преступлениях общеуголовного характера⁴¹.

В гл. 33 УК РФ отсутствуют составы разглашения военной тайны или утраты документов, содержащих военную тайну, которые предусматривались в ст. 259 УК РСФСР 1960 г. В настоящее время установление содержания понятия «военная тайна» представляется весьма затруднительным⁴². О ней говорится только в ст. 26 Федерального закона «О статусе военнослужащих» 1998 г.⁴³, в которой указывается, что существо воинского долга обязывает военнослужащих быть бдительными, хранить государственную и *военную* (курсив мой. — О. З.) тайну. В Законе Российской Федерации «О государственной тайне» 1993 г.⁴⁴ речь идет о защищаемых сведениях в военной области, составляющих государственную тайну. В ст. 16 УВС ВС РФ общей обязанностью военнослужащих признается хранение лишь государственной тайны.

Буквальное толкование изложенных выше нормативных положений приводит к выводу, что сведения в военной области, составляющие государственную тайну, не входят в содержание военной тайны⁴⁵. Последняя может рассматриваться как разновидность сведений конфиденциального характера (служебной тайны) и включает в себя сведения военного характера, доступ к которым ограничен органами государственной власти и военного управления в соответствии с федеральным законом, а также военные сведения ограниченного распространения.

В общеуголовных нормах предусмотрена ответственность за нарушение правил обращения только со сведениями в военной области, составляющими государственную тайну (ст.ст. 283 и 284 УК РФ). Сведения военного характера, не составляющие государственную тайну, но не подлежащие оглашению, не защищаются уголовным законом. При этом, уголовный закон устанавливает ответственность за нарушение порядка сохранения сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), а также сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи или участников уголовного процесса (ст. 311 УК РФ). Общественная опасность разглашения сведений военного характера, не составляющих государственную тайну, не уступает, а в некоторых случаях и выше общественной опасности указанных общеуголовных преступлений. Это обусловлено тем, что совершение данных общественно опасных деяний причиняет вред военной безопасности. С учетом этого представляется необходимым дополнить разд. XI УК РФ нормой, в которой предусмотреть ответственность за нарушение порядка обращения со сведениями военного характера, не составляющими государственную тайну (см. приложение). Данное преступление правомерно включилось в систему преступлений против военной службы в проекте УК РФ⁴⁶.

Мобилизационная готовность Российской Федерации является одной из важных составляющих военной безопасности и национальной обороны. Повышение ее уровня, развитие мобилизационной базы военной организации и обеспечение мобилизационного развертывания военных сил составляют основные приоритеты развития военной организации (п. 31 Военной доктрины 2010 г.).

Мобилизация включает в себя, в частности, проведение мобилизации Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований (ч. 3 ст. 2 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»⁴⁷)

⁴¹ Адельханян Р.А. Указ. соч. С. 49.

⁴² Подробнее об этом см.: Слободанюк И.А. Уголовная ответственность военнослужащих за преступления против порядка обеспечения сохранности государственной тайны: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

⁴³ СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

⁴⁴ Там же. 1997. № 41. Ст.ст. 8220—8235.

⁴⁵ В свое время Х.М. Ахметшин к военной тайне относил сведения, касающиеся Вооруженных Сил Российской Федерации, знание которых посторонними лицами недопустимо; часть этих сведений ввиду их особой важности для обороноспособности страны одновременно являлись и государственной тайной (Уголовное право Российской Федерации. Воинские преступления: учеб. М., 1993. С. 225).

⁴⁶ Преступление и наказание. Комментарий к проекту Уголовного кодекса России. М., 1993. С. 286, 287.

⁴⁷ СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1014.

путем призыва граждан на военную службу по мобилизации и направления для работы на должностях гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований⁴⁸.

Уклонения от призыва на военную службу по мобилизации, а равно от направления для работы на должностях гражданского персонала, предусмотренных штатами военного времени, а также уклонение от дальнейших призывов на военную службу для доукомплектования Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских или специальных формирований и органов, в которых предусмотрено прохождение военной службы, совершенное в военное время, представляют значительную опасность для военной безопасности и могут нанести серьезный ущерб национальной безопасности в целом. Этим объясняется необходимость криминализации подобных общественно опасных деяний уже в мирное время, при этом уголовную ответственность за их совершение следует предусмотреть в разд. XI УК РФ (см. приложение).

В период мобилизации и в военное время на граждан, кроме обязанностей, связанных с призывом на военную службу и направлением для работы на должности гражданского персонала, предусмотренные штатами военного времени, законодательством возлагаются и другие обязанности, которые могут быть условно названы мобилизационными повинностями и повинностями военного времени⁴⁹. В этот период появляются мобилизационные обязанности и у организаций⁵⁰. Перечень таких обязанностей в особый период (мобилизации и во время войны) может быть расширен, если возникнет такая необходимость⁵¹.

Кроме этого, для обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований, органов и специальных формирований транспортными средствами в период мобилизации и в военное время в Российской Федерации устанавливается военно-транспортная обязанность⁵².

Надлежащее исполнение указанных обязанностей (повинностей) в период мобилизации и в военное время обеспечивает решение главной задачи — разгрома агрессора и победы над ним.

⁴⁸ Подробнее см.: Об утверждении Положения о призыве граждан Российской Федерации по мобилизации, приписанных к воинским частям (предназначенных в специальные формирования), для прохождения военной службы на воинских должностях, предусмотренных штатами военного времени, или направления их для работы на должностях гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований: постановление Правительства Рос. Федерации от 30 декабря 2006 г. № 852 // СЗ РФ. 2007. № 2. Ст. 80.

⁴⁹ Эти обязанности содержатся в ст. 10 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», ст. 18 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».

⁵⁰ См., напр.: ст. 9 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», ст. 19 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».

⁵¹ Например, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» военным властям было предоставлено право устанавливать в местностях, объявленных на военном положении, военно-квартирную, автогужевую и транспортную повинности (Дьяков С.В., Игнатьев А.А., М.П. Карпушин. Ответственность за государственные преступления / общ. ред. и введение Л.И. Баркова. М., 1988. С. 147).

⁵² Эта обязанность распространяется на федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации, в том числе на порты, пристани, аэропорты, нефтебазы, перевалочные базы горячего, автозаправочные станции, ремонтные организации и иные организации, обеспечивающие работу транспортных средств, а также на граждан — владельцев транспортных средств (ст. 13 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»). Порядок ее исполнения определяется Положением о военно-транспортной обязанности, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 2 октября 1998 г. № 1175 (СЗ РФ. 1998. № 40. Ст. 4941).

Уклонение в период мобилизации и в военное время от исполнения военно-транспортной обязанности, трудовой повинности или выполнения иных предусмотренных законодательством для граждан повинностей, а также уклонение организаций (независимо от их организационно-правовых форм) от предоставления необходимого для нужд обороны имущества, находящегося в их собственности, нарушают порядок материального и технического обеспечения военной организации в указанных периоды и представляют большую общественную опасность.

Необходимо установить уголовную ответственность за указанные деяния и поместить соответствующие нормы, учитывая направленность этих посягательств на военную безопасность, в разд. XI УК РФ. Полагаем возможным дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от содержания обязанностей (повинностей) и лиц, их нарушающих (см. приложение).

При «выделении» в разд. XI УК РФ правонарушений из общеуголовных норм, в которых охраняется военная безопасность, чаще всего применяются правила соотношения общих и специальных норм⁵³. Выделяя специальную норму в разд. XI УК РФ, законодатель должен учитывать то обстоятельство, что ответственность за деяние в «новой» норме в принципе уже предусмотрена. Основной причиной ее принятия должна быть потребность подчеркнуть общественную опасность тех или иных форм поведения, причиняющих криминообразующий вред военной безопасности, конкретизировать характер и степень их опасности и соответственно предусмотреть санкцию строже или мягче, чем в общей норме⁵⁴.

В разд. XI УК РФ отсутствует специальная система (точнее — подсистема) должностных преступлений против военной безопасности⁵⁵. Законодатель посчитал достаточным охрану порядка военного управления, обеспечивающего военную безопасность, нормами гл. 30 УК РФ.

На уровне концепции с данным решением можно согласиться. Особенно если учесть, что в настоящее время в состав органов управления военной организацией входят не только военнослужащие, но и гражданский персонал, замещающий, в частности, воинские должности. Вместе с тем, по нашему мнению, имеются основания для выделения из гл. 30 УК РФ и включения в разд. XI УК РФ отдельных специальных видов должностных преступлений против военной безопасности.

Система названных преступлений должна строиться на принципиально новом подходе. Его суть в том, что в разд. XI УК РФ должны быть представлены не общие виды должностных преступлений против военной безопасности (как это было в УК РСФСР 1960 г.), а их специальные формы. Таковыми, в частности, могут быть признаны: а) отдача начальником незаконного приказа (распоряжения); б) насильственные действия начальников в отношении подчиненных; в) бездействие власти; г) воспрепятствование осуществлению права на обжалование неправомерных действий, нарушающих права и свободы военнослужащих; д) незаконное использование начальником дисциплинарной власти; е) неудовлетворительный служебный контроль (см. приложение).

Указанные преступления, будучи разновидностями злоупотреблений служебными полномочиями, превышения служебных полномочий и халатности, но совершенные в сфере обеспечения военной безопасности, обладают весьма специфическими признаками, которые позволяют их выделить из общеуголовных норм⁵⁶.

Предложение об обособлении отмеченных специальных видов должностных преступлений дополнительно можно обосновать следующими.

Анализ статистической информации и судебной практики свидетельствует о том, что значительная часть преступлений, совершаемых командирами (начальниками) с

⁵³ Свидлов Н.М. Специальные нормы и квалификация преступлений следователем. Волгоград, 1981. С. 6—7; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 248, 249; Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 177.

⁵⁴ Шупленков В.П. Указ. соч. С. 67.

⁵⁵ В УК РСФСР выделялись воинские должностные преступления в виде злоупотребления властью, превышения или бездействия власти, халатного отношения к службе (ст.ст. 260, 260¹).

⁵⁶ 90 % респондентов из числа судей военных судов высказались в пользу установления уголовной ответственности за совершение должностных преступлений, посягающих на военную безопасность государства, в гл. 33 УК РФ.

использованием служебных полномочий, связана в целом с существенным нарушением прав и законных интересов военнослужащих при прохождении ими военной службы. Эти преступные деяния в основном затрагивают сферу отношений «начальник — подчиненный». Особенно высок уровень воинской (должностной) насильственной преступности⁵⁷.

С учетом предлагаемых новых видов должностных преступлений против военной безопасности по нормам разд. XI УК РФ отвечать будут не только подчиненные за действия в отношении командиров (начальников), но и последние за противоправные деяния в отношении подчиненных.

Конкретизация деяний должностных лиц в сфере обеспечения военной безопасности существенно повышает информативность соответствующих уголовно-правовых норм. Это обстоятельство является весьма важным для реализации превентивных задач уголовного законодательства.

Кроме того, выделение специальных преступлений против военной безопасности, совершаемых командирами (начальниками), в разд. XI УК РФ позволит, с одной стороны, провести более четкую дифференциацию ответственности, с другой — предусмотреть в новых статьях и специальные воинские наказания. К примеру, действующая редакция ч. 3 ст. 286 УК РФ предусматривает нижний предел наказания в виде трех лет лишения свободы. Примерно в 80 % случаев вооруженное насилие выражается в нанесении побоев. При этом, суды с учетом степени общественной опасности содеянного при индивидуализации наказания фактически вынуждены применять в таких случаях ст.ст. 64 и 73 УК РФ. В предлагаемой проектной норме ответственность четко дифференцирована в зависимости от объема насилия.

Вопрос о необходимости установления в разд. XI УК РФ уголовной ответственности для гражданского персонала военной организации за совершение преступлений против военной безопасности является дискуссионным⁵⁸. С учетом увеличения его численности, в частности в Вооруженных Силах Российской Федерации⁵⁹, этот вопрос приобретает еще большую актуальность⁶⁰.

⁵⁷ В 2012 г. доля таких преступлений составила 88 % от всех должностных преступлений, предусмотренных гл. 30 УК РФ, и 40 % от всех насильственных преступлений против военной безопасности.

⁵⁸ Отечественное дореволюционное военно-уголовное законодательство (Воинский устав о наказаниях 1868 г.) признавало гражданских чиновников военного ведомства субъектами воинских должностных преступлений.

Современное военно-уголовное законодательство многих иностранных государств распространяется, в частности, и на гражданский персонал. Так, Единый кодекс военной юстиции США распространяет свое действие на лиц гражданского персонала, который включает в себя лиц, работающих по вольному найму в воинских частях, действующих за пределами территории США, и лиц, обслуживающих или сопровождающих вооруженные силы по международному договору или соглашению США и личный состав организаций, приданных вооруженным силам.

В соответствии со ст. 450 УК КНР в качестве субъектов преступлений против воинского долга признаются гражданские кадры армии, находящиеся на действительной военной службе в НОАК. Закон КНР о воинской повинности к гражданским кадрам армии относит научно-технических специалистов, преподавателей военных учебных заведений, артистов военных ансамблей, спортсменов и т. д.

Швейцарское военно-уголовное законодательство также действует в отношении гражданских лиц. Так, согласно ст. 2 Военно-уголовного кодекса в их число входят: гражданские лица, в том числе: служащие и работники органов военного управления за совершение деяний против интересов государственной обороны; лица, работающие в вооруженных силах, и лица, которые считаются таковыми в силу исполнения заданий особого назначения; лица, признанные виновными в государственной измене, в разглашении сведений, затрагивающих интересы государственной обороны, в саботаже, в создании угрозы обороноспособности страны, в нарушении военной тайны.

⁵⁹ Так, по данным Министрства обороны Российской Федерации, численность гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации составляет 800 тыс. человек наряду с численностью военнослужащих в количестве 1 300 000 человек (по состоянию на 2010 г.). В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. с 1 января 2016 г. штатная численность Вооруженных Сил Российской Федерации установлена в количестве 1 884 829 единиц, в том числе 1 000 000 военнослужащих.

⁶⁰ Подробнее об этом см.: Мелешко П.Е. Субъект преступлений против военной службы: дис. ... канд. юрид. наук, М., 2012. С. 56—108.

Деятельность гражданского персонала, особенно тех, кто замещает воинские должности, в целом связана с поддержанием боеготовности военных сил, т. е. с обеспечением военной безопасности. Такое положение дел позволяет поставить вопрос о возможности их включения в качестве субъектов преступлений против военной безопасности в разд. XI УК РФ⁶¹.

Руководители из числа гражданского персонала являются должностными лицами в соответствии с примечанием 1 к ст. 285 УК РФ и, как следствие, могут признаваться наравне с военнослужащими субъектами должностных преступлений против военной безопасности, предусмотренных в настоящее время в гл. 30 УК РФ⁶², в проекте закона — в разд. XI УК РФ (см. приложение).

Состояние национальной безопасности Российской Федерации, в том числе военной безопасности, напрямую зависит от экономического потенциала страны и эффективности функционирования всей системы обеспечения национальной безопасности. Военно-экономическое обеспечение военной безопасности является важной сферой деятельности военной организации.

Несмотря на значимость порядка военно-экономической деятельности для обеспечения военной безопасности, в УК РФ, как отмечалось, нет «специальных» норм, охраняющих его.

В юридической литературе советского периода обосновывалась, применительно к условиям плановой экономики, идея криминализации общественно опасных деяний против порядка материально-технического обеспечения Вооруженных Сил. В частности, предлагалось установить ответственность за выпуск и поставку в Вооруженные Силы недоброкачественной, нестандартной или некомплектной боевой техники и вооружения, а также нарушение правил и распоряжений по сбережению и поставке в Вооруженные Силы мобилизационных материально-технических средств⁶³.

В настоящее время нарушение отношений, связанных с формированием, размещением, финансированием и исполнением государственного оборонного заказа, влечет, как отмечалось, в основном гражданско-правовую ответственность⁶⁴.

Представляется, что такой подход является вполне обоснованным. На наш взгляд, в условиях мирного времени отсутствуют достаточные основания для специальной криминализации общественно опасных деяний в этой области. В целом гражданско-правовой механизм, в основе которого лежат принципы рыночной экономики, справляется (во всяком случае, должен справляться) с охраной порядка военно-экономической деятельности, обеспечивающего военную безопасность⁶⁵. В случае его недо-

⁶¹ На этот вопрос 59,25 % наших респондентов из числа военных судей ответили отрицательно.

⁶² Интересным представляется подход к уголовной ответственности гражданского персонала в военно-уголовном законодательстве Германии. По общему правилу он не является субъектом преступлений против военной службы. Однако в соответствии со ст.ст. 30—41 Военно-уголовного закона (кодекса) Германии лица гражданского персонала вооруженных сил могут быть привлечены к ответственности за преступления против долга начальника, поскольку они в определенных случаях могут наделяться властными полномочиями в отношении военнослужащих и в силу этого являться для них начальниками.

⁶³ Шупленков В.В. Указ. соч. С. 145.

⁶⁴ Так, в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения одной из сторон обязательств, предусмотренных государственным контрактом (контрактом), виновная сторона возмещает другой стороне причиненные ею убытки в порядке и размерах, которые установлены гражданским законодательством Российской Федерации и государственным контрактом (контрактом). Головной исполнитель (исполнитель) в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения им обязательств, предусмотренных государственным контрактом (контрактом), лишается права на экономическое стимулирование, предусмотренное законодательством. Споры, возникшие между государственным заказчиком и головным исполнителем (исполнителем) или между головным исполнителем (исполнителем) и исполнителем (другим исполнителем) при заключении, изменении, расторжении и выполнении государственных контрактов (контрактов), а также споры по возмещению причиненных убытков рассматриваются в арбитражных судах.

⁶⁵ Косвенно это подтверждается и тем, что одновременно с принятием Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» соответствующих изменений в УК РФ не вносилось.

статочности при определенных условиях могут быть задействованы и уголовно-правовые средства (например, привлечение руководителя оборонного предприятия к ответственности по ст. 201 УК РФ в случае, если оборонный заказ не выполнен в результате злоупотребления им служебными полномочиями).

Вместе с тем, военное время меняет характер и степень общественной опасности деяний в рассматриваемой области, они значительно повышаются и в ряде случаев достигают уровня, требующего криминализации некоторых видов «военно-экономических» деяний, причиняющих вред, в частности, мобилизационной готовности (например, неисполнение организациями в период мобилизации и в военное время предусмотренной законодательством обязанности по выполнению заданий (заказов) в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации в соответствии с заключенными договорами (контрактами), если это повлекло выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной боевой техники, вооружения или иного военного имущества). Субъектами таких преступлений должны признаваться собственники, руководители организаций либо иные лица, выполняющие управленческие функции в организации (см. приложение).

В гл. 33 УК РФ, как отмечалось, предусмотрены преступления, которые хотя и нарушают порядок прохождения военной службы, но непосредственно не посягают на военную безопасность (ст.ст. 349—352 УК РФ)⁶⁶.

С учетом направленности уклонений от призыва на военную службу или от прохождения от альтернативной гражданской службы в мирное время против военной безопасности соответствующие нормы следует поместить в разд. XI УК РФ (см. приложение). При этом, в них необходимо предусмотреть повышенную ответственность за уклонение от призыва на военную службу, совершенное путем симуляции болезни, причинения себе какого-либо повреждения, использования подложного документа, иного обмана, а также дифференцировать ответственность за уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы продолжительностью свыше одного месяца и с целью вовсе уклониться от прохождения этой службы.

Разделы (главы) Особой части УК РФ должны формироваться законодателем не произвольно, а с учетом главного системообразующего признака — объекта уголовно-правовой охраны. Раздел XI УК РФ не должен являться исключением. На наш взгляд, в него следует включать не любые деяния военнослужащих, а только те из них, которые посягают на военную безопасность.

Прав А.А. Тер-Акопов, утверждающий, что «каждая правовая система имеет целью предупреждение строго определенного круга последствий»⁶⁷. Представляется, что специальные правила безопасности эксплуатации военно-технических средств предназначены не для охраны военной безопасности, а для обеспечения безопасности, прежде всего, человека, его физических и имущественных благ, природных объектов и т. п.⁶⁸

Нарушения правил безопасности эксплуатации военно-технических средств могут привести к причинению материального ущерба, связанного с уничтожением или повреждением боевых, специальных и транспортных машин, летательных аппаратов, военных кораблей, т. е. нарушить порядок сбережения военного имущества. В гл. 33 УК РФ имеются нормы, предусматривающие ответственность за нарушение указанного порядка (ст.ст. 345—348 УК РФ). Они могут применяться, в частности,

⁶⁶ Уголовная ответственность за нарушения правил эксплуатации военной техники (нарушение правил вождения и эксплуатации машин, нарушение правил полетов или подготовки к ним, нарушение правил кораблевождения) была введена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1957 г. «О внесении изменений и дополнений в Положение о воинских преступлениях». Ответственность за нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, впервые была установлена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1983 г.

В 2012 г. за указанные преступления осуждены 48 человек, или 0,8 % от всех осужденных военными судами. Из них по ст. 349 УК РФ — 9, ст. 350 УК РФ — 39, ст. 351 УК РФ — 0, ст. 352 УК РФ — 0.

⁶⁷ Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М., 1995. С. 53.

⁶⁸ Самойлов А.С. Указ. соч. С. 34.

за уничтожение или повреждение военно-технического имущества в ходе его эксплуатации. По такому пути идет и практика военных судов, нашедшая отражение в Обзоре судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими, 2001 г. (далее — Обзор 2001 г.)⁶⁹.

В отдельных случаях нарушение правил безопасности эксплуатации военно-технических средств может повлечь снижение уровня боевой готовности, невыполнение каких-либо боевых задач и т. п. (к примеру, в случае гибели военного корабля, несущего боевое дежурство). Вред организационного характера включается в содержание понятия «тяжкие последствия» применительно к ст. 347 УК РФ (уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности). В случае если нарушение правил эксплуатации военно-технических средств привело к гибели таких средств и, как следствие, к невыполнению задач боевого дежурства, содеянное (в части организационного вреда) можно квалифицировать по ст. 347 УК РФ.

В результате рассматриваемых преступлений могут пострадать военнослужащие. Однако причинение им физического вреда при нарушении правил безопасности эксплуатации военно-технических средств не является средством (способом) посягательства на военную безопасность и поэтому не может выступать в качестве критерия отнесения этих деяний к преступлениям против военной безопасности.

С учетом изложенного нарушения правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ст. 349 УК РФ), нарушение правил вождения или эксплуатации машин (ст. 350 УК РФ), нарушение правил полетов или подготовок к ним (ст. 351 УК РФ), нарушение правил кораблевождения (ст. 352 УК РФ) должны быть исключены из гл. 33 УК РФ (разд. XI УК РФ)⁷⁰.

К подобному выводу, правда, только в отношении нарушения правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, пришел и В.П. Шупленков⁷¹. За такую непоследовательность он был правомерно подвергнут критике А.С. Самойловым⁷². Представляется, что предложенная автором настоящей работы точка зрения, с одной стороны, развивает взгляды В.П. Шупленкова, а с другой — является логически более завершенной.

Следует обратить внимание на то, что предложение об исключении из разд. XI УК РФ указанных статей не означает декриминализации подобных деяний. Ответственность за данные нарушения должна наступать, как правило, по нормам разд. IX (преступления против общественной безопасности и общественного порядка). В случаях когда в результате нарушений правил безопасности эксплуатации военно-технических средств будет причиняться вред и военной безопасности (например, уничтожается или повреждается само военно-техническое средство: танк, БМП, БТР и т. п.), допустимой следует признать квалификацию по совокупности соответствующих статей разд. IX УК РФ и ст. 347 УК РФ.

С учетом изложенного предлагается следующая теоретическая модель системы преступлений против военной безопасности⁷³:

1. Общеуголовные преступления против военной безопасности:

1. Преступления против личности военнослужащих.
2. Преступления в военно-экономической сфере.

⁶⁹ Обзоры судебной практики военных судов Российской Федерации по уголовным делам (1996—2001 гг.). М., 2002. С. 88.

⁷⁰ В зарубежном военно-уголовном законодательстве, как правило, ответственность за такие преступления не предусмотрена (за исключением стран СНГ) (Военно-уголовное право: учеб. С. 335—351).

⁷¹ Шупленков В.П. Указ. соч. С. 213.

⁷² Самойлов А.С. Указ. соч. С. 18—19.

⁷³ В юридической литературе предлагается иной подход к конструированию разд. XI УК РФ о преступлениях против военной безопасности. В частности, признается целесообразным его разделение на две части: преступления против обороны и преступления против военной службы (Ермолович Я.Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации. С. 384—391). Однако такая точка зрения не в полной мере учитывает сущность и содержание самой военной безопасности, обеспечивающих ее правоотношений, наконец, основания деления Особенной части УК РФ на разделы и главы.

3. Преступления против порядка оборота оружия в военной организации.
4. Преступления против государственной власти.
- II. Специальные преступления против военной безопасности:
 1. Преступления против порядка комплектования военной организации.
 - 1.1. Уклонение от призыва на военную службу.
 - 1.2. Уклонение от призыва на военную службу по мобилизации.
 - 1.3. Уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы.
 2. Преступления против порядка военного управления.
 - 2.1. Отдача незаконного приказа.
 - 2.2. Нарушение командиром (начальником) уставных правил взаимоотношений с подчиненными.
 - 2.3. Бездействие по службе.
 - 2.4. Превышение дисциплинарной власти.
 - 2.5. Неисполнение обязанностей по реализации прав военнослужащего на социальные гарантии и компенсации.
 3. Специальные воинские преступления.
 - 3.1. Преступления против порядка уставных взаимоотношений между военнослужащими.
 - 3.1.1. Неисполнение приказа.
 - 3.1.2. Сопrotивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы.
 - 3.1.3. Насильственные действия в отношении начальника.
 - 3.1.4. Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.
 - 3.1.5. Оскорбление военнослужащего.
 - 3.2. Преступления против порядка пребывания на военной службе (военных сборов).
 - 3.2.1. Самовольное оставление части или места службы либо неявка в срок без уважительных причин на службу.
 - 3.2.2. Дезертирство.
 - 3.2.3. Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами.
 - 3.2.4. Уклонение от прохождения военных сборов.
 - 3.3. Преступления против порядка несения специальных видов военной службы.
 - 3.3.1. Нарушение правил несения боевого дежурства (боевой службы).
 - 3.3.2. Нарушение правил несения пограничной службы.
 - 3.3.3. Нарушение уставных правил несения караульной (вахтенной) службы.
 - 3.3.4. Нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.
 - 3.3.5. Нарушение уставных правил несения внутренней, комендантской и гарнизонной служб.
 - 3.3.6. Оставление погибающего военного корабля.
 - 3.4. Преступления против порядка сохранности военной тайны.
 - 3.4.1. Разглашение военной тайны.
 - 3.4.2. Утрата документов, содержащих военную тайну.
 - 3.5. Преступления против порядка использования военного имущества.
 - 3.5.1. Умышленные уничтожение или повреждение военного имущества.
 - 3.5.2. Уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности.
 - 3.5.3. Утрата военного имущества.
 - 3.6. Преступления против порядка прохождения военной службы в боевой обстановке, в районе военных действий и в плену.
 - 3.6.1. Сдача сил и средств ведения войны или оставление противнику средств ведения войны.
 - 3.6.2. Самовольный выход из боя или отказ действовать оружием.
 - 3.6.3. Добровольная сдача в плен.
 - 3.6.4. Преступные действия военнослужащего, находящегося в плену.
 4. Преступления против порядка мобилизации и обеспечения режима военного положения, военного времени.

4.1. Уклонение от направления для работы на должностях гражданского персонала, предусмотренных штатами военного времени.

4.2. Неисполнение военно-транспортной обязанности в период мобилизации и в военное время.

4.3. Неисполнение повинностей в период мобилизации и в военное время.

4.4. Неисполнение организациями обязанностей в период мобилизации и в военное время.

Определение преступлений против военной безопасности, установление их видов в УК РФ, разработка теоретической модели системы преступлений против военной безопасности позволяет утверждать, что уголовная ответственность за значительную часть таких преступлений должна быть предусмотрена в разд. XI УК РФ (условно их можно считать «специальными» преступлениями против военной безопасности). Этот раздел следует назвать «Преступления против военной безопасности Российской Федерации». В него, сохранив основные воинские преступления, указанные в гл. 33 УК РФ, необходимо включить отдельные виды общественно опасных деяний, уголовная ответственность за которые в настоящее время не предусмотрена (путем их криминализации), а также «выделить» из общеуголовных норм ряд преступлений, направленных против военной безопасности. Все преступления в разд. XI УК РФ должны быть распределены по главам в зависимости от содержания объектов уголовно-правовой охраны. Предлагается включить четыре главы, предусматривающие ответственность за преступления против порядка комплектования военной организации государства, преступления против порядка военного управления, специальные воинские преступления, преступления против порядка мобилизации и обеспечения режима военного положения, военного времени.

На основе предложенной теоретической модели системы преступлений против военной безопасности и разработан авторский проект закона о внесении изменений в УК РФ в части совершенствования уголовной ответственности за преступления против военной безопасности Российской Федерации (см. приложение)⁷⁴.

⁷⁴ При разработке законопроекта автор учитывал результаты работы с 2001 по 2005 гг. в Комитете Государственной Думы по обороне над проектом федерального закона № 130883-3 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части совершенствования военно-уголовного законодательства). В работе над законопроектом принимали участие ученые Института государства и права РАН, Военного университета, представители Верховного Суда Российской Федерации, в том числе и автор настоящей работы, Главной военной прокуратуры. 21 сентября 2001 г. были проведены парламентские слушания «Проблемы совершенствования военно-уголовного законодательства», участники которых одобрили концепцию проекта федерального закона. Текст проекта закона был опубликован в журнале «Военно-уголовное право» (№ 5, 2004 г.), на страницах которого было организовано его обсуждение. В предлагаемой системе преступлений против военной безопасности учтены многие содержащиеся в законопроекте предложения по совершенствованию уголовного законодательства, в том числе и высказанные в ходе его обсуждения научными и практическими работниками. В настоящее время, к сожалению, законопроект отозван субъектами законодательной инициативы.

Глава 3. СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. Общие и специальные составы преступлений против военной безопасности Российской Федерации

В уголовно-правовой науке наряду «традиционными» видами составов преступлений¹ предлагается выделять общие и специальные². В основе этого лежит объект преступления, который, в свою очередь, сам может быть общим и специальным.

Общим объектом преступления являются те социальные ценности, которым причиняется вред любым лицом; например, безопасность человека (физическая, психическая и др.). Эта социальная ценность обеспечивается ранее, жизнь человека важнее, которые имеют открытый характер, их участниками являются все окружающие конкретного человека люди, благодаря чему индивид становится весьма уязвимым для преступных посягательств.

При посягательстве на общие социальные ценности нарушаются обеспечивающие их отношения, но это происходит через воздействие на материальные носители этих отношений. В случае убийства нельзя говорить, что оно произошло вследствие нарушения отношений, обеспечивающих жизнь человека, наоборот, эти отношения нарушены вследствие убийства. Как отмечалось ранее, жизнь человека важнее, ценнее, чем обеспечивающие ее отношения³. Поэтому при посягательстве на общие социальные ценности имеет место умышленное или неосторожное преступное воздействие на жизненно важные интересы (блага) личности, общества и государства, через которое причиняется вред безопасности субъектов этих благ, вследствие чего нарушаются обеспечивающие их общие (открытые) отношения. Однако при этом последние не являются объектом преступления.

При причинении вреда общим объектам уголовно-правовой охраны, посягающими могут быть лица, которые оказались в одной с потерпевшим системе отношений в силу естественно сложившихся обстоятельств (рождение, принятие гражданства, изменение места жительства и т. д.). Для их включения в открытую систему отношений не требуется специального юридического акта. К субъектам открытых отношений не предъявляются какие-либо особые требования (условия); например, уровень подготовки, образования и т. д. Поэтому и субъектами преступлений против безопасности личности и иных общих объектов преступления, обеспечиваемых открытыми системами отношений, являются физические лица, обладающие общими признаками: достижение установленного уголовным законом возраста и вменяемости.

Специальными составами преступлений называют те, которые традиционно рассматриваются в теории уголовного права как «составы со специальным субъектом преступления». По признаку специального субъекта выделяют, например, должностные преступления, воинские преступления. Считается, что это те преступления, которые могут совершаться особой категорией лиц.

А.А. Тер-Акопов верно замечает, что сущность преступлений со специальным субъектом такова, что в них не только субъект, но и иные объективные и субъективные элементы носят специальный характер, поэтому целесообразно говорить о специальном составе преступления. Последний, по мнению указанного ученого, пред-

¹ Например, такие виды составов преступлений, как родовой, видовой (групповой) и непосредственный либо основной, со смягчающими и отягчающими обстоятельствами.

² Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 148—154.

³ Воздействуя на отношения, нарушая их, можно лишить человека жизни, но опосредованно, например, нарушая правила техники безопасности при обращении с источником повышенной опасности, и т. д.

ставляет собой совокупность закрепленных отдельными уголовно-правовыми нормами признаков, характеризующих содержание и структуру преступлений, посягающих на специальные сферы общественных отношений, обеспечивающих безопасность личности, общества и государства⁴.

Специальный состав — это характеристика не конкретного преступления, а преступлений одного вида, он является промежуточным между общим и конкретным составами преступлений. В него включаются признаки, специальные для определенного «вида» преступлений.

Некоторые специальные составы преступлений совпадают с видовыми составами, распределенными по главам, однако это не означает, что все видовые составы преступлений — специальные. Главы Особой части УК РФ разделены по содержанию объектов уголовно-правовой охраны, которое может носить и общий (например, гл. 16 УК РФ), и специальный характер (например, гл. 30 УК РФ).

Выделение специальных составов осуществляется по особому видовому признаку, который позволяет объединить в одну группу составы из разных глав. Содержание социальных ценностей, выступающих в качестве главных, основных объектов преступлений, не является критерием разделения составов преступлений на общие и специальные. Таким критерием признается степень общности отношений, обеспечивающих безопасность личности, общества и государства. Можно сказать, что специальные составы преступлений — это составы, закрепленные в уголовно-правовых нормах, охраняющих от преступных посягательств специфичный круг отношений, обеспечивающих безопасность личности, общества и государства. Действие этих норм распространяется на ограниченный круг лиц, являющихся субъектом данных отношений.

Критерий общности отношений лежит в основе построения системы специальных составов в целых главах Особой части УК (например, гл. 30 и 33, предусматривающие ответственность соответственно за должностные и воинские преступления). Он используется и для выделения специальных составов в главах, содержащих главным образом общие составы преступлений⁵.

Преступления против военной безопасности могут иметь как общий, так специальные составы.

Военная безопасность является общим объектом уголовно-правовой охраны. Вред ей может быть причинен не только субъектами ее обеспечения, но и иными лицами, т. е. «извне». Однако в последнем случае круг таких деяний ограничен. К ним, например, можно отнести некоторые преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (государственная измена, шпионаж, вредительство). В ст.ст. 275, 276 и 281 УК РФ предусматривается ответственность и общих субъектов преступления за причинение ими вреда безопасности Российской Федерации (составной частью которой является и военная безопасность). Совершение ими указанных в этих нормах деяний способно повлиять на готовность военной организации к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации и ее союзников, т. е. причинить вред военной безопасности. Например, если в случае шпионажа иностранному государству передаются сведения о содержании документов боевого управления по стратегическому, оперативному и мобилизационному развертыванию Вооруженных Сил Российской Федерации либо если в результате вредительства путем взрыва уничтожается оборонное предприятие. На военную безопасность посягает и развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК РФ). Такие посягательства мы относим к преступлениям против военной безопасности⁶, которые имеют общий состав.

⁴ Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. С. 148.

⁵ Например, в общем составе преступления — хищение либо вымогательство наркотических средств — выделяется признак совершения этого деяния «лицом с использованием своего служебного положения» (п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ). В этой норме предусмотрен специальный состав, поскольку речь идет об особом характере отношений субъекта к наркотикам (наличие определенного служебного положения).

⁶ В настоящей работе рассматриваются только те преступления против военной безопасности, которые причиняют ей вред «изнутри».

Общие составы имеют и воинские преступления, например, предусмотренные ст.ст. 105, 158—163, 165, 167, 168 УК РФ (мы их относим к общим воинским преступлениям), а также нарушения порядка военно-экономической деятельности (в частности, ст.ст. 159, 159⁴, 160, 189, 201, 204 УК РФ). В этих нормах военная безопасность и порядок деятельности военной организации охраняются в качестве дополнительных или факультативных объектов, а основным объектом являются общие социальные ценности (например, безопасность жизни человека, экономическая безопасность).

В тех случаях, когда военная безопасность и порядок деятельности военной организации охраняются в качестве основных объектов, преступления, посягающие на них, имеют специальный состав. При этом, военная безопасность выступает в качестве главного, основного объекта (объекта-цели), а порядок деятельности военной организации — «второстепенного» объекта (объекта-средства).

Это, прежде всего, нарушения порядка прохождения военной службы, предусмотренные в гл. 33 УК РФ (специальные воинские преступления). Кроме того, к ним следует относить некоторые нарушения порядка прохождения военной службы, но предусмотренные в других разделах (главах) Особенной части УК РФ, в частности в ст.ст. 275, 283, 284, 225, 226 УК РФ (общие воинские преступления). Специальные составы имеют также преступления против военной безопасности, связанные с нарушением порядка комплектования военной организации (ст. 328 УК РФ), порядка деятельности органов государственного (военного) управления (гл. 30 УК РФ), порядка пребывания в запасе (ст.ст. 332—337, 344—348 УК РФ).

Главный признак специального состава преступления, который, собственно, и делает состав специальным, — это особый характер отношений, выступающих в качестве одного из основных объектов преступлений.

Порядок деятельности военной организации, представляя собой совокупность правоотношений, обеспечивающих военную безопасность, является самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, который в случае причинения ему вреда превращается в специальный объект преступления.

Правоотношения, обеспечивающие военную безопасность, характеризуются относительной замкнутостью. Они предназначены для реализации специальных социальных функций (подготовка к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации и ее союзников), субъектом их может быть не любое лицо, достигшее установленного возраста и вменяемое, а лишь то, которое обладает необходимым уровнем подготовки и специально включено в данную систему отношений, оно наделяется особыми полномочиями (обязанностями) и несет соответственно особую ответственность за их нарушение.

Специальный характер правоотношений по обеспечению военной безопасности определяет и специфику субъекта преступления против военной безопасности. Вред специальному объекту уголовно-правовой охраны может причинить лишь то лицо, которое входит в систему отношений, образующих соответствующий объект (например, граждане, подлежащие призыву на военную службу, военнослужащие, граждане, пребывающие в запасе). Всякое преступление со специальным составом нарушает установленный порядок поведения, т. е. отношения, оно «разрушает» данный объект «изнутри».

Субъекты специальных правоотношений ограничены по количеству, включаются в них надлежащим нормативным способом (например, приказом о присвоении воинского звания рядового, о назначении на воинскую должность), обладают качествами и способностями, необходимыми для исполнения возложенных на них обязательств. Благодаря своему особому положению они и только они могут нарушать возложенные на них обязанности и вызвать, таким образом, вредные для данной системы отношений последствия. Поэтому специальными субъектами преступлений против военной безопасности могут быть лишь субъекты отношений, обеспечивающих военную безопасность и выступающих в роли объектов в названных составах преступлений. Как видим, указанный субъект преступления целиком определяется специальным характером такого объекта посягательства, как порядок деятельности военной организации.

В специальных составах преступлений против военной безопасности субъект, как правило, называется. Например, в ст. 331 УК РФ устанавливается, что субъектами воинских преступлений могут быть лишь военнослужащие и граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

В ряде специальных составов субъект не называется, но из характера деяния, видно, что речь идет о нарушении специальных отношений, а следовательно, и о специальных субъектах преступления. Так, в ст. 328 УК РФ говорится об уклонении от прохождения военной или альтернативной гражданской службы. Каких-либо указаний о субъекте данного преступления в статье не содержится. Однако исходя из характера деяния ясно, что нести ответственность за его совершение может не любое лицо, а лишь то, которое подлежит призыву на военную службу или проходит альтернативную гражданскую службу.

Особые требования, предъявляемые к специальному субъекту преступления против военной безопасности (уровень подготовленности, нормативные основания включения в ту или иную систему отношений), обуславливают и особые условия его ответственности за нарушение специальных правил поведения.

Во-первых, субъектами специальных преступлений против военной безопасности могут быть только те лица, которые включены в систему обеспечивающих отношений.

Во-вторых, лицо, даже включенное в указанную систему отношений, не должно нести ответственность за их нарушение, если оно не имело возможности выполнять возложенные на него обязанности (не предоставлены соответствующие права, средства и иные необходимые условия).

Таким образом, специальный субъект преступления против военной безопасности — субъект отношений, обеспечивающих военную безопасность, включенный в эту систему отношений, способный выполнять предусмотренные нормами права обязанности.

Особый характер специального объекта преступления против военной безопасности налагает своеобразный отпечаток и на деяние, которое также имеет специальный характер. Во всех специальных составах преступлений против военной безопасности посягательство на главный объект (военную безопасность) осуществляется через нарушение специальных отношений (порядка деятельности военной организации). В связи с этим деяния в таких составах более или менее однотипны — они выражаются в нарушении тех или иных обязанностей, специальных правил поведения, регулирующих деятельность в сфере обеспечения военной безопасности.

Особым является и характер наступивших последствий. Они отражают изменения в системе специальных отношений и тот вред, который должны были предотвратить участники данной системы отношений. Можно утверждать, что и последствие имеет также специальный характер, определяемый особенностями объекта. Специальные последствия — это вред, причиняемый охраняемой уголовным законом социальной ценности — военной безопасности посредством нарушения специальных отношений, обеспечивающих эту ценность (порядок деятельности военной организации).

Специфичен и субъективный элемент специальных составов преступлений против военной безопасности.

Субъективный элемент любого состава преступления — это совокупность предусмотренных уголовно-правовой нормой психических признаков (вины, мотива, цели и эмоции), отражающих отношение виновного к специальному объекту, специальному характеру деяния и последствий.

Признаки субъективного элемента — вина, мотив, цель, эмоции — отражают психическое отношение субъекта к совершенному деянию и наступившим последствиям. Форма субъективного элемента одинакова для всех преступлений — это психические процессы; однако содержание субъективного элемента каждого преступления специфично, признаки его отражают специфику объекта, деяния, последствия и других обстоятельств.

Содержание субъективной стороны в специальных составах преступлений против военной безопасности определяется специальным объектом — порядком деятельности военной организации, специальным характером деяния — нарушение правил, регулирующих деятельность по обеспечению военной безопасности, и наступивших последствий — вред военной безопасности, причиненный посредством нарушения порядка деятельности военной организации. Виновный психически отражает именно эти обстоятельства и потому его вина, мотив и цель также являются специальными.

Таким образом, специальный состав преступления против военной безопасности представляет собой совокупность закрепленных отдельными уголовно-правовыми нормами признаков, характеризующих содержание и структуру преступлений, посягающих на охраняемые в качестве основных объектов военную безопасность и порядок деятельности военной организации.

Для решения квалификационных вопросов общей характеристики специального состава преступлений против военной безопасности недостаточно. Требуется более детально рассмотреть каждый его объективный и субъективный элемент.

§ 2. Объективные элементы специального состава преступления против военной безопасности Российской Федерации

1. Главный признак специального состава преступления против военной безопасности, который, собственно, и делает состав специальным, — это специальный объект, в качестве которого выступает порядок деятельности военной организации, обеспечивающий военную безопасность. Содержание военной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны раскрыто в гл. 1 настоящей работы. В связи с этим в данном параграфе дается анализ специального объекта преступлений против военной безопасности. Кроме этого, рассмотрен и механизм причинения вреда военной безопасности и порядку деятельности военной организации.

Как отмечалось, порядок деятельности военной организации представляет собой совокупность правоотношений, обеспечивающих военную безопасность. Для уяснения сущности в целом указанного порядка вначале следует подробно остановиться на «единичном» его проявлении — правоотношении.

Существуют несколько мнений о сущности правоотношений: а) правоотношение есть урегулированное правом общественное отношение⁷; б) правоотношение — это форма регулируемого нормами права общественного отношения⁸; в) правоотношение выступает посредством звена между нормой права и теми общественными отношениями, на которые норма права воздействует как на свой объект⁹. Однако более точной следует признать позицию тех ученых-правоведов, которые полагают, что право (правовые нормы) регулируют не общественные отношения, а, прежде всего, *поведение* (курсив мой. — О. З.) людей, что далеко не одно и то же¹⁰. По этому поводу Б.С. Никифоров писал: «Как представляется... нормы любой отрасли... права могут регулировать и фактически регулируют только действия, поступки, поведение людей»¹¹. С философской точки зрения общественное отношение относительно поведения представляет собой самостоятельное явление, поскольку именно оно (отношение) определяет действия людей, т. е. их поведение. Однако данное обстоятельство не исключает их диалектической взаимосвязанности¹².

Установленная правом *юридическая структура* (курсив мой. — О. З.), или правовая связь, на наш взгляд, лишь взаимодействует с другими общественными отношениями в процессе регулирования поведения людей¹³.

⁷ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 92.

⁸ Красавчиков О.А. Гражданское правоотношение — юридическая форма общественного отношения // Гражданские правоотношения и их структурные особенности: сб. ученых тр. Вып. 39. Свердловск, 1975. С. 12.

⁹ Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 30.

¹⁰ Протасов В.Н. Правоотношение как система. М., 1991. С. 118.

¹¹ Никифоров В.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 9.

¹² Более подробно об этом см.: Андреев Ю.П. Общественные отношения: сущность, содержание, структура: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1990. С. 11.

¹³ Взаимодействие это может быть различным: во-первых, правовое отношение может противостоят иной социальной структуре (негативной), вытеснять ее; во-вторых, поддерживать, «подкреплять», стабилизировать позитивные социальные связи в обществе. Вместе с тем, этот процесс не следует представлять себе как то, что правоотношение или правовая норма «регулирует» общественное отношение. Сущность правового регулирования состоит в том, чтобы установить между субъектами такие правоотношения (с точки зрения теории структур — правовые связи), которые бы вызвали к жизни нужное поведение.

С учетом сказанного интересующие нас правоотношения представляют собой *самостоятельные правовые структуры* (курсив мой. — О. З.) в системе социальных связей, непосредственно регулирующие поведение субъектов обеспечения военной безопасности.

Правоотношения являются разновидностью общественных отношений, при этом, как и любые общественные отношения (и отношения вообще), они не могут содержать внутри себя никаких компонентов¹⁴. Однако в юриспруденции под правоотношением понимается не отношение в его собственном структурном смысле, т. е. не чисто правовая связь, а единство этой связи и тех явлений, которые предполагаются в качестве элементов правоотношения. Иначе говоря, правоотношение рассматривается как некая целостность, имеющая свой состав и свою структуру. Такой подход, несомненно, богаче и глубже общефилософского понимания отношения и, учитывая специфику правовой проблематики, с ним в принципе можно согласиться. Правда, при условии, что будет правильно определен круг явлений, подлежащих включению в правоотношение в качестве его элементов.

В настоящее время именно состав правоотношения у юристов вызывает наибольшие трудности. О нем применительно к правоотношению говорится сравнительно давно, хотя делается это вне всякой связи с его системным рассмотрением. К элементам правоотношения, образующим этот состав, в теории принято относить субъектов, их права и обязанности, поведение, а также объект правоотношения¹⁵. Сама постановка вопроса о составе в данном случае возможна лишь в силу сложившегося специально-правового смысла категории «правоотношение», который характерен выделением в правоотношении совокупности элементов. Однако включение некоторых из ряда названных явлений в состав правоотношения можно объяснить только субъективными причинами.

Наиболее эффективным в исследовании правоотношения как объективно сложного явления действительности является системный подход, разработанный В.Н. Сагатовским¹⁶ и специально адаптированный им к изучению явлений социального характера. В соответствии с ним представляется, что, с одной стороны, «традиционный» взгляд на состав правоотношения не согласуется с теорией структур, т. е. с понятием правоотношения как собственно отношения, как структуры. С другой, он противоречит и закономерностям исследования правоотношения как единства элементов и структуры, т. е. целостности. Состав образуется совокупностью элементов системы, а элемент — это всегда часть системы, т. е. явление, находящееся внутри нее.

Выделять элементы в правоотношении условно и игнорировать соответствующие системно-структурные представления можно лишь до тех пор, пока в правоотношении усматривается только отношение, а не целостное единство правовой структуры и элементов. Правоотношение в структурном смысле существует исключительно между участниками, и в правоотношение, рассматриваемое уже как единство элементов и структуры, должны быть включены в качестве элементов именно они.

Участниками правоотношений, обеспечивающих военную безопасность, являются государство (в лице органов управления) и граждане, включенные в установленном порядке в эти отношения в качестве их участников (например, призывники, военнослужащие, граждане, пребывающие в запасе).

¹⁴ Гундаров И.А. «Отношение» как философская категория: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1983. С. 2—17; Колпаков В.А. Логико-методологический анализ отношений: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1969. С. 3—15; Колычев П.М. Категория «отношение» и ее методологические функции: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1989. С. 4—17; Левин В.Г. Категория «отношение»: автореф. дис. ... канд. филос. наук. С. 2—10.

¹⁵ Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 98—100; Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979. С. 19—31; Курс советского уголовного права. Т. 1. Л., 1968. С. 304; Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С. 29—116; Тацкий В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 13—21 и др.

¹⁶ Сагатовский В.Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1980. М., 1981. С. 66—67.

Указанные выше субъекты (субъекты права) становятся реальными участниками правовых связей с появлением у них дополнительных «целесообразных» свойств юридического характера — субъективных юридических прав и обязанностей. Формирование структуры правоотношения на основе прав и обязанностей означает одновременно и возникновение правоотношения как системы. Его структура выступает как непосредственный фактор правомерного поведения.

Для возникновения (прекращения) отношений необходимы юридические факты, которые в нашем случае могут быть связаны с началом и окончанием прохождения военной службы, военных сборов и т. п. (более подробно об этом см. параграф 3 настоящей главы).

Появление у участников правоотношений субъективных прав и обязанностей, а также возникновение между ними отношений — следствие действия правовых норм, регулирующих поведение субъектов в конкретной юридико-фактической ситуации. Юридические нормы, регулирующие деятельность по обеспечению военной безопасности, содержатся в достаточно большом нормативном массиве и представляют в большинстве своем совокупность специальных правил поведения, имеющих особых адресатов. Особенности нарушения специальных правил поведения как формы антиобщественного поведения основательно исследованы в работах А.А. Тер-Акопова¹⁷ и будут нами раскрыты ниже.

В свете требований системного подхода права и обязанности участников правоотношений — это не отдельные «самостоятельные» элементы, а юридические качества, свойства субъектов (элементов), приданные им правовыми нормами. В правоотношении эти свойства определяют его структуру, т. е. собственно правовые связи, отношения между субъектами¹⁸. Правовая структура как непосредственный регулятор поведения субъектов обеспечения военной безопасности сама по себе неосознаема и невидима, однако она имеет ряд своих проявлений, в частности, в содержании прав и обязанностей, а также в поведении участников отношений.

Применительно к правоотношениям, обеспечивающим военную безопасность, данное «проявление» наиболее очевидно в юридических обязанностях. Другая форма проявления указанной структуры — функционирование соответствующих правоотношений. В теории системного подхода функционирование есть процесс реализации целесообразных свойств системы, обеспечивающий ей достижение цели. Применительно к правоотношению это означает, прежде всего, то, что субъекты ведут себя в соответствии с их положением в правоотношении, реализуя свои права и обязанности. Иными словами, функционирование «правоотношения как системы» проявляется в правомерном поведении участников отношений.

Любая система может не только функционировать, но и дисфункционировать. Индикатором функционирования правоотношений являются обязанности их субъектов, которые актуальны постоянно, требуют исполнения или соблюдения. Если поведение участников по поводу их обязанностей остается правомерным, значит, обязанности реализуются, а отношение функционирует. Если обязанности нарушаются, то отношение как система дисфункционирует, т. е. система не достигает своей цели.

Правоотношение выступает как система лишь относительно своей цели, той цели, которую оно способно достигнуть¹⁹. Для отношений, обеспечивающих военную безопасность, такой целью является готовность военной организации к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации и ее союзников. Эта цель обуславливает не только содержание соответствующих специальных правил, но и круг лиц, могущих быть субъектами таких отношений, права и обязанности данных лиц, суть правовой структуры и, наконец, само поведение указанных субъектов.

В связи с предложенным выше подходом к правоотношению как системе требуется определить место категории «объект (предмет)» отношения. В теории права категория объекта (предмета) прочно утвердилась в качестве важного элемента, кото-

¹⁷ Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М., 1995. С. 6—55.

¹⁸ Протасов В.Н. Указ. соч. С. 54.

¹⁹ Применительно к правоотношению как системе целью будут являться те блага, которые отражают результативность правоотношения как системы.

рый характеризует связь правоотношения с материальными и духовными ценностями общества. Однако данная категория в юриспруденции обладает высокой степенью дискуссионности. Так, сторонники монистического подхода к объекту правоотношения считают, что объект должен обладать способностью к реагированию на правовое воздействие, а поскольку только человеческое поведение к этому способно, то его и следует признать объектом правоотношения²⁰.

Представители плюралистической теории объекта правоотношения полагают, что объектами являются различные материальные и духовные ценности²¹. У ученых-криминалистов существуют свои подходы к объекту, в частности к предмету уголовно-правового отношения²².

Представляется вполне обоснованным взгляд на объект правоотношения, сформулированный В.Н. Протасовым²³. Он, в частности, утверждает, что для характеристики той области правовой действительности, которую в настоящее время обозначает понятие объекта правоотношения, необходимы не одно, а два понятия: а) объект правовой деятельности и б) объект интереса.

Объекты правовой деятельности — это явления материального и духовного мира, во-первых, выступающие объектами правового поведения и, во-вторых, имеющие для правоотношения юридическое значение. Последнее определяется различными обстоятельствами, в частности: 1) связанностью с результатом правовой деятельности; 2) способностью качественных и количественных свойств такого объекта влиять на права и обязанности участников правоотношений.

В правоотношениях, обеспечивающих военную безопасность, объектами правовой деятельности выступают как материальные, так и нематериальные образования (блага), системно взаимосвязанные с готовностью военной организации к вооруженной защите и вооруженной защитой Российской Федерации и ее союзников (военной безопасностью). К ним, на наш взгляд, следует отнести, например: единоначалие, войсковое товарищество, укомплектованность личным составом, боевую подготовку (нематериальные блага); военную технику, оружие, боеприпасы (материальные блага).

Объектами интереса участников в правоотношении, как правило, являются те блага, которые обязаны своим появлением и существованием правоотношению и, самое главное, отражают его целевое назначение. В исследуемых нами правоотношениях таким объектом будет военная безопасность, а точнее — готовность военной организации к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации и ее союзников.

Объекты правовой деятельности и объекты интереса находятся между собой в неразрывной взаимосвязи. Так, снижение уровня укомплектованности личным составом в результате уклонений военнослужащих от военной службы приводит к понижению уровня боеготовности военных сил и, как следствие, к снижению уровня готовности военной организации к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации и ее союзников (подробнее механизм причинения вреда военной безопасности будет раскрыт ниже).

Рассмотрев основные результаты системного подхода к правоотношению, обеспечивающему военную безопасность, можно дать ему следующее определение: это система, элементами которой являются государство и участники военной организации, объединенные целесообразной правовой связью, вытекающей из обязанности, и которая (система) функционирует для поддержания на требуемом уровне готовности военной организации к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации и ее союзников.

Из таких «единичных» правоотношений и состоит порядок деятельности военной организации, который представляет собой совокупность отношений в сфере го-

²⁰ Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учеб. пособие для высших учебных заведений. М., 1993. С. 227—228.

²¹ Общая теория права. Курс лекций. М., 1993. С. 422—425.

²² Огурцов Н. А. Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976. С. 66; Тер-Акопов А. А. Правовые основания ответственности за воинские преступления: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1982. С. 62.

²³ Протасов В.Н. Указ. соч. С. 80—87.

сударственного (военного) управления, отношений, связанных с исполнением воинской обязанности и конституционного долга по защите Отечества, трудовой деятельностью гражданского персонала, мобилизационных и военно-экономических отношений, регулирующих деятельность военной организации по обеспечению военной безопасности.

Нарушение порядка деятельности военной организации составляет основу механизма причинения вреда военной безопасности. Для уяснения его сути необходимо иметь в виду следующее.

Деятельность по обеспечению военной безопасности имеет в целом позитивную направленность. Вместе с тем, в любой деятельности содержатся и негативные аспекты (негативные факторы)²⁴. Согласно общей теории безопасности каждый субъект, обеспечивающий безопасность объектов от определенных угроз, сам может оказаться субъектом «внутренней» опасности (угроз) для этих объектов²⁵.

Субъектом такой «внутренней» опасности (ее еще называют «вторичной») выступает в самом общем виде сама военная организация (ее участники). Специфическими являются и источники опасности, главными из которых выступают различные правонарушения в области обеспечения военной безопасности. К ним следует отнести, в частности, уклонение от призыва на военную службу, в том числе по мобилизации, неисполнение приказа, неуставные взаимоотношения между военнослужащими, уклонение от военной службы, нарушения установленного порядка несения специальных видов военной службы (боевого дежурства, боевой службы, пограничной службы, караульной службы, вахтенной службы и т. д.), выпуск и поставку в Вооруженные Силы Российской Федерации недоброкачественной, нестандартной или некомплектной боевой техники и вооружения.

Указанные выше «вторичные» угрозы в той или иной степени негативно влияют на готовность военной организации к вооруженной защите Российской Федерации, приводят к снижению ее уровня, вплоть до критического, когда военная организация становится не способной противостоять тем или иным внешним или внутренним военным угрозам.

В данных случаях вред военной безопасности причиняется «изнутри» самими субъектами ее обеспечения посредством совершения различных правонарушений, в том числе преступлений. Такой «внутренний» механизм схематично выглядит следующим образом:

1) участник правоотношений по обеспечению военной безопасности нарушает возложенные на него обязанности (например, не подчиняется приказу начальника, уклоняется от военной службы, уходит с поста в карауле, уничтожает или повреждает военное имущество и т. п.),

2) в результате таких нарушений в первую очередь «страдают» объекты правовой деятельности (блага), что проявляется в понижении уровня воинской дисциплины, военно-профессиональной подготовки, боевой выучки; неуккомплектованности личным составом, вооружением и боевой техникой; неудовлетворительной организации несения боевого дежурства (боевой службы); уничтожении или повреждении военного имущества и т. п.;

3) «деформируется» правовая структура правоотношения как системы, последняя начинает дисфункционировать, т. е. не достигать своих целей;

4) в итоге это приводит к снижению уровня готовности военной организации к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации и ее союзников.

Посягательство на военную безопасность посредством (через) нарушения порядка «обеспечительной» деятельности со стороны субъектов военной организации влияет и на особенности преступных последствий (более подробно об этом будет сказано ниже).

²⁴ Тер-Акопов А. А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М., 1998. С. 24.

²⁵ Общая теория безопасности (актуальные методологические и социально-политические проблемы). М., 1994. С. 17—18.

2. Военная безопасность и порядок деятельности военной организации обуславливают специфичность, прежде всего, таких признаков объективной стороны преступлений против военной безопасности, как деяние, последствие и причинная связь²⁶.

Как отмечалось выше, особый характер специального объекта преступления налагает своеобразный отпечаток и на деяние, которое также несет специальный характер — нарушение тех или иных обязанностей, специальных правил поведения. К примеру, если взять специальные воинские преступления, то независимо от того, в чем они выразились (уклонение от военной службы, нарушение правил караульной службы, насилие в отношении начальника либо иное преступление), совершенное деяние всегда представляет собой нарушение порядка (обязанностей) прохождения военной службы. В десяти статьях гл. 33 из двадцати двух — ст.ст. 340—344, 349—352 УК РФ речь прямо идет о нарушении специальных правил.

В юридической литературе отмечается, что особенностью нарушения специальных правил является то, что оно может проявляться как в действии, так и в бездействии (Ф.С. Бражник, А.С. Самойлов, Н.И. Петухов и др.). Представляется более правильной позиция тех ученых, которые считают нарушение правил самостоятельной формой общественно опасного поведения наряду с традиционно выделяемыми действиями и бездействием²⁷. Своеобразие нарушения правил заключается в том, что в нем действие и бездействие существуют в единстве: одно всегда сопряжено с другим, за каждым действием стоит бездействие, и наоборот. Так, уход с боевого дежурства (действие) предполагает невыполнение обязанностей по внимательному наблюдению за соответствующими приборами (бездействием) и т. д. Если поведенческий акт может выражаться в действии и бездействии, значит, он не может полностью сводиться ни к тому, ни к другому, а образует самостоятельную форму, включающую признаки и того и другого. Следовательно, отношение нарушителя к нормативному предписанию, т. е. поведение, отличающееся неисполнением предъявляемого требования (нарушение правил), является самостоятельной формой, которая выступает в качестве основы, реальной или возможной причины общественно опасных изменений. Нарушение правил, являясь объективной реальностью, таким образом, выступает в качестве основания уголовной ответственности.

С учетом изложенного представляется необходимым более подробно остановиться на характеристике нарушения правил по обеспечению военной безопасности (далее — специальных правил) как самостоятельной форме деяния.

Нарушение специальных правил заключается в поведении, характеризующемся неисполнением предъявляемого требования. Внешнее проявление такого поведения представляет собой отношение нарушителя, прежде всего, к правовым предписаниям (нормам, правилам), а не к материальным объектам (жизни, здоровью, имуществу и т. п.). Если в ходе расследования уголовного дела (судебного разбирательства) обнаружится отсутствие правовой нормы, регламентирующей определенную сторону деятельности по обеспечению военной безопасности, то в данном случае нельзя говорить и о нарушении специальных правил поведения. Это теоретическое положение находит поддержку и у практических работников²⁸.

Деяние в виде нарушения специальных правил поведения обладает своеобразными детерминирующими свойствами: а) далеко не всякие нарушения правил сопровождаются общественно опасными последствиями (например, разговор часового во время несения службы с посторонними лицами хотя и отвлекает его от исполнения обязанностей, но не всегда приводит к причинению вреда охраняемым караулом объектам); б) наступление вреда зависит не только от поведения нарушителя, но и от множества иных факторов (так, самовольное оставление поста часовым может при-

²⁶ О понятии объективной стороны преступления см.: *Ковалев М.И.* Объективная сторона преступления. Красноярск, 1993. С. 15—28; *Кудрявцев В.Н.* Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 20—31; *Тимейко Г.В.* Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д, 1977. С. 17—30; *Тер-Акопов А.А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. С. 43—67 и др.

²⁷ *Тер-Акопов А.А.* Ответственность за нарушение специальных правил поведения. С. 6—7.

²⁸ Обзор судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими, 2001 г. // *Обзоры судебной практики военных судов Российской Федерации по уголовным делам (1996—2001 гг.)*. М., 2002. С. 63.

вести к хищению охраняемых караулом объектов только в том случае, если этим обстоятельством воспользуются другие лица); в) последствия нередко «оторваны» от деяния по времени и потому наступают с определенной степенью вероятности (в частности, в результате нарушения правил несения боевого дежурства, выразившегося в необнаружении цели, нанесение бомбового удара в глубине страны может произойти через относительно длительный промежуток времени, если эту цель не ликвидируют другие боевые расчеты). Указанные свойства, с одной стороны, отличают причиняющую способность нарушения специальных правил от иных форм преступных деяний (убийство, умышленное причинение вреда здоровью, изнасилование, кража и т. п.). С другой стороны, они обуславливают необходимость их учета при установлении причинной связи в преступлениях, выражающихся в нарушении специальных правил (более подробно об этом будет сказано ниже).

Общественная опасность нарушения специальных правил неочевидна, она уясняется главным образом информационным путем. Следовательно, обязательным условием ответственности за нарушение специальных правил, исходя из информационного характера способа уяснения опасности данного нарушения, является знание правил или наличие обязанности изучить соответствующие правила. Незнание правил, т. е. неподготовленность лица к исполнению специальных функций, исключает осознание общественной опасности их нарушения и может служить основанием для непривлечения к ответственности при условии, что лицо в данном случае не должно было их знать. Например, если в ходе расследования (судебного разбирательства) нарушение правил несения пограничной службы будет установлено, что лицо, входившее в состав пограничного наряда, по тем или иным причинам специальной подготовки не проходило и не обладало соответствующими знаниями правил несения пограничной службы, к уголовной ответственности в данном случае оно быть привлечено не может.

Исчерпывающий перечень нарушений специальных правил поведения в нормативных актах отсутствует. Отсюда вытекает неопределенность нарушений специальных правил, которая формализуется только при наступлении последствий. К примеру, причинение тяжких последствий при нарушении правил несения боевого дежурства (гибель людей в результате бомбового удара авиации) может быть следствием различных конкретных форм нарушения правил несения этой службы (сон, употребление спиртных напитков, оставление места несения боевой службы и т. п.).

Специальные правила поведения содержатся в большом количестве различных по юридической силе нормативных правовых актов. Для правильной квалификации преступлений, выражающихся в нарушении специальных правил, необходимо точно установить и отразить в процессуальных документах, требования какого именно нормативного акта, содержащего правила, нарушены.

Специальные правила характеризуются вторичностью. В связи с этим не исключена возможность неадекватного отражения правовыми нормами материальных отношений: возможно отставание норм либо, наоборот, опережение ими действительности. Поэтому недостаточно установить сам факт нарушения правил, необходимо всегда учитывать, насколько социально обоснованы нормы, требования которых нарушены. Обнаружение ошибочности правовых требований может существенно повлиять на ответственность за их нарушение вплоть до ее исключения. Нарушение правил, неадекватно отражающих действительность, т. е. правил, установленных ошибочно, в большинстве случаев не должно влечь уголовной ответственности. При этом, необходимо установить, что соблюдение существующих «ошибочных» правил не могло предотвратить причинение вреда военной безопасности либо ситуации вообще не урегулирована.

Правила должны быть способными при их соблюдении предупреждать вредные последствия. Действия (бездействие), совершенные в соответствии с правилами, не могут признаваться причиной наступивших последствий. В данном случае вредные последствия являются результатом ошибочного правового предписания. Последнее лишает деяние причиняющей способности. Следовательно, при оценке уголовно-правового механизма «причинения» решающую роль выполняют сами специальные правила — они всегда должны оцениваться с точки зрения их причиняющей способности.

Специальные правила должны учитывать наличие возможности их исполнения, в том числе и материальной. Если будет установлено, что субъект в целом не имел возможности выполнить правила, то данное обстоятельство должно учитываться как основание для исключения уголовной ответственности.

Своеобразной разновидностью рассматриваемых деяний являются нарушения правил несения боевого дежурства, пограничной службы, которые могли повлечь причинение вреда интересам безопасности государства (ч. 1 ст.ст. 340, 341 УК РФ)²⁹. В указанных статьях впервые в системе специальных воинских преступлений сконструирован состав с признаком возможности наступления общественно опасных последствий в результате нарушения специальных правил. В них устанавливается ответственность за нарушение, которое только «могло повлечь причинение вреда интересам безопасности государства»³⁰. В связи с этим возникает ряд вопросов, имеющих теоретическое и практическое значение. В частности, как понимать возможность, вероятность причинения вреда.

Возможность всегда отражает ту или иную степень вероятности наступления вреда. Это значит, что понятие «могло» допускает как абстрактную, так и реальную возможности. Так, всякое нарушение правил несения боевого дежурства может быть использовано для проникновения на территорию России иностранных летательных аппаратов. Вместе с тем, в реальной действительности такие нарушения чаще всего не приводят к каким-либо последствиям. В конкретных ситуациях вторжения в воздушное пространство может вообще не быть или оно будет пресеченным третьими лицами. Требуется, таким образом, определить единый критерий оценки того, что деяние «могло» повлечь вредные последствия.

Рассматриваемые составы преступлений сконструированы, по существу, как «промежуточные» между материальными и формальными. При наличии признака «могло» возможны ситуации, когда в результате совершенных нарушений начался процесс, который в сложившейся обстановке объективно ведет к преступному результату, но последний не наступает благодаря вмешательству третьих сил. Например, когда проникновение на территорию России иностранных летательных аппаратов в результате нарушения правил несения боевого дежурства боевым расчетом было пресечено другим подразделением, входящим в состав дежурных сил.

В практике военных судов выработан несколько иной подход к решению рассматриваемого вопроса. В Обзоре судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими, 2001 г. предлагается под нарушением правил несения боевого дежурства или пограничной службы, которое могло причинить вред интересам безопасности государства, понимать такое деяние, которое создало реальную угрозу этим интересам. При этом, под «реальной угрозой» понимается наличие реальных предпосылок для наступления вреда интересам безопасности государства. Допущенное виновным нарушение должно объективно обуславливать возможность, например, незаконного пересечения охраняемого участка государственной границы и таким образом создавать реальную угрозу причинения вреда интересам безопасности государства. К таким нарушениям судебная практика относит, в частности, сон на посту.

Следует обратить внимание на то, что применительно к экологическим преступлениям Пленум Верховного Суда Российской Федерации сформулировал иную правовую позицию. В п. 6 постановления от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» разъясняется, что создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде (ч. 1 ст. 247 УК РФ) означает возникновение такой ситуации, которая повлекла бы предусмотренные законом вредные последствия, если бы они не были предотвращены вовремя принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли лица, нарушившего правила обращения с экологически опасными веществами и отходами. Такая угроза предполагает наличие конкретной опасности реального причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде.

²⁹ Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. С. 129—130.

³⁰ Представляется возможным предусмотреть этот признак как качество криминообразующего и в нарушениях уставных правил караульной (вахтенной) службы.

С учетом изложенной правовой позиции высшего судебного органа практика военных судов по рассматриваемому вопросу, как представляется, нуждается в пересмотре.

В составе преступления против военной безопасности вредные последствия³¹, как отмечалось, имеют специальный характер, который проявляется в том, что вред военной безопасности причиняется посредством нарушения порядка деятельности военной организации.

В указанных преступлениях можно говорить о двух уровнях преступных последствий. Первый — вред, причиняемый порядку деятельности военной организации, второй — вред военной безопасности.

Преступный вред порядку деятельности военной организации — это вред, причиняемый правоотношениям, он может иметь социальный и физический характер. Социальный вред выражается в дисфункционировании «нарушенных» правоотношений, о чем могут свидетельствовать снижение уровня боевой готовности воинских подразделений, невыполнение боевых (учебно-боевых) задач, стоящих перед подразделением, и т. п. Такой вред считается организационным. Физический вред проявляется, например, в уничтожении или повреждении военного имущества. По существу, первый уровень преступных последствий связан с вредом, который причиняется объектам правовой деятельности.

Дисфункционирование рассматриваемых правоотношений в итоге приводит к недостижению стоящей перед ними цели — обеспечение постоянной готовности военной организации к подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации и ее союзников. Суть последствий второго уровня — это снижение уровня указанной готовности военной организации. Этот организационный вред имеется во всех специальных составах преступлений против военной безопасности. Например, всякое специальное воинское преступление всегда выражается в нарушении порядка прохождения военной службы и, как следствие, в причинении вреда военной безопасности (снижается боевая готовность подразделения при уклонениях от военной службы, ослабляется воинская дисциплина и единоначалие, снижается служебная активность военнослужащих при совершении насильственных преступлений и т. д.³²). Организационный вред всегда включается в такие понятия, как существенный вред интересам службы или тяжкие последствия, указанные в статьях гл. 33 УК РФ. В связи с оценочным характером указанных последствий необходимо рассматривать фактически причиненный организационный вред с учетом его значимости для боевой готовности воинской части, подразделения.

В некоторых преступлениях против военной безопасности необходимо, кроме отмеченных специальных последствий, выделять общие последствия. Последние являются результатом причинения вреда общим социальным ценностям, специально охраняемым в других главах Особенной части УК РФ (кроме гл. 33), например, вред безопасности жизни, безопасности здоровья людей в ст.ст. 333, 334 и 335 УК РФ (речь идет о так называемых многообъектных преступлениях).

Причинная связь в преступлениях против военной безопасности, связанных с нарушением специальных правил, характеризуется рядом особенностей, обусловленных социально-правовым, вероятностным и опосредованным ее характером³³.

В нарушении специальных правил юридическое значение имеет не физическое взаимодействие субъекта с объектом (в философском смысле), а социально-правовое (информационное). Причинная связь устанавливается между наступившим вредным последствием и поведением, образующим нарушение правил. Нарушение спе-

³¹ Более подробно о преступных последствиях см.: Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991; Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий. М., 1958; Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов, 1989; Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969.

³² Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы / отв. ред. Н.А. Петухов. М., 1999. С. 51.

³³ Более подробно об особенностях причинной связи в нарушениях специальных правил поведения см.: Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. С. 102—174; Его же. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. С. 245—376.

циальных правил не основано на непосредственной передаче материи и энергии от субъекта к объекту. Только на социально-правовом уровне изучения преступления можно выявить причинную связь между деянием и последствием даже при отсутствии между ними физического взаимодействия. Например, в случае хищения оружия посторонними лицами во время сна дневального из числа суточного наряда роты физическая связь существует между имуществом ущербом и действиями похитителей (изъятием оружия). Ее наличие позволяет нам квалифицировать содеянное похитителями как хищение (гл. 21 УК РФ). Однако для оценки деяния дневального по ст. 344 УК РФ необходимо установить «другую» причинную связь — правовую (нормативную) между нарушением правил несения внутренней службы (сном дневального) и тяжкими последствиями в виде изъятия оружия (боевых единиц) из законного оборота, что, безусловно, снижает уровень готовности военной организации к вооруженной защите.

Правовые предписания в механизме причинения преступных последствий при нарушении специальных правил имеют особое значение. В качестве причины может выступать только то деяние, которое нарушает существующие нормативные предписания. Вопрос о причинной связи может быть снят только в трех случаях: 1) нет самого деяния; 2) деяние совершено, оно находится в физической связи с последствием, но не в социально-правовой, т. е. не нарушает правовых предписаний; 3) отсутствует правовая норма, регламентирующая отношения, в сфере которых наступило последствие.

Социально-правовой характер предопределяет и соответствующие признаки причинной связи в нарушениях специальных правил: а) наличие общественно опасных последствий; б) необходимость совершения определенных действий либо воздержания от них в целях предупреждения этих последствий; в) наличие у лица обязанности совершить необходимое действие или воздержаться от совершения отрицательных действий; г) несовершение лицом необходимого действия или совершение им отрицательного действия; д) наличие у него объективной возможности совершить требуемое действие или воздержаться от запрещаемого действия; е) несовершение необходимого действия либо совершение запрещаемого действия должно быть обязательным условием наступившего последствия, т. е. таким условием, устранение которого (или отсутствие которого) предупреждает последствие. Возможны ситуации, когда нарушение специальных правил допускается, но оно не находится в причинной связи с наступившими последствиями. Поэтому всегда необходимо доказывать, что допущенное нарушение было необходимым условием наступления вредных последствий. Например, будет отсутствовать причинная связь между оставлением часовым поста и наступившим последствием в виде хищения военного имущества, охраняемого караулом, если будет установлено, что даже добросовестное несение службы часовым в данном случае объективно не смогло бы предотвратить хищение (к примеру, преступники проделали подкоп к хранилищу оружия).

Причинная связь в нарушениях специальных правил, наряду с нормативностью, обладает вероятностным характером. Суть вероятностной концепции причинной связи состоит в том, что фактор, признаваемый причиной, не обязательно должен каждый раз при его повторении вызывать одно и то же следствие. Данное следствие наступает при значительном статистически репрезентативном числе повторений. В каждом отдельном случае существует лишь та или иная степень вероятности наступления данного последствия.

В нарушениях специальных правил отсутствует линейность и однозначность отношений причины и следствия. В данном случае следует говорить о том, что следствие выступает в качестве результата «взаимодействия вещей». Известно, что причина действует только при наличии благоприятных условий. Один и тот же фактор при отсутствии соответствующих благоприятных обстоятельств может и не привести к тому результату, который он способен причинить. Например, нарушение уставных правил несения внутренней службы, выразившееся в самовольном оставлении места несения службы дневальным по роте, может привести к самым разнообразным последствиям: хищение вверенных под охрану оружия, боеприпасов, имущества роты, личных вещей солдат и сержантов, их уничтожение или повреждение и т. д. Указанные общественно опасные последствия могут и не наступить как вследствие отсутст-

вия попыток посторонних лиц совершить хищение, уничтожение или повреждение того или иного военного имущества, так и по причине пресечения этих противоправных действий со стороны других лиц суточного наряда по роте. Иными словами, для того чтобы это нарушение правил несения внутренней службы привело к определенным последствиям, необходим целый ряд определенных обстоятельств, характеризующих время, место, обстановку нарушения и т. п.

В нарушении специальных правил, признаваемом причиной, должна быть заложена возможность наступления общественно опасного последствия, причем эта возможность имеет более или менее высокую степень вероятности реализации ее в действительность. Если в нарушении заключена незначительная вероятность причинения вреда, если последствие равновероятно могло наступить и от другого действия, то искомое деяние не может рассматриваться в качестве причины последствия.

Причинная связь между нарушением специальных правил и наступившими последствиями носит чаще всего опосредованный характер, что затрудняет ее установление. Опосредованность проявляется в том, что последствия становятся возможными благодаря действиям каких-либо промежуточных факторов, непосредственно вызывающих отрицательный результат. Разделение нарушения и последствия создает порой впечатление об отсутствии причинной связи между нарушением и последствием. Например, часовой отвлекается от охраны объекта, в результате чего постороннее лицо проникает на пост и совершает хищение вверенного под охрану военного имущества. В данном случае опосредующий фактор (проникновение на пост постороннего лица и совершение им хищения) не исключает причинную связь между нарушением и последствием.

Время, место, обстановка, способ, средства и другие объективные признаки присущи любому преступлению против военной безопасности, так как оно всегда совершается определенным способом, в конкретном месте, обстановке, в определенное время, с использованием конкретных орудий и средств, с помощью определенных приемов³⁴. Однако названные признаки не всегда влияют на общественную опасность указанных преступлений и на разграничение их между собой и с общеуголовными преступлениями. По своей правовой природе они являются факультативными. В тех же случаях, когда законодатель указывает в диспозиции статей Особенной части УК РФ на один или несколько из перечисленных признаков, тогда они становятся обязательными признаками и имеют также специфический характер³⁵.

§ 3. Субъективные элементы специального состава преступления против военной безопасности Российской Федерации

1. Специальный характер отношений, обеспечивающих военную безопасность, определяет и специфику субъекта преступления против военной безопасности. По УК РФ им являются, в частности, граждане, подлежащие призыву на военную службу, граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, военнослужащие, граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов, гражданский персонал военной организации государства. Рассмотрим их подробнее.

1.1. В ч. 1 ст. 328 УК РФ субъектами преступлений признаются граждане, подлежащие призыву на военную службу, т. е. граждане мужского пола, достигшие возраста 18 лет, состоящие или обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе, подлежащие в установленном законом порядке призыву на военную службу.

При рассмотрении уголовных дел, связанных с уклонением от призыва на военную службу, следует учитывать, что в соответствии с п. 1 ст. 22 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет.

³⁴ О факультативных признаках объективной стороны преступления см.: Объективная сторона преступления (факультативные признаки) / К.Л. Акоев [и др.]. М., 1995; Бушуев Г.В. Способ совершения преступления и его влияние на общественную опасность содеянного. Омск, 1988; Панов Н.И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления. М., 1991.

³⁵ Подробнее об этих признаках см.: Зателин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства. М., 2009. С. 36—37.

Поэтому после достижения возраста 27 лет уголовному преследованию за уклонение от призыва на военную службу могут подлежать только лица, совершившие это преступление до указанного возраста, при условии, что не истекли сроки давности привлечения их к уголовной ответственности.

В указанной норме уголовного закона впервые закреплено, что уголовная ответственность за уклонение от призыва на военную службу наступает для граждан только в случае отсутствия законных оснований для освобождения их от военной службы. Это обязывает правоохранительные органы и суды по каждому такому делу выяснять, имеются ли предусмотренные ст.ст. 23 и 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» основания, при наличии которых граждане не призываются на военную службу.

В судебной практике предлагались различные решения вопроса в отношении лиц в случае, если в ходе судебного разбирательства устанавливалось, что в соответствии с законом лицо не подлежит призыву на военную службу или подлежит освобождению от призыва на военную службу либо имеются основания для отсрочки от призыва на военную службу. Одни суды в этих случаях выносили обвинительные приговоры, другие — постановляли оправдательные приговоры. Правильный подход состоит в следующем³⁶.

Если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что в соответствии с законом лицо не подлежало призыву на военную службу или подлежало освобождению от исполнения воинской обязанности, призыва на военную службу либо имелись основания для отсрочки от призыва на военную службу, которые существовали до уклонения от призыва на военную службу, суд постановляет оправдательный приговор ввиду отсутствия в деянии состава преступления.

В случаях когда предусмотренные законом основания, при наличии которых граждане не призываются на военную службу, возникли в период уклонения от призыва на военную службу (например, в случае рождения у гражданина второго ребенка или поступления лица в государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования и обучения по очной форме), суд освобождает лицо от наказания в связи с изменением обстановки при наличии условий, предусмотренных в ст. 80¹ УК РФ.

Актуальным для судов является вопрос о моменте окончания призыва на военную службу и начале военной службы. В судебной практике встречались случаи, когда граждане оставляли свои команды (эшелоны) в пути следования к месту службы, при этом суды привлекали к ответственности таких лиц за уклонение от призыва на военную службу по ч. 1 ст. 328 УК РФ. Так, районным судом г. Архангельска Ф. осужден по ч. 1 ст. 328 УК РФ за то, что, будучи доставленным со сборного пункта в аэропорт «Талаги» г. Архангельска, 26 ноября 1998 г. самовольно покинул аэропорт, к месту прохождения службы не прибыл и до окончания очередного призыва в военный комиссариат не явился.

Представляется, что такую практику нельзя признать правильной.

По смыслу п. 1 ст. 26 и п. 10 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» призыв на военную службу считается завершенным с момента начала военной службы. Началом военной службы для граждан, не пребывающих в запасе, призванных на военную службу, считается день присвоения воинского звания рядового. Согласно п. 31 Положения о призыве на военную службу граждан Российской Федерации, утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 г. № 663³⁷, до убытия граждан, призванных на военную службу, со сборного пункта к месту прохождения военной службы приказом военного комиссара субъекта Российской Федерации им присваивается воинское звание рядового. Следовательно, в случае самовольного оставления лицом воинского эшелона (команды) в пути следования к месту прохождения военной службы ответственность должна наступать при наличии к тому оснований по соответствующим статьям гл. 33 УК РФ.

³⁶ Он нашел закрепление в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы».

³⁷ СЗ РФ. 2006. № 47. Ст. 4894.

1.2. Субъект преступления в ч. 2 ст. 328 УК РФ обозначен как «лицо, освобожденное от военной службы». Однако следует заметить, что данное название субъекта преступления не соответствует законодательству о воинской обязанности и военной службе³⁸. В связи с этим возникают определенные трудности при установлении круга лиц, могущих быть субъектами данного преступления. В частности, неясно, относятся ли к субъектам преступления только граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, либо, кроме них, еще и лица, направляемые на альтернативную гражданскую службу.

В рассматриваемой норме речь идет об уклонении от прохождения альтернативной гражданской службы. Прохождение любой службы, в том числе альтернативной гражданской, предполагает наличие у граждан соответствующих обязанностей. В соответствии со ст. 18 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» обязанности, как компонент статуса «граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу», возлагаются на них с начала альтернативной гражданской службы и прекращаются с ее окончанием. Следовательно, уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы означает уклонение от исполнения уже возложенных на лицо обязанностей альтернативной гражданской службы. С учетом сказанного можно прийти к выводу, что по смыслу названного Закона субъектом данного преступления могут быть только лица, проходящие альтернативную гражданскую службу.

В связи с изложенным при решении вопроса о субъекте рассматриваемого преступления важное значение имеет установление начала и окончания альтернативной гражданской службы. В соответствии со ст. 5 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» началом альтернативной гражданской службы считается день убытия гражданина к месту прохождения альтернативной гражданской службы, указанный в предписании военного комиссариата. Окончанием альтернативной гражданской службы считается день прекращения работодателем срочного трудового договора с гражданином при его увольнении с альтернативной гражданской службы. При этом, срочный трудовой договор должен быть прекращен работодателем в день истечения срока альтернативной гражданской службы лица.

К субъектам рассматриваемого преступления не могут быть отнесены лица, уклоняющиеся от направления на альтернативную гражданскую службу. Таких граждан нельзя привлекать к уголовной ответственности и по ч. 1 ст. 328 УК РФ за уклонение от призыва на военную службу. Их вообще нельзя привлекать к уголовной ответственности, а следует призывать на общих основаниях на военную службу. В случае когда граждане, которым было отказано в замене военной службы по призыву на альтернативную гражданскую службу, уклоняются уже от призыва на военную службу, речь может идти о привлечении их к ответственности по ч. 1 ст. 328 УК РФ³⁹.

Если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что в соответствии с законом лицо не могло быть направлено на альтернативную гражданскую службу ввиду наличия оснований, при которых лицо не призывается на военную службу, суд постановляет оправдательный приговор за отсутствием в деянии состава преступления. В случаях когда в период уклонения от прохождения альтернативной гражданской службы возникли предусмотренные ст. 23 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» основания для увольнения с нее, суд освобождает лицо от наказания в связи с изменением обстановки при наличии условий, предусмотренных в ст. 80¹ УК РФ.

³⁸ В частности, в п. 2 ст. 22 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» дается исчерпывающий перечень лиц, которые не призываются на военную службу, а именно: граждане, которые освобождены от исполнения воинской обязанности, призыва на военную службу, граждане, которым предоставлена отсрочка от призыва на военную службу, а также граждане, не подлежащие призыву на военную службу. Как видно, названный Закон не упоминает граждан, «освобожденных от военной службы».

³⁹ С учетом изложенного ошибочным следует признать приговор одного из городских судов Ярославской области от 17 мая 2006 г., по которому В. был осужден по ч. 2 ст. 328 УК РФ за уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы, совершенное путем неявки без уважительных причин в военный комиссариат после принятия призывной комиссией решения о направлении его на альтернативную гражданскую службу для получения предписания.

1.3. В ст. 331 УК РФ военнослужащие признаются субъектами преступлений, предусмотренных в гл. 33 УК РФ. В воинских преступлениях субъект относится к категории специальных, т. е. обладающих, наряду с общими признаками — вменяемостью и возрастом, специальными признаками⁴⁰. К их числу следует, прежде всего, отнести пребывание лица в момент совершения преступления на военной службе.

Военнослужащими являются граждане Российской Федерации, проходящие военную службу по призыву или в добровольном порядке (по контракту), а также иностранные граждане, проходящие военную службу по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами.

Статья 6 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 6 июля 2006 г. № 105-ФЗ)⁴¹ военную службу определяет как вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на воинских должностях или не на воинских должностях в случаях и на условиях, предусмотренных федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства.

В соответствии с действующим законодательством военнослужащие, являющиеся гражданами Российской Федерации и не имеющие гражданства (подданства) иностранного государства, могут проходить военную службу на воинских должностях в Вооруженных Силах Российской Федерации, внутренних войсках МВД России, воинских формированиях, федеральных органах исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба (в том числе в Генеральной прокуратуре Российской Федерации и Следственном комитете Российской Федерации), воинских подразделениях Государственной противопожарной службы МЧС России, специальных формированиях, создаваемых в военное время.

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, могут быть направлены не на воинские должности в международные организации, а также в организации, осуществляющие деятельность в интересах обороны страны и безопасности государства, на военные кафедры при федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования. Указанным военнослужащим военная служба приостанавливается, они не входят в численность Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, не считаются исполняющими обязанности военной службы. Следовательно, данная категория лиц в период приостановления им военной службы не может признаваться субъектом воинских преступлений, предусмотренных в гл. 33 УК РФ. Но при этом указанные лица продолжают оставаться субъектами преступлений против военной безопасности, например, предусмотренных в гл. 30 УК РФ.

Не являются субъектами воинских преступлений, предусмотренных в гл. 33 УК РФ, в период приостановления военной службы лица из числа военнослужащих, проходивших военную службу по контракту, в случаях, указанных в ч. 1 ст. 45 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (например, если они будут избраны депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, депутатами законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, депутатами представительных органов муниципальных образований и главами муниципальных образований, осуществляющими указанные полномочия на постоянной основе).

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту и направленные в соответствии с федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации в другие организации не на воинские должности без приостановления ими военной службы, продолжают проходить военную службу и являются субъектами воинских преступлений.

⁴⁰ Владимиров В.А., Левцкий Г.А. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1964. С. 67; Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата, 1979. С. 23; Устименко В.В. Специальный субъект преступления. Харьков, 1992. С. 45.

⁴¹ СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

Субъектами воинских преступлений, предусмотренных в гл. 33 УК РФ, следует считать и курсантов военных образовательных учреждений профессионального образования, не достигших 18-летнего возраста⁴².

Важное значение для определения субъектов преступлений против военной службы имеет установление начального и конечного моментов состояния на военной службе (см. п. 10 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»)⁴³.

В Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» (п. 12 ст. 38) указывается, что не засчитываются в срок военной службы время пребывания в дисциплинарной воинской части и отбывания дисциплинарного взыскания в виде ареста, а также время самовольного оставления части или места службы свыше десяти суток. В этих случаях общий срок службы должен увеличиваться на это время, что должно быть учтено при издании приказа об исключении военнослужащего из списков части. Вместе с тем, если в приказе данные обстоятельства не учтены, то военнослужащий должен быть уволен по общим правилам. Следует также иметь в виду, что военнослужащему, освобожденному из дисциплинарной воинской части, при условии его безупречной военной службы время пребывания в дисциплинарной воинской части может быть засчитано в срок его военной службы в соответствии с Положением о порядке прохождения военной службы.

К уголовной ответственности за преступления против военной службы лицо может быть привлечено и после окончания военной службы при условии, что деяние совершено им в период прохождения военной службы и не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

⁴² Более подробно об этом см.: *Зателпин О.К.* Квалификация преступлений против военной безопасности. С. 267—275. По нашему мнению, поскольку граждане, не достигшие возраста 18 лет, добровольно поступают в военные образовательные учреждения профессионального образования и зачисляются в них, приобретают статус военнослужащих, проходящих военную службу по призыву с момента зачисления в указанные учреждения (п. 2 ст. 35, п. 10 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»), постольку они своими действиями приобретают права и свободы военнослужащих, гарантированные государством, и несут обязанности и ответственность военнослужащих (п. 1 ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих»). Их следует признавать субъектами преступлений против военной службы. В случае самовольного оставления части или места службы либо неявки в срок без уважительных причин на службу они подлежат ответственности по ст. 337 УК РФ как военнослужащие, проходящие военную службу по призыву.

Аналогичную позицию по этому вопросу занимает профессор Х.М. Ахметшин (Военно-уголовное право: учеб. / Х.М. Ахметшин [и др.]. М., 2008. С. 188—189).

⁴³ Специфика военно-служебных отношений обуславливает особенности исчисления сроков. С момента начала течения срока военной службы граждан становится военнослужащим с присущим ему особым правовым статусом, т. е. он приобретает права и обязанности и на него возлагается ответственность. В отличие от гражданского законодательства (ст. 191 ГК РФ), которым установлено, что течение срока, определенного периодом времени, начинается на следующий после наступления календарной даты или соответствующего события день, течение срока военной службы начинается в 00 часов 00 минут наступления соответствующего дня, например, день вступления в силу контракта, день присвоения воинского звания рядового и др. (Комментарий к Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе». М., 1999. С. 244).

Срок военной службы истекает: а) для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, — в соответствующее число последнего месяца срока военной службы по призыву. Так, если срок военной службы начал течь в 00 часов 00 мин. 30 мая 2008 г. (день присвоения воинского звания рядового), то годичному сроку военной службы по призыву будет соответствовать 24 часа 00 мин. 29 мая 2009 г.; б) для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, — в соответствующие месяц и число последнего года срока контракта либо в соответствующее число последнего месяца срока контракта, если контракт был заключен на срок до одного года. Таким образом, срок контракта, установленный в три года, исчисляемый с 1 февраля 2007 г., будет считаться истекшим 31 января 2010 г.; в шесть месяцев, начавшийся 30 апреля, будет считаться истекшим 29 октября. В случаях когда истечение срока военной службы приходится на месяц, в котором нет соответствующего числа, указанный срок истекает в последний день этого месяца. Так, с учетом того, что в марте 31 день, а в сентябре 30 дней, шестимесячный срок контракта, начатый 31 марта, завершится 30 сентября.

Специфическим ограничительным признаком субъекта преступления против военной службы до последнего времени традиционно являлась его гражданская принадлежность: военнослужащими могли быть исключительно граждане Российской Федерации. Однако в соответствии с Федеральным законом от 11 ноября 2003 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», который вступил в силу с 18 ноября 2003 г., в настоящее время и иностранные граждане могут поступать на военную службу по контракту в Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска и воинские формирования. В соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» иностранные граждане могут проходить военную службу по контракту только на воинских должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами⁴⁴. Таким образом, в настоящее время субъектами преступлений против военной службы могут быть, наряду с военнослужащими — гражданами Российской Федерации, также и военнослужащие — иностранные граждане.

Особенности привлечения к уголовной ответственности военнослужащих (как граждан Российской Федерации, так и иностранцев) воинских частей Российской Федерации, дислоцированных за пределами Российской Федерации, за преступления против военной службы, совершенные на территории иностранного государства, предусмотрены международными договорами⁴⁵.

В юридической литературе отсутствует единство взглядов по вопросу о возможности привлечения к ответственности лиц, на которых неправомерно возложены обязанности военной службы, называемых в теории «ненадлежащими» («негодными») субъектами⁴⁶. Так, по мнению А.А. Тер-Акопова, нельзя признавать субъектами всех преступлений против военной службы лиц, на которых противоправно возложены обязанности военной службы⁴⁷. Профессор Х.М. Ахметшин считает, что лицо, являющееся субъектом военно-служебных отношений на основании акта органа управления (призывной комиссии), изданного в установленной форме, может быть и субъектом преступления против военной службы независимо от того, правильно или неправильно оно состоит на военной службе⁴⁸. Исключения могут составлять случаи, когда лицо признается не только «ненадлежащим» субъектом военной службы, но и, например, невменяемым (ст. 21 УК РФ) или неспособным предотвратить общественно опасные последствия своих действий (бездействия) в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам (ст. 28 УК РФ). Аналогичную позицию занимали представители дореволюционного военно-уголовного права⁴⁹.

Судебная практика по рассматриваемому вопросу в различные периоды складывалась по-разному.

До 1917 г. данный вопрос решался вполне определенно как в теории, так и на практике. Например, в решении Главного военного суда Российской империи 1882 г. № 276 отмечалось, что факт нахождения на военной службе обуславливает «подсудность лица военному суду за все преступления, совершенные после поступления на службу и до исключения из военного ведомства, независимо от того, правильно или неправильно было принято оно на службу»⁵⁰. Применительно к самовольной отлуч-

⁴⁴ Более подробно о правовых аспектах прохождения военной службы иностранными гражданами в Российской Федерации см.: *Фатеев К.В.* Обеспечат ли иностранцы военную безопасность России // *Право в Вооруженных Силах* — Военно-правовое обозрение. 2004. № 1. С. 2—6.

⁴⁵ Подробнее об этом см.: *Ермолович Я.Н.* Уголовная ответственность военнослужащих Российской Федерации за преступления, совершаемые на территориях иностранных государств. М., 2010.

⁴⁶ Более подробно см.: Субъект воинского преступления (материалы II теоретического семинара «Актуальные вопросы социалистической законности и правопорядка в Вооруженных Силах СССР», состоявшегося на военно-юридическом факультете 10 февраля 1983 года). М., 1984.

⁴⁷ *Тер-Акопов А.А.* Правовые основания ответственности за воинские преступления. С. 73—92.

⁴⁸ Уголовное право Российской Федерации. Воинские преступления: учеб. М., 1993. С. 45.

⁴⁹ *Кузьмин-Караваев В.Д.* Военно-уголовное право. Введение. Часть Общая. СПб., 1895. С. 194.

⁵⁰ Там же.

ке Главный военный суд специально указал: «То обстоятельство, что самовольно отлучившийся нижний чин еще до самовольной его отлучки подлежал увольнению, не избавляет его от ответственности за самовольную отлучку или побег»⁵¹.

После 1917 г. и до середины 90-х гг. XX в. военные суды в целом придерживались одной принципиальной позиции — неправомерно находящиеся на военной службе лица по общему правилу признавались субъектами воинских преступлений⁵². На уровне гарнизонных военных судов иногда встречались иные решения, но Военная коллегия Верховного Суда СССР всегда принимала меры к их исправлению.

Судебная практика последних лет свидетельствует о том, что практические работники в целом заняли иную позицию, суть которой в отрицании возможности привлечения к уголовной ответственности лиц, ошибочно находящихся на военной службе. Эти лица не признаются субъектами воинских преступлений (главным образом уклонений от военной службы). Принципиальное значение по этому вопросу имеет решение Президиума Верховного Суда Российской Федерации по делу военнослужащего М., который, имея неснятую судимость, проходил военную службу и совершил самовольное оставление части. В частности, Президиум Верховного Суда Российской Федерации отклонил протест заместителя Генерального прокурора Российской Федерации и оставил оправдательный приговор в отношении М. в силе. Последний не был признан субъектом воинского преступления, поскольку в сфере воинских правоотношений оказался на незаконном основании⁵³. Основные аргументы такого решения состоят в следующем: 1) незаконное решение призывной комиссии является юридически ничтожным, что означает его недействительность со дня принятия, а следовательно, и невозможность порождения каких-либо правовых последствий, в том числе и привлечения к уголовной ответственности; 2) поскольку М. в сфере воинских правоотношений оказался на незаконном основании, он не может быть признан субъектом преступления против порядка прохождения военной службы (уклонения от военной службы).

Представляется, что позиция ученых о возможности признания лиц, незаконно призванных на военную службу и находящихся на ней, субъектами воинских преступлений является предпочтительной.

Военнослужащий проходит военную службу в силу соответствующего административного акта органа государственного управления. Общеизвестным в праве является положение о презумпции правильности актов государственного управления. При этом, вне зависимости от того, правилен акт или нет, он является действующим до отмены надлежащим органом в установленном порядке. До этого момента такой акт порождает соответствующие права и обязанности у сторон, которым он адресован. В результате его действия возникают определенные правовые последствия, например, военнослужащий обеспечивает выполнение возложенных на него задач, получает денежное довольствие, продвигается по службе, обеспечивается жильем и т. д. Иными словами, лицо является «полноценным» участником военно-служебных правоотношений. Для другого вывода нет оснований. Если считать, что «ненадлежащие» лица не являются субъектами воинских правоотношений, возникает вполне резонный вопрос: откуда у них появляются соответствующие права на различные гарантии и компенсации? Мы полагаем, что до отмены акта лицо в момент совершения преступления обязано соблюдать воинский порядок (акт в это время действует, и никто его не ставит под сомнение). При этом, лицо осознает, что его действия нарушают данный порядок и тем самым причиняют вред военной безопасности, и желает этого.

Таким образом, на наш взгляд, субъектами преступлений против военной службы следует признавать и тех лиц, на которых незаконно возложены в целом обязанности по несению военной службы. Однако сами обстоятельства, обуславливающие неправомерность их нахождения на военной службе, должны учитываться при реше-

⁵¹ *Огнев Д.Ф.* Воинский устав о наказаниях в разъяснениях. Пг., 1916. С. 153.

⁵² Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 4 мая 1967 г. № 3 н-0233/67 // БВК ВС СССР. 1971. № 3 (77). С. 18—19; Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 16 сентября 1982 г. № 4-0222/82 // БУВТ и ВК ВС СССР. 1983. № 115. С. 55.

⁵³ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1998 г. // БУВС и ВК ВС РФ. 1998. № 4 (172). С. 53—54.

нии вопроса об ответственности лица за содеянное. В зависимости от конкретной ситуации такому лицу может быть снижено наказание либо виновный может быть освобожден от наказания или от уголовной ответственности.

Как представляется, именно такую позицию занял и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» в отношении должностных лиц, обратив внимание судей в п. 6 на то, что «если лицо, назначенное на должность с нарушением требований или ограничений, установленных законом или иными нормативными правовыми актами к кандидату на эту должность (например, при отсутствии диплома о высшем профессиональном образовании, необходимого стажа работы, при наличии судимости и т. п.), из корыстной или иной личной заинтересованности использовало служебные полномочия вопреки интересам службы либо совершило действия, явно выходящие за пределы его полномочий, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, то такие действия следует квалифицировать соответственно как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий».

1.4. Как отмечалось, действующее законодательство (ч. 1 ст. 331 УК РФ) граждан, пребывающих в запасе, в период прохождения ими военных сборов, признает субъектами преступлений против военной службы⁵⁴. Такое решение нам представляется спорным и не в полной мере учитывающим как особенности их правового статуса, так и сущность самих военных сборов⁵⁵.

Граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов являются самостоятельными субъектами преступлений против военной безопасности.

При буквальном толковании ч. 1 ст. 331 УК РФ можно прийти к выводу, что граждане, пребывающие в запасе, в период прохождения ими военных сборов, являются субъектами всех преступлений, предусмотренных в гл. 33 УК РФ. Однако такой вывод является ошибочным.

В соответствии со ст. 27 Положения о порядке проведения военных сборов, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2006 г. № 333⁵⁶, на граждан, пребывающих в запасе, во время прохождения военных сборов распространяется статус военнослужащих в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации в области обороны. Однако в нем отсутствуют положения, четко устанавливающие эти «случаи» и «порядок». Вместе с тем, его анализ позволяет утверждать, что указанные граждане находятся в особом правовом положении, отличном от правового статуса военнослужащего. Более того, сам статус военнослужащих может быть лишь частично распространен на граждан, призванных на военных сборы. В полном объеме им могут обладать только военнослужащие, которые исполняют особый вид федеральной государственной службы — военную службу⁵⁷.

В соответствии с п. 15 Положения о проведении военных сборов граждане, проходящие военные сборы, считаются исполняющими обязанности военной службы. При этом, исполнение ими обязанностей военной службы должно иметь целью *подготовку* (курсив мой. — О. З.) к военной службе, что обусловлено назначением военных сборов. Граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения военных сборов, таким образом, нарушают не установленный порядок прохождения военной службы, а, по существу, *порядок подготовки к военной службе* (курсив мой. — О. З.). Это обстоятельство также подчеркивает ограниченный характер распространения на них статуса военнослужащего.

⁵⁴ Подробнее об этом см.: Мелешко П.Е. Субъект преступлений против военной службы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 56—108.

⁵⁵ Подробнее об это см., напр.: Фатеев К.В. О военных сборах и правовом статусе граждан, пребывающих в запасе, во время прохождения военных сборов // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2008. № 8; Корнишин С.В. О некоторых вопросах распространения статуса военнослужащих на граждан, призванных на военные сборы // Там же. 1999. № 11; Калыкин Д.В. Субъект воинского преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 65—97.

⁵⁶ СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2525.

⁵⁷ Фатеев К.В. Указ. соч. С. 4.

С учетом специфики данной категории лиц, в юридической литературе обоснованно утверждается, что они не подлежат уголовной ответственности по ст.ст. 340—343 УК РФ. Действительно, в соответствии с законодательством их нельзя привлекать к выполнению боевых и служебно-боевых задач.

В то же время, с учетом распространения на указанных лиц положений УВС ВС РФ, они без каких-либо ограничений могут быть привлечены к несению службы в суточном наряде, поскольку это не является выполнением боевых или служебно-боевых задач. Поэтому рассматриваемые граждане могут быть субъектами преступления, предусмотренного ст. 344 УК РФ (нарушение правил несения внутренней службы в суточном наряде).

Ряд авторов полагают, что граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов не подлежат уголовной ответственности по ст. 335 УК РФ, ч. 1 ст. 336 УК РФ, поскольку в диспозициях данных статей указаны конкретные субъекты преступлений — военнослужащие⁵⁸. Такой вывод основывается на том, что в ст. 331 УК РФ граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов упоминаются в качестве субъектов преступлений против военной службы наравне с военнослужащими (хотя мы с таким подходом и не согласны). Поэтому в случаях, если законодатель не конкретизирует субъектов воинских преступлений — ими могут быть обе категории лиц, а там, где прямо в качестве субъектов упоминаются лишь военнослужащие, распространение действия этих норм на граждан, пребывающих в запасе, во время прохождения ими военных сборов, будет являться своеобразной аналогией.

Вместе с тем, как представляется, указанные лица в силу распространения на них положений УВС ВС РФ обязаны соблюдать установленный в военной организации государства порядок уставных взаимоотношений между военнослужащими. В случае нарушения соответствующих военно-служебных отношений такие лица посягают на военную безопасность. В этой связи привлечение их к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст.ст. 335 и 336 УК РФ, является вполне допустимым. Однако реализовать это положение на практике по действующему законодательству представляется весьма проблематичным. Существующее противоречие (коллизия) между ст. 331 и ст.ст. 335, 336 УК РФ можно преодолеть лишь посредством внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство (см. приложение).

Актуальным является вопрос об ответственности рассматриваемой категории лиц за совершение уклонений от исполнения обязанностей по прохождению военных сборов. Поскольку в ст. 337 УК РФ, ч. 1 ст. 339 УК РФ имеется указание на военнослужащих, постольку распространить их действие на граждан, пребывающих в запасе, во время прохождения ими военных сборов одни авторы считают невозможным. В то же время имеется мнение о том, что указанные лица не подлежат привлечению к уголовной ответственности и по ст. 338 УК РФ⁵⁹ (хотя в диспозиции статьи не содержится указание на конкретного субъекта). В п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» разъясняется, что ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 337, 338 и 339 УК РФ, могут нести, в частности, граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Для проведения военных сборов существует установленный порядок пребывания на них, который заключается в том, что лица должны в течение двух месяцев находиться в месте проведения сборов и добросовестно исполнять обязанности, направленные на подготовку к военной службе в период войны. Уклонения от прохождения военных сборов причиняют вред военной безопасности, поскольку военная организация не пополняется обученными резервами для военного времени. Исходя из этого, несмотря на непродолжительный характер военных сборов, нам представляется обоснованным установление уголовной ответственности для граждан, пребывающих в запасе, за совершение любым способом уклонений от исполнения обязанностей в период прохождения ими военных сборов⁶⁰.

⁵⁸ Фатеев К.В. Указ соч. С. 8.

⁵⁹ Ахметшин Х.М. полагает, что дезертирство по своему характеру является преступлением, которое может быть совершено только военнослужащим, а не военнообязанным, лишь периодически призываемым на краткосрочные сборы (Ахметшин Х.М. Квалификация воинских преступлений: учеб. пособие. М., 1977. С. 18).

⁶⁰ С таким мнением согласны 61 % опрошенных судей военных судов.

В целях преодоления противоречий между ст. 331 и ст.ст. 337, 338 и 339 УК РФ представляется возможным сформулировать специальную норму, в которой предусмотреть ответственность за уклонение от прохождения военных сборов независимо от способа (самовольное оставление места проведения сборов, неявка в срок к месту проведения сборов без уважительных причин, симуляция болезни, причинение какого-либо повреждения (членовредительство), подлог документов, иной обман). При этом, криминообразующим признаком признать продолжительность уклонения — свыше десяти суток (см. приложение).

Представляется, что граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения военных сборов без каких-либо изъятий могут быть привлечены к ответственности и за нарушения порядка сбережения военного имущества (ст.ст. 346—348 УК РФ), и за нарушения порядка эксплуатации военно-технических средств (ст.ст. 349—352 УК РФ). Однако в последнем случае, по нашему мнению, их нельзя считать субъектами не только воинских преступлений, но и преступлений против военной безопасности (подробнее об этом говорилось выше).

Для признания граждан, пребывающих в запасе, субъектами преступлений, предусмотренных гл. 33 УК РФ, важное значение имеет начало и окончание военных сборов⁶¹.

1.5. Одним из субъектов преступлений против военной безопасности являются лица гражданского персонала военных организаций⁶². Их деятельность связана с поддержанием боевой готовности военных сил, т. е. в итоге с обеспечением военной безопасности.

Военная безопасность, как отмечалось, обеспечивается целым комплексом правоотношений, к числу которых относится и порядок трудовой деятельности гражданского персонала военной организации. Последний, в отличие от порядка пребывания на военных сборах, существенно отличается от порядка прохождения военной службы, охраняемого в гл. 33 УК РФ. На гражданский персонал правовой статус военнослужащих не распространяется, они не могут исполнять обязанности военной службы.

В юридической литературе под гражданским персоналом понимается личный состав Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, комплектуемый как гражданами Российской Федерации, так и иностранными гражданами, заключившими трудовой договор о работе или о профессиональной служебной деятельности по определенным штатным расписанием должностям и специальностям в целях обеспечения выполнения ими возложенных на них задач⁶³.

Гражданский персонал замещает определенные штатными расписанием должности, определяемые руководителем министерства, ведомства или иного органа, в котором лица указанной категории осуществляют трудовую деятельность. Применительно к Вооруженным Силам Российской Федерации перечень должностей, замещаемых лицами гражданского персонала, утвержден приказом министра обороны Российской Федерации от 13 октября 2008 г. № 520 и является довольно обширным.

⁶¹ Началом военных сборов считается: а) для граждан, призванных на военные сборы, доставка которых к месту проведения военных сборов осуществляется в день их отправки из военного комиссариата (пункта сбора), — день зачисления гражданина в списки личного состава воинской части; б) для граждан, призванных на военные сборы, доставка (прибытие) которых к месту проведения военных сборов осуществляется в дни, следующие за днем их отправки из военного комиссариата (пункта сбора), — день убытия гражданина из военного комиссариата (пункта сбора) к месту проведения военных сборов, указанный в командировочном удостоверении гражданина (старшего команды), выданном военным комиссариатом. Окончанием военных сборов считается: а) для граждан, призванных на военные сборы, доставка которых в военный комиссариат осуществляется в день их отправки с места проведения военного сбора, — день исключения гражданина из списков личного состава воинской части; б) для граждан, призванных на военные сборы, доставка (прибытие) которых в военный комиссариат осуществляется в дни, следующие за днем их отправки с места проведения военного сбора, — день прибытия гражданина в военный комиссариат, указанный в командировочном удостоверении гражданина (старшего команды), выданном военным комиссариатом (Положение о порядке проведения военных сборов. Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2006 г. № 333 // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2525).

⁶² Подробнее об этом см.: *Мелешко П.Е.* Указ. соч. С. 56—108.

⁶³ *Голенко Е.Н.* Комплектование гражданского персонала // *Военное право: учеб.* / под ред. В.Г. Стрелозова, А.В. Кудашкина. М., 2004. С. 147—158.

В отличие от военнослужащих гражданский персонал в воинских частях выполняет, как правило, вспомогательные функции по обеспечению повседневной деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, поддержанию их боеготовности и боеспособности. Он занят работами по медицинскому и бытовому обслуживанию войск, их материально-техническому обеспечению, принимает участие в ремонтно-строительных, культурно-досуговых работах и других видах обслуживающих работ⁶⁴.

Наряду с имеющимся перечнем должностей гражданского персонала в Вооруженных Силах Российской Федерации, приказом министра обороны Российской Федерации от 28 января 2004 г. № 20 утвержден перечень воинских должностей, подлежащих замещению старшими и младшими офицерами в Вооруженных Силах Российской Федерации, которые разрешается замещать гражданским персоналом. При этом, лица гражданского персонала, замещающие воинские должности, руководствуются положениями УВС ВС РФ и должны выполнять все его требования для поддержания правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации⁶⁵.

Указанный выше перечень содержит в себе 178 воинских должностей, подлежащих замещению лицами гражданского персонала, и разделен на две группы: должности начальников (например: начальник аптеки, заведующий кафедрой, заведующий клубом и др.) и должности специалистов (например: администратор, врач, инженер, преподаватель и др.). В соответствии с примечанием к приказу министра обороны Российской Федерации от 28 января 2004 г. № 20 не подлежат замещению гражданским персоналом воинские должности, непосредственно связанные с планированием и управлением операциями и боевыми действиями; обеспечением боевой и мобилизационной готовности войск (сил); организацией взаимодействия с другими органами военного управления по вопросам планирования, организации и контроля боевой и мобилизационной подготовки, применения войск (сил), боевого и технического обеспечения в органах военного управления, боевых и специальных войсках, а также связанные с несением боевого дежурства, дежурства в качестве оперативного дежурного и дежурства с оружием.

Таким образом, можно говорить о гражданском персонале, замещающем воинские должности, и о гражданском персонале, замещающем невоинские должности.

Среди гражданского персонала следует также различать федеральных государственных гражданских служащих, чья профессиональная служебная деятельность по трудовому договору относится к федеральной государственной гражданской службе (федеральный уровень), и лиц, занятых работой по трудовому договору.

Гражданский персонал, осуществляющий трудовую деятельность, может относиться к категории руководителей, специалистов, технических исполнителей и рабочих.

В принципе все лица гражданского персонала могут быть субъектами преступлений против военной безопасности. Например, в случае хищения военного имущества такое лицо будет на общих основаниях привлечено к ответственности по нормам гл. 21 УК РФ. Руководители, осуществляя организационно-распорядительные полномочия в отношении подчиненных им по службе лиц, а также административно-хозяйственные функции в военной организации, являются должностными лицами и, как отмечалось, могут быть субъектами должностных преступлений против военной безопасности, предусмотренных в гл. 30 УК РФ. Вместе с тем, в настоящее время гражданский персонал не подлежит ответственности по разд. XI УК РФ, что, как отмечалось, требует совершенствования уголовного законодательства (подробнее об этом см. гл. 2 настоящей работы).

2. В преступлениях против военной безопасности специфичен, как отмечалось, и субъективный элемент. Это обстоятельство наиболее наглядно проявляется в воинских преступлениях, предусмотренных в гл. 33 УК РФ.

Субъективную сторону воинских преступлений образует вина, обязательными признаками в некоторых случаях являются цель и мотив⁶⁶.

⁶⁴ *Голенко Е.Н., Ковалев В.И.* Трудовой кодекс Российской Федерации: науч.-практ. коммент. (для командиров воинских частей, профсоюзных работников и гражданского персонала) [Электронный ресурс]. URL: http://truddoc.narod.ru/kodex/k_tk2.htm (дата обращения: 15.01.2012).

⁶⁵ Приказ министра обороны Российской Федерации 2010 г. «О мерах по поддержанию правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации».

⁶⁶ Подробнее о субъективной стороне преступления см.: *Дагель П.С., Котов Д.П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974; *Иванов В.Д., Мазуков С.Х.* Субъективная сторона преступления. Ростов н/Д, 1999; *Рарог А.И.* Вина и квалификация преступлений. М., 1982; *Ситковская О.Д.* Психологический комментарий к Уголовному кодексу РФ. М., 1999 и др.

Вина — это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и наступившим последствиям. В воинских преступлениях вина отражает воинский характер деяния и его последствия. Виновный определенным образом (в зависимости от формы вины) относится не просто к общественно опасному деянию и наступившим в результате этого деяния последствиям, а к деянию, образующему нарушение специальных правил прохождения военной службы, и к последствиям, выражающимся в нарушении военно-служебных отношений и причинении вреда военной безопасности.

В соответствии с ч. 1 ст. 24 УК РФ вина может быть в форме умысла или неосторожности. Определение формы вины в воинских преступлениях во многих случаях является делом не простым и должно осуществляться с соблюдением ряда правил, как установленных в самом уголовном законе, так и выработанных теорией уголовного права.

2.1. Если в статьях гл. 33 УК РФ имеется прямое указание только на одну форму вины в данном составе воинского преступления (умысел или неосторожность), то другая форма вины в этих случаях исключается (ч. 1 ст. 346, ст.ст. 347, 348, 349, 350, 351, 352 УК РФ).

2.2. В тех случаях, когда в статьях гл. 33 УК РФ не указывается непосредственно на форму вины, она может быть установлена через описание в законе иных признаков состава воинского преступления.

В частности, применительно к некоторым составам воинских преступлений, в которых признаки вины непосредственно не обозначены, умышленный ее характер усматривается из описания объективных и других, кроме вины, субъективных признаков состава преступления. Например, ч. 1 ст. 333 УК РФ (сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы), ст. 336 УК РФ (оскорбление военнослужащего), ст. 337 УК РФ (самовольное оставление части или места службы), ст. 338 УК РФ (дезертирство), ст. 339 УК РФ (уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами). Так, основной состав сопротивления начальнику или принуждения его к нарушению обязанностей военной службы возможен только с умышленной формой вины, исходя как из характера самих действий при сопротивлении и принуждении, так и из самого факта применения физического или психического насилия. В составе дезертирства имеется указание на цель уклонения от прохождения военной службы, что само по себе уже предопределяет умышленный характер данного преступления, в том числе и такой формы дезертирства, как неявка в срок на службу.

2.3. В соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ (в редакции 1998 г.) если законодатель не конкретизирует в статье гл. 33 УК РФ форму вины, то воинское преступление в принципе может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности⁶⁷.

В статьях гл. 33 УК РФ, где не обозначена форма вины, а используемая терминология допускает как умысел, так и неосторожность, возможны обе формы вины. Например, чч. 1 и 2 ст. 343 УК РФ (нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности), ст. 344 УК РФ (нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне).

⁶⁷ Н.Ф. Кузнецова отмечала, что текст новации достаточно ясен: если в диспозиции норм названа вина в форме неосторожности, то квалифицировать по ней умышленное преступление нельзя. Если форма вины в статье не указана, значит, возможна квалификация содеянного и как умышленного, и как неосторожного (Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 34—35).

Данная теоретическая позиция нашла отражение и в п. 4. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»: «Исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления. Например, преступления, предусмотренные статьей 246, частью 2 статьи 247, частью 1 статьи 248, частями 1 и 2 статьи 250 УК РФ, могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности, тогда как преступления, предусмотренные частью 3 статьи 247 УК РФ, частью 2 статьи 248 УК РФ, частью 3 статьи 250 УК РФ, совершаются только по неосторожности».

Из смысла ст. 27 УК РФ вытекает, что две формы вины могут существовать только в квалифицированных составах воинских преступлений. При этом, во-первых, неосторожным может быть отношение только к квалифицирующим последствиям, во-вторых, не требуется специального указания в статьях гл. 33 УК РФ на неосторожность в отношении тяжких последствий, определяющим в этих случаях будет сам факт такого отношения.

В отдельных воинских преступлениях окончательное установление формы вины требует учета положений ст. 27 УК РФ (ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины). Так, в квалифицированных составах сопротивления начальнику или принуждения его к нарушению обязанностей военной службы (ч. 2 ст. 333 УК РФ), насильственных действий в отношении начальника (ч. 2 ст. 334 УК РФ), нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (чч. 2 и 3 ст. 335 УК РФ), умышленного уничтожения или повреждения военного имущества (ч. 2 ст. 346 УК РФ) отношение к квалифицирующим обстоятельствам может быть как умышленным, так и неосторожным. При этом, основные составы названных преступлений возможны только с умышленной формой вины: в одних случаях — ввиду специального указания закона (ч. 1 ст. 346 УК РФ), в других — исходя из характера самого деяния. При условии умышленного отношения в этих преступлениях к отягчающим обстоятельствам все деяние в соответствии со ст. 25 УК РФ будет совершено умышленно. В случаях неосторожного отношения к отягчающим признакам преступление согласно ст. 27 УК РФ будет совершено с двумя формами вины, но при этом в целом такое преступление следует признать совершенным умышленно. Такого подхода придерживается и судебная практика.

Определенную сложность представляет установление форм вины в тех статьях гл. 33 УК РФ, где в отношении основных и квалифицированных составов преступлений против военной службы отсутствует указание на форму вины, а в привилегированных составах «обозначена» неосторожная форма вины. Так, в чч. 1 и 2 ст. 332, 340 — 342 УК РФ законодатель непосредственно не указывает на форму вины в этих составах и вообще никаким образом не обрисовывает субъективную сторону преступления. В ч. 3 этих статей, при отсутствии прямого указания на вину, судя по описанию деяния, можно прийти к выводу, что в них речь идет о неосторожных преступлениях.

Поскольку законодатель в чч. 1 ст.ст. 332, 340 — 342 УК РФ не говорит о форме вины, то по смыслу ч. 2 ст. 24 УК РФ (в новой редакции) вина может быть как умышленной, так и неосторожной⁶⁸. В ч. 2 этих статей форма вины также законодателем не указывается. Это обстоятельство позволяет считать, что и в этих нормах вина в принципе может быть любой. Однако в ч. 3 указанных статей речь идет, как отмечалось, о неосторожных преступлениях. Поскольку последствия в чч. 2 и 3 ст.ст. 332, 340—342 УК РФ совпадают (тяжкие последствия), то, на первый взгляд, можно прийти к выводу, что вина в ч. 2 этих статей может быть только в форме умысла⁶⁹. Представляется, что данный подход не учитывает следующее.

В ч. 3 ст. 332 и чч. 3 ст.ст. 340, 341, 342 УК РФ говорится соответственно о небрежном или недобросовестном отношении к службе либо небрежном или недобросовестном отношении к правилам несения тех или иных видов военной службы.

Этимологический анализ слов «небрежность» и «недобросовестность» показывает, что они совпадают по содержанию (во всех словарях одно определяется через другое) и означают невнимательность, нерадивость, нечестность, выполнение обязанностей (работы) без необходимой тщательности и усердия⁷⁰. С учетом законодательных формулировок в этих нормах речь идет о специфических деяниях, которые, на наш взгляд, являются проявлением невнимательности, забывчивости, неточности и т. п. (например, при исполнении приказа военнослужащий забыл время его исполнения, при несе-

⁶⁸ Согласно прежней редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ вина в указанных частях была только умышленной. При этом, за «рамками» уголовной ответственности оставались случаи неисполнения приказа и нарушений правил несения специальных служб при неосторожном отношении к последствиям в основных составах, что вряд ли было обоснованным.

⁶⁹ Такую позицию занимал ранее и автор настоящей работы (Военно-уголовное законодательство: краткий учебный курс. М., 2002. С. 120—121).

⁷⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 411.

нии службы в карауле невнимательно наблюдал за обстановкой, думая при этом о своих личных проблемах). Специфичность таких деяний позволяет утверждать, что неосторожность в данном случае имеет вид исключительно небрежности⁷¹.

С учетом изложенного в ч. 2 ст.ст. 332, 340—342 УК РФ наряду с умыслом возможна и неосторожность, но только в виде легкомыслия.

Таким образом, получается, что законодатель дифференцировал ответственность в указанных нормах не только по форме вины, но и по ее разновидностям применительно к неосторожности.

В некоторых составах воинских преступлений в качестве обязательных признаков выделяются мотив и цель⁷².

Особенностью данных признаков субъективной стороны в воинских преступлениях является различный способ их отражения в законе. В одних статьях они непосредственно указаны, например, ст.ст. 334, 336, 338, 339 УК РФ⁷³.

В ряде статей гл. 33 УК РФ отсутствует указание на мотив и цель, но при этом они подразумеваются (в частности, ст.ст. 332, 333, 340, 341, 346 УК РФ), поскольку их содержание влияет на квалификацию содеянного⁷⁴. Так, в ст. 340 УК РФ (нарушение правил несения боевого дежурства) цель не указывается в качестве конструктивного или квалифицирующего признака. Тем не менее, она является фактически «обязательной», поскольку влияет на квалификацию содеянного. Например, при установлении цели оказания помощи иностранному государству в деятельности, направленной против безопасности России, преступление может быть квалифицировано по ст. 275 УК РФ (государственная измена). В ст. 336 УК РФ цель данного преступления также специально не указывается, но по смыслу закона она подразумевается — стремление унижить честь и человеческое достоинство потерпевшего. Отсутствие такой цели в конкретном противоправном поведении свидетельствует и об отсутствии данного преступления в целом⁷⁵.

Важной функцией мотива и цели является разграничение воинских преступлений между собой, а также их ограничение от смежных общеуголовных деяний. Например, если подчиненный применяет насилие в отношении начальника, не находящегося во время исполнения служебных обязанностей и не в связи с исполнением этих обязанностей, т. е., например, без мотива недовольства его служебной деятельностью, то содеянное может быть квалифицировано в качестве общеуголовного преступления. Для отграничения одного преступления против военной службы от другого, как правило, указывается цель. Так, дезертирство в отдельных случаях совпадает по всем объективным признакам с составом самовольного оставления части (ст. 337 УК РФ) и отличается от последнего только целью — намерением вовсе уклониться от военной службы.

⁷¹ Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы. С. 57.

⁷² В уголовном праве под мотивом понимают обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствовало при его совершении. Цель преступления — это мысленная модель будущего результата, к достижению которого стремится лицо при совершении преступления.

⁷³ Так, в ст. 334 УК РФ мотив отражен с помощью обобщающего понятия «в связи с исполнением обязанностей военной службы». Понятие «в связи» многогранно, оно обобщает различные по конкретным проявлениям побуждения: месть за служебную деятельность начальника, ненависть, стремление избежать каких-либо неблагоприятных последствий, недовольство служебной деятельностью, несогласие и т. п. Единственное основание отнесения этих побуждений к мотиву «в связи» определяется их происхождением и осознанием виновным того, что его деяние обусловлено таким социальным фактором, как исполнение потерпевшим конкретных обязанностей по военной службе. При этом, как правильно замечает А.А. Толкаченко, по смыслу действующего законодательства мотив «в связи» не может рассматриваться как составная часть мотива мести. Наоборот, месть должна рассматриваться как составная часть более общего понятия — мотива «в связи» (Толкаченко А.А. Мотив и цель воинских преступлений по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 89—115).

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Обзор судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими. С. 17.

Глава 4. КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правильная квалификация преступлений против военной безопасности государства — важнейшее требование законности. Теоретическая разработанность квалификационных проблем является одной из главных предпосылок состояния законности в армии и на флоте и, как следствие, укрепления правопорядка и воинской дисциплины.

Под квалификацией преступления автор настоящей работы понимает «установление соответствия состава общественно опасного деяния составу, предусмотренному уголовно-правовой нормой»¹.

Изучение материалов практики военных судов показывает, что значительное количество следственных и судебных ошибок обусловлено неправильной квалификацией совершенных преступлений против военной безопасности государства (воинских должностных преступлений, преступлений, нарушающих порядок комплектования военной организации государства, неисполнения приказа, воинских насильственных преступлений, уклонений от военной службы).

В настоящее время опубликовано много работ, посвященных общим вопросам теории квалификации (около 20), еще больше трудов написано по квалификации отдельных видов преступлений. Однако комплексных (общих) работ по квалификации преступлений против военной безопасности недостаточно. Кроме того, принятие УК РФ в 1996 г., а также издание большого массива военных правовых актов, учитываемых при квалификации преступлений против военной безопасности, судебная практика их применения привели к изменению отдельных правил квалификации, соответствовавших ранее действовавшим нормам военно-уголовного законодательства. Появились новые правила квалификации преступлений против военной безопасности.

В настоящей главе нет подробного анализа составов указанных преступлений против военной безопасности. Такую задачу автор перед собой не ставил. В основу главы положены научные труды по проблемам военно-уголовного законодательства, материалы практики военных судов и Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (1997—2013), анализ которых выявил основные квалификационные ошибки и их причины. Это позволило автору осветить конкретные, как правило, наименее разработанные, и актуальные вопросы правоприменения.

Ряд положений главы не совпадают с «общепринятыми» точками зрения ученых и пока не восприняты практиками. Однако автор предполагает продолжить работу по спорным позициям, в частности поиск новых аргументов в их обоснование.

§ 1. Актуальные вопросы квалификации должностных преступлений против военной безопасности Российской Федерации

Изучение материалов судебной практики показало, что актуальными квалификационными вопросами являются установление признаков воинского должностного лица как субъекта преступления, разграничение злоупотреблений должностными

¹ Это определение сформулировано профессором Н.Ф. Кузнецовой (*Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений: Лекции по специальному курсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 18). Такого подхода придерживался и профессор А.А. Тер-Акопов. В научной и учебной литературе преобладает иная точка зрения, предложенная академиком В.Н. Кудрявцевым. В частности, под квалификацией преступления он понимал «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» (*Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 8).

полномочиями и превышений должностных полномочий в сфере обеспечения военной безопасности, оценка превышения должностных полномочий командирами (начальниками), сопряженного с применением насилия к подчиненным.

1. Субъектом должностных преступлений против военной безопасности являются лица гражданского персонала военной организации и военнослужащие.

В юридической литературе понятие должностного лица раскрывается в основном применительно к общим должностным преступлениям и почти не уделяется внимания военнослужащим (воинским должностным лицам). Вместе с тем, последняя категория, находясь в родовидовых отношениях с общим понятием должностного лица, обладает существенными специфическими («воинскими») особенностями. Игнорирование этого обстоятельства ведет либо к необоснованному расширению, либо к сужению круга лиц, ответственных за должностные преступления против военной безопасности. Правильное определение понятия «воинское должностное лицо» является актуальной квалификационной проблемой.

Вопрос о должностном лице считается одним из самых сложных в общем учении о должностных преступлениях. Ему уделяли достаточно много внимания В.А. Владимирова, Б.В. Волженкин, А.А. Жижиленко, Б.В. Здравомыслов, В.Ф. Кириченко, Н.И. Коржанский, А.Б. Сахаров, Г.В. Смолицкий, В.И. Соловьев, А.Н. Трайнин, Б.С. Утевский и др.² Вместе с тем, и в настоящее время не все вопросы решены до конца и бесспорно³.

В уголовном праве весьма обстоятельно рассмотрены признаки воинских должностных лиц в работах Х.М. Ахметшина, Е.В. Прокоповича, А.А. Тер-Акопова, В.М. Чхиквадзе, Ю.А. Шульмейстера и др.⁴ К сожалению, многие положения работ указанных военных юристов устарели, поскольку базировались на старом уголовном и военном законодательстве.

В настоящем параграфе предпринята попытка на основе имеющегося легального определения должностного лица (примечание 1 к ст. 285 УК РФ), работ по уголовно-

² Владимирова В.А., Кириченко В.Ф. Должностные преступления: лекция. М., 1965; Волженкин Б.В. К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностных преступлений // Советское государство и право. 1991. № 11; Его же. Служебные преступления. М., 2000; Жижиленко А.А. Преступления против личности. Должностные (служебные) преступления (глава III УК). М. ; Л., 1927; Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М., 1975; Кириченко В.Ф. Виды должностных преступлений по советскому уголовному праву. М., 1959; Его же. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву (Общие вопросы). М., 1959; Коржанский Н.И. Квалификация следователем должностных преступлений: учеб. пособие. М., 1986; Сахаров А.Б. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. М., 1956; Смолицкий Г.В. Должностные преступления. М., 1947; Соловьев В.И. Борьба с должностным злоупотреблением, обманом государства и приписками по советскому уголовному праву. М., 1962; Трайнин А.Н. Должностные и хозяйственные преступления. М., 1938; Утевский Б.С. Общее учение о должностных преступлениях. М., 1948.

³ Об этом более подробно см.: Волженкин Б.В. Служебные преступления. С. 95—41; Егорова Н. Субъект преступлений против интересов государственной службы // Законность. 1998. № 4. С. 11; Изосимов С.В. К вопросу о разграничении понятия должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной (некоммерческой) организации // Юрист. 1999. № 7. С. 22—23.

⁴ Ахметшин Х.М. Основные вопросы теории советского военно-уголовного законодательства и практики его применения: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1975; Прокопович Е.В. Уголовно-правовая борьба с должностными злоупотреблениями в Вооруженных Силах СССР // Труды академии / Воен.-полит. акад. им. В.И. Ленина. М., 1965. Вып. 49. С. 120—148; Тер-Акопов А.А. Правовые основания ответственности за воинские преступления: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1982; Шульмейстер Ю.А. Воинские должностные преступления по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955; Шупленков В.П. Полнее отразить специфику воинских должностных преступлений // Вопросы теории и практики применения уголовного законодательства в связи с изменениями, внесенными в законодательство о воинских преступлениях Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1983 г.: материалы IV теоретического семинара ВЮФ, 11 февраля 1985 г. / Воен. ин-т. М., 1988. С. 41—44.

му праву, служебному праву, военному праву, материалам судебной практики раскрыть уголовно-правовые признаки воинских должностных лиц. При этом, значительное внимание уделяется «военной» составляющей данного понятия⁵.

Понятие должностного лица в примечании 1 к ст. 285 УК РФ является единым для всех видов должностных преступлений, кроме служебных преступлений, предусмотренных в гл. 23 УК РФ. В частности, должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

С учетом законодательного определения должностного лица и подходов в уголовном праве, автор полагает возможным выделить и рассмотреть в понятии «воинское должностное лицо» четыре группы признаков, относящихся: 1) к прохождению военной службы; 2) правовому положению в военной организации государства (характер функций); 3) времени (длительности) осуществления функций; 4) месту осуществления функций.

1. Воинскими должностными лицами, на наш взгляд, могут быть только военно-служащие⁶.

2. Статусный признак для определения воинского должностного лица, безусловно, имеет большое значение, но не является определяющим. К примеру, военнослужащие могут занимать те или иные воинские должности (в частности, механика-водитель БМП, наводчика-оператора танка, снайпера, пулеметчика и т. п.), но при этом не будут являться воинскими должностными лицами в смысле уголовного права. Сущностным в понятии воинского должностного лица является не замещение военнослужащим воинской должности (в некоторых случаях и невоинской должности), а характер (содержание) выполняемых им функций, т. е. правовое положение в военной организации.

Правовое положение воинского должностного лица может быть тройким: во-первых, осуществление функций представителя власти; во-вторых, занятие воинской (невоинской) должности с организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями; в-третьих, исполнение распорядительных (властных) функций по специальному полномочию.

Общим для воинских должностных лиц является наличие у них управленческих функций⁷, которые они могут осуществлять как внутри военной организации — внутренние функции, так и вне ее пределов — внешние функции.

Рассмотрим более подробно особенности содержания функций воинских должностных лиц.

2.1. Функции представителя власти.

Понятие представителя власти раскрывается в ст. 318 УК РФ. В определенных ситуациях представителями власти могут признаваться и военнослужащие. В юридической литературе данная группа воинских должностных лиц, как правило, специально не рассматривается. В связи с этим необходимо проанализировать особенности осуществления таких функций военнослужащими.

Общим признаком представителя власти является наличие у воинского должностного лица распорядительных полномочий в отношении лиц, не подчиненных ему по военной службе. Основными компонентами этих полномочий принято считать:

⁵ По этому вопросу см. также: *Зателепин О.К., Фатеев К.В.* К вопросу о понятии воинского должностного лица по уголовному праву // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение.* 2003. № 10. (Вкладка «Военно-уголовное право». № 9—10. С. 4—9).

⁶ Подробнее об этом см.: *Зателепин О.К.* Квалификация преступлений против военной безопасности. М., 2009. С. 53—59.

⁷ Более подробно об этом см.: *Агалов А.Б.* Федеральное административное право России: курс лекций. М., 1997. С. 52; *Корнев А.П.* Административное право России. Ч. 1. М., 1996. С. 113; *Ямпольская Ц.А.* О должностном лице в советском государственном аппарате // *Вопросы административного права.* М.; Л., 1949. С. 141.

а) наличие права предъявлять требования властного характера; б) наличие права на применение принудительных мер в отношении лиц, не выполняющих предписания или запреты.

Установление круга воинских должностных лиц, осуществляющих функции представителя власти, является не простой задачей. Достаточно трудно четко определить те случаи, когда военнотрудовые реализуют «внешние» распорядительные полномочия. Решение данного вопроса представляется возможным только путем анализа нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность военнотрудовых.

В отдельных случаях военнотрудовые называются представителями власти непосредственно в тексте соответствующих законов. Так, в федеральных законах «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», «О государственной границе Российской Федерации», «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации», «О государственной охране» военнотрудовые при исполнении определенных обязанностей отнесены к представителям власти⁸. В этих актах военнотрудовые признаются представителями власти только во время исполнения таких обязанностей военной службы, когда они обладают властными полномочиями в отношении не подчиненных им по службе граждан или организаций.

Закон может напрямую не называть военнотрудовых представителями власти. Необходимо для решения данного вопроса детально исследовать полномочия военнотрудовых при исполнении ими тех или иных обязанностей военной службы. В соответствии с компетенцией отдельных военных организаций в определенных ситуациях представителями власти могут выступать, например, военнотрудовые спасательных воинских формирований, Службы внешней разведки Российской Федерации, Службы специальных объектов при Президенте Российской Федерации.

В юридической литературе предлагается к представителям власти — должностным лицам относить представителей «военных властей»: начальников гарнизонов, военных комендантов гарнизонов, военных комендантов железнодорожного (водного) участка и станции (порта), аэропорта, начальников патрулей, начальников караулов и др.⁹ Следует согласиться с самой постановкой вопроса, однако его решение, на наш взгляд, нельзя признать полностью правильным. Анализ служебной компетенции указанных должностных лиц через призму «внешних» распорядительных функций показывает, что не все они могут быть признаны представителями власти. Так, в соответствии со ст.ст. 10—22, 23—25, 28—34, 49—50, 79—93 УГК и КС ВС РФ начальники территориальных и местных гарнизонов, военные коменданты гарнизонов, военные коменданты железнодорожного (водного) участка и станции (порта, аэропорта), начальники патрулей наделены организационно-распорядительными функциями лишь в отношении подчиненных им военнотрудовых, т. е. указанные лица обладают властными функциями только внутри «системы» (внутри военной организации), во всяком случае в условиях мирного времени. Этого, как представляется, еще недостаточно для признания их представителями власти в уголовно-правовом смысле.

По-другому должен решаться вопрос в отношении начальника и иных лиц караула (в том числе часового), которые согласно ст.ст. 157—171, 181, 204, 207, 210, 211,

⁸ В этой связи следует заметить, что согласно ст. 7 УВС ВС РФ (утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14 декабря 1993 г. № 2140) любой военнотрудовой при исполнении обязанностей военной службы являлся представителем государственной власти и находился под защитой государства. Представляется, что данное положение противоречило как подходу в административном праве, так и закрепленному в ст. 318 УК РФ понятию представителя власти. Реализация на практике данной нормы привела бы к необоснованному расширению круга воинских должностных лиц. В частности, согласно ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнотрудовой, находящийся на территории воинской части, считается исполняющим обязанности военной службы. Данная коллизия была устранена в 2007 г. в новом УВС ВС РФ. Однако следует признать недостатком этого Устава отсутствие в нем вообще каких-либо оснований для признания военнотрудовых Вооруженных Сил Российской Федерации представителями власти.

⁹ Волженкин Б.В. Служебные преступления. С. 109.

212, 219 УК и КС ВС РФ обладают властными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, и, как следствие, являются представителями власти¹⁰. Такого же мнения, по существу, придерживался и Б.В. Волженкин, который, в частности, предлагал признавать должностными лицами работников ведомственной и вневедомственной охраны¹¹. Примечательным является то обстоятельство, что применительно к караулам внутренних войск МВД России этот вопрос уже решен положительно. Статья 41 Федерального закона «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» закрепляет, что военнослужащие при несении боевой службы (в том числе в карауле) являются представителями власти. Вряд ли было бы правильным военнослужащих иных военных организаций, несущих караульную службу, не признавать представителями власти¹².

2.2. Организационно-распорядительные функции.

Организационно-распорядительные функции применительно к воинским должностным лицам заключаются в управлении (руководстве) людьми, которое проявляется в возможности отдавать подчиненным приказы (распоряжения) по службе, в организации работы по поддержанию боевой и мобилизационной готовности подразделений, в непосредственном руководстве боевой подготовкой подчиненных и т. п. Такие функции реализуются внутри определенной военной «подсистемы» (отделения, взвода, роты, полка, бригады, армии, военного округа и т. д.).

В условиях военной службы организационно-распорядительными функциями наделены, прежде всего, те военнослужащие, которые являются командирами или начальниками¹³.

По смыслу ст. 34 УВС ВС РФ начальником является лицо, которому постоянно или временно подчинены военнослужащие (подчиненные) и которое наделено правом отдавать им приказы и требовать их исполнения. Различаются начальники по служебному положению и начальники по воинскому званию.

Установить исчерпывающий перечень должностей, исполнение которых связано с выполнением организационно-распорядительных функций, невозможно, да и вряд

¹⁰ Например, начальник караула при наличии определенных оснований может применить оружие сам или составом караула в случае нападения, устанавливать личность, производить краткий опрос, а при необходимости и досмотр задержанных подозрительных лиц, принимать меры к восстановлению порядка, если вблизи охраняемого объекта или караульного помещения нарушается общественный порядок. Распорядительные полномочия представителя власти имеет и часовой, в частности, все лица обязаны беспрекословно выполнять требования часового, определяемые его службой, он имеет право применять оружие, задерживать нарушителя.

¹¹ Волженкин Б.В. Служебные преступления. С. 107.

¹² В литературе по военно-уголовному законодательству по данному вопросу высказана и другая точка зрения (Прокопович Е.В. Борьба с должностными злоупотреблениями в Вооруженных Силах СССР (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. С. 189).

¹³ В юридической литературе отмечается, что различие терминов «командир» и «начальник» заключается в функциональном назначении возглавляемых ими органов и соответственно этому исполняемых командирами и начальниками функций. Командиры и их заместители возглавляют воинские части и соединения, а также их структурные подразделения, т. е. органы и организации, имеющие боевое предназначение. Начальники и их заместители возглавляют: а) органы управления воинскими частями, соединениями, объединениями (начальники управлений и служб военного округа, начальники штабов объединений, соединений, полков, бригад); б) органы и организации и их структурные подразделения, предназначенные для обеспечения функционирования или имеющие вспомогательное значение для органов и организаций, имеющих боевое предназначение (начальник военно-учебного заведения, учебного центра, склада и др.); в) структурные подразделения органов и организаций, имеющих боевое предназначение, но имеющих вспомогательное значение для их основного предназначения (начальник медицинской службы, службы материально-технического снабжения и др.). Войсковые объединения (округа, флота) возглавляют командующие (Кудашкин А.В. Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. М., 2001. С. 216).

Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что термин «начальник» в военном праве может употребляться и в другом смысле. Это главным образом относится к отношениям подчиненности, существующим внутри военных организаций.

ли целесообразно при правильном понимании содержания этих функций. Вместе с тем, представляется необходимым при определении данного признака ориентироваться на нормативные правовые акты, которые содержат перечень отдельных должностей и определяют права и обязанности должностных лиц. Такие акты, бесспорно, помогают правильно определить круг воинских должностных лиц; например, гл. 3 УВС ВС РФ (обязанности командиров (начальников) и основных должностных лиц полка (корабля).

2.3. Административно-хозяйственные функции.

Административно-хозяйственные функции воинских должностных лиц выражаются главным образом в распоряжении материальными и финансовыми ресурсами (военным имуществом, деньгами и т. п.). Все военнослужащие, независимо от занимаемого положения в служебной иерархии, в функции которых входит распоряжение материальными ценностями, учет и контроль над их расходом, организация отгрузки, получения и отпуска материальных ценностей, получение и выдача денежных средств с оформлением соответствующих документов, учет произведенной работы и начисление вознаграждения за труд и т. п., являются должностными лицами по признаку наличия у них административно-хозяйственных функций.

Указанными функциями в том или ином объеме обладают командиры подразделений, начальники различных служб, например финансовой, вещевого, продовольственной, но могут обладать и другие военнослужащие. В данном случае важна не сама должность, а содержание выполняемых военнослужащим функций. При этом, следует иметь в виду, что наличие лишь одного признака — материальной ответственности за упущения по службе само по себе не может служить основанием для признания этого военнослужащего субъектом должностного преступления. Для этого необходимо также, чтобы наряду с обязанностями по непосредственному хранению имущества материально ответственное лицо выполняло также функции по распоряжению им (организация доставки предметов довольствия, распределение их по другим довольствующим субъектам и т. п.).

Многие военнослужащие выполняют одновременно организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции. Однако для признания их воинскими должностными лицами достаточно наличия правомочий, относящихся хотя бы к одной из этих функций.

2.4. Исполнение функций должностного лица по специальному полномочию.

Воинское должностное лицо, действующее по специальному полномочию, характеризуется тем, что не замещает должность, соответствующую исполняемым обязанностям, а лишь наделяется определенными распорядительными полномочиями. В настоящее время специалисты достаточно единодушны в том, что специальные полномочия, на основании которых лица выполняют функциональные обязанности представителя власти, организационно-распорядительные, административно-хозяйственные обязанности, должны быть надлежащим образом и с соблюдением установленного порядка юридически оформлены (приказом, письменным распоряжением управомоченного должностного лица, иным официально выданным документом и т. п.). Как подчеркивается в юридической литературе, должностным лицом следует считать только лицо, в соответствующей правовой форме давшее согласие исполнять функции должностного лица. Выполнение функций должностного лица по специальному полномочию означает, что эти функции возложены на данное лицо законом, нормативным актом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом.

В условиях военной службы рассматриваемый вопрос приобретает особую актуальность, поскольку в процессе военной службы весьма часто возникает проблема надления того или иного военнослужащего властью начальника по специальному полномочию. Представляется, что в этих случаях следует строго руководствоваться соответствующими нормативными положениями военного законодательства.

При совместном выполнении обязанностей военнослужащими, не подчиненными друг другу, когда их служебные взаимоотношения определены командиром (на-

чальником) в установленном порядке, начальником будет являться тот военнослужащий, на которого возложены соответствующие организационно-распорядительные функции¹⁴.

Согласно ст. 38 УВС ВС РФ начальниками будут являться также военнослужащие, старшие по должности, а при равных должностях старшие по воинскому званию, не подчиненные друг другу, при совместном выполнении обязанностей, когда их служебные взаимоотношения не определены командиром (начальником).

3. Для признания военнослужащего воинским должностным лицом важное значение имеет установление так называемых темпоральных признаков.

3.1. Воинские должностные лица могут исполнять функции представителя власти, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции постоянно или временно.

По общему правилу властные функции (в широком смысле этого слова) исполняются постоянно, когда соответствующие лица занимают воинские должности согласно штату (например, командир отделения, взвода, роты, начальник вещевого службы полка и т. д.).

Временное исполнение властных функций возможно в случаях, когда лица временно исполняют обязанности по соответствующей воинской должности.

Порядок возложения временного исполнения обязанностей по воинской должности регулируется ст. 12 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237¹⁵.

Лицо, временно исполняющее обязанности по воинской должности (врио или врид), может быть признано начальником только при условии, если соответствующие полномочия возложены на него в установленном законом порядке. В случае если военнослужащий назначен исполнять обязанности по воинской должности ненадлежащим начальником и с нарушением формы отдания приказа, такого военнослужащего нельзя признать надлежащим воинским должностным лицом. При этом, не имеет значения факт осознания или неосознания таким лицом незаконности своего назначения на ту или иную воинскую должность.

3.2. При исполнении управленческих функций по специальному полномочию лицо признается воинским должностным лицом лишь на время выполнения возложенных на него властных функций. Например, участие в проверке, работе комиссии при приеме и сдаче дел командиром воинской части и т. п.

¹⁴ В определении Военной коллегии Верховного Суда СССР по уголовному делу рядового П. указано, что военнослужащий, временно назначенный устным распоряжением командира старшим командой, является прямым начальником для других военнослужащих из состава этой команды (БУВС и ВК ВС СССР. 1982. № 1. С. 34).

¹⁵ В этой норме, в частности, говорится о том, что в связи со служебной необходимостью на военнослужащего может быть возложено временное исполнение обязанностей по воинской должности, которую он не занимает: 1) вакантной (незанятой) воинской должности — с его согласия (временное исполнение должности — врид); 2) невакантной (занятой) воинской должности — в случае временного отсутствия занимающего ее военнослужащего или отстранения занимающего ее военнослужащего от должности (временное исполнение обязанностей — врио). Возложение на военнослужащего временного исполнения обязанностей по вакантной воинской должности и освобождение его от исполнения обязанностей по занимаемой воинской должности осуществляется должностным лицом, имеющим право назначения на эту воинскую должность. Командир воинской части, ему равный по должности или вышестоящий командир (начальник) в случае своего временного отсутствия возлагает временное исполнение обязанностей по своей воинской должности на одного из заместителей. В иных случаях временное исполнение обязанностей по невакантной воинской должности возлагается на военнослужащего командиром воинской части, ему равным по должности или вышестоящим командиром (начальником), являющимся его прямым начальником и ближайшим прямым начальником временно отсутствующего военнослужащего. В этом случае военнослужащий освобождается от исполнения обязанностей по занимаемой воинской должности, но от занимаемой воинской должности не освобождается.

Временное возложение властных функций по специальному полномочию возможно в силу: 1) требований нормативных правовых актов¹⁶ или 2) письменного (устного) распоряжения правомочного должностного лица. При этом, лица, на которых специально возложены такие функции, как правило, не являются начальниками по занимаемой должности или воинскому званию.

3.3. Большой практический интерес представляет вопрос о том, с какого момента военнослужащий приобретает статус воинского должностного лица. По общему правилу лицо становится должностным со времени, когда оно приобретает комплекс соответствующих прав и обязанностей. Таковым в условиях военной службы является момент принятия дел и должности, о чем объявляется в приказе. Возникает проблема правового положения военнослужащего (например, командира воинской части), который назначен приказом на воинскую должность, но еще не принял ее. Каковы его полномочия?

Назначение на воинскую должность в условиях военной службы, осуществляемое либо указом Президента Российской Федерации (военнослужащих, для которых штатом предусмотрено воинское звание высшего офицера), либо приказом по личному составу (по строевой части) должностного лица в пределах предоставленного ему права назначения на воинские должности, не является юридическим фактом приобретения назначенным военнослужащим статуса воинского должностного лица в смысле уголовного права¹⁷. Указ (приказ) о назначении на воинскую должность является основанием для сдачи дел и должности по прежнему месту военной службы, расчета с довольствующими службами, получения предписания для убытия к новому месту военной службы и исключения из списков личного состава воинской части, а также для зачисления в список личного состава воинской части по новому месту военной службы, приема дел и должности.

Например, вновь назначенный командир воинской части вступает в командование на основании предписания или приказа старшего (командира) начальника. О вступлении в командование командир воинской части объявляет в приказе и докладывает старшему командиру (начальнику). До издания приказа о вступлении в командование вновь назначенный командир воинской части является лицом, принимающим указанную воинскую должность. Сроки и порядок приема дел и должности должностными лицами изложены в ст.ст. 88—92 УВС ВС РФ.

Таким образом, для наделения военнослужащего функциями воинского должностного лица и предоставления ему прав и обязанностей по воинской должности необходимо, помимо издания указа (приказа по личному составу) о назначении на воинскую должность, также издание приказа о вступлении в командование либо приказа (по строевой части) о зачислении в списки личного состава воинской части и назначении на воинскую должность.

По смыслу ст.ст. 285 и 286 УК РФ речь идет об использовании вопреки интересам службы *конкретных* (курсив мой. — О. З.) служебных полномочий по *конкретно* (курсив мой. — О. З.) занимаемой должности либо о превышении этих полномочий. Поэтому лицо следует рассматривать как субъекта этих преступлений не со дня назначения (избрания) на должность, а с момента вступления в соответствующую должность. В противном случае круг служебных полномочий, которыми должностное лицо злоупотребляет либо их превышает по конкретно занимаемой им должности, не представляется возможным определить. Что касается общественно опасных деяний, совершенных лицами после назначения на соответствующую должность и до вступления в исполнение обязанностей по этой должности, то они должны, как пра-

¹⁶ Так, согласно ст. 87 УВС ВС РФ в случае временного убытия командир (начальник) для исполнения своих обязанностей оставляет заместителя. При отсутствии штатного заместителя и если заместитель не был указан командиром (начальником), командование принимает старший по должности, а при равных должностях — старший по воинскому званию. Вступивший в командование докладывает об этом старшему командиру (начальнику). В соответствии со ст.ст. 291 и 294 УВС ВС РФ дежурному по контрольно-пропускному пункту подчиняются помощники дежурного по контрольно-пропускному пункту. В подчинении дежурного по роте находятся дневальные по роте (ст. 302), дежурного по столовой — наряд, назначенный для работы в столовой, и повара (ст. 306).

¹⁷ Зателегин О.К., Фатеев К.В. Указ. соч. С. 4—9.

вило, квалифицироваться по другим статьям УК РФ. Однако военнослужащие могут быть начальниками и в период, когда они не занимают конкретной воинской должности (в том числе и во время нахождения в распоряжении), речь идет о начальниках по воинскому званию. Поэтому указанная категория лиц в ряде случаев может быть привлечена к ответственности по статьям гл. 30 УК РФ (например, за превышение должностных полномочий, сопряженное с применением насилия к подчиненным по воинскому званию военнослужащим).

Воинским должностным лицом военнослужащий считается до момента освобождения или отстранения его от должности. В соответствии с законодательством военнослужащий освобождается от занимаемой воинской должности в случае назначения на новую воинскую должность, перевода, прикомандирования, увольнения с военной службы, а также в связи с другими обстоятельствами, предусмотренными законодательством Российской Федерации. Право освобождения военнослужащего от занимаемой воинской должности имеет должностное лицо, которому предоставлено право назначения на данную воинскую должность. Моментом освобождения военнослужащего от занимаемой должности будет являться издание приказа об исключении военнослужащего из списков личного состава воинской части, а моментом отстранения от воинской должности — издание соответствующего приказа о зачислении в распоряжение ближайшего прямого командира (начальника), имеющего право издания приказов.

3.4. Должностные обязанности по специальному полномочию исполняются в течение определенных временных рамок. В связи с этим представляется актуальным определение начального и конечного момента осуществления специальных полномочий. К сожалению, в военном законодательстве, в том числе и в общевоинских уставах, данный вопрос фактически не решен. С учетом общих подходов к его решению в уголовном праве можно предложить следующее. Военнослужащий становится должностным лицом по специальному полномочию (начальником) с момента: а) получения от командиров (начальников) специальных полномочий (отдельного поручения) на выполнение тех или иных обязанностей властного характера; б) принятия командования (в случаях, предусмотренных уставами). Срок действия специального полномочия заканчивается, если: а) он был определен конкретно и истек; б) поручение разового характера выполнено; в) специальное полномочие отменило лицо, наделившее им, или вышестоящее воинское должностное лицо.

4. В определении должностного лица, наряду с иными признаками, существенную роль играет место осуществления (выполнения) указанных функций. В примечании 1 к ст. 285 УК РФ прямо указывается, что должностные лица реализуют свои властные полномочия в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. Данный перечень является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Следует заметить, что перечисление в примечании 1 к ст. 285 УК РФ названных военных организаций не соответствует перечню, содержащемуся в ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и ст. 6 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации». В этой связи в указанном примечании необходимо перечислить военных организаций изложить следующим образом: Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские (специальные) формирования и органы, осуществляющие функции по обеспечению обороны и безопасности государства.

Изложенное позволяет сформулировать следующее определение: воинскими должностными лицами признаются военнослужащие, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства. При этом, указанные лица могут являться начальниками по служебному положению или (и) воинскому званию.

II. Разграничение злоупотреблений должностными полномочиями и превышений должностных полномочий в сфере обеспечения военной безопасности.

Для правильной юридической оценки должностных преступлений против военной безопасности важное значение имеет разграничение злоупотреблений должностными полномочиями и превышений должностных полномочий в сфере обеспечения военной безопасности. Нередко в практике военных судов одни и те же действия воинских должностных лиц квалифицируются военными судами по-разному. Например, привлечение подчиненных военнослужащих к выполнению задач, не связанных с исполнением обязанностей военной службы, незаконные оформление и выдача воинских перевозочных документов; использование транспортных средств воинской части не по назначению; необоснованное предоставление освобождения или отсрочки от призыва на военную службу лицам, подлежащим призыву на военную службу, признаются либо злоупотреблением служебными полномочиями (ст. 285 УК РФ), либо превышением служебных полномочий (ст. 286 УК РФ).

При этом, наибольшую сложность вызывает вопрос о содержании таких признаков объективной стороны, как «использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы» (ст. 285 УК РФ) и «совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий» (ст. 286 УК РФ)¹⁸.

В юридической литературе отмечается, что использование должностным лицом своих служебных полномочий возможно как путем действия, так и путем бездействия, когда должностное лицо умышленно не исполняет свои обязанности¹⁹. По такому пути идет и судебная практика. Хотя следует согласиться с Б.В. Волженкиным, который справедливо обращал внимание на то, что при неисполнении должностным лицом обязанностей по службе трудно говорить об использовании полномочий, «скорее это будет их неиспользование вопреки интересам службы»²⁰. Профессор А.А. Тер-Акопов не обосновательно считал, как отмечалось, что бездействие власти в качестве должностного преступления в новом УК РФ вообще не предусмотрено²¹. Соглашаясь с таким мнением, мы предлагаем в разд. XI УК РФ предусмотреть ответственность за бездействие должностных лиц (см. приложение).

В ст. 285 УК РФ речь идет об использовании должностным лицом своих полномочий, а не «служебного положения», как это ранее указывалось в ст. 170 УК РСФСР 1960 г. Понятие «служебные полномочия» по своему объему уже чем понятие «служебное положение». Полномочия должностного лица определяются его компетенцией, установленной в соответствующих нормативных актах, регламентирующих права и обязанности лица, занимающего ту или иную должность. Поэтому под использованием должностным лицом своих служебных полномочий следует понимать только такое деяние лица, которое вытекало из его полномочий и было связано с осуществлением, вопреки интересам службы, прав и обязанностей, которыми это лицо наделено в силу занимаемой должности. Именно такое «ограничительное» толкование дано в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». В тех случаях, когда должностное лицо, добиваясь нужного ему решения, использует не свои полномочия, а служебные либо личные связи, авторитет занимаемой им должности и т. п., состав преступления, предусмотренный в ст. 285 УК РФ, отсутствует. Судебная практика придерживается такого подхода²².

¹⁸ Более подробно об этом см.: *Борков В.* Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ // Уголовное право. 2008. № 3; *Его же.* Недостатки конструкции состава должностного злоупотребления как причина проблем правоприменения // Рос. следователь. 2007. № 16; *Изосимов С.В.* Злоупотребление должностными полномочиями: проблемы законодательного определения и квалификации // Рос. судья. 2003. № 4; *Малиновский А.А.* Вопросы квалификации злоупотребления правом // Юрист. 2002. № 2; *Яни П.С.* Разграничение должностного злоупотребления и превышения должностных полномочий // Законность. 2007. № 12.

¹⁹ См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 439 и др.

²⁰ *Волженкин Б.В.* Служебные преступления. С. 142.

²¹ Преступления против военной службы: учеб. для вузов. М., 2002. С. 136.

²² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 июля 1999 г. по делу О. // БВС РФ. 2000. № 8.

Использование служебных полномочий вопреки интересам службы — это, прежде всего, деяние, не вызываемое служебной необходимостью. Оно хотя и непосредственно связано с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако его совершение объективно противоречит как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату, в том числе аппарату военного управления, так и тем целям и задачам, для исполнения которых конкретное должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что в случаях, когда деяние, содержащее признаки злоупотребления должностными полномочиями, совершено должностным лицом для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности, охраняемым законом интересам общества или государства и эта опасность не могла быть устранена иными средствами, такое деяние не может быть признано преступным, при условии, если не было допущено превышения пределов крайней необходимости (ст. 39 УК РФ).

На наш взгляд, не могут быть признаны преступными и деяния должностного лица, связанные с использованием служебных полномочий, повлекшие причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, если они были совершены во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ). Должностное лицо, совершившее умышленное преступление, предусмотренное ст. 285 УК РФ, во исполнение заведомо для него незаконных приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях. При этом, действия вышестоящего должностного лица, давшего незаконное распоряжение, приказ о совершении подчиненным преступления, следует при наличии к тому оснований рассматривать как организацию этого преступления и квалифицировать по соответствующей статье Особенной части УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ. Действия должностного лица, давшего заведомо незаконное распоряжение подчиненному лицу, не осознающему незаконность указанного распоряжения и исполнившему его, подлежат квалификации как исполнителя преступления.

Не является преступлением причинение вреда охраняемым законом интересам воинским должностным лицом в результате исполнения им возложенных на него законом или иными нормативными правовыми актами служебных обязанностей, например, применение в силу требований ст. 13 УВС ВС РФ командиром (начальником) оружия для восстановления дисциплины и порядка в случае открытого неповиновения подчиненного в боевых условиях, когда действия неповинующегося явно направлены на государственную измену или срыв выполнения боевой задачи, а также при выполнении задач в условиях чрезвычайного положения. При этом, несоблюдение требований законов или иных нормативных актов, во исполнение которых применяется насилие, влечет ответственность воинских должностных лиц на общих основаниях.

Уголовный закон характеризует превышение должностных полномочий как совершение действий, явно выходящих за пределы полномочий. При характеристике общественно опасного деяния и при установлении его в процессе квалификации необходимо учитывать следующие моменты.

Видом общественно опасного деяния при превышении должностных полномочий являются только действия, т. е. активное поведение. Это вытекает из самого закона и сути данного преступления. Мнение некоторых ученых о том, что превысить должностные полномочия можно не только в форме действия, но и в форме бездействия, следует признать несостоятельным²³.

В ст. 286 УК РФ говорится, что превышение должностных полномочий есть совершение должностным лицом действий. В связи с этим возникает вопрос, следует ли это понимать как необходимость совершения нескольких действий (их системы) либо для наличия состава преступления достаточно одного действия. В юридической литературе единодушно разделяется мнение о том, что превышение должностных полномочий может заключаться в совершении как ряда действий, так и одного действия. Судебная практика также признает возможным совершение превышения должностных полномочий и путем одного действия.

²³ Донджавили Д. Объективная сторона превышения власти и служебных полномочий // Советская юстиция. 1989. № 22. С. 24.

Ответственность по ст. 286 УК РФ наступает лишь в том случае, если неправомерные действия должностного лица при превышении должностных полномочий непосредственно связаны с его служебной деятельностью. Иными словами, военнослужащий должен выступать не как частное, а как официальное лицо. Ответственность за превышение должностных полномочий наступает лишь в том случае, когда воинское должностное лицо обладало какими-либо полномочиями по отношению к потерпевшему военнослужащему (или физическому лицу) или к организации, права и интересы которых существенно нарушены действиями должностного лица. Следует иметь в виду, что в отношении своих подчиненных воинский начальник в любое время может приступить к исполнению обязанностей по военной службе. Например, если начальник, будучи в отпуске, встретит в городе своего подчиненного, нарушающего общественный порядок, и потребует прекратить эти действия, то он считается исполняющим обязанности по военной службе.

В ст. 286 УК РФ действие описано не так полно, как в ст. 285 УК РФ. Однако то обстоятельство, что в ст. 285 УК РФ предусмотрены признаки родового понятия всякого должностного преступления, позволяет считать, что действие при превышении должностных полномочий совершается «вопреки интересам службы».

Полномочия конкретного воинского должностного лица можно уяснить, установив его компетенцию. Применительно к рассматриваемому составу преступления превышение должностных полномочий можно отождествить с совершением действий, не входящих в компетенцию данного должностного лица. Последняя представляет собой конкретные права и обязанности, которыми лицо наделяется в силу занятия определенной должности. Приобретая права и обязанности, должностное лицо получает определенные полномочия для их осуществления. Полномочия следует рассматривать как предоставленную ему возможность реализации и обеспечения этих прав и обязанностей. Поэтому выход за пределы полномочий всегда будет означать выход за пределы прав.

Характеристика действия как выходящего пределы за полномочий воинского должностного лица требует обязательного уточнения в каждом конкретном случае самих пределов полномочий. Полномочия должностных лиц, наряду с законами, регламентируют и другие нормативные акты: приказы, инструкции, уставы, положения и т. п. Превышение должностных полномочий будет иметь место, когда должностное лицо выходит за пределы полномочий, предоставленных ему законом или другим нормативным актом, а также когда оно совершает действия, выходящие за пределы специально данных ему полномочий (например, при назначении военнослужащего старшим команды). Поэтому, чтобы решить, что должностное лицо совершило действия, явно выходящие за пределы его полномочий, необходимо установить эти пределы, определить и указать в процессуальных документах (например, обвинительном заключении, приговоре) нормативные правовые акты, а также иные документы, которыми закреплены права и обязанности обвиняемого должностного лица, и приводить те из них, превышение которых вменяется ему в вину со ссылкой на конкретные нормы (статью, пункт, часть)²⁴.

Действия, превышающие должностные полномочия, должны явно выходить за пределы полномочий, предоставленных воинскому должностному лицу. Явность выхода за пределы служебных полномочий объясняется обычно с точки зрения грамматического толкования этого слова: явный — открытый, совершенно очевидный, ясный для всех, несомненный. На наш взгляд, осознание очевидного характера превышения должностных полномочий обязательно для самого виновного в нем. Это вытекает из принципа субъективного вменения. Умышленный характер превышения власти означает обязательное понимание, осознание лицом того, что совершаемые им действия выходят за пределы предоставленных ему полномочий, что он нарушает рамки правовой регламентации его полномочий. Практика военных судов твердо придерживается такого подхода к содержанию данного признака.

²⁴ При отсутствии в обвинительном заключении или обвинительном акте вышеуказанных данных, которые не представляется возможным восполнить в судебном заседании, на наш взгляд, уголовное дело подлежит возвращению прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий к его рассмотрению.

Наиболее характерными формами превышения должностных полномочий являются: 1) совершение должностным лицом действий, которые относятся к полномочиям другого лица; 2) совершение должностным лицом действий, которые могли быть совершены им самим только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте; 3) совершение должностным лицом действий, на которые вообще законом ни одно лицо ни при каких обстоятельствах не уполномочивается; 4) совершение должностным лицом действий единолично, в то время как они могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с установленным законом порядком по согласованию с другим должностным лицом или органом.

Указанные виды превышения должностных полномочий отмечены в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 октября 2009 г. № 16 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». В юридической литературе, как правило, выделяют все указанные четыре разновидности²⁵.

В п. 19 постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» разъясняется, что в отличие от состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, при котором лицо совершает действия (бездействие) в пределах своей компетенции вопреки интересам службы, ответственность за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) наступает в случае совершения должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий.

Сложность применения (разграничения) норм об ответственности за злоупотребление служебными полномочиями и превышение должностных полномочий связана с тем, что полномочия как правовая категория, как отмечалось, представляют собой право и одновременно обязанность наделенного ими субъекта действовать в предусмотренной законом, иным правовым актом ситуации способом, указанным в этих правовых актах²⁶. Если мы говорим, что командир воинской части имеет полномочие по приему на работу лиц гражданского персонала, то это означает, что он наделен правом и обязанностью принимать на работу только при наличии соответствующих оснований, предусмотренных трудовым законодательством. Нарушения порядка приема на работу, с одной стороны, могут оцениваться как злоупотребление должностными полномочиями, а с другой — как превышение должностных полномочий (с учетом рассмотренных ранее признаков).

Следует согласиться с П.С. Яни: «Применяя ст. 285 УК, необходимо исходить из того, что использование должностных полномочий вопреки интересам службы представляет собой совершение должностным лицом действий (бездействия) по службе, которые оно уполномочено, т. е. имеет право и обязанность, совершить только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте»²⁷. В приведенном выше примере командир части наделен полномочием по приему на работу гражданских лиц, но реализовать это полномочие он может только при наличии оснований, закрепленных в нормативных актах (в частности, в ТК РФ). Прием на работу по «фиктивным» трудовым договорам лиц, которые фактически трудовых обязанностей не исполняли, будет означать, на наш взгляд, незаконное использование должностным лицом своих полномочий, использование их вопреки интересам службы.

Однако, как отмечалось, совершение должностным лицом действий, которые могли быть им совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте, является согласно приведенным разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации одной из форм превышения полномочий. В связи с этим в юридической литературе предлагается следующее «разграничи-

²⁵ Волженкин Б.В. Служебные преступления. С. 155; Галахова А.В. Превышение власти или служебных полномочий. Вопросы уголовно-правовой квалификации. М., 1978. С. 30—31; Коржанский Н.И. Квалификация следователем должностных преступлений. Волгоград, 1986. С. 25.

²⁶ Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2001. С. 654.

²⁷ Яни П.С. Указ. соч.

тельное» квалификационное правило: если должностное лицо совершило действия, которые оно могло совершить только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте, а такие обстоятельства отсутствовали, и данные действия повлекли наступление общественно опасных последствий, названных в ст.ст. 285 и 286 УК РФ, то содеянное квалифицируется как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий в зависимости от наличия в первом случае либо отсутствия во втором мотива в виде корыстной или иной личной заинтересованности²⁸.

Такой подход отражен и в п. 15 постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Судебная практика по конкретным делам также придерживается предложенных разграничительных критериев²⁹.

В юридической литературе высказана точка зрения, согласно которой основным разграничительным признаком указанных преступлений является наличие или отсутствие оснований, при которых совершенные действия могут быть признаны правомерными. По мнению Е.В. Прокоповича, если в конкретной ситуации такие основания отсутствуют, то содеянное представляет собой злоупотребление властью, а не превышение. Например, избивание начальником подчиненных, не совершивших никаких действий, требующих принятия каких-либо принудительных мер. К злоупотреблению властью, считает Е.В. Прокопович, также следует относить случаи совершения действия, правом на которое никто не обладает³⁰. Этот подход не получил распространения ни в теории, ни на практике.

Конкретные формы злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий в сфере обеспечения военной безопасности весьма различны, поскольку они совершаются в самых разнообразных сферах деятельности воинских должностных лиц.

С учетом результатов изучения материалов судебной практики можно предложить следующие «типичные» формы злоупотреблений служебным полномочием воинскими должностными лицами:

— освобождение командирами (начальниками) подчиненных от исполнения ими возложенных должностных обязанностей с направлением для работы в коммерческие организации либо обустройства личного домовладения должностного лица (других лиц);

— прием на работу гражданских лиц, которые фактически трудовых обязанностей не исполняют;

— сокрытие в целях создания видимости благополучия в воинских частях совершенных подчиненными военнослужащими преступлений, например, хищений, недостач, злоупотреблений по службе, самовольного оставления части или места службы (в том числе оформление должностным лицом документов на увольнение в запас военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, находящихся вне воинской части в связи с самовольным оставлением части);

— сокрытие от вышестоящего командования выявленных должностным лицом фактов недостачи военного имущества и причиненного подчиненными материального ущерба государству;

— передача во временное пользование третьим лицам имущества, закрепленного за воинской частью, при отсутствии служебной необходимости;

— использование боевой техники или транспортных средств не по назначению (например, для перевозки личного состава и грузов в личных целях, производства различных работ на своем земельном участке и даче);

— неосновательное расходование денежных и других ресурсов без признаков хищения;

²⁸ Яни П.С. Указ. соч.

²⁹ Определения Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2004 г. № 78-О03-221 и от 10 августа 2004 г. № 5-О04-38.

³⁰ Прокопович Е.В. Борьба с должностными злоупотреблениями в Вооруженных Силах СССР (уголовно-правовое и криминологическое исследование). С. 244—246.

— невключение гражданина в списки лиц, подлежащих отправке на сборный пункт, необоснованное предоставление освобождения или отсрочки от призыва на военную службу лицам, подлежащим призыву на военную службу;

— аренда имущества у частных лиц и оплата связанных с этим расходов за счет воинской части при отсутствии служебной необходимости;

— организация заключения контрактов по государственному оборонному заказу с предприятиями, не имеющими необходимой технической и материальной базы для выполнения договорных обязательств;

— заключение командирами войсковых частей договоров подряда на ремонт военных объектов с организациями, не имевшими соответствующих лицензий, необходимых ресурсов и достаточных финансовых средств;

— заключение фиктивных договоров об оказании услуг, которые фактически не предоставлялись.

Превышение должностных полномочий чаще всего выражается в применении начальником насилия в отношении подчиненных (более подробно этот вопрос будет рассмотрен ниже). Наряду с этим, превышением должностных полномочий военными судами признавались и другие действия воинских должностных лиц, в частности:

— искажение дисциплинарной практики (наказание подчиненного способами и средствами, не предусмотренными ДУ ВС РФ и т. п.);

— заключение договора о проведении строительных работ на объекте, заведомо для виновного не находящемся в его ведении, и последующая оплата этих работ;

— организация разукрупнения подчиненными военной техники для последующей продажи комплектующих деталей неустановленным лицам в целях личного обогащения;

— оформление и выдача военных билетов работником военкомата, в чью компетенцию не входили призыв граждан на военную службу и освобождение от него;

— совершение действий, относящихся к полномочиям другого должностного лица;

— незаконный сбор с подчиненных денежных средств в целях последующего их использования для нужд части.

III. Превышение должностных полномочий командирами (начальниками), сопряженное с применением насилия к подчиненным.

Изучение судебной статистики показывает, что среди осужденных по ст.ст. 286, 333, 334 и 335 УК РФ командиров (начальников) ежегодно более $\frac{3}{4}$ превышали должностные полномочия. При этом, насильственные формы являлись основными (96 %).

Ответственность за превышение должностных полномочий командирами (начальниками), сопряженное с применением насилия к подчиненным, установлена в ч. 3 ст. 286 УК РФ. Для квалификации содеянного по этой норме между виновным (начальником) и потерпевшим (подчиненным) должна существовать определенная взаимосвязь, обусловленная должностным положением первого. Она выражается в том, что виновный, как отмечалось выше, должен быть наделен властными полномочиями в отношении потерпевшего³¹.

Общая характеристика деяния — превышения должностных полномочий дана в предыдущем параграфе. К квалифицирующим признакам этого состава преступления относятся: применение насилия или угроза его применения, применение оружия или специальных средств, причинение тяжких последствий. Все названные признаки

³¹ Следует признать неверной позицию тех юристов, которые полагают, что наличие у виновного полномочий в отношении потерпевшего не обязательно. Применительно к ч. 3 ст. 286 УК РФ правильное решение этого вопроса имеет практическое значение. Если воинский начальник совершает насильственные действия не в связи с наличием полномочий в отношении потерпевшего, то нет и состава преступления, предусмотренного указанной нормой. Такие действия виновного следует квалифицировать по соответствующим статьям УК РФ как преступление против личности (например, конфликт между начальником и подчиненным на бытовой почве либо по личным мотивам). И наоборот, если такая взаимосвязь существует, причем совсем не обязательно, чтобы потерпевший был подчинен виновному по службе (виновный может быть начальником и по воинскому званию), то насильственные действия последнего охватываются ч. 3 ст. 286 УК РФ.

используются при квалификации «насильственного» превышения должностных полномочий. Любого из этих признаков достаточно для квалификации деяния по ч. 3 ст. 286 УК РФ. Рассмотрим содержание каждого из них.

1. Применение насилия или угроза его применения (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий, сопряженных с насилием или угрозой его применения, является грубым посягательством на охраняемые законом права военнослужащих (граждан), интересы общества или государства и рассматривается как существенное их нарушение независимо от наступления каких-либо иных вредных последствий. Именно такую точку зрения высказал Пленум Верховного Суда СССР по одному из уголовных дел³².

Требуется вначале сказать несколько слов о самом понятии насилия, а точнее — преступного насилия³³.

Изучение юридической литературы³⁴ позволяет сформулировать следующее определение: преступное насилие³⁵ — это внешнее, со стороны других лиц, общественно опасное, противоправное, умышленное физическое или психическое воздействие на другого человека вопреки его воле или помимо его воли, которое причиняет вред, прежде всего, безопасности жизни и здоровья или создает опасность такого причинения³⁶.

Преступное насилие доктрина разделяет на определенные виды: физическое и психическое насилие³⁷.

³² Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР по уголовным делам: 1959—1971. М., 1973. С. 282—283.

³³ Подробнее об этом см.: *Зателепин, О.К., Лавруков, М.М.* Понятие воинских насильственных преступлений и некоторые вопросы их квалификации // *Право в Вооруженных Силах* — Военно-правовое обозрение. 2002. № 12. (Вкладка «Военно-уголовное право». № 11—12); Там же. 2003. № 2. (Вкладка «Военно-уголовное право». № 1—2); Там же. № 4. (Вкладка «Военно-уголовное право». № 3—4); *Лавруков М.М.* Квалификация воинских насильственных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 15—37.

³⁴ *Антонян Ю.* Понятие особой жестокости и преступления с особой жестокостью // *Социалистическая законность*. 1990. № 9. С. 53—55; *Базаров Р.А.* Преступность несовершеннолетних: криминальное насилие, меры противодействия. Екатеринбург, 1996. С. 42—43; *Бужор В.Г.* Криминологический анализ и предупреждение тяжкого насильственной групповой преступности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 23—24; *Гаухман Л.Д.* Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969. С. 4, 5, 28; *Джавалов Ф.М.* Квалификация насильственных преступлений, совершенных с применением оружия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 11; *Еникополов С.Н.* Агрессия и агрессивность насильственных преступников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1984. С. 13; *Игнатов А.И.* Уголовная ответственность за разбой по действующему советскому уголовному законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 127; *Иванова В.В.* Предупреждение уголовно наказуемых нарушений правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 6—19; *Золотухин С.Н.* Уличная насильственная преступность и ее предупреждение (по материалам Уральского региона): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2000. С. 14—15; *Назаров П.Н.* К вопросу о насилии при грабеже и разбое // *Труды Киевской ВШ МОП СССР*. Вып. 1. Киев, 1968. С. 91; *Сабиров Р.Д.* Уголовно-правовая борьба с насильственными посягательствами: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1981. С. 29; *Симонов В.И., Шумихин В.Г.* Квалификация насильственных посягательств на собственность: учеб. пособие. М., 1993. С. 24; *Словарь по уголовному праву / отв. ред. проф. А.В. Наумов*. М., 1997. С.245; *Старков О.В.* Краткий словарь по криминологии. Рязань, 1998. С. 18; *Шарапов Р.Д.* Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 19—24, 40.

³⁵ Насилие как явление имеет социальную природу. Отдельные его проявления ввиду их повышенной общественной опасности для личности, общества и государства запрещаются уголовным законом под угрозой наказания, т. е. некоторые формы насилия приобретают юридические, а точнее уголовно-правовые, признаки. В связи с этим в уголовном праве предпочтительней, на наш взгляд, употреблять понятие не «насилие», а «преступное насилие», если имеются в виду криминализованные его формы.

³⁶ Более подробно см.: *Зателепин О.К.* Квалификация преступлений против военной безопасности государства. С. 136—144.

³⁷ Некоторые авторы, наряду с традиционными видами преступного насилия, говорят еще об одной его разновидности — интеллектуальном насилии. По их мнению, интеллектуальное

Физическое насилие можно определить как общественно опасное, противоправное, умышленное, вопреки воле или помимо воли потерпевшего энергетическое воздействие на органы или ткани (их физиологические функции) другого человека, причиняющее или способное причинить смерть, вред здоровью, физическую боль и физические страдания, беспомощное состояние³⁸.

Психическое насилие представляет собой общественно опасное, противоправное, умышленное информационное или неинформационное воздействие на психику другого человека вопреки его воле или помимо его воли, причиняющее или способное причинить психическую травму, изменить поведение человека (подавить или ограничить свободу волеизъявления или действий)³⁹.

насилие включает в себя весьма разнообразные деяния, которые направлены на причинение вреда определенным правам и законным интересам потерпевшего (Золотухин С.Н. Указ. соч. С. 14—15).

В целом следует признать, что сама постановка вопроса правомерна и имеет под собой некоторые основания, однако его решение, на наш взгляд, требует более весомого и убедительных аргументов.

³⁸ Базаров Р.А. Указ. соч. С. 42; Бойцов А.И. Понятие насильственного преступления // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. Л., 1988. С. 138; Вермель И.Г., Грицаенко П.П. О причинении вреда здоровью в свете положений нового Уголовного кодекса РФ // Судебно-медицинская экспертиза. 1997. № 2. С. 42; Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С. 77; Его же. Борьба с насильственными посягательствами. С. 7, 18—21; Жордания И.Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. Тбилиси, 1977. С. 96; Загородников Н.И. Преступления против здоровья. М., 1969. С. 113; Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991. С. 120—121; Кассиль Г. Н. Наука о боли. М., 1975. С. 29; Козлов В.В. Основы экспертной оценки тяжести телесных повреждений. Саратов, 1968; Его же. О новой классификации и основных критериях оценки тяжести вреда здоровью по проекту УК Российской Федерации // Становление правового порядка в Российском государстве: Реальность и перспектива. Саратов, 1995. С. 255—256; Кондрашова Т.В. Понятие физического насилия как средства совершения половых преступлений // Проблемы борьбы с преступностью и пути развития уголовного законодательства: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1984. С. 138—139; Кригер Г.А. Ответственность за разбой. М., 1968. С. 17—18; Куприянов В.В., Никитюк Б.А. Методологические проблемы анатомии человека. М., 1985; Лиманский Ю. П. Физиология боли. Киев, 1986. С. 96; Матышевский П.С. Ответственность за преступления против социалистической собственности. Киев, 1983. С. 84; Макаров А. Ю. К вопросу о классификации телесных повреждений по проектам УК России // Проблемы обеспечения личной безопасности граждан. М., 1995. С. 111; Обзор следственной практики по расследованию преступлений, совершенных с использованием беспомощного состояния потерпевшего // Информ. бюл. Следственного комитета МВД России. 1995. № 1 (82). С. 58; Панов Н.И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления. М., 1991. С. 15, 17; Привес М.Г., Лысенков Н.К., Бушкович В.И. Анатомия человека. М., 1985; Морфология человека. М., 1983; Санталов А.И. Грабже и разбой: Вопросы квалификации // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. Л., 1988. С. 157; Сапожников Ю. С. О судебно-медицинской квалификации телесных повреждений // Тезисы докладов III Украинского совещания судмедэкспертов и II сессии УНО-СМиК в г. Одессе. Киев, 1953. С. 29; Сарсенбаев Т.Е. Доказывание и правовая оценка беспомощного состояния потерпевшего по делам о насильственных преступлениях // Насильственные преступления: природа, расследование, предупреждение: сб. науч. тр. М., 1994. С. 135; Сердюк Л.В. Криминологическое и уголовно-правовое исследование насилия. М., 2002. С. 18; Симонов В.И. Характеристика объективных свойств физического насилия // Законность и борьба с преступностью: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1977. С. 16—17; Его же. К вопросу о понятии истязания // Вопросы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. Свердловск, 1983. С. 61; Симонов В.И., Шумихин В.Г. Указ. соч. С. 13, 30, 31; Старков О.В. Бытовые насильственные преступления (причинность, групповая профилактика, наказание). Рязань, 1992. С. 34; Уолкер А.Э. Смерть мозга. М., 1988. С. 12—14, 185—218; Чечель Г.И. Квалификация истязания по действующему законодательству. Барнаул, 1989. С. 51; Шарапов Р.Д. Указ. соч. С. 23, 38, 45, 63, 66, 99—107, 112—133.

³⁹ Афиногенов С. Насилие и угроза в проекте нового Уголовного кодекса РФ, принятого Государственной Думой // Юрид. газ. 1996. № 4. С. 3; Базаров Р.А. Указ. соч. С. 32—33; Гаух-

В уголовно-правовой науке преступное насилие, как отмечалось, выделяется в качестве основной черты насильственных преступлений, под которыми понимаются противоправные, умышленно совершенные общественно опасные деяния, посягающие на физическую и психическую безопасность человека посредством энергетического воздействия на органы или ткани (их физиологические функции) или информационного (неинформационного) воздействия на психику другого человека, причиняющие или способные причинить смерть, вред здоровью, физическую боль и физические страдания, беспомощное состояние, ограничение свободы, психическую травму, изменяющие поведение человека (подавление или ограничение свободы волеизъявления или действий)⁴⁰.

Превышение должностных полномочий, сопряженное с применением насилия или угрозой его применения (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ), является разновидностью насильственного преступления.

Большинство ученых полагают, что если законодатель в статьях уголовного закона использует термин «насилие», то речь в данном случае должна идти только о физическом насилии. Так, по мнению Л.Д. Гаухмана, в законе под термином «насилие» подразумевается только физическое насилие. Если же предусматривается ответственность за угрозу применения насилия, то это специально оговаривается в диспозиции уголовно-правовой нормы⁴¹. Между тем формально такой прием законодательной техники не отвечает требованиям точности терминологии, и термин «насилие», как более широкий по объему, там, где это необходимо, следовало бы заменить на «физическое насилие».

Применительно к ст. 286 УК РФ к насилию следует, в частности, относить: единичные удары, причинившие физическую боль, побои, истязания, иные насильственные действия, связанные с причинением физической боли. Последствием насилия, с учетом наличия квалифицирующих «насильственных» признаков (в частности, тяжких последствий) в п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ является физическая боль, легкий

ман Л. Насилие при грабеже, разбое и вымогательстве // Советская юстиция. 1969. № 2. С. 22; *Иванова В.В.* Указ. соч. С. 36; *Кротов Г.* Психическое насилие при разбое и грабеже // Советская юстиция. 1970. № 11. С. 9; *Наумов А.В.* Уголовно-правовое значение насилия // Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997. С. 50—51; Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М., 1996. С. 291; *Рубинштейн С.Л.* Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997. С. 6; *Сердюк Л.В.* Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 4—15; *Сержантов В.Ф.* Человек, его природа и смысл бытия. Л., 1990. С. 121; *Симонов В.И., Шумихин В.Г.* Указ. соч. С. 23; *Тер-Акопов А.А.* О правовых аспектах психической активности и психологической безопасности человека // Государство и право. 1993. № 4. С. 93; *Его же.* Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М., 1998. С. 124—130; Уголовная ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества: Комментарий к новым кодексам // Советская юстиция. 1961. № 5. С. 24; *Эренбург А., Стерехов Н.* Ответственность за угрозу и насилие в отношении должностных лиц и граждан, выполняющих общественный долг // Советская юстиция. 1971. № 19. С. 16.

⁴⁰ *Антонян Ю.М.* Указ. соч. С. 61; *Гаухман Л.Д.* Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР. Саратов, 1981. С. 42—43; *Доронин Г.Н.* Личность несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1980. С. 5; *Иншаков С.М.* Криминология. М., 2000. С. 145; Криминология. М., 1971. С. 107; Криминология: учеб. / под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1988. С. 277—278; *Лунеев В.В.* Криминологическая характеристика преступного насилия в России и мире // Насильственная преступность. С. 6; *Его же.* Преступника XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1999. С. 194—195; Личность преступника. М., 1971. С. 107; *Лубшев Ю.* Выявление судом обстоятельств, способствующих совершению насильственных преступлений // Советская юстиция. 1972. № 14. С. 8; Методика анализа преступности. М., 1986. С. 51; *Михайлов А.Е.* Роль личностных факторов в механизме насильственных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1989; *Наумов А.В.* Указ. соч. С. 58—60; *Старков О.В.* Бытовые насильственные преступления (причинность, групповая профилактика, наказание). С. 35; *Шарапов Р.Д.* Указ. соч. С. 25, 37—273.

⁴¹ *Гаухман Л.Д.* Насилие как средство совершения преступления. С. 75.

вред здоровью или средней тяжести вред здоровью⁴². Дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против жизни и здоровья в таких случаях не требуется⁴³.

Вопрос об отнесении ограничения свободы к насилию в юридической литературе является спорным⁴⁴. Большинство криминалистов в понятие насилия (имея в виду его физический характер) включают не всякое ограничение свободы, а лишь такое, которое связано с непосредственным воздействием на организм потерпевшего⁴⁵. Однако судебная практика насилием считает, по сути, любое ограничение свободы. Например, в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29 под насилием, не опасным для жизни или здоровья, предлагается понимать, в частности, действия, связанные с ограничением свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.). Как видно, в правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации отсутствует условие о непосредственном воздействии на организм потерпевшего (которого может и не быть, например, в случае оставления в закрытом помещении).

Изучение судебной практики показывает, что отдельные суды испытывают трудности в квалификации тех или иных действий военнослужащих (насильственных по своей природе, но не являющихся физическим насилием) по ч. 1 или ч. 3 ст. 286 УК РФ. На наш взгляд, объем насилия (в широком смысле этого слова) в ч. 1 этой статьи может выразиться, в частности, в отталкивании, хватании за одежду, нанесении единичных легких толчков (ударов), не повлекших последствий, пощечины, принуждении к занятию различными физическими упражнениями, которое доставляет боль и причиняет физические и нравственные страдания, глумления, издевательстве⁴⁶. Однократное нанесение единичных ударов, толчков, видимо, не может рассматриваться как безусловное основание для квалификации действий виновного по ч. 1 ст. 286 УК РФ. Но поскольку такие формы насилия нередко сопровождаются иными преступными деяниями (принуждением к выполнению действий, унижающих честь и достоинство, оказанию личных услуг, изъятием у военнослужащих предметов обмундирования, продуктов питания и т. п.) то, как существенное нарушение законных прав потерпевшего может рассматриваться совокупность таких действий. Если отсутствуют названные «сопутствующие действия», то единичный удар, пощечина, толчок, не причинившие каких-либо последствий, при условии направленности на унижение чести и достоинства подчиненного, не выходят за пределы понятия оскорбления (ст.ст. 130, 336 УК РФ).

С учетом изложенного представляется, что ограничение свободы военнослужащих, если оно не сопровождалось воздействием на организм потерпевшего, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 286 УК РФ⁴⁷.

⁴² Подробнее о содержании понятий «боль», «легкий вред здоровью», «средней тяжести вреда здоровью» см.: *Зателепин О.К.* Квалификация преступлений против военной безопасности. С. 159—160.

⁴³ Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью охватывается понятием «причинение тяжких последствий» (подробно об этом будет сказано ниже).

⁴⁴ По этому вопросу см., напр.: *Горелик И.И.* Приложение к кандидатской диссертации «Уголовно-правовая охрана личной собственности граждан». Л., 1947. С. 10; *Степичев С.С.* Ответственность за хищение личного имущества граждан // Социалистическая законность. 1961. № 5. С. 49 и др.

⁴⁵ *Никифоров Б.С.* Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М., 1954. С. 90; *Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д.* Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М., 1955. С. 722; *Кригер Г.А.* Ответственность за хищение государственного и общественного имущества по советскому уголовному праву. М., 1957. С. 170; *Михайлов М.П.* Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой (по советскому праву). М., 1958. С. 129 и др.

⁴⁶ К подобного рода действиям военные суды, на наш взгляд, правильно относят применение начальниками «наказания» к подчиненным в виде выполнения команд «подъем» и «отбой», различных физических упражнений, надевание защитного комплекта и нахождение в нем в течение продолжительного времени, бег с вещевыми мешками, набитыми кирпичом, принуждение «вычистить унитаз зубной щеткой» и т. п.

⁴⁷ Так, по ч. 1 ст. 286 УК РФ гарнизонным военным судом осужден майор Ш., который поместил в комнату для хранения оружия рядовых С., Ч., В. вопреки их воле и держал потерпевших

В п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ «угроза применения насилия» является альтернативным признаком и включает в себя сообщение сведений о совершении немедленно либо в будущем нежелательных (вредных) для подчиненного (иных лиц) любых действий физического характера, возбуждение в нем чувства страха. Угроза может заключаться, например, в запугивании применением физической силы к потерпевшему, причинением различного вреда здоровью, смерти, ограничением свободы и т. д. Угроза физическим насилием может быть высказана в отношении не только потерпевшего, но и его близких. При этом любая угроза должна быть обязательно реальной⁴⁸.

2. Применение оружия или специальных средств (п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Анализ понятия применения оружия или специальных средств важен и с теоретической, и с практической точки зрения. В связи с этим требуется уяснить, во-первых, что следует понимать под оружием или специальными средствами применительно к данному составу преступления, во-вторых, что значит «применение» оружия или специальных средств и, в-третьих, каково соотношение понятий «применение насилия» (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ) и «применение оружия или специальных средств» (п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Под оружием, в соответствии с Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. «Об оружии», следует понимать устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. Оружие может быть огнестрельным, холодным, метательным, пневматическим, газовым, сигнальным. Определению каждому из этих видов оружия также даны в указанном Законе.

Не менее важным является установление круга специальных средств, о которых идет речь в п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ. К ним относятся резиновые палки, наручники, слезоточивый газ, водометы, бронемшины, средства разрушения преград, служебные собаки и другие средства, состоящие на вооружении органов полиции, внутренних войск, федеральных органов государственной охраны, органов федеральной службы безопасности и др.

Для квалификации превышения должностных полномочий по п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ необходимо установить, что примененное оружие или специальное средство было штатным, т. е. находилось на вооружении соответствующего подразделения. В случае если должностное лицо применяет нештатное оружие (например, личное охотничье ружье) или специальное средство (командир мотострелкового взвода использует наручники, приобретенные в специальном магазине⁴⁹), в содеянном отсутствует указанный квалифицирующий признак. Такие действия должны быть оценены по п. «а» или п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ в зависимости от последствий. Этот подход обусловлен тем, что в данной норме, как представляется, предусмотрена ответственность не за нарушение вообще порядка оборота оружия и специальных средств, а за нарушение порядка использования указанных предметов воинскими должностными лицами при исполнении обязанностей военной службы⁵⁰.

там несколько суток (они не могли в таких условиях нормально питаться, спали в пустых шкафах для хранения оружия). По уголовному делу в отношении старшего лейтенанта К. как преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 286 УК РФ, судом были расценены его действия, выразившиеся в том, что он приказал матросам Б., Г., Э. и Р. раздеться до трусов и тапочек, после чего облил их пивом и поместил на пятнадцать часов в корабельный ларек за то, что указанные матросы намеревались выпить пива (Архив Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 2009. Наряд № 5).

⁴⁸ Более подробно о понятии «угроза» см., напр.: Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посяательствами. С. 33—37; Еракин В.В. Ответственность за грабеж. М., 1972. С. 41—54; Костров Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы. С. 9; Сердюк П.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем. С. 9; Стерехов Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 4; Гришко А.Я., Гришко Е.А., Угоров И.В. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / под ред. Н.И. Ветрова. М., 2001. С. 155; Симонов В.И., Шумихин В.Г. Указ. соч. С. 23.

⁴⁹ При этом, следует иметь в виду, что наручники не находятся на вооружении мотострелковых подразделений.

⁵⁰ В юридической литературе по этому вопросу есть и другая точка зрения, согласно которой оружие может быть незаконно применено как тем должностным лицом, которому оно доверено

Применение оружия в самом общем виде означает фактическое его использование для физического воздействия на потерпевшего. В свою очередь, физическое воздействие на потерпевшего с помощью оружия может оказываться, во-первых, в соответствии с его целевым назначением (например, применяться для поражения живой цели), и, во-вторых, путем использования оружия как средства физического насилия для нанесения ударов, побоев, причинения вреда здоровью, которое на практике часто приводит к тем же последствиям, что и при применении оружия в связи с его целевым назначением. Способы использования оружия для физического воздействия на потерпевшего при превышении полномочий могут быть весьма разнообразными: прицельные выстрелы, удары прикладом автомата, рукояткой пистолета и т. п.

Для практики актуальным является вопрос о возможности квалификации, в частности, ударов прикладом автомата, рукояткой пистолета или штык-ножа как применения оружия. На наш взгляд, под применением оружия следует понимать лишь фактическое использование его поражающих свойств для физического воздействия на потерпевшего путем причинения вреда здоровью или смерти. Не могут рассматриваться как применение оружия случаи использования не его поражающих свойств, обусловленных конструкцией и назначением, а лишь в качестве предмета для нанесения ударов (например, нанесение ударов потерпевшему рукояткой штык-ножа, прикладом автомата)⁵¹. В юридической литературе также предлагается такое «узкое» толкование применения оружия⁵². Изучение материалов судебной практики свидетельствует о том, что подавляющее большинство судей ограничительно истолковывают понятие «применение оружия»⁵³.

Применение специальных средств заключается в использовании их строго по назначению. Так, если наручниками будут нанесены удары потерпевшему, то содеянное нельзя квалифицировать по п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Словесная угроза применением оружия или специального средства не подпадает под понятие применения оружия или специального средства, но всегда является психическим насилием и требует квалификации по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

При отграничении превышения должностных полномочий, совершенного с применением оружия или специальных средств, от правомерных действий должностных лиц следует учитывать, что основания, условия и пределы применения оружия или специальных средств определены в соответствующих нормативных правовых актах Российской Федерации⁵⁴.

по службе, так и должностным лицом, воспользовавшимся чужим оружием (Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / под общ. ред. Председателя Верховного Суда РФ, докт. юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.М. Лебедева. М., 2009. С. 868).

⁵¹ В Обзоре судебной практики военных трибуналов по применению статей 7, 8 и 24 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления в редакции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1983 г. содержалось аналогичное разъяснение.

⁵² *Самойлов А.С., Бут Ю.А.* Уголовная ответственность военнослужащих за нарушение правил применения оружия. М., 1998. С. 31—52.

⁵³ Так, старший сержант З., являясь начальником для рядового Т., нанес ему пять ударов ногой по голени и не менее трех ударов прикладом автомата в область груди. Гарнизонным военным судом З. правильно осужден только по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ (Архив Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 2009. Наряд № 5.).

⁵⁴ См., напр.: ст. 14 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. «Об органах федеральной службы безопасности Российской Федерации», ст.ст. 25—29 Федерального закона от 6 февраля 1997 г. «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», ст.ст. 24—27 Федерального закона от 27 мая 1996 г. «О государственной охране», ст. 11 Закона Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. «О федеральных органах правительственной связи», ст. 43 Федерального закона от 30 ноября 1995 г. «О континентальном шельфе Российской Федерации».

В Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом 17 декабря 1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН, подчеркивается, что применение силы должно осуществляться в исключительных случаях и в той мере, в какой это требуется для выполнения обязанностей при данных обстоятельствах в целях предупреждения преступлений, или при проведении правомерного задержания правонарушителей или подозреваемых правонарушителей, или при оказании помощи при таком задержании. Эти идеи были развиты в Основных принципах применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятых VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990 г.).

Применение оружия или специальных средств при превышении должностных полномочий независимо от того, причинен вред здоровью потерпевшего или нет, всегда влечет ответственность по п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ. В юридической литературе и судебной практике возник вопрос о соотношении понятий «применение насилия или угроза его применения» и «применение оружия или специальных средств», а также о возможности квалификации содеянного одновременно по пп. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Одни авторы полагают, что законодатель рассматривает указанные понятия как «однопорядковые» и с учетом правила квалификации при конкуренции квалифицирующих признаков применение оружия в качестве средства физического или психического насилия при превышении должностных полномочий целиком охватывается п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по п. «а» этой статьи⁵⁵.

В юридической литературе по данному вопросу имеется и другое мнение. Б.В. Волженкин предлагает во всех случаях применение оружия или специальных средств при превышении должностных полномочий квалифицировать не только по п. «б», но и по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ⁵⁶. На наш взгляд, такой подход будет являться верным только в случаях, если налицо наступление физического вреда (например, причинение легкого вреда здоровью потерпевшего). Вполне возможным видится ситуация квалификации содеянного только по п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ, если применение оружия или специальных средств не сопровождалось применением насилия (к примеру, командир взвода в целях создания боевой обстановки на учебных занятиях применяет огнестрельное оружие, производя стрельбу в сторону подчиненных).

3. Причинение тяжких последствий (п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Тяжкие последствия превышения должностных полномочий, сопряженного с насилием в отношении подчиненного, могут выражаться в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью или умышленном причинении смерти потерпевшему. В этом случае, с одной стороны, требуется вменение двух пунктов (пп. «а» и «в») ч. 3 ст. 286 УК РФ⁵⁷, а с другой — следует решить вопрос о необходимости квалификации данного преступления по совокупности с преступлениями против личности.

В п. 13 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» разъяснялось, что превышение власти или служебных полномочий, сопряженное с умышленным убийством или с причинением потерпевшему умышленных тяжких телесных повреждений, должно квалифицироваться по совокупности преступлений. К сожалению, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» эти вопросы не нашли своего отражения.

В современной юридической литературе утверждается, что и по УК РФ 1996 г. убийство, равно как и покушение на убийство, совершенное при превышении должностных полномочий, следует квалифицировать по совокупности ст. 105 (ч. 3 ст. 30 и ст. 105) и пп. «а» и «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Убийство, совершаемое при превышении полномочий, — это обычно убийство без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Однако если виновный, превышая должностные полномочия, применил, например, оружие, не исключено совершение убийства при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных в ч. 2 ст. 105 УК РФ.

⁵⁵ Галахова А.В. Указ. соч. С. 91; Самойлов А.С., Бут Ю.А. Указ. соч. С. 37—39.

⁵⁶ Волженкин Б.В. Служебные преступления. С. 162.

⁵⁷ Вместе с тем, встречаются и другие решения. Так, гарнизонным военным судом 3. признан виновным в том, что, будучи дежурным, за ненадлежащее исполнение дневальных по роте Г. своих обязанностей нанес ему удар коленом в пах, причинив травму мошонки, относящуюся к тяжкому вреду здоровью по признаку утраты органом его функции. Эти его действия были квалифицированы по пп. «а» и «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Кассационный суд указал, что поскольку причинение тяжкого вреда здоровью Г. наступило в результате применения насилия и это отражено при квалификации содеянного З. по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, оснований для обвинения подсудимого еще и по п. «в» ч. 3 той же статьи нет. С учетом изложенного суд кассационной инстанции исключил из обвинения З. п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Несколько сложнее решается вопрос о квалификации при причинении тяжкого вреда здоровью должностным лицом, превышающим свои полномочия. В уголовно-правовой литературе можно выделить по этому вопросу четыре точки зрения.

Большинство криминалистов, имея в виду санкции соответствующих статей, считают, что причинение вреда здоровью, предусмотренное чч. 1 и 2 ст. 111 УК РФ, полностью охватывается ч. 3 ст. 286 УК РФ и квалификации по совокупности соответствующих преступлений не требуется. Если же должностное лицо, превышая свои полномочия, причиняет тяжкий вред здоровью при обстоятельствах, предусмотренных чч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ, необходима квалификация по совокупности⁵⁸.

А.В. Наумов полагает, что причинение тяжкого вреда здоровью при превышении должностных полномочий должно найти отражение в квалификации по совокупности с ч. 3 ст. 286 УК РФ не только в случае, если тяжкий вред здоровью причинен при обстоятельствах, указанных в чч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ (санкции которых выше, чем в ч. 3 ст. 286 УК РФ), но и при обстоятельствах, указанных в ч. 2 ст. 111 УК РФ (санкция которой одинакова с санкцией ч. 3 ст. 286 УК РФ)⁵⁹. Эта точка зрения разделяется в основном и военными судами⁶⁰.

Согласно другой точке зрения ч. 3 ст. 286 УК РФ охватывает все случаи причинения тяжкого вреда здоровью и дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ не требуется (Ю.И. Ляпунов)⁶¹.

Напротив, С.Г. Келина без каких-либо оговорок утверждает, что если насилие, примененное к потерпевшему должностным лицом, превышающим свои полномочия, выразилось в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, такие действия следует квалифицировать по совокупности со ст. 111 УК РФ⁶².

Интересную точку зрения на рассматриваемую проблему высказала Н.Ф. Кузнецова: преступления, выполняющие функции способов совершения преступления, являются компонентами единых сложных преступлений и квалифицируются без совокупности с основным преступлением; преступление-способ является таковым, если по тяжести на категорию ниже основного преступления; если равно, а тем более относится к более высокой категории, квалификация производится по совокупности преступлений⁶³.

На наш взгляд, правильной следует признать точку зрения тех авторов, которые допускают квалификацию по совокупности в случаях причинения умышленного тяжкого вреда здоровью при отягчающих обстоятельствах, названных в чч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ⁶⁴. Такой подход основывается на общепризнанном правиле квалификации при идеальной совокупности, согласно которому, если одно преступление является

⁵⁸ Каплунов А.И., Милкоков С.Ф. Применение и использование огнестрельного оружия по законодательству Российской Федерации. СПб., 1998. С. 110; Уголовный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 1998. С.620.

⁵⁹ Насильственная преступность. С. 62—64.

⁶⁰ Обзор 2001 г. С. 33.

⁶¹ Уголовное право. Часть Особенная / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 619—620.

⁶² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Наумова. М., 1996. С. 693.

⁶³ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. С. 295.

⁶⁴ Аналогичный подход был предложен в свое время и Пленумом Верховного Суда СССР в п. 7 постановления от 22 сентября 1989 г. № 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка». В нем, в частности, разъяснялось, что если при сопротивлении работнику милиции, народному дружиннику или военнослужащему или в случае применения в отношении этих лиц насилия в целях принуждения их к выполнению незаконных действий будут нанесены тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, за которые законом предусмотрено более строгое наказание (курсив мой. — О. З.), чем то, которое предусмотрено ч. 2 ст. 1911 УК РСФСР, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений (Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. С. 360).

основным или квалифицирующим признаком другого преступления, то оно требует самостоятельной квалификации по соответствующей статье УК РФ только в том случае, если оно само по себе является более общественно опасным деянием⁶⁵.

В проекте закона о внесении изменений в УК РФ (см. приложение) при конструировании санкций соответствующих норм учтены изложенные проблемы.

Убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное должностным лицом при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, должны квалифицироваться только по ст. 108 или ст. 114 УК РФ (Х.М. Ахметшин)⁶⁶. Такое утверждение вытекает, в частности, из положений ст. 37 УК РФ, где сказано, что право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, и нашло отражение в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»⁶⁷.

Насильственные действия при превышении должностных полномочий могут совершаться виновным как однократно, так и неоднократно (в том числе систематически). Особенность конструкции объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 286 УК РФ, позволяет утверждать, что в одних случаях наличие нескольких эпизодов насильственных действий может образовывать единое продолжаемое преступление, в других — совокупность преступлений.

С учетом имеющихся в юридической литературе точек зрения можно выделить следующие основные (общие) признаки продолжаемого преступления:

— лицо совершает несколько последовательно возобновляемых во времени (разрозненных по времени) преступных деяний: действий и актов бездействия;

— совершенные в продолжаемом преступлении деяния являются юридически тождественными или однородными;

— деяния, составляющие в совокупности продолжаемое преступление, могут рассматриваться в качестве самостоятельных законченных преступлений, административно (дисциплинарно) наказуемых правонарушений либо вообще не влечь юридической ответственности⁶⁸;

— между отдельными действиями продолжаемого преступления должно быть внутреннее единство, каждое действие является звеном единого целого, что свидетельствует об определенной линии устойчивого поведения, направленного на реализацию единого плана (Ю.А. Красиков)⁶⁹;

— все эпизоды (тождественные или однородные деяния) преступной деятельности объединены единым умыслом⁷⁰.

⁶⁵ При сравнении санкций в таких случаях, на наш взгляд, следует сравнивать наказание в виде лишения свободы. Некоторые авторы при этом учитывают виды и размеры дополнительного наказания (*Волженкин Б.В.* Служебные преступления. С. 161).

⁶⁶ Военно-уголовное право: учеб. С. 128—129.

⁶⁷ Иной точки зрения придерживаются А.С. Самойлов и Ю.В. Бут. Они полагают, что превышение пределов необходимой обороны воинским должностным лицом при исполнении обязанностей является разновидностью превышения должностных полномочий и не должно рассматриваться как преступление против личности. Если же указанное лицо превышает пределы необходимой обороны не при исполнении служебных обязанностей, то вопрос должен решаться в общем порядке (*Самойлов А.С., Бут Ю.А.* Указ. соч. С. 40—42).

⁶⁸ Ю.А. Красиков считает, что эти действия сами по себе не являются самостоятельными преступлениями, а лишь в своей совокупности образуют единое преступление (*Игнатов А.Н., Красиков Ю.А.* Курс российского уголовного права. М., 2001. С. 80).

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Умысел может быть конкретизированным (хищение определенного количества продукции, изъятие определенной суммы денег), но чаще он носит неконкретизированный характер (совершать хищения до тех пор, пока имеется возможность). Наличие того или иного вида умысла в содеянном влияет на его квалификацию. В первом примере продолжаемого преступления с конкретизированным умыслом уже первые мелкие хищения, например деталей телевизора, должны квалифицироваться как покушение на хищение в стоимости телевизора. Во втором случае, при неконкретизированном умысле, лицо будет отвечать за фактически совершенное; пример — кража книг из библиотеки (*Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений. С. 313—315).

Превышение должностных полномочий, совершенное с применением насилия, представляет собой единое продолжаемое преступление при наличии следующих условий:

а) непродолжительный промежуток времени между насильственными эпизодами. Если насилие имеет форму истязания, то «временной» фактор уже не имеет значения, поскольку систематичность при истязании — это не просто многократность периодически совершаемых насильственных действий, это еще их взаимосвязь, внутреннее единство, образующие определенную линию поведения виновного в отношении одной и той жертвы;

б) насильственные действия могут отличаться по фактическим признакам (побои, издевательства, глумление, принуждение и т. п.), однако при этом будут являться юридически однородными (применение насилия);

в) совершение насильственных действий в отношении, как правило, одного и того же потерпевшего. Насильственные действия в отношении разных потерпевших также могут представлять собой единое продолжаемое преступление, но при этом требуется установить, наряду с небольшим временным разрывом, также единство места и повода⁷¹;

г) одно и то же место применения насилия. Данный признак имеет значение для правильного решения вопроса о признании единым продолжаемым преступлением в случае, когда насилие применяется в отношении разных потерпевших. Если речь идет о применении насилия в отношении одного и того же военнослужащего, место не будет иметь принципиального значения⁷²;

д) все насильственные деяния должны быть объединены единым умыслом. На практике это может проявляться в наличии одного (единого) повода для применения насилия в отношении одного и того же потерпевшего (например, неоднократные избиения начальника военнослужащего за опоздание из увольнения в течение дня).

В практике военных судов квалификация нескольких актов преступного насилия не всегда получает единообразную и правильную оценку с учетом рассмотренных признаков единого продолжаемого преступления⁷³.

⁷¹ В качестве правильного примера можно привести решение гарнизонного военного суда, которым осужден за одно преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ майор К.; последний, намереваясь наказать подчиненных К., Я. и С. за нарушения ими воинской дисциплины, в одном месте и практически без перерыва во времени нанес каждому из них удары кулаками, ногами и палкой (побои).

⁷² К примеру, если командир взвода в течение трех часов (с перерывом в 30 минут) будет избивать подчиненного в спортивном городке части, в спальном помещении и в столовой за отсутствие в ночное время в расположении роты, содеянное следует признать продолжаемым преступлением, несмотря на разные места совершения преступления.

⁷³ Так, органами предварительного следствия М. обвинялся в том, что 14 февраля 2004 г., около 23 часов 20 минут, совершая обход территории Балтийского военно-морского института, в боксе автопарка, обнаружив в багажнике автомобиля «Киа» матроса Б., вытащил его оттуда и, проявляя недовольство нахождением его в автопарке в гражданской одежде, нанес несколько ударов рукой по лицу, разбив губу до крови, после чего заставил его раздеться до трусов и идти в подразделение за формой. Через десять минут в том же боксе М., высказав недовольство тем, что матрос Т. нарушил форму одежды, схватил его за куртку, нанес несколько ударов сади в область шеи и затылка, а затем развернул и ударил фонариком в область глаза. Указанные действия М. в отношении Б. и Т. органами предварительного следствия были расценены как самостоятельные преступления и квалифицированы каждое по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Аналогичным образом были квалифицированы преступные действия М. и гарнизонным военным судом. Судебная коллегия по уголовным делам флотского военного суда переквалифицировала все содеянное М. на п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, указав, что все преступные действия осужденного были совершены по одному поводу, в одном месте и в течение короткого промежутка времени, т. е. являлись единым продолжаемым преступлением.

Решение флотского военного суда представляется спорным. В данном конкретном случае отсутствуют достаточные основания для признания наличия в действиях М. единого продолжаемого насильственного преступления. Акты насилия в отношении Б. и Т. никак не связаны между собой, их нельзя признать этапами (звеньями) единой цепи. Насилие по каждому из эпизодов совершалось по разным мотивам, умысел также возникал каждый раз заново, следовательно, эпизоды не охватывались единством умысла. Совершение преступлений в одном месте (боксе) и через незначительный промежуток времени, с учетом того, что насилие применялось в отношении разных лиц, как представляется, решающего значения не имеет.

В отдельных случаях систематическое применение насилия (в том числе различных его видов) в отношении одного и того же потерпевшего может привести к наступлению одного последствия; например, к самоубийству или покушению на самоубийство. Такие насильственные акты следует оценивать как единое преступление.

§ 2. Уголовно-правовая оценка нарушений порядка комплектования военной организации государства

Установление уголовной ответственности и ее применение за уклонение от призыва на военную службу (ч. 1 ст. 328 УК РФ) и от прохождения альтернативной гражданской службы (ч. 2 ст. 328 УК РФ) не затрагивают конституционного права на труд гражданина, совершившего указанные преступления, и не противоречат нормам международного права⁷⁴.

В ст. 328 УК РФ по-новому (по сравнению с УК РСФСР 1960 г.) сконструирован состав уклонения от призыва на военную службу (ч. 1), появился неизвестный прежде уголовному закону состав уклонения от прохождения альтернативной гражданской службы (ч. 2). Указанные нормы имеют бланкетные диспозиции, в основе которых лежит законодательство о военной службе, которое подверглось существенному изменению по сравнению с советским периодом с учетом реформирования военной организации, а также неоднократно менялось уже и в течение последних лет.

Обобщение судебной практики, проведенное автором настоящей работы при подготовке постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы», показало, что у судов при разрешении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 328 УК РФ, возникают определенные трудности в уголовно-правовой оценке указанных видов уклонений. Многие проблемы получили освещение в научных публикациях⁷⁵. Основные квалификационные вопросы реше-

⁷⁴ В соответствии с ч. 2 ст. 37 Конституции Российской Федерации принудительный труд запрещен. Согласно ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., а также ст. 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. все виды военной службы и службы, назначенной вместо обязательной военной службы, не являются принудительным трудом.

⁷⁵ Антонов Ю.И. Уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы (ст. 328 УК РФ) // Уголовный закон в практике районного суда: науч.-практ. пособие / под ред. А.В. Галаховой. М., 2007. С. 994—1001; Ахметшин Х.М. Уклонение от призыва: правовые последствия // Армия. 1994. № 7. С. 26—27; Глушенко И.В., Овчаров О.А. Несколько слов о несовершенстве конституционных норм и уголовного законодательства России и их вредных последствиях для обороны страны (в части уклонения от прохождения военной и альтернативной гражданской службы) // Военно-юрид. вестн. Приволжского региона: сб. науч. тр. Вып. 4 / Самар. гуманитар. акад. Самара, 2006. С. 99—102; Горев О.Г. Уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы и его уголовно-правовая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Зателин О.К. Ответственность за уклонение от альтернативной гражданской службы // Законность. 2004. № 3. С. 18—24; Зателин О.К., Ходусов А.А. Уголовная ответственность за уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2003. № 8. (Вкладка «Военно-уголовное право»). № 7—8. С. 4—6); Истомин А.Ф. Ответственность за уклонение от призыва на действительную военную службу // Журн. рос. права. 1999. № 10. С. 84—88; Истомин А.Ф., Лопаткин Д.А., Мацкевич Ю.И. Уклонение от призыва на военную службу и его последствия // Современное право. 2006. № 3. С. 30—35; Карпенко М.В. Ответственность за уклонение от призыва на военную службу требует усовершенствования // Закон и армия. Военно-правовая газ. 2001. № 6. С. 13—15; Его же. Уголовная ответственность за уклонение от призыва на военную службу: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002; Кочетков Н.В. Уголовно-правовая характеристика объективной стороны уклонения от военной и альтернативной гражданской службы // Право и современность: проблемы и пути решения: материалы конф. молодых ученых, аспирантов и студентов / Дальневост. ун-т. Владивосток, 2006. С. 115—118; Малков В.П., Хаиров Ю. Ответственность за уклонение от очередного призыва на действительную военную службу // Советская юстиция. 1993. № 18. С. 10—11; Рамазанов Г.Р. Уклонение от прохождения военной

ны в указанном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Однако требуется более детально пояснить некоторые сформулированные в нем рекомендации, а также осветить ряд вопросов, не затронутых в этом документе, но имеющих практическое значение.

1. Уклонение от призыва на военную службу.

1.1. В правоприменительной практике долгое время (еще с советских времен) актуальным и спорным являлся вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности лиц, уклонившихся в ходе призыва от явки на медицинское освидетельствование и заседание призывной комиссии⁷⁶. Так, очень часто органами следствия принимались решения об отказе в возбуждении уголовных дел и прекращении возбужденных уголовных дел по реабилитирующим основаниям в отношении призывников, не явившихся на медицинское освидетельствование и заседание призывной комиссии. В большинстве случаев они исходили из того, что уголовная ответственность по ч. 1 ст. 328 УК РФ наступает лишь в том случае, когда лицо уклоняется без уважительных причин от явки в военный комиссариат для отправки к месту прохождения военной службы. В этом случае в отношении такого лица имеется соответствующее решение призывной комиссии о его годности к военной службе и отсутствуют законные основания для освобождения от военной службы. С таким решением вопроса согласиться нельзя.

Уклонение от призыва на военную службу может быть совершено путем неявки без уважительных причин по повесткам военного комиссариата на медицинское освидетельствование, заседание призывной комиссии или в военный комиссариат (военный комиссариат субъекта Российской Федерации) для отправки к месту прохождения военной службы. При этом, уголовная ответственность должна наступить только в случае, если призывник таким образом намерен избежать возложения на него обязанности нести военную службу по призыву. Об этом могут свидетельствовать, в частности, неоднократные неявки без уважительных причин по повесткам военного комиссариата на мероприятия, связанные с призывом на военную службу, в период очередного призыва либо в течение нескольких призывов подряд, неявка в военный комиссариат по истечении действия уважительной причины.

В обоснование приведенной выше позиции можно привести следующие аргументы.

В ч. 1 ст. 328 УК РФ установлена ответственность за уклонение от призыва на военную службу. Призыв на военную службу может быть рассмотрен в двух аспектах.

Первый аспект — призыв на военную службу как форма реализации воинской обязанности граждан (ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»). В этом значении он представляет собой совокупность обязанностей граждан, подлежащих призыву на военную службу.

Второй аспект заключается в том, что призыв на военную службу рассматривается как комплекс предусмотренных законом мероприятий. В этом значении призыв на военную службу определяется в п. 1 ст. 26 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и включает: явку на медицинское освидетельствование

и альтернативной гражданской службы (По материалам Республики Дагестан): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005; *Расторопов С.* Ответственность за причинение вреда здоровью при уклонении от военной службы // *Законность*. 2003. № 8. С. 52—53; *Тищенко А.Г.* Ответственность за уклонение от призыва на военную службу // *Право в Вооруженных Силах* — Военно-правовое обозрение. 1999. № 12. С. 38—39; *Туркинов Ю.А.* Правовая природа уклонений от военной службы // *Проблемы борьбы с преступностью и пути развития уголовного законодательства: межвуз. сб. науч. тр. / Свердл. юрид. ин-т. Свердловск, 1984. С. 116—121; Ушков А.С.* Ответственность за уклонение от прохождения военной или альтернативной службы // *Закон и армия. Военно-правовая газ.* 2002. № 1. С. 12—13; *Хаиров Ю.И.* Ответственность за уклонение от очередного призыва на военную службу по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1994; *Ходусов А.А.* Уголовная ответственность за уклонения от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; *Янковский М.* Проблемы квалификации уклонения от призыва на военную службу // *Законность*. 2001. № 3. С. 33—35.

⁷⁶ Подавляющее большинство призывников уклоняются от явки на медицинское освидетельствование и заседание призывной комиссии. В 2007 и 2008 гг. таких лиц было примерно 90 % от числа всех уклонившихся от призыва на военную службу.

и заседание призывной комиссии; явку в военный комиссариат для отправки к месту прохождения военной службы и нахождение в военном комиссариате до начала военной службы.

Как видно, по смыслу закона призыв на военную службу — это не одномоментный акт, в частности принятие призывной комиссией решения о призыве. Он представляет собой процесс, т. е. комплекс последовательно проводимых мероприятий, направленных на комплектование военной организации государства. Следует также обратить внимание на то, что перечень мероприятий, связанных с призывом на военную службу, впервые включен в Закон о воинской обязанности и военной службе только в редакции 1998 г.⁷⁷

По смыслу закона уклонение от призыва на военную службу выражается в умышленном невыполнении призывником всех или отдельных обязанностей по призыву на военную службу с целью избежать ее прохождения. Исходя из этого, уклонение от призыва на военную службу возможно, на наш взгляд, как до, так и после принятия призывной комиссией в отношении гражданина решения о призыве на военную службу.

С учетом вышесказанного представляется верной правовая позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу, изложенная в п. 4 постановления от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы».

Необходимым условием уголовной ответственности за неявку в срок на мероприятия, связанные с призывом на военную службу является отсутствие уважительных причин. К ним, при условии их документального подтверждения, следует отнести: заболевание или увечье гражданина, связанные с утратой трудоспособности; тяжелое состояние здоровья отца, матери, жены, мужа, сына, дочери, родного брата, родной сестры, бабушки, дедушки, бабушки или усыновителя гражданина либо участие в похоронах указанных лиц; препятствие, возникшее в результате действия непреодолимой силы, или иное обстоятельство, не зависящее от воли гражданина; иные причины, признанные уважительными призывной комиссией или судом. В случае установления по делу уважительности причины неявки в срок на мероприятия, связанные с призывом на военную службу, суд должен постановить оправдательный приговор ввиду отсутствия в деянии состава преступления.

1.2. По смыслу закона ответственность за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 328 УК РФ, наступает независимо от способа совершения. Поэтому как уклонение от призыва на военную службу следует квалифицировать не только неявку, о которой шла речь выше, но и самовольное оставление призывником сборного пункта до присвоения ему воинского звания рядового, а также получение им обманным путем освобождения от военной службы в результате симуляции болезни, причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), подлога документов или иного обмана.

Суды в целом придерживаются изложенного подхода. Так, по приговору Шуйского городского суда от 24 февраля 2005 г. А. осужден за уклонение от призыва на военную службу и подлог документов. Как установлено судом, А. представил в военный комиссариат подложный документ о том, что он работает в сельской школе учителем трудового обучения, на основании чего в течение 2003 г. не призывался на военную службу.

Суд правильно действия призывника, подделавшего официальный документ и использовавшего его в целях уклонения от призыва на военную службу, квалифицировал по совокупности преступлений, предусмотренных соответственно ч. 1 ст. 328 УК РФ и ч. 1 ст. 327 УК РФ.

В тех случаях, когда призывник лишь использует заведомо подложный официальный документ, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 328 УК РФ и ч. 3 ст. 327 УК РФ. Лицо, подделавшее по просьбе призывника официальный документ в целях его уклонения от призыва на военную службу, подлежит ответственности по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 328 и ч. 1 ст. 327 УК РФ.

⁷⁷ В Законе Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» 1993 г., а также в Законе СССР «О всеобщей воинской обязанности» 1967 г. понятие призыва на военную службу не раскрывалось.

При уклонении от призыва на военную службу путем членовредительства актуальным является вопрос о квалификации действий тех лиц, которые по просьбе призывника причиняют ему вред здоровью с целью избежать призыва на военную службу. В таких ситуациях исполнителем предусмотренного ч. 1 ст. 328 УК РФ преступления, совершенного путем причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), может быть лишь призывник независимо от того, был ли причинен вред здоровью самим уклоняющимся или по его просьбе другим лицом. В последнем случае преступные действия такого лица подлежат квалификации по совокупности преступлений как пособничество в совершении уклонения от призыва на военную службу (ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 328 УК РФ) и соответствующее преступление против личности, например, предусмотренное ст. 111 или ст. 112 УК РФ.

1.3. В судебной практике возник вопрос, можно ли привлечь к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 328 УК РФ лицо, уклоняющееся без уважительных причин от амбулаторного или стационарного медицинского обследования в медицинском учреждении по направлению призывной комиссии, когда невозможно дать медицинское заключение о годности гражданина к военной службе (ч. 1 ст. 30 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»). Этот вопрос является весьма актуальным, поскольку в ст. 21.6 КоАП РФ установлена административная ответственность за уклонение гражданина от медицинского обследования по направлению призывной комиссии.

Большинство судов в данных случаях привлекали лиц к уголовной ответственности, однако некоторые суды признавали наличие административного правонарушения.

Решая вопрос о том, является ли уклонение от медицинского обследования по направлению призывной комиссии преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 328 УК РФ, или административным правонарушением (ст. 21.6 КоАП РФ), судам следует устанавливать направленность умысла лица, уклоняющегося от этого мероприятия. В случае когда призывник не является на медицинское обследование с целью уклониться от призыва на военную службу, содеянное им должно влечь уголовную ответственность по ч. 1 ст. 328 УК РФ. Об этом может свидетельствовать, в частности, неявка без уважительных причин призывника в медицинскую организацию в течение срока очередного призыва на военную службу.

Такое решение обусловлено тем, что в предусмотренных законом случаях призыв на военную службу включает в себя не только обязанности граждан, установленные пп. 1 и 2 ст. 31 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», но и другие обязанности. Например, прибытие призывника по направлению призывной комиссии в медицинскую организацию на амбулаторное или стационарное медицинское обследование для уточнения диагноза заболевания (п. 4 ст. 5¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»). Следовательно, неисполнение этой обязанности необходимо рассматривать как разновидность уклонения от призыва на военную службу.

1.4. Важным квалификационным вопросом является отграничение уклонения от призыва на военную службу (ч. 1 ст. 328 УК РФ) от неисполнения гражданами обязанностей по воинскому учету (ст. 21.5 КоАП РФ). Основным разграничительным признаком является цель, с которой лицо не исполняет возложенные на него обязанности. Так, если лицо, имея умысел на уклонение от призыва на военную службу, убывает на новое место жительства (место временного пребывания) или выезжает из Российской Федерации без снятия с воинского учета, а также прибывает на новое место жительства (место временного пребывания) или возвращается в Российскую Федерацию без постановки на воинский учет с целью избежать вручения ему под личную подпись повестки военного комиссариата о явке на мероприятия, связанные с призывом на военную службу, содеянное им следует квалифицировать по ч. 1 ст. 328 УК РФ.

1.5. При решении вопроса о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 328 УК РФ, суду необходимо установить факт надлежащего оповещения призывника о явке в военный комиссариат на мероприятия, связанные с призывом на военную службу.

Оповещение призывников о явке на медицинское освидетельствование, заседание призывной комиссии или для отправки в воинскую часть для прохождения военной

службы, а также для повторного прохождения призывной комиссии по окончании срока действия предоставленной отсрочки от призыва на военную службу осуществляется повестками военного комиссариата. Вручение призывникам повесток производится под расписку и только установленными законодательством лицами.

В случае направления призывной комиссией призывника на стационарное или амбулаторное медицинское обследование (лечение) надлежащим оповещением следует считать вручение ему под личную подпись направления, в котором назначается срок явки в военный комиссариат для повторного медицинского освидетельствования и прохождения призывной комиссии после предполагаемого срока завершения этого обследования (лечения).

Отказ призывника от получения повестки или направления под расписку является неисполнением воинской обязанности, связанной с призывом на военную службу, и при наличии к тому оснований подлежит квалификации по ч. 1 ст. 328 УК РФ. Например, по приговору районного суда Хабаровского края от 7 октября 2005 г. А. осужден за уклонение от призыва на военную службу, выразившееся в отказе от получения повестки о явке в военный комиссариат для отправки к месту прохождения военной службы.

1.6. Факультативным признаком объективной стороны уклонения от призыва на военную службу является место совершения преступления. Однако правильное его установление обуславливает решение важных процессуальных вопросов о месте предварительного следствия и судебного заседания. Местом совершения уклонения от призыва на военную службу следует считать место окончания преступления, в частности место задержания лица или явки его с повинной. Если преступление было начато в месте, на которое распространяется юрисдикция одного суда, а окончено в месте, на которое распространяется юрисдикция другого суда, то данное уголовное дело подсудно суду по месту окончания преступления (чч. 1 и 2 ст. 32 УПК РФ)⁷⁸.

1.7. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 328 УК РФ, является длящимся. Такое разъяснение, в частности, содержится в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям»⁷⁹. Этому подходу придерживается и доктрина.

Длящееся преступление характеризуется непрерывным осуществлением его состава. Такое преступление начинается с момента совершения преступного действия (бездействия) и оканчивается вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления (например, вмешательство органов власти).

В случае если лицо не явилось с повинной или не было задержано, указанное преступление оканчивается, в частности, вследствие *отпадения у лица тех или иных обязанностей* (курсив мой. — О. З.). Таким моментом следует считать достижение лицом возраста, после наступления которого указанные обязанности ни при каких обстоятельствах на него не могут быть возложены, т. е. достижение гражданином 27-летнего возраста.

Следует обратить внимание на то, что если в силу отпадения обязанностей по призыву на военную службу преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 328 УК РФ, окончено, но при этом виновный уклоняется от следствия или суда, течение сроков давности приостанавливается. В этом случае течение сроков давности возобновляется с момента задержания указанного лица или явки его с повинной (ч. 3 ст. 78 УК РФ).

По делам данной категории важным является вопрос о субъекте преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 328 УК РФ (об этом подробнее говорилось в гл. 3 настоящей работы).

⁷⁸ Следует обратить внимание на то, что в соответствии со ст. 35 УПК РФ территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена по ходатайству стороны либо по инициативе председателя суда, в который поступило уголовное дело, если не все участники уголовного судопроизводства по данному уголовному делу проживают на территории, на которую распространяется юрисдикция суда по месту окончания преступления, и обвиняемый согласен на изменение территориальной подсудности уголовного дела.

⁷⁹ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. С. 5—6.

2. Уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы.

В отличие от рассмотренного ранее состава преступления ответственность за уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы, как отмечалось, впервые установлена в УК РФ 1996 г. Несмотря на относительно небольшое количество дел данной категории, обобщение материалов судебной практики, проведенное автором настоящей работы, показало, что по отдельным вопросам судами принимались ошибочные решения в результате неправильного понимания как уголовного закона, так и законодательства в области организации альтернативной гражданской службы. Кроме того, явно недостаточно и литературы по данному вопросу. В связи с этим рассматриваемый состав преступления требует подробного исследования.

2.1. Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 328 УК РФ, выражается в уклонении от прохождения альтернативной гражданской службы. С этимологической точки зрения «прохождение» представляет собой выполнение (исполнение) каких-либо обязанностей, заданий, а «уклонение» — прекращение, избежание чего-нибудь, устранение, отказ от чего-нибудь. В связи с этим уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы означает в самом общем виде прекращение исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы.

Граждане, уклоняясь от прохождения альтернативной гражданской службы, нарушают в одних случаях только отдельные возложенные на них по службе обязанности (в частности, добросовестно исполнять трудовые обязанности на рабочем месте в организациях, где они проходят альтернативную гражданскую службу, в период рабочего времени, установленного правилами внутреннего трудового распорядка и графиками сменности; возвращаться в указанный срок в организацию из командировки, отпуска и т. п.). В других — уклоняются от исполнения всех обязанностей альтернативной гражданской службы. Например, причиняют себе вред здоровью в целях полного освобождения от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы и увольнения с нее.

Обязанности альтернативной гражданской службы по своему содержанию могут быть различными. Значительная часть из них по характеру относится к трудовым обязанностям, которые возлагаются на граждан после заключения с ними срочных трудовых договоров (например, соблюдать дисциплину труда, добросовестно исполнять трудовые обязанности, возложенные на них срочным трудовым договором). Анализ законодательства об альтернативной гражданской службе позволяет утверждать, что некоторые обязанности не являются в чистом виде трудовыми, так как возлагаются на граждан независимо от того, заключили они или нет трудовые договоры. К их числу можно отнести, например, обязанность явиться к месту прохождения альтернативной гражданской службы в указанные в предписании сроки, обязанность заключить срочный трудовой договор с организацией на период прохождения альтернативной гражданской службы и т. д. Уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы заключается в неисполнении как обязанностей, возлагаемых срочным трудовым договором, так и иных обязанностей, установленных законодательством об альтернативной гражданской службе.

Уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы может быть совершено различными способами. Специфика прохождения альтернативной гражданской службы во многом обуславливает содержание этих способов. С учетом особенностей трудовой деятельности граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, способами уклонения могут быть: а) неявка без уважительных причин к месту прохождения альтернативной гражданской службы в указанные в предписании сроки; б) прогул; в) обман; г) отказ от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы. Каждый из этих способов имеет свои отличительные признаки.

Неявка без уважительных причин к месту прохождения альтернативной гражданской службы, в указанные в предписании сроки (курсив мой. — О. З.). Согласно ст. 14 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» к месту прохождения альтернативной гражданской службы гражданина направляет военный комиссар в соответствии с решением призывной комиссии и согласно плану специально уполномоченного федерального органа исполнительной власти. Гражданин, направляемый на альтернативную гражданскую службу, является в военный комиссариат в срок, указанный в повестке военного комиссариата, и получает под расписку

предписание для убытия к месту прохождения альтернативной гражданской службы. Гражданин обязан явиться к месту прохождения альтернативной гражданской службы в указанные в предписании сроки.

Неявка к месту прохождения альтернативной гражданской службы заключается в том, что гражданин, направленный для прохождения альтернативной гражданской службы, без уважительных причин не прибывает в указанные в предписании сроки в организацию, с которой он должен заключить срочный трудовой договор. По приговору одного из городских судов Ленинградской области от 21 марта 2005 г. Я. правильно признан виновным в уклонении от прохождения альтернативной гражданской службы (ч. 2 ст. 328 УК РФ), выразившемся в неявке к месту прохождения альтернативной гражданской службы, указанному в предписании военного комиссариата.

Уважительными причинами являются обстоятельства, не зависящие от воли граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, и лишающие их возможности явиться в срок (более подробно они раскрыты выше).

Прогул (курсив мой. — О. З.). По законодательству о труде Российской Федерации прогулом считается неявка работника на работу без уважительных причин в течение всего рабочего дня (рабочей смены). К прогулу приравнивается:

а) отсутствие работника без уважительных причин на работе в пределах четырех часов в течение рабочего дня, а также нахождение без уважительных причин не на своем рабочем месте, а в помещении другого или того же цеха, отдела и т. п. либо на территории предприятия, учреждения, организации или объекта, где он должен выполнять трудовые функции, в том числе и более четырех часов в течение рабочего дня;

б) оставление без уважительной причины работы лицом, заключившим трудовой договор на определенный срок, до истечения срока договора;

в) самовольное использование дней отгулов, а также самовольный уход в отпуск (основной, дополнительный).

Следует иметь в виду, что прогул как форма уклонения от прохождения альтернативной гражданской службы возможен только после того, как гражданин, проходящий альтернативную гражданскую службу (работник), заключит с организацией (работодателем) срочный трудовой договор на период прохождения альтернативной гражданской службы. С учетом правового статуса граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, прогул может выражаться: а) в самовольном оставлении места работы (рабочего места) или места службы; б) неявке в срок без уважительных причин на работу.

Граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, должны находиться на рабочем месте в той или иной организации лишь в период рабочего времени, установленного правилами внутреннего трудового распорядка и графиками сменности.

Под оставлением места работы (рабочего места) понимается уход с места работы (рабочего места) за территорию организации в период рабочего времени, установленного правилами внутреннего трудового распорядка и графиками сменности.

Место работы определяется обычно местонахождением (в пределах установленных границ) организации как стороны договора. Это означает, что гражданин, проходящий альтернативную гражданскую службу, может быть использован по работе в любой структурной части организации (цехе, отделе и т. п.). Если структурные подразделения организации расположены в различных местностях и административных районах, то место работы при заключении срочного трудового договора уточняется применительно к этим структурным подразделениям. Иногда для некоторых категорий работников в силу специальных нормативных актов место работы суживается до понятия «рабочее место». Например, место работы машинистов тепловозов и электровозов, их помощников, а также шоферов устанавливается в трудовом договоре применительно к типу или виду транспортных средств.

Территорией организации является, как правило, место ее расположения в границах, установленных работодателем. При обособленном территориальном расположении структурных подразделений одной и той же организации преступление может быть совершено путем оставления территории, занимаемой подразделением, в котором работает гражданин, проходящий альтернативную гражданскую службу.

Например, гражданин проходит альтернативную гражданскую службу в структурном подразделении организации, которое расположено в населенном пункте «А», и выезжает без разрешения в другое структурное подразделение данной организации, находящееся в населенном пункте «Б». Если данный гражданин в организации, куда он самовольно прибыл, никаких служебных обязанностей не выполняет, то он уклоняется от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы.

Рабочее время — это время, в течение которого работник, согласно правилам внутреннего трудового распорядка организации и условиям договора, должен исполнять трудовые обязанности, а также иные периоды времени, которые в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами относятся к рабочему времени (ст. 91 ТК РФ).

Под оставлением места службы понимается уход гражданина с места пребывания, не совпадающего с территорией организации (местом работы), в котором он исполняет обязанности альтернативной гражданской службы. К месту службы могут быть отнесены: а) место, указанное в командировочном предписании; б) место выполнения заданий работодателя вне пределов территории организации; в) место лечения и т. п. Так, согласно п. 4 ст. 16 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» по решению федеральных органов исполнительной власти или органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в пределах их компетенции граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу в организациях, подведомственных этим органам, могут привлекаться к ликвидации последствий стихийных бедствий, катастроф и иных чрезвычайных ситуаций на территории Российской Федерации. Следовательно, для граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, в данном случае местом службы будет являться место ликвидации последствий стихийных бедствий, катастроф и т. д.

Самовольным является оставление гражданином места работы (рабочего места) или места службы без разрешения или ведома работодателя или его представителя. На практике возможны случаи, когда гражданин уходит из расположения организации по разрешению своего начальника, который не обладает правом освобождения граждан от исполнения трудовых обязанностей (например, по разрешению бригадира и т. п.). В этих случаях уход гражданина из расположения организации хотя и является неправомерным, но не может быть признан самовольным, поскольку гражданин оставляет расположение организации или место службы не самовольно, а по разрешению.

Неявка в срок без уважительных причин на работу заключается в том, что гражданин, проходящий альтернативную гражданскую службу, находясь вне места ее прохождения на законных основаниях, уклоняется от своевременной явки на службу, пребывает вне организации или места службы свыше установленного срока. Указанные граждане проживают в общежитиях, как правило, расположенных в пределах территории организации, в которых они работают. Допускается размещение лиц, проходящих альтернативную гражданскую службу в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в общежитиях, расположенных на территории воинских частей, но не в одном здании с военнослужащими, проходящими военную службу по призыву. Граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, время отдыха, т. е. время, свободное от исполнения трудовых обязанностей, возложенных на них срочным трудовым договором, могут использовать по своему усмотрению. В частности, согласно ст. 107 ТК РФ видами времени отдыха являются: перерывы в течение рабочего дня (смены), ежесменный (междусменный) отдых, выходные дни (еженедельный непрерывный отдых), нерабочие праздничные дни, отпуска. В соответствии с п. 2 ст. 21 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» для граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, только выезд за пределы населенного пункта, в котором расположена организация, где они проходят альтернативную гражданскую службу, осуществляется с согласия представителя работодателя. Примерами неявки в срок без уважительных причин на работу могут быть следующие ситуации: а) гражданин, проживающий в общежитии, без уважительных причин не является на службу к началу рабочего дня (смены); б) гражданин, находящийся в основном отпуске, к указанному в приказе сроку не прибывает в организацию, в которой

работает; б) гражданин, будучи в служебной командировке, по истечении ее срока не возвращается в организацию; в) лицо, выписавшись из лечебного учреждения, своевременно не является к месту работы для продолжения прохождения альтернативной гражданской службы и т. п. Понятие и виды уважительных причин, при наличии которых неявка на работу не образует преступления, рассмотрены выше.

Уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы путем обмана (курсив мой. — О. З.) представляет собой способ, непосредственно связанный с умышленным введением в заблуждение соответствующих должностных лиц относительно действительного наличия правовых оснований для освобождения от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы. Обман, направленный на уклонение от альтернативной гражданской службы, характеризуется следующими признаками:

— в информации, доводимой до соответствующих должностных лиц, должны содержаться основания для освобождения от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы, предусмотренные в законодательстве;

— эта информация должна быть ложной, не соответствовать действительности, т. е. у лица на самом деле отсутствует право на освобождение от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы и оно осознает это обстоятельство;

— должностное лицо вводится в заблуждение относительно действительного наличия оснований к освобождению от обязанностей альтернативной гражданской службы, иными словами, оно добросовестно верит доведенной информации.

Таким образом, особенностями уклонения от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы путем обмана являются следующие: а) достижение цели незаконного освобождения от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы осуществляется, как правило, с разрешения соответствующих должностных лиц; б) освобождение от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы происходит официально, т. е. на легальном основании, а по существу является фиктивным, основанным на обмане.

Обманными формами уклонения от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы могут быть: а) симуляция болезни; б) причинение вреда своему здоровью (членовредительство); в) подлог документов; г) иной обман.

Под симуляцией болезни понимается притворная болезнь или приписывание себе таких физических или психических недостатков, которыми лицо в действительности не страдает, а также преувеличение симптомов имеющегося заболевания (агравация). В отдельных случаях лицо может ошибочно считать себя больным и быть убежденным в том, что болезнь мешает ему исполнять обязанности альтернативной гражданской службы; это так называемая патологическая (неосознаваемая, болезненная) симуляция болезни. Данные действия не образуют преступления, поскольку отсутствует цель уклониться от прохождения альтернативной гражданской службы таким способом.

По делам о симуляции болезни обязательно назначается судебно-медицинская либо судебно-психиатрическая экспертиза для установления самого события симуляции болезни, а иногда для определения годности лица к альтернативной гражданской службе назначается военно-врачебная экспертиза.

Членовредительство заключается в причинении вреда собственному здоровью. Формами членовредительства являются: а) нарушение анатомической целостности различных органов или тканей; б) нарушение физиологических функций органов или тканей; в) вызывание различных заболеваний или патологических состояний; г) искусственное ухудшение или обострение действительно существующих болезней.

Членовредительство может быть осуществлено одним из следующих способов: а) использование огнестрельного или холодного оружия, режущих или колющих предметов, транспортных средств или других механизмов; б) принятие вовнутрь лекарственных препаратов или ядовитых веществ; в) введение под кожу различных растворов и т. п.

В соответствии со ст. 23 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» гражданин подлежит увольнению с альтернативной гражданской службы в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе или ограниченно годным к военной службе. Положение о военно-врачебной экспер-

тизе, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2003 г. № 123, устанавливает перечень болезней и физических недостатков, при наличии которых лицо может быть признано не годным к военной службе или ограниченно годным к военной службе.

При членовредительстве не имеет значения, оформлено ли соответствующим образом освобождение виновного от тех или иных обязанностей альтернативной гражданской службы. Главное — чтобы виновный в результате причинения себе вреда здоровью фактически прекратил исполнять обязанности альтернативной гражданской службы.

По делам о членовредительстве обязательно назначение судебно-медицинской экспертизы для определения характера и происхождения повреждения, а также заключение военно-врачебной экспертизы о годности лица к альтернативной гражданской службе.

Вред здоровью при членовредительстве могут причинить либо сам гражданин, проходящий альтернативную гражданскую службу, либо по его просьбе другие лица, как проходящие, так и не проходящие альтернативную гражданскую службу. Во всех случаях исполнителем преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 328 УК РФ, является гражданин, проходящий альтернативную гражданскую службу, которому причинен вред. Другие лица, умышленно причинившие вред здоровью виновного, признаются соучастниками этого преступления, их действия следует квалифицировать по ч. 5 ст. 33 и ч. 2 ст. 328 УК РФ. Кроме того, соучастники подлежат ответственности и за причинение вреда здоровью по соответствующим статьям гл. 16 УК РФ.

Подлог документов заключается в том, что гражданин, проходящий альтернативную гражданскую службу, представляет соответствующему должностному лицу подложный документ и на этом основании получает освобождение от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы.

Средством совершения преступления является подложный документ, который может представлять собой: а) фиктивный документ; б) подлинный документ с внесенными изменениями; в) подлинный документ, принадлежащий другому лицу. В подложных документах должны содержаться те или иные юридические основания для освобождения от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы, эти документы должны быть надлежащим образом оформлены (иметь удостоверяющие подписи, печати и т. д.).

Подложные документы могут быть изготовлены либо самими гражданами, проходящими альтернативную гражданскую службу, либо другими лицами. Лицо, подделавшее документ по просьбе гражданина, проходящего альтернативную гражданскую службу, либо умышленно передавшее ему фиктивный документ в целях освобождения от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы, должно быть признано соучастником преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 328 УК РФ.

Поскольку подлог документа не является обязательным признаком объективной стороны данного преступления, постольку требуется дополнительная квалификация этого подлога, совершенного гражданами, проходящими альтернативную гражданскую службу, по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Если лицо лишь использовало заведомо подложный официальный документ, то содеянное следует квалифицировать по ч. 2 ст. 328 УК РФ и ч. 3 ст. 327 УК РФ.

Действия лиц, являющихся соучастниками уклонения от прохождения альтернативной гражданской службы, и подделавших документ по просьбе граждан, уклонившихся от этой службы, необходимо также дополнительно, помимо ч. 5 ст. 33 и ч. 2 ст. 328 УК РФ, квалифицировать по ч. 1 ст. 327 УК РФ.

Иной обман состоит в сообщении соответствующим должностным лицам заведомо ложных сведений об обстоятельствах, которые обуславливают освобождение гражданина, проходящего альтернативную гражданскую службу, постоянно или временно от исполнения всех или некоторых обязанностей альтернативной гражданской службы. Это может быть, например, неподтвержденная документом устная просьба граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, о предоставлении отпуска без сохранения заработной платы для посещения больных родителей, оказания им определенной помощи и т. д. Обманом будут являться также случаи, когда граждане преднамеренно умалчивают об известных обстоятельствах, о кото-

рых они должны были доложить соответствующим должностным лицам при решении вопроса об увольнении с альтернативной гражданской службы. К примеру, когда гражданин, проходящий альтернативную гражданскую службу, обнаружив, что в документах ошибочно сделана запись о наличии у него высшего образования, никому об этом не докладывает и соответственно увольняется со службы ранее положенного срока.

Отказ от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы заключается, во-первых, в открытом заявлении гражданина, проходящего альтернативную гражданскую службу, о своем нежелании проходить ее, во-вторых, в фактическом прекращении с этой целью исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы. Например, гражданин, направленный для прохождения альтернативной гражданской службы, прибыв к месту службы, отказывается заключить срочный трудовой договор, будучи недовольным будущей работой. Отказом от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы будут также случаи демонстративного прекращения выполнения этих обязанностей, когда гражданин не сопровождает это устным или письменным заявлением о нежелании продолжать альтернативную гражданскую службу.

Отказ от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы отличается от прогула тем, что гражданин, проходящий альтернативную гражданскую службу, как правило, находится на своем рабочем месте в течение рабочего времени, но при этом никаких трудовых обязанностей демонстративно не выполняет. В отличие от обмана при отказе от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы гражданин не вводит в заблуждение соответствующих должностных лиц о наличии правовых оснований освобождения от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы, а открыто заявляет о своем нежелании выполнять эти обязанности (либо дает понять это своим поведением). Эти обстоятельства позволяют рассматривать отказ от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы в качестве самостоятельной формы уклонения от прохождения альтернативной гражданской службы.

На граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, распространяется трудовое законодательство, правда, как отмечалось, с некоторыми ограничениями. В соответствии со ст. 4 ТК РФ принудительный труд запрещен. К принудительному труду, в частности, относится требование работодателем исполнения трудовых обязанностей от работника, если работник не обеспечен средствами коллективной или индивидуальной защиты либо работа угрожает жизни и здоровью работника. Представляется, что это положение полностью распространяется и на граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу. В связи с этим нельзя привлекать к уголовной ответственности за уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы в случае отказа от исполнения трудовых обязанностей граждан, если они не обеспечены средствами коллективной или индивидуальной защиты либо работа угрожает их жизни и здоровью.

Особенность конструкции объективной стороны данного преступления позволяет утверждать, что уголовная ответственность устанавливается не за конкретные способы его совершения (прогулы, симуляцию болезни, членовредительство, подлог документов и т. д.), а за сам факт прекращения исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы. Следовательно, моментом окончания рассматриваемого состава преступления следует считать время прекращения исполнения всех или некоторых обязанностей альтернативной гражданской службы. Продолжительность фактического неисполнения обязанностей в данном случае (день, неделя, месяц и т. д.) значения для квалификации не имеет. В частности, моментом окончания состава данного преступления при самовольном оставлении места работы (рабочего места) или места службы является время ухода из организации или с места службы в период рабочего времени, установленного правилами внутреннего трудового распорядка и графиками сменности, без соответствующего разрешения; при неявке в срок на службу — истечение срока явки гражданина в организацию или место службы, указанного в распорядке дня или в соответствующем документе (предписании, командировочном удостоверении и т. п.); при симуляции болезни, членовредительстве — время, с которого лицо уклонялось от исполнения обязанностей альтернативной гражданской

службы; при подлоге документов (ином обмане) — момент освобождения гражданина от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы на основании представленного подложного документа (ложной информации).

Уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы на определенный период (например, на один месяц), по истечении которого лицо возвращается к месту прохождения альтернативной гражданской службы, не образует состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 328 УК РФ. В этом случае лицо может быть привлечено к дисциплинарной ответственности за нарушение трудового законодательства. При этом, следует иметь в виду, что в срок альтернативной гражданской службы не засчитываются периоды времени, указанные в п. 5 ст. 5 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» (в частности, прогулы, т. е. отсутствие на рабочем месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня).

Уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы — длящееся преступление, т. е. представляет собой деяние, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей альтернативной гражданской службы, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного наказания. Установление момента окончания преступления имеет большое практическое значение. В частности, для решения вопросов о действии уголовного закона во времени, об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности и др.

Вопрос об окончании данного преступления в связи с отпадением обязанностей прохождения альтернативной гражданской службы должен решаться с учетом следующих обстоятельств: а) Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» (ст. 3) устанавливает, что на альтернативную гражданскую службу направляются граждане в возрасте от 18 до 27 лет; б) ст. 5 того же Закона определяет сроки альтернативной гражданской службы⁸⁰. Исходя из этого, если уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы гражданином не было прекращено его задержанием, явкой с повинной и т. п., то окончанием преступления следует считать достижение виновным возраста, который получается в результате сложения 27 лет и срока альтернативной гражданской службы, в течение которого гражданин должен был в соответствии с законодательством ее проходить. Преступление будет окончательным для лиц, направленных на альтернативную гражданскую службу после 1 января 2008 г., с момента достижения ими возраста 28 лет 9 месяцев или 28 лет 6 месяцев в зависимости от ее срока. Это обусловлено тем, что именно с этого момента гражданин подлежит увольнению с альтернативной гражданской службы.

2.2. Субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Виновный осознает, что он уклоняется от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы путем совершения неявки без уважительных причин к месту прохождения альтернативной гражданской службы в указанные в предписании сроки, прогула, обмана либо отказа от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы и желает таким образом уклониться от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы.

В уголовном законе нет прямого ответа на вопрос о цели данного преступления. В частности, можно ли привлекать к ответственности граждан при наличии у них желания уклониться от прохождения альтернативной гражданской службы лишь на определенный период времени. Судебная практика шла по пути привлечения к ответственности за данное преступление и при отсутствии цели вовсе уклониться от прохождения альтернативной гражданской службы. Например, это касалось случаев, когда граждане (в основном представители организации «Свидетели Иеговы») отказывались заключить срочный трудовой договор с предприятием Министерства обороны Российской Федерации и при этом обращались с просьбой направить их в организацию, не имеющие отношения к военной ведомству, т. е. они в целом не отказывались от прохождения альтернативной гражданской службы.

⁸⁰ Например, для граждан, направленных для ее прохождения после 1 января 2008 г., — 21 месяц. При этом, срок альтернативной гражданской службы для граждан, проходящих данную службу в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в 1,5 раза превышает установленный Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» срок военной службы по призыву и составляет для граждан, направленных для ее прохождения после 1 января 2008 г., 18 месяцев.

Так, по приговору районного суда Кировской области от 22 сентября 2005 г. Ж. признан виновным в уклонении от прохождения альтернативной гражданской службы (ч. 2 ст. 328 УК РФ), выразившемся в отказе заключить срочный трудовой договор с организацией, куда он был направлен для прохождения альтернативной гражданской службы, и убытии домой. Судом установлено, что Ж. являлся членом религиозной организации «Свидетели Иеговы», работа на предприятии оборонного комплекса противоречила его убеждению, так как тем самым он поддерживал войну. При этом, осужденный в суде заявил, что от прохождения альтернативной гражданской службы он не отказывается, готов проходить ее в любом месте, кроме военных организаций.

В п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» данная судебная практика признана ошибочной, в нем прямо говорится, что при совершении указанного преступления лицо имеет цель полностью уклониться от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы.

Таким образом, установление цели в рассматриваемом преступлении имеет существенное значение для правильной квалификации содеянного. Однако выяснение подлинной цели преступного поведения гражданина, уклоняющегося от прохождения альтернативной гражданской службы, в ряде случаев может представлять трудности.

Обстоятельства, свидетельствующие о наличии цели уклонения от прохождения альтернативной гражданской службы в течение всего предусмотренного законом срока, могут быть сведены в три группы. Это, во-первых, факты, характеризующие поведение виновного в период уклонения от прохождения альтернативной гражданской службы: фактическое длительное пребывание вне места прохождения альтернативной гражданской службы и неиспользование при этом реальных возможностей для возвращения на работу; уничтожение подлинных документов, подтверждающих прохождение альтернативной гражданской службы, и приобретение подложных документов, удостоверяющих личность; проживание под чужим именем, стремление изменить свою внешность; попытки устроиться на другую работу или получить иной постоянный источник существования; сокрытие при общении с окружающими, а также при задержании факта прохождения альтернативной гражданской службы. Во-вторых, это обстоятельства, характеризующие отношение виновного к исполнению обязанностей по альтернативной гражданской службе, а также поведение виновного в период службы: высказывание сотрудникам по работе недовольства по поводу трудностей порученной ему работы и намерения уклониться от нее вовсе, недобросовестное выполнение трудовых обязанностей, совершение в прошлом правонарушений или преступлений и т. п. В-третьих, обстоятельства, характеризующие условия его воспитания до направления на альтернативную гражданскую службу: неблагоприятная нравственная атмосфера в семье, где бытуют антисоциальные взгляды, и формирование у виновного в связи с этим негативного отношения к выполнению гражданских, в том числе оборонных, обязанностей и др.

Необходимо отметить, что само по себе наличие одного или нескольких из числа вышеупомянутых обстоятельств еще не дает оснований для вывода о наличии цели вовсе уклониться от прохождения альтернативной гражданской службы. Так, граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, могут устраиваться на работу в целях решения определенных «временных» финансовых вопросов. Все перечисленные обстоятельства лишь тогда свидетельствуют о наличии такой цели, когда это подтверждается совокупностью других фактических данных.

На практике возможны случаи, когда граждане, уклонившись от прохождения альтернативной гражданской службы, свое последующее поведение определенно не планируют, от органов власти не скрываются, однако при этом никаких реальных мер к возвращению на работу не предпринимают, рассчитывая находиться в преступном состоянии до момента задержания. Действия виновных в подобных случаях следует рассматривать как совершенные с целью вовсе уклониться от прохождения альтернативной гражданской службы.

Мотивы уклонения от прохождения альтернативной гражданской службы могут быть различными и для квалификации значения не имеют. Например, при времен-

ном уклонении от прохождения альтернативной гражданской службы мотивами, как правило, являются желание посетить родственников, знакомых, уладить семейные дела, решить различные проблемы временного характера и т. п. В случаях постоянного уклонения от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы мотивами могут выступать нежелание проходить альтернативную гражданскую службу вообще или в данной организации, стремление решить личные и семейные проблемы постоянного характера, избежать уголовной ответственности за совершенное во время службы преступление и т. п.

Вопрос о субъекте уклонения от прохождения альтернативной гражданской службы рассмотрен в гл. 3 настоящей работы.

§ 3. Квалификация воинских преступлений (глава 33 УК РФ)

Анализ материалов практики военных судов и решений Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (1997—2012), изучение судебной статистики⁸¹ позволяют выделить для анализа воинские преступления против военной безопасности, связанные с нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими (ст.ст. 332—336 УК РФ), правил пребывания на военной службе (ст.ст. 337—339 УК РФ), правил несения специальных видов военной службы (ст.ст. 340—344 УК РФ). При этом, автор учитывал основные квалификационные ошибки и их причины, что позволило осветить наименее разработанные и спорные вопросы правоприменения.

1. Актуальные вопросы уголовно-правовой оценки нарушений порядка уставных взаимоотношений между военнослужащими.

Воинские преступления, связанные с нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими и предусмотренные в ст.ст. 332—336 УК РФ, в свою очередь, можно разделить две подгруппы: а) не сопряженные с насилием (ст.ст. 332, 336 УК РФ) и б) сопряженные с насилием (ст.ст. 333, 334, 335 УК РФ)⁸². Ниже исследуются вопросы квалификации неисполнения приказа (ст. 332 УК РФ), уголовно-правовой оценки насилия в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 333, 334 и 335 УК РФ, их разграничения между собой и с общеуголовными преступлениями⁸³.

1. Квалификация неисполнения приказа (ст. 332 УК РФ).

Единоначалие является одним из основополагающих принципов строительства военной организации и руководства ею, взаимоотношений между военнослужащими и выражается в том, что командиры (начальники) наделены правом отдавать подчиненным приказы и распоряжения по службе, а подчиненные обязаны беспре-

⁸¹ Ежегодно почти 90 % всех осужденных за воинские преступления, предусмотренные в гл. 33 УК РФ, нарушали правила уставных взаимоотношений между военнослужащими и правила пребывания на военной службе.

⁸² Последнюю группу принято также относить к воинским насильственным преступлениям (подробнее об этом см.: *Зателепин О.К.* Квалификация преступлений против военной безопасности государства. С. 134—244).

⁸³ При подготовке настоящего параграфа учтены результаты специального изучения судебной практики по рассматриваемым вопросам, проведенного автором работы, которые отражены в подготовленных им обзорах и информационно-аналитических документах Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, в частности: Обзоре качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции, утвержденном постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2005 г.; Информационно-аналитической справке о сущности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации за преступления против уставного порядка взаимоотношений между военнослужащими, предпосылках их совершения и мерах предупреждения (2007); Информационно-аналитической справке о сущности военнослужащих внутренних войск МВД России за преступления против уставного порядка взаимоотношений между военнослужащими, предпосылках их совершения и мерах предупреждения (2007); Информационно-аналитической справке о сущности военнослужащих пограничных органов ФСБ России за преступления против уставного порядка взаимоотношений между военнослужащими, предпосылках их совершения и мерах предупреждения (2007); Информационной справке о сущности и судебной практике по рассмотрению военными судами уголовных дел о неисполнении приказа (2007).

кословно повиноваться им. Неисполнение приказа представляет серьезную угрозу для военной безопасности и поэтому является одним из воинских преступлений, предусмотренных гл. 33 УК РФ.

В УК РФ 1996 г. норма, предусматривающая ответственность за неисполнение приказа (ст. 332), претерпела существенные изменения. В частности, в УК РСФСР 1960 г. признавались самостоятельными преступлениями неповиновение (ст. 238) и неисполнение приказа (ст. 239), при этом независимо от наступивших последствий. В ст. 332 УК РФ понятие «неисполнение приказа» охватывает все его формы, она дополнена указанием на криминообразующий признак «существенный вред интересам службы», т. е. состав неисполнения приказа стал материальным. Впервые в названной статье используется термин «приказ начальника, отданный в установленном порядке».

Многие квалификационные вопросы нашли отражение в специальной литературе⁸⁴. Проведенный анализ судебной практики свидетельствует о том, что военные суды при разрешении уголовных дел о неисполнении приказа в основном правильно применяют ст. 332 УК РФ. Вместе с тем, в практике рассмотрения судами таких дел допускаются квалификационные ошибки. Имеются отдельные факты необоснованного осуждения лиц ввиду неверного толкования понятий «приказ начальника, отданный в установленном порядке» и «незаконный приказ». Возникают трудности в определении содержания и объема оценочного понятия «существенный вред интересам службы» и, как следствие, при разграничении воинского преступления и дисциплинарного проступка, в правовой оценке неисполнения приказа «вследствие небрежного либо недобросовестного отношения к службе», в установлении признаков соучастия, при отграничении единичного неисполнения приказа от множественности преступлений. Ниже рассмотрим основные квалификационные ошибки, допускаемые органами военной юстиции и военными судами, и предложим правила квалификации, направленные на их предупреждение.

1.1. Преступление, квалифицируемое по чч. 1 или 2 ст. 332 УК РФ, может быть совершено путем открытого неисполнения приказа (неповиновение), которое представляет собой демонстративный отказ подчиниться воле начальника. Подчиненный, получив приказ начальника, в категорической форме заявляет или иным обра-

⁸⁴ Девятко А.Ю. Некоторые вопросы ответственности военнослужащих за неисполнение приказа командира и начальника // Рос. следователь. 2004. № 2. С. 21—23; Его же. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ (неисполнение приказа) // Военно-юр. вестн. Приволжского региона: сб. науч. тр. № 2 / Самар. гуманит. акад. Самара, 2004. С. 129—133; Завелегин О.К. О судебной практике по рассмотрению военными судами уголовных дел о неисполнении приказа // ИБВС. 2008. № 1 (207). С. 3—18; Его же. Уголовная ответственность за неисполнение приказа (основные квалификационные ошибки и их предупреждение) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Пятой междунар. науч.-практ. конф. 24—25 января 2008 г. М., 2008. С. 433—437; Погребняк И.Г. Борьба с преступлениями против порядка подчиненности по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961; Сидоренко В.Н. Уголовная ответственность военнослужащих за неисполнение приказа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961; Его же. Анализ судебной практики по делам о неисполнении приказа (ст. 332 УК РФ) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2008. № 3. С. 35—43; Его же. Квалификация неисполнения приказа, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой (ч. 2 ст. 332 УК РФ) // Там же. № 10. (Вкладка «Военно-уголовное право». № 10. С. 97—100); Его же. Единичное и порядок подчиненности как объекты уголовно-правовой защиты // Там же. 2007. № 6. (Вкладка «Военно-уголовное право». № 12. С. 118—122); Его же. К вопросу о малозначительности при неисполнении приказа (статья 332 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Там же. № 10. С. 6—8; Его же. К вопросу о последствиях неисполнения приказа (статья 332 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Там же. № 7. С. 47—49; Его же. К вопросу о совокупности преступлений, предусмотренных статьей 332 Уголовного кодекса Российской Федерации (неисполнение приказа) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2007. № 9. С. 52—55; Его же. К вопросу о субъекте неисполнения приказа // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 10. С. 305—308; Соломонович И. Соучастие в исполнении незаконного приказа // Рос. юстиция. 2000. № 5. С. 40—41.

зом демонстрирует, что он выполнять приказ не будет. Отказ от исполнения приказа может быть заявлен начальнику в присутствии личного состава, наедине или через лицо, передавшее приказ от имени начальника.

По чч. 1 и 2 ст. 332 УК РФ подлежит ответственности также лицо, которое внешне принимает к исполнению приказ начальника, но в действительности сознательно его не исполняет. При этом, решение о неисполнении приказа может возникнуть у виновного в момент получения приказа либо позднее.

У практических работников, как правило, первые две формы неисполнения приказа трудностей не вызывают.

Неисполнение приказа вследствие небрежного либо недобросовестного отношения к службе предусмотрено в ч. 3 ст. 332 УК РФ. Оно характеризуется тем, что подчиненный не выполняет приказ вследствие забывчивости, нечеткого уяснения содержания приказа, проявленной невнимательности в отношении времени, места и способа выполнения приказа. В результате этого приказа оказывается либо невыполненным, либо выполненным ненадлежащим образом.

Ответственность по ч. 3 ст. 332 УК РФ исключается в случае неповиновения или когда подчиненный приказ начальника внешне принимает к исполнению, но в действительности сознательно его не исполняет⁸⁵.

1.2. В ст. 332 УК РФ понятие «приказ» используется в значении индивидуального распорядительного акта, т. е. представляет собой распоряжение начальника, обращенное к подчиненному и требующее обязательного выполнения определенных действий или воздержания от их совершения.

Невыполнение общих предписаний, содержащихся в нормативных правовых актах (уставы, наставления, инструкции и т. п.), которые, как правило, вводятся в действие приказами, не может рассматриваться как неисполнение приказа. Вместе с тем, если в связи с нарушением подчиненным общих требований военной службы начальник отдает ему приказ о прекращении правонарушений и выполнении им своих обязанностей, невыполнение такого приказа подпадает под понятие неисполнения приказа в ст. 332 УК РФ.

Наложение на военнослужащего дисциплинарного взыскания само по себе не является приказом, если при этом начальник не предъявил к подчиненному конкретные требования по поводу исполнения этого взыскания⁸⁶.

Неисполнение приказа, отданного в целях реализации ранее наложенного дисциплинарного взыскания, может образовывать состав преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ.

⁸⁵ Так, капитан П., назначенный приказом командира батальона старшим поисково-засадной группы, не исполнил этот приказ, в район выполнения боевой задачи в составе группы не убыл, а остался в офицерском общежитии, где проводил время по своему усмотрению. Воспользовавшись отсутствием П., военнослужащие поисково-засадной группы употребили спиртные напитки и наркотические средства, от выполнения боевой задачи уклонились, совершили убийство граждан, причинение тяжкого вреда здоровью и повреждение чужого имущества. Гарнизонным военным судом П. осужден по ч. 3 ст. 332 УК РФ. При этом, суд в приговоре не указал, в чем проявилось небрежное или недобросовестное отношение к службе со стороны осужденного (уголовное дело рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства). Если осужденный умышленно не исполнил отданный ему приказ об убытии в район выполнения боевой задачи в составе поисково-засадной группы, оставшись в офицерском общежитии и проводя время по своему усмотрению (из содержания установочной части приговора можно прийти и к такому выводу), деяние ошибочно квалифицировано по ч. 3 ст. 332 УК РФ (Архив Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 2009. Наряд № 5).

⁸⁶ Так, ефрейтор А., находясь в строю, открыто отказался выполнять объявленное ему дежурным по части капитаном Т. дисциплинарное взыскание — два наряда на работы вне очереди. Органами предварительного следствия содеянное было квалифицировано по ч. 1 ст. 332 УК РФ. Гарнизонный военный суд вынес оправдательный приговор, который окружным военным судом оставлен без изменения. Суды в обоснование такого решения правильно указали, что, несмотря на то, что на А. было наложено дисциплинарное взыскание, тем не менее, ему не отдавался приказ о заступлении в наряд. В частности, должностным лицом не были определены вид работы и дата заступления в наряд (Архив Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 2009. Наряд № 5).

1.3. Командирам (начальникам) запрещается отдавать приказы (приказания) и распоряжения, не имеющие отношения к исполнению обязанностей военной службы или направленные на нарушение законодательства Российской Федерации. Командиры (начальники), отдавшие указанные приказы (приказания) и распоряжения, привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 3 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»).

Преступлением признается неисполнение только законного приказа командира (начальника). Приказ следует считать отданным в установленном порядке (законным) при наличии следующих обязательных условий: 1) приказ соответствует законам и другим нормативным правовым актам (по содержанию, цели и средствам исполнения); 2) требования, содержащиеся в приказе, связаны с военной службой; 3) соблюдены форма, условия и порядок (процедура) отдачи приказа.

В случае отсутствия хотя бы одного из названных условий приказ будет являться незаконным и, как следствие, необязательным для исполнения подчиненным. Неисполнение заведомо незаконного приказа не образует преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ.

Принципиальное значение по рассматриваемому вопросу имеет принятое Военной коллегией Верховного Суда Российской Федерации решение (определение № 4н-63/06) по делу в отношении Д., осужденного за неисполнение приказа командира части, изданного во исполнение приказа командующего войсками Сибирского военного округа об убитии для дальнейшего прохождения военной службы в распоряжение командующего войсками Приволжско-Уральского военного округа. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по надзорной жалобе осужденного, судебные постановления по данному уголовному делу отменила и производство прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ — за отсутствием в его деянии состава преступления. При этом, в определении указывается, что приказы командования об откомандировании Д. в распоряжение командующего войсками Приволжско-Уральского военного округа отданы с нарушением требований законодательства Российской Федерации, поскольку Д. не давал согласия на такое откомандирование, а согласно ч. 2 ст. 42 УК РФ неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность военнослужащих по ст. 332 УК РФ.

1.4. В ч. 1 ст. 332 УК РФ впервые установлена ответственность за неисполнение приказа, повлекшее существенный вред интересам службы. Цель такой «материализации» простого (основного) состава — избежать необоснованного привлечения к ответственности по формальному основанию, поскольку не всякое неисполнение приказа, признававшееся ранее преступлением независимо от наступивших последствий, на самом деле обладало необходимой для преступных деяний общественной опасностью.

Существенный вред интересам службы представляет собой значительный по своему характеру и размерам ущерб, причиненный порядку воинской подчиненности и военной безопасности, охраняемым в ст. 332 УК РФ. Он включает в себя последствия как нематериального, так и материального характера.

Проявлением нематериального вреда являются, в частности, подрыв авторитета командира (начальника), снижение уровня воинской дисциплины, срыв выполнения боевых (учебно-боевых) задач, важных мероприятий распорядка дня (организационный вред), нарушение прав и свобод личности, прежде всего конституционных, например ограничение свободы.

Материальный вред выражается в физическом вреде и имущественном ущербе, причем причиненном как военнослужащим или воинским частям, так и гражданским лицам или организациям.

Существенный вред интересам службы может иметь комплексный характер и включать в себя организационный, физический вред и имущественный ущерб.

Признание того или иного вреда интересам службы существенным зависит от конкретных обстоятельств дела. Этот вопрос должен решаться судом на основе анализа всех имеющихся в деле материалов, в частности, оценки значимости для боевой

готовности и воинской дисциплины нарушенных интересов службы, длительности их нарушения, наличия и размера материального ущерба, обстановки, места и времени совершения неисполнения приказа.

Встречаются случаи осуждения военнослужащих за неисполнение приказа вовсе без указания на причинение существенного вреда интересам службы, либо суды в приговоре, указывая на последствия, используют термин, который не используется в ст. 332 УК РФ (к примеру, «большой вред воинским отношениям»).

Судам в приговоре необходимо указывать не только наличие существенного вреда интересам службы, но и в чем конкретно он выразился по рассматриваемому делу.

1.5. В судебной практике особую сложность вызывает установление в содеянном существенного вреда интересам службы в тех случаях, когда он имеет организационный характер.

Неисполнение приказа всегда в той или иной степени причиняет организационный вред, в частности подрывает авторитет командиров и снижает уровень воинской дисциплины. Однако уголовно наказуемым является причинение только такого вреда, который является «существенным» для порядка воинской подчиненности и военной безопасности.

В целях предупреждения возможных квалификационных ошибок необходимо обратить внимание на следующее:

а) неоднократное неисполнение приказов, являющееся проявлением определенной линии устойчивого антиустановного поведения, в своей совокупности значительно снижает уровень воинской дисциплины в части (подразделении) и авторитет командиров конкретного подразделения (части), что свидетельствует о наличии в содеянном существенного вреда интересам службы⁸⁷;

б) в тех случаях, когда подчиненный, реализуя единый умысел, не исполняет приказ, отданный ему начальником и повторенный вышестоящими командирами в целях добиться его выполнения, содеянное существенно подрывает авторитет начальников и может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 332 УК РФ⁸⁸;

в) если отказ выполнить требование начальника со стороны одного военнослужащего приводит к тому, что весь личный состав подразделения отказывается подчиняться командирам, содеянное виновным следует квалифицировать как неисполнение приказа, повлекшее существенный вред интересам службы. В этом случае наличие подрыв авторитета начальников среди подчиненных, снижение уровня воинской дисциплины, которые в своей совокупности свидетельствуют о существенности нарушения порядка воинской подчиненности⁸⁹;

⁸⁷ Рядовой Д. в период с 14 февраля по 5 марта 2005 г., не желая заступать в суточные наряды по роте и выполнять «грязные» работы, шесть раз не исполнил приказы начальников о заступлении дневальным по роте. Гарнизонным военным судом Д. осужден по ч. 1 ст. 332 УК РФ. Суд в приговоре правильно указал, что действия Д., выразившиеся в неоднократном неисполнении приказов, повлекли за собой снижение воинской дисциплины и подрыв авторитета командиров, что является проявлением существенного вреда интересам службы (Архив Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 2009. Наряд № 5).

⁸⁸ Военнослужащие, проходившие военную службу по контракту, старшина М. А., сержант К., младшие сержанты М. Р. и В., ефрейтор Г. и рядовой К., заступившие в суточный наряд по столовой, самовольно ушли в расположение роты. Дежурный по столовой прапорщик Д., обнаружив отсутствие указанных военнослужащих, прибыл в роту, приказал им убраться в столовую и приступить к исполнению служебных обязанностей в суточном наряде. Однако осужденные отказались исполнить этот приказ. В последующем они также отказались исполнить аналогичный приказ, отданный им временно исполняющим обязанности командира роты лейтенантом Л. и заместителем командира батальона капитаном Е. Гарнизонным военным судом указанные военнослужащие обособленно осуждены за неисполнение приказа (Архив Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 2009. Наряд № 5).

⁸⁹ Рядовой Г. в ходе проведения утренней физической зарядки отказался выполнить приказ о выполнении физического упражнения (сгибание и разгибание рук в упоре лежа), отданный в течение десяти минут лейтенантом М., капитаном З. и подполковником В. После этого весь личный состав подразделения отказался выполнить это упражнение. Гарнизонный военный суд правильно квалифицировал содеянное Г. по ч. 1 ст. 332 УК РФ (Архив Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 2009. Наряд № 5).

г) неисполнение боевых приказов (распоряжений), с учетом значения содержащихся в них требований, причиняет существенный вред интересам службы, проявляющийся в снижении уровня боеготовности и боеспособности воинских частей (подразделений)⁹⁰;

д) существенный вред интересам службы может выражаться в срыве выполнения боевых (учебно-боевых) задач, важных мероприятий распорядка дня⁹¹;

е) в случае, когда в результате неисполнения приказа совершается другое преступление, последнее следует считать одним из проявлений существенного вреда интересам службы⁹².

1.6. В тех случаях, когда суд в обоснование наличия существенного вреда интересам службы ссылается на подрыв авторитета начальника, снижение уровня воинской дисциплины, срыв мероприятий распорядка дня, в приговоре следует указать, какие конкретно обстоятельства свидетельствовали об этом.

1.7. Если в результате неисполнения приказа причинен малозначительный вред интересам службы, то в содеянном отсутствует состав преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 332 УК РФ.

В соответствии со ст. 28.5 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (в редакции от 22 июня 2007 г.) нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими является грубым дисциплинарным проступком. Уставные правила взаимоотношений между военнослужащими включают в себя и порядок воинской подчиненности, т. е. правила взаимоотношений между начальниками и подчиненными. Следовательно, неисполнение подчиненным приказа начальника, не повлекшее причинение существенного вреда интересам службы, является разновидностью нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. По смыслу указанной нормы такое неисполнение приказа относится к грубым дисциплинарным проступкам, влекущим за собой применение мер дисциплинарного воздействия, вплоть до дисциплинарного ареста на срок до 30 суток.

Неисполнение приказа, хотя и совершенное в присутствии личного состава, но выразившееся в отказе привести внешний вид (форму) в порядок, выйти из строя или встать в строй, подойти к начальнику, прекратить прием пищи, прочитать влух ста-

⁹⁰ Полковник С., являясь заместителем командира бригады по тылу — начальником тыла бригады, отказался в присутствии других военнослужащих выполнить приказ (боевое распоряжение) командира бригады об убытии вместе с другими офицерами части к месту временной дислокации оперативной группы (Чеченская Республика) для проверки боевой готовности, проведения инженерного дооборудования места временной дислокации оперативной группы, а также согласования мероприятий всестороннего обеспечения группы. Гарнизонным военным судом С. осужден по ч. 1 ст. 332 УК РФ. В этом деле суд правильно установил наличие существенного вреда интересам службы, который проявился в снижении уровня боеготовности и боеспособности оперативной группы, что выразилось, в частности, в значительном увеличении сроков выполнения боевой задачи по обеспечению боевой готовности находящейся на боевом дежурстве оперативной группы (Архив Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 2009. Наряд № 5).

⁹¹ Прапорщик Г., являясь начальником медицинского пункта части, в присутствии других военнослужащих отказался выполнить приказ командира части о медицинском обеспечении марша части в пешем порядке на техническую позицию в целях проверки состояния боевой готовности части. Гарнизонным военным судом содеянное Г. квалифицировано по ч. 1 ст. 332 УК РФ. В приговоре обоснованно указано, что существенный вред интересам службы выразился в срыве медицинского обеспечения марша части (Архив Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 2009. Наряд № 5).

⁹² Прапорщик Г. отдал приказ дежурному по роте Д. о задержании находящегося в расположении роты в нетрезвом состоянии младшего сержанта Б. и сам принял меры к его задержанию. Однако Д. приказ начальника не исполнил и никаких мер к задержанию нарушителя дисциплины не принял. В результате этого Б. оказал активное сопротивление прапорщику Г., применив к нему насилие, повлекшее легкий вред здоровью, и с места происшествия скрылся. Гарнизонный военный суд квалифицировал содеянное Д. по ч. 1 ст. 332 УК РФ. В приговоре правильно указано, что неисполнение данного приказа повлекло существенный вред интересам службы, выразившийся в совершении преступления против военной службы (сопротивление начальнику) (Архив Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 2009. Наряд № 5).

тью общевоинских уставов, само по себе не может подорвать авторитет начальника среди подчиненных и повлиять на состояние воинской дисциплины таким образом, чтобы признать вред интересам службы существенным.

Не является основанием для признания существенным вредом интересам службы только сам факт отказа военнослужащего заступить в суточный наряд, выполнить какую-либо работу, в том числе и во время несения службы в наряде, если отсутствуют другие обстоятельство, свидетельствующие о причинении значительного вреда интересам воинской подчиненности.

Если неисполнение приказа влечет незначительную по времени задержку в выполнении предусмотренных распорядком дня мероприятий, то такое последствие само по себе не является существенным вредом интересам службы.

1.8. Тяжкие последствия, предусмотренные в чч. 2 и 3 ст. 332 УК РФ, могут выражаться в тех же формах, что и существенный вред интересам службы, однако отличаются от него большим размером наступившего ущерба. Тяжкими последствиями могут быть признаны существенное снижение боеготовности и боеспособности воинской части (подразделения), крупный материальный ущерб (к примеру, на сумму свыше 250 000 рублей), физический вред (в частности, причинение тяжкого вреда здоровью).

Так, контр-адмирал М. не исполнил приказ вышестоящего начальника об организации подготовки, отбора и технического осмотра боеприпасов на объекте, в результате чего произошли пожар и взрывы боеприпасов. Гарнизонный военный суд обоснованно осудил контр-адмирала М. по ч. 3 ст. 332 УК РФ. При этом, в качестве тяжелых последствий признаны: причинение различной тяжести вреда здоровью 34 гражданам, повреждение 26 автомашин, повреждение и уничтожение дачных строений и другого имущества на 140 участках пяти садоводческих товариществ, принадлежащих гражданам, на общую сумму 3 759 945 рублей 86 копеек, уничтожение боеприпасов и комплектованных к ним на сумму 6 331 985 рублей 23 копейки, причинение существенного вреда боеготовности и боеспособности флота. Судебная коллегия по уголовным делам флотского военного суда приговор в части квалификации содеянного по ч. 3 ст. 332 УК РФ оставила без изменения.

1.9. В ст. 332 УК РФ содержание материальных objectively опасных последствий в каждом конкретном случае следует определять с учетом содержания отданного в установленном порядке приказа. В частности, для определения, относится ли тот либо иной имущественный или физический вред к составу неисполнения приказа, необходимо выяснить, в целях обеспечения безопасности каких жизненно важных интересов (благ) отдавался тот или иной приказ. В тех случаях, когда причинен физический или имущественный вред, для предотвращения которого отдавался приказ, наступление таких общественно опасных последствий свидетельствует о наличии в содеянном признаков состава преступления.

1.10. Судам следует иметь в виду, что при квалификации содеянного по ст. 332 УК РФ необходимо устанавливать причинную связь между совершенным неисполнением приказа и наступившими общественно опасными последствиями. В частности, требуется выяснять, не вызваны ли вредные последствия иными факторами и не наступили ли они по причине, не зависящей от установленного неисполнения приказа.

1.11. При квалификации содеянного виновным как неисполнение приказа, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 2 ст. 332 УК РФ), суды должны исходить из общих требований, предусмотренных ст. 35 УК РФ.

Признавая подсудимого виновным в совершении преступления по признаку «группа лиц», суду недостаточно установить лишь сам факт отказа от исполнения приказа, заявленного одновременно (как правило, непосредственно после отдачи приказа) несколькими военнослужащими.

Неисполнение приказа группой лиц является соучастием в преступлении (соисполнительством) и, как следствие, предполагает умысел и согласованность в действиях двух и более военнослужащих. Применительно к данному составу преступления это может выражаться, в частности, в том, что отказ выполнить требование приказа, заявленный одновременно несколькими военнослужащими, является проявлением определенной линии их совместного антиустановного поведения, хотя в конкрет-

ном случае между ними не было сговора по поводу места, времени или способа неисполнения данного приказа. Например, ряд военнослужащих договариваются в будущем вести себя таким образом, чтобы всячески дискредитировать определенного командира и тем самым подорвать его авторитет среди подчиненных, но при этом между ними отсутствует сговор по поводу каких-то конкретных действий.

При отсутствии таких условий одновременный отказ нескольких военнослужащих от исполнения приказа может являться случайным стечением обстоятельств, а не соучастием в преступлении.

Предварительный сговор на неисполнение приказа может иметь место до получения или во время отдачи приказа, а также после его получения, когда подчиненные договариваются о его неисполнении.

В случае совершения преступления организованной группой отдельные военнослужащие (участники такой группы) могут непосредственно не принимать участия в выполнении объективной стороны неисполнения приказа, но участвовать в подготовке данного преступления. При этом, все участники организованной группы признаются соисполнителями совершенного преступления, их действия подлежат квалификации по ч. 2 ст. 332 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ.

1.12. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ, характеризуется виной в форме умысла или неосторожности. При этом, определяющим является отношение к последствию. Например, неисполнение приказа может быть совершено сознательно (военнослужащий осознанно отказывается выполнять те или иные предъявляемые к нему требования), однако это само по себе не дает оснований для признания содеянного умышленным, поскольку умысел, как и неосторожность, категория уголовно-правовая, применяемая при оценке только тех деяний, которые предусмотрены уголовным законом в качестве самостоятельных преступлений. Неисполнение приказа без последствий не образует самостоятельного преступления.

В соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ (в редакции Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ) если форма вины в статье не указана, значит, преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности (более подробно об этом говорилось в гл. 3 настоящей работы). В случае если в статье предусмотрена вина в форме неосторожности, то квалифицировать по ней умышленное преступление нельзя.

В чч. 1 и 2 ст. 332 УК РФ вина может быть как умышленной, так и неосторожной, в ч. 3 этой статьи вина имеет форму только неосторожности. При разграничении преступлений, предусмотренных чч. 2 и 3 ст. 332 УК РФ и совершенных с неосторожной формой вины, судам необходимо обратить внимание на следующее.

В ч. 2 ст. 332 УК РФ предусмотрена ответственность за открытый отказ от исполнения приказа (неповиновение) и иные формы сознательного неисполнения приказа. В результате указанных деяний наступают тяжкие последствия, отношение к которым может иметь форму неосторожности (к примеру, лицо осознанно не исполнило приказ начальника и при этом предвидело возможность наступления тяжелых последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение. Уголовно наказуемым в ч. 3 ст. 332 УК РФ является специфическая форма неисполнения приказа, которая связана с забывчивостью, невнимательностью, неточностью и т. п., что само по себе свидетельствует только о неосторожной форме вины в этом составе преступления. При этом, неосторожная вина в ч. 2 может иметь вид только легкомыслия, а в ч. 3 — небрежности (подробнее об этом см. гл. 3 настоящей работы).

Если неисполнение приказа имело форму неповиновения или иного сознательно-невыполнения требований приказа, квалификация содеянного по ч. 3 ст. 332 УК РФ исключается, в том числе и при условии неосторожного отношения к наступившим тяжким последствиям.

1.13. Определенную сложность для квалификации представляет отграничение единичного преступления от множественности преступлений в случае неоднократного неисполнения приказа. В судебной практике наиболее часто встречаются следующие ситуации: 1) неисполнение подчиненным одного и того же приказа, отданного неоднократно; 2) неисполнение подчиненным разных приказов.

Неисполнение одного и того же приказа, отданного неоднократно, следует квалифицировать как единое преступление. При этом, одним и тем же приказом являются требования, обращенные к одному и тому же подчиненному (подчиненным) и совпадающие по содержанию, способу и времени их выполнения. В данном случае для квалификации содеянного как единого преступления не имеет значения, отдавался приказ одним лицом или разными начальниками, поскольку умысел виновного направлен на неисполнение фактически одного приказа⁹³.

Неисполнение подчиненным нескольких приказов (различных по содержанию и времени отдачи) может представлять собой совокупность преступлений или единое преступление.

Неисполнение приказа является продолжаемым преступлением в случае, когда оно складывается из ряда юридически тождественных деяний, имеющих общую цель и единый умысел, составляющих в целом одно преступление. При этом, между отдельными актами неисполнения приказа должно быть внутреннее единство, свидетельствующее об определенной линии устойчивого поведения, направленного на реализацию единого умысла. Для признания неисполнения приказа единым продолжаемым преступлением не имеет значения, отдавались приказы одним и тем же лицом или разными начальниками⁹⁴.

В тех случаях, когда подчиненные неоднократно в течение длительного времени не исполняют приказы, совпадающие по содержанию (например, заступление в наряд, наведение порядка в подразделении), в целях правильной квалификации содеянного как продолжаемого преступления или по совокупности преступлений судам необходимо устанавливать, объединены или нет все эпизоды преступной деятельности единым умыслом и общей целью⁹⁵.

2. Уголовно-правовая оценка насилия в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 333, 334 и 335 УК РФ⁹⁶.

⁹³ Рядовой Э. на территории гауптвахты в присутствии арестованных военнослужащих открыто отказался выполнить приказ майора М. по наведению порядка в туалетной комнате. Э. отказался выполнить аналогичный приказ, отданный ему через пять минут командиром первой дисциплинарной роты майором Ш. Органы предварительного следствия квалифицировали содеянное Э. по совокупности двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 332 УК РФ. Гарнизонный военный суд правильно исключил из обвинения излишне вмененную ч. 1 ст. 332 УК РФ и усмотрел в содеянном Э. единое неисполнение приказа, поскольку требования о наведении порядка, повторенные разными начальниками, в данной ситуации являются по существу одним и тем же приказом (Архив Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 2009. Наряд № 5).

⁹⁴ Д. шесть раз отказался в течение двух месяцев подряд от исполнения приказов о заступлении в суточный наряд части. Суд правильно квалифицировал содеянное по ч. 1 ст. 332 УК РФ как единое преступление. При этом, в приговоре установлено, что осужденный не исполнял приказы начальников, поскольку его воспитание не позволяло нести службу во внутреннем наряде и выполнять «грязную» работу. В данном случае неоднократный отказ от заступления дневальным по роте свидетельствует о наличии устойчивой антиустановной линии поведения и является реализацией единого умысла, направленного на отказ нести службу в составе суточного наряда (Архив Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 2009. Наряд № 5).

⁹⁵ По приговору гарнизонного военного суда рядовой Г. осужден за совершение пяти преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 332 УК РФ, выразившихся в том, что 8 марта, 28 апреля, 2, 10 и 13 мая 2005 г. не исполнял приказы командира части. В приговоре, постановленном без проведения судебного разбирательства, не раскрыто содержание этих приказов, не указана обстановка совершения преступлений, а также из него не видно, охватывались эпизоды неисполнения приказов общей целью и единым умыслом или нет. При таких условиях квалификация содеянного по совокупности пяти преступлений вызывает сомнения (Архив Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации. 2009. Наряд № 5).

⁹⁶ Более подробно об этих преступлениях см., напр.: *Ахметшин Х.М.* Вопросы практики применения Закона об уголовной ответственности за воинские преступления: учеб. пособие. М., 1968; *Его же.* Советское военно-уголовное законодательство. М., 1972; *Его же.* Квалификация воинских преступлений: учеб. пособие. М., 1977; *Его же.* Совершенствование законодательства об уголовной ответственности за воинские преступления: учеб. пособие. М., 1985; *Его же.* Квалификация нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии

Преступное насилие, указанное в ст.ст. 333—335 УК РФ, является обязательным признаком объективной стороны составов преступлений, нарушающих порядок уставных взаимоотношений между военнослужащими. Конкретные его проявления в составах преступлений против порядка уставных взаимоотношений между военнослужащими, несмотря на общность ряда существенных признаков, обладают весьма специфическими особенностями, которые следует учитывать при применении данных норм. В связи с этим представляет интерес рассмотрение «насилованных» аспектов сопротивления начальнику или принуждения его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333 УК РФ), насильственных действий в отношении начальника (ст. 334 УК РФ), нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ)⁹⁷.

2.1. В ст. 333 УК РФ устанавливается ответственность за сопротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему обязанности военной службы, или принуждение его к нарушению этих обязанностей, сопряженных с насилием или угрозой его применения. Насилие (в широком смысле слова)⁹⁸ в этом составе преступления характеризуется следующими чертами.

Во-первых, разновидностями преступного насилия являются сопротивление, принуждение, физическое насилие и психическое насилие (угроза). Во-вторых, наличие «второго» насильственного компонента («насилие или угроза его применения») в данном преступлении обуславливает правильное решение вопроса о моменте окончания данного преступления. В-третьих, насилие является признаком как основного, так и квалифицированного состава данного преступления. Рассмотрим ниже более подробно отмеченные особенности насилия.

В ст. 333 УК РФ речь идет о сопротивлении и принуждении. Одни юристы считают, что в этой статье предусмотрены два самостоятельных состава преступле-

между ними отношений подчиненности // Актуальные вопросы применения советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства органами военной юстиции: учеб. пособие. М., 1989; *Бражник Ф.С.* Преступления против военной службы: учеб. пособие. М., 2000; *Бушуев И.И.* Программа квалификация насильственных действий по ст. 4, 6, 7, п. «в». Закона об уголовной ответственности за воинские преступления // БВК ВС СССР и УВТ. 1968. № 2 (67); Военно-уголовное законодательство: науч.-практ. коммент. М., 1999; *Герцензон А.А.* Некоторые спорные вопросы квалификации преступлений против порядка подчиненности и воинской чести // БВК ВС СССР и УВТ. 1954. № 3 (20); *Добаткин В.И.* Объект преступления против порядка воинского подчинения // Труды академии. Вып. 17. М., 1957; *Зателепин О.К.* Становление и развитие системы преступлений против порядка подчиненности и уставных взаимоотношений в военно-уголовном законодательстве // Материалы науч.-практ. конф., посвященной проблемам борьбы с преступлениями против порядка взаимоотношений между военнослужащими. М., 1998; Итоги обсуждения статьи профессора А.А. Герцензона // БВК ВС СССР и УВТ. 1955. № 2 (22); К вопросу о квалификации преступлений против порядка подчиненности и воинской чести // Там же. № 1 (21); К вопросу о квалификации преступлений против порядка подчиненности и воинской чести // Там же. 1956. № 2 (22); *Мирецкий С.Г.* Разграничение преступлений, предусмотренных ст. 4, 6 и п. «в» ст. 7 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления // Там же. 1967. № 2 (64); *Папаташвили В.В.* Некоторые вопросы квалификации преступлений против порядка подчиненности // Там же. 1963. № 2 (52); *Погребняк И.Г.* О некоторых вопросах разграничения преступлений против порядка подчиненности // Там же. 1961. № 4 (46); *Прокопович Е.В.* Борьба с преступлениями против порядка подчиненности и воинской чести в Вооруженных силах СССР (Некоторые уголовно-правовые и криминологические вопросы): учеб. пособие. М., 1976; *Смердов А.А.* Борьба с преступлениями против уставного порядка взаимоотношений между военнослужащими: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987; *Толкаченко А.А.* Мотив и цель преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений // БВК ВС СССР и УВТ. 1989. № 3 (185); *Романов В.В.* Методика расследования воинских преступлений против порядка подчиненности и соблюдения воинской чести: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971.

⁹⁷ Подробнее об этом см.: *Зателепин, О.К., Лавруков, М.М.* Указ. соч.; *Лавруков М.М.* Указ. соч. С. 81—122.

⁹⁸ В данном случае мы имеем в виду не термин «насилие», используемый в ст. 333 УК РФ, а его общее понятие (об этом см., напр.: *Зателепин О.К.* Квалификация преступлений против военной безопасности. С. 136—156).

ния: сопротивление и принуждение⁹⁹. Другие полагают, что речь идет о едином преступлении, усложненном двумя альтернативными действиями¹⁰⁰. На наш взгляд, с точки зрения законодательной техники, более правильной следует считать вторую позицию.

Действия при сопротивлении и принуждении, представляющие собой в целом воздействие на волю начальника или иных лиц, исполняющих обязанности военной службы, свидетельствуют об однородности характера и близкой степени их общественной опасности, т. е. об их альтернативности. Это прямо следует и из грамматического толкования союза «или». При применении данной нормы в каждом конкретном случае должно быть точно определено, являются ли те или иные действия виновного сопротивлением или принуждением.

Сопротивление представляет собой в целом такое поведение, которое направлено на воспрепятствование выполнению начальником или иным военнослужащим конкретных служебных обязанностей. Сопротивление может выразиться как в активном воздействии на потерпевшего, так и в пассивном противодействии предпринимаемым усилиям последнего (создание помех, препятствий, не дающих выполнить необходимое действие). В целом «алгоритм» сопротивления может выглядеть следующим образом:

- а) нарушение тех или иных обязанностей военной службы со стороны военнослужащего;
- б) предъявление к военнослужащему со стороны начальника (иных лиц) требований о прекращении этих нарушений;
- в) невыполнение военнослужащим предъявляемых к нему требований;
- г) принятие мер со стороны начальника (иного лица) к исполнению (реализации) своих требований, выражающихся в совершении определенных действий;
- д) стремление виновного не дать возможности действовать начальнику или иному лицу в данной конкретной обстановке в соответствии с законом, требованиями воинских уставов или приказа. Иными словами, военнослужащий своими «собственными» усилиями препятствует начальнику или иному военнослужащему исполнить служебную обязанность.

Примером сопротивления могут служить случаи воспрепятствования патрульному наряду задержать военнослужащего, грубо нарушающего общественный порядок в городе, командиру — прекратить действия военнослужащего, нарушающие воинский порядок (драку в казарме) и т. п.¹⁰¹

Другим альтернативным действием в ст. 333 УК РФ является принуждение, которое заключается в воздействии на начальника или иное лицо, исполняющее обязан-

⁹⁹ Уголовное право Российской Федерации. Воинские преступления: учеб. М., 1993. С. 77; Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы / отв. ред. Н.А. Петухов. М., 1999. С. 91.

¹⁰⁰ Бражник Ф.С. Указ. соч. С. 33.

¹⁰¹ Правильно квалифицированы по ч. 1 ст. 333 УК РФ как сопротивление начальнику гарнизонным военным судом действия рядового К., который сначала не выполнил правомерные требования дежурного по дивизиону и его помощников — офицеров К. и Ч., и отказался покинуть казарму соседнего подразделения, а затем, оказывая им противодействие, нанес каждому из них по несколько ударов рукой (Обзор 2001 г. С. 14).

Вместе с тем, суды не всегда учитывают отмеченные особенности сопротивления, что нередко приводит к неверным решениям. Так, не удалось избежать ошибки военному суду гарнизона при рассмотрении уголовного дела в отношении рядового Э. Органами предварительного следствия Э. обвинялся в том, что, проявляя недовольство полученным от офицера Т. замечанием по поводу употребления спиртного и внешнего вида, избил последнего, нанеся ему множество ударов руками и ногами по лицу и телу. Эти действия Э. были квалифицированы по ч. 1 ст. 333 УК РФ как сопротивление начальнику. В ходе рассмотрения данного дела судом установлено, что побои потерпевшему Т. были нанесены не в процессе сопротивления и не в целях принуждения к нарушению каких-то конкретных служебных обязанностей, а в связи с недовольством его требовательностью по службе, из мести за служебную деятельность — в ответ на сделанное замечание. Поэтому содеянное Э. судом было правильно расценено как насильственные действия в отношении начальника и переквалифицировано на ч. 1 ст. 334 УК РФ (Обзор 2001 г. С. 15).

ности военной службы, направленном на то, чтобы заставить их поступить вопреки интересам службы, нарушить возложенные на них обязанности¹⁰². При этом, такое воздействие не обязательно должно полностью лишать потерпевших свободы выбора поведения.

Принуждение, будучи разновидностью насилия (в широком смысле этого слова), в ст. 333 УК РФ характеризуется рядом особенностей:

а) исполнение начальником или иным лицом во время принуждения тех или иных обязанностей военной службы;

б) предъявление начальнику (иному лицу) требования о совершении им определенных действий вопреки интересам службы, о совершении им незаконных действий, о несовершении служебного действия (например, когда военнослужащий требует от начальника предоставить ему незаконно кратковременный отпуск, перевести его в другую воинскую часть, досрочно уволить из Вооруженных Сил Российской Федерации и т. п.)¹⁰³;

¹⁰² В психологии принуждение трактуется как требование выполнить распоряжение инициатора, подкрепленное открытыми или подразумеваемыми угрозами (Психология. М., 1999. С. 344).

В уголовном праве нет единства мнений по вопросам о сущности принуждения и его соотношении с понуждением. Принуждение и понуждение с точки зрения русского языка являются синонимами и обозначают приневольвание, склонение вопреки воле лица к совершению (несовершению) каких-либо действий. Рассматривая данные категории, некоторые авторы приходят к их отождествлению. Так, В.Ф. Иванов считает, что понуждение и принуждение представляют собой вид насилия, который направлен на подавление или ограничение воли потерпевшего при одновременном стимулировании нужного насильнику поведения (Иванов В.Ф. Уголовно-правовая оценка понуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1986. С. 62).

Другие авторы считают, что понятие «понуждение» по объему шире понятия «принуждение», так как понуждение выражается не только в психическом или физическом воздействии на личность, что характерно для принуждения, но и в обещаниях, подкупе и т. п. (Шаргородский М.Д. Ответственность за преступления против личности. Л., 1953. С. 85).

Проводя разграничение понятий «понуждение» и «принуждение», ученые отмечают, что при понуждении потерпевший имеет возможность проявления волеизъявления, выбора варианта поведения, так как трудности, возникающие перед ним, вполне преодолимы, а при принуждении свобода выбора поведения принуждаемого вообще не учитывается и возможности выбора вариантов либо нет вообще, либо они сужены до предела (Чернявский А.Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 33).

В данном вопросе спорным является признание возможности волевого поступка со стороны потерпевшего при принуждении. Одни считают, что при принуждении человек сохраняет волю: он может и не делать того, к чему его принуждают угрозами или истязаниями. Другие, напротив, считают, что при принуждении потерпевший является лишь «механическим орудием в руках насильника», что принуждение исключает волевой поступок со стороны потерпевшего (Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 186, 187).

Последняя точка зрения применительно к ст. 333 УК РФ представляется неприемлемой. В реальной жизни практически не встречаются ситуации принуждения начальника или иных лиц, исполняющих обязанности военной службы, к нарушению этих обязанностей, когда указанные лица полностью лишены возможности исполнять те или иные служебные обязанности. В связи с этим следует согласиться с теми авторами, которые сохраняют за начальниками и иными лицами возможность совершения волевого поступка. Как правильно пишет В.П. Шупленков: «В подавляющем большинстве случаев начальники и другие военнослужащие, несмотря на противодействие или попытки принуждения, до конца выполняют свой воинский долг и пресекают преступное поведение посягающего» (Уголовное право Российской Федерации. Воинские преступления: учеб. С. 80). Этой позиции придерживаются и органы военной юстиции. Изученные автором настоящей работы уголовные дела свидетельствуют о том, что военные суды не признают в качестве обязательного признака принуждения невозможность совершения волевого поступка.

¹⁰³ Следует помнить, что непредъявление виновным требования к потерпевшему о совершении или несовершении определенных действий вопреки интересам службы исключает возможность квалификации содеянного как принуждения.

в) требование к нарушению обязанностей военной службы может относиться как ко времени его предъявления, так и к нарушению будущих обязанностей (например, принуждение начальника не включать подчиненного в формируемую команду для перевода к новому месту службы).

С учетом законодательной конструкции ст. 333 УК РФ средствами совершения преступления являются «насилие или угроза его применения». Формулировка закона о «сопряженности» сопротивления или принуждения с «насилием» означает, что в процессе совершения сопротивления или принуждения должны применяться насилие либо угроза его применения.

К «насилию», указанному в ст. 333 УК РФ, следует отнести: единичные удары, причинившие физическую боль, побои, истязания, иные насильственные действия, связанные с причинением физической боли, ограничение свободы. Последствием насилия, с учетом наличия квалифицирующих «насильственных» признаков (об этом подробнее будет сказано ниже), указанных в ч. 1 ст. 333 УК РФ, являются физическая боль или легкий вред здоровью.

С признаками «насилие» и «угроза применения насилия»¹⁰⁴ непосредственно связан вопрос о моменте окончания данного преступления. В юридической литературе он, как правило, решается весьма неопределенно. Например, признается, что «для оконченого состава преступления не требуется, чтобы в результате сопротивления начальник отказался или лишился возможности исполнить возложенные на него обязанности военной службы, а при принуждении — нарушил эти обязанности. Само воспрепятствование выполнению служебных обязанностей или принуждение к их нарушению образует оконченное преступление»¹⁰⁵. С таким взглядом, по нашему мнению, согласиться нельзя.

В ст. 333 УК РФ устанавливается ответственность не просто за сопротивление или принуждение, а за указанные действия, в процессе совершения которых применяется физическое или психическое насилие. Исходя из этого, при определении момента окончания рассматриваемого преступления игнорировать данное обстоятельство было бы не совсем правильно. Более того, по смыслу закона в указанной статье само по себе сопротивление или принуждение не являются уголовно наказуемыми. На наш взгляд, момент окончания данного преступления должен быть связан либо с применением насилия, либо с угрозой такого применения. Например, если военнослужащий требует выполнения от командира каких-либо действий вопреки интересам службы (незаконного увольнения его в город), но при этом не применяет насилия или не угрожает им, то состава принуждения (ст. 333 УК РФ) в данном случае не будет. Для применения данной нормы необходимо, чтобы военнослужащий не просто предъявлял какие-либо требования, а «подкреплял», «усиливал» их физическим насилием или его угрозой. Исходя из этого, только с момента совершения тех или иных физических насильственных действий (а также угрозы) в процессе сопротивления или принуждения данное преступление следует считать оконченным.

Особенностью насильственных преступлений вообще и воинских в частности является то обстоятельство, что преступное насилие является сущностью и большинства квалифицирующих обстоятельств составов этих преступлений. К «насильственным»отягчающим обстоятельствам в ст. 333 УК РФ относятся: применение оружия (п. «а» ч. 2), причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо иных тяжких последствий (п. «в» ч. 2). Указанные признаки подробно рассмотрены автором при характеристике превышения должностных полномочий, сопряженных с применением насилия (ст. 286 УК РФ). Ниже остановимся лишь на особенностях применительно к данному составу.

Средней тяжести вред здоровью при сопротивлении и принуждении может быть причинен умышленно и по неосторожности. Умышленное причинение такого вреда в любом случае охватывается п. «в» ч. 2 ст. 333 УК РФ и дополнительной квалификацией по ст. 112 УК РФ не требует. Такая квалификация обусловлена тем, что санкция за причинение вреда здоровью средней тяжести (ст. 112 УК РФ) менее строгая, чем за преступление, предусмотренное ст. 333 УК РФ.

¹⁰⁴ Содержание этого признака раскрыто применительно к ст. 286 УК РФ.

¹⁰⁵ Преступления против военной службы. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации. С. 82.

С учетом декриминализации причинения вреда здоровью средней тяжести по неосторожности в ст. 118 УК РФ (Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ)¹⁰⁶ представляется, что если такое деяние было сопряжено с сопротивлением или принуждением, то квалификация должна быть по ч. 1 ст. 333 УК РФ по признаку «применение насилия».

Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности также следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 333 УК РФ без дополнительной квалификации по ст. 118 УК РФ.

Наиболее остро в теории и на практике стоит вопрос о квалификации сопротивления или принуждения, сопряженных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. В юридической литературе предлагается квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 333 и чч. 2, 3 и 4 ст. 111 УК РФ¹⁰⁷. Большинство судей при рассмотрении подобных дел, как показало изучение практики, следуют этим рекомендациям¹⁰⁸.

Представляется, что такое решение данного вопроса нельзя признать бесспорным (точнее — безупречным). В предлагаемом подходе, по существу, допускается «двойное вменение», поскольку виновный будет привлекаться к ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью фактически дважды: первый раз — по соответствующим «воинским» статьям, во второй раз — по ст. 111 УК РФ. Вместе с тем, на наш взгляд, дать однозначный ответ на этот вопрос достаточно сложно в связи с тем, что в решении изложенной проблемы возможности общих правил квалификации преступлений исчерпаны. Поэтому оптимальный выход из создавшейся ситуации заключается в установлении баланса (соответствия) между санкциями ст. 333 и ст. 111 УК РФ. Законодатель, предусматривая ответственность за совершение составного преступления, должен учитывать повышенную опасность этих деяний (основного и дополнительного) в их единстве. Причем степень общественной опасности составного преступления всегда выше выделенного из него «дополнительного» деяния. В противном случае теряется весь смысл конструирования составных преступлений, так как «дополнительное» деяние приобретает тогда равную общественную опасность с составным преступлением, в ответственности за которое учитывается и это «дополнительное» деяние (что, конечно же, не может быть признано правильным)¹⁰⁹.

Вместе с тем, до внесения соответствующих изменений в УК РФ предпочтительным следует признать вариант квалификации содеянного в подобных случаях по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 333 УК РФ и чч. 1, 2, 3 и 4 ст. 111 УК РФ¹¹⁰. В данном случае создается так называемая юридическая фикция, т. е. отступление от общего правила о конкуренции норм и квалификация таких деяний по совокупности преступлений. При этом, следует помнить, что прием юридической фикции при квалификации преступлений не является в принципе новым¹¹¹.

В п. «в» ч. 2 ст. 333 УК РФ в качестве последствий альтернативно указано на причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо иных тяжких последствий. К последним может быть отнесена, в частности, смерть потерпевшего.

¹⁰⁶ Рос. газ. 2003. 16 дек.

¹⁰⁷ В частности, такой подход предлагают А.А. Тер-Акопов и Х.М. Ахметшин (Преступления против военной службы: учеб. для вузов. С. 4, 5; Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы. С. 97).

¹⁰⁸ Следует обратить внимание на то, что такой вариант квалификации предлагался до внесения изменений в УК РФ Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ, согласно которым в ч. 1 ст. 111 УК РФ и ч. 2 ст. 333 УК РФ теперь установлены одинаковые по размеру санкции — лишение свободы на срок до восьми лет. Если учесть критерии, которые были взяты за основу таких рекомендаций (строгость санкций), то в настоящее время требуется дополнительная квалификация и по ч. 1 ст. 111 УК РФ.

¹⁰⁹ Эти обстоятельства учтены в разработанном автором законопроекте (см. приложение).

¹¹⁰ Автор полагает, что при одинаковых санкциях, например в ч. 1 ст. 111 и ч. 2 ст. 333 УК РФ, требуется совокупность преступлений, учитывая при этом мнение по этому вопросу Н.Ф. Кузнецовой и А.В. Наумова.

¹¹¹ Подробнее об этом см.: Шарпов Р.Д. Указ. соч. С. 286—287.

В юридической литературе высказана точка зрения, согласно которой все альтернативные общественно опасные последствия должны быть, как правило, однородными и равноценными по общественной опасности¹¹². Применение данного положения к п. «в» ч. 2 ст. 333 УК РФ означало бы, что «иные тяжкие последствия» должны находиться только в плоскости какого-либо вреда для здоровья или жизни потерпевшего. Однако в специальной литературе высказана несколько иная точка зрения. Так, Х.М. Ахметшин считает, что к иным тяжким последствиям, указанным в п. «в» ч. 2 ст. 333 УК РФ, могут быть отнесены, например, срыв выполнения боевого задания или иной важной задачи, вывод из строя боевой техники, причинение крупного материального ущерба¹¹³. На наш взгляд, следует признать более правильной данную точку зрения.

Изложенное позволяет утверждать, что в содержание иных тяжких последствий необходимо, кроме физического и психического вреда, включать также и вред организационный, который может наступить в результате сопротивления начальнику или иному лицу, исполняющему обязанности военной службы, или принуждения указанных лиц к нарушению этих обязанностей.

Квалификация сопротивления или принуждения, совершенных с причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо иных тяжких последствий требует обязательного установления причинной связи между применением насилия и указанными последствиями¹¹⁴.

2.2. В ст. 334 УК РФ установлена ответственность за насильственные действия в отношении начальника, выражающиеся в нанесении побоев или применении иного насилия в отношении начальника во время исполнения им обязанностей военной службы или в связи с исполнением этих обязанностей.

Под побоями понимаются множественные (более одного) удары, сопряженные с причинением потерпевшему физической боли, но не повлекшие причинения вреда здоровью. В результате побоев у потерпевшего могут быть определенные телесные повреждения в виде ссадин, кровоподтеков, небольших ран, которые, однако, не влекут за собой утраты трудоспособности. Побои могут окончиться и без каких-либо видимых телесных повреждений. Если в результате нанесения побоев у потерпевшего возникают телесные повреждения, они оцениваются (при наличии необходимых медицинских показателей) как вред здоровью соответствующей тяжести.

Под «иным насилием» в специальной литературе понимается «причинение легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью начальника, а также совершение иных насильственных действий, связанных с причинением физической боли или ограничением его свободы»¹¹⁵. С таким подходом полностью согласиться нельзя. Объем понятия «иное насилие», указанного в ч. 1 ст. 334 УК РФ, не может в себя включать причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, поскольку за такие насильственные действия предусмотрена ответственность в п. «в» ч. 2 ст. 334 УК РФ.

Содержание насильственных действий в отношении начальника (побои или иное насилие) в целом совпадает с содержанием понятия «насилие», указанного в ст. 333 УК РФ (которое подробно было рассмотрено выше).

Последствиями побоев или применения иного насилия следует считать, как и в составе сопротивления начальнику или принуждения его к нарушению обязанностей военной службы, физическую боль или причинение легкого вреда здоровью, ограничение свободы¹¹⁶.

¹¹² Кузнецова Н. Ф. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. № 1. 2000. С. 30.

¹¹³ Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы. С. 97—98.

¹¹⁴ Об особенностях установления причинной связи в насильственных преступлениях см., напр.: Шарпов Р. Д. Указ. соч. С. 138—147.

¹¹⁵ Военно-уголовное законодательство. С. 82.

¹¹⁶ Правильно квалифицированы гарнизонным военным судом по ч. 1 ст. 334 УК РФ действия рядового Б., который после медицинского освидетельствования за выставленный ему диагноз «Здоров» избил начальника медицинской службы части капитана Г., причинив последнему легкий вред здоровью. В то же время по уголовному делу Д. военный суд гарнизона допустил ошибку. Квалифицируя действия Д. по ч. 1 ст. 334 УК РФ, суд одновременно исключил из обвинения причинение легкого вреда здоровью потерпевшего. В обоснование принятого реше-

Моментом окончания данного преступления следует признать совершение тех или иных насильственных действий в отношении начальника. В случаях когда виновный намеревался нанести начальнику, например, побои, но по независящим от него обстоятельствам свое намерение не сумел довести до конца, его действия должны быть квалифицированы как покушение на совершение преступления, предусмотренного ст. 334 УК РФ.

В ч. 2 ст. 334 УК РФ речь идет о тех же квалифицирующих признаках, что и в предыдущей статье. Их содержание было рассмотрено выше.

2.3. В ст. 335 УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанное с унижением чести и достоинства или издевательством над потерпевшим либо сопряженное с насилием.

Нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности совершают главным образом военнослужащие более ранних сроков призыва в отношении военнослужащих более позднего срока призыва («дедовщина») ¹¹⁷. Среди осужденных за это преступление 87 % составляют рядовые (матросы), ²/₃ из которых совершили преступление в последнем периоде службы.

Уголовно-правовая характеристика насилия (в широком смысле этого слова) в рассматриваемом преступлении имеет свои особенности.

Во-первых, основным деянием является «нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности», которое представляет собой неисполнение или ненадлежащее исполнение соответствующих обязанностей военной службы. Эти нарушения «физически» проявляются в «принуждении», т. е. в психическом насилии.

Во-вторых, средствами совершения данного преступления являются унижение чести и достоинства, издевательство, физическое насилие. Нельзя согласиться с теми авторами, которые утверждают, что «под нарушением уставных правил взаимоотношений понимаются различные виды насилия одних военнослужащих над другими, унижение их чести и достоинства, издевательство над ними» ¹¹⁸. Такое толкование могло быть применимо к ст. 244 УК РСФСР 1961 г., в которой речь шла о нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, выразившемся в нанесении побоев или ином насилии. Объективная сторона в ст. 335 УК РФ сконструирована иначе. Грамматическое толкование слов «связанное» и «сопряженное» свидетельствует о том, что унижение чести и достоинства, издевательство, насилие совершаются в процессе нарушения соответствующих правил.

Рассмотрим более подробно каждый «насильственный» компонент преступления, предусмотренного в ст. 335 УК РФ.

Нарушения уставных взаимоотношений конкретно проявляются в *принуждении* (курсив мой. — О. З.) потерпевших совершить различные по характеру действия ¹¹⁹.

ния суд указал, что причинение легкого вреда здоровью ч. 1 ст. 334 УК РФ не предусмотрено (Обзор 2001. С. 15—16). Данный вывод суда и соответственно уменьшение им объема обвинения Д. являются ошибочными, так как сделаны они без учета особенностей конструкции ст. 334 УК РФ, ч. 2 которой предусматривает ответственность за причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, определяя тем самым характер насилия, предусмотренный ч. 1 указанной статьи.

¹¹⁷ Более подробно о формах проявления неуставных отношений в воинских коллективах см.: *Зателепин О.К.* Квалификация преступлений против военной безопасности Российской Федерации. С. 178—182; *Моргуленко Е.А.* Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

¹¹⁸ Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы. С. 103.

¹¹⁹ Например, требовать оказать личные услуги военнослужащим более раннего срока призыва (чистить обувь, подшивать подворотнички, гладить обмундирование, заправлять постель), выполнять за них те или иные обязанности военной службы (дневального, дежурного и т. п.), изучать уставы (инструкции, наставления, технические описания и т. п.) во время, отведенное для сна или отдыха, передать предметы обмундирования, продукты питания, иные материальные ценности.

При этом, данные действия, как правило, сопряжены с унижением чести и достоинства потерпевших (проблемы разграничения данного преступления и оскорбления военнослужащего, предусмотренного ст. 336 УК РФ, будут рассмотрены ниже).

Под издевательством применительно к ст. 335 УК РФ понимаются различного рода глумления над военнослужащими (принуждение потерпевших совершать до изнеможения физические упражнения, находиться в течение продолжительного времени на полусогнутых в коленях ногах или в положении, при котором военнослужащие упираются ногами и руками в дужки кроватей; принуждение пить воду до рвотных позывов и т. п.)¹²⁰.

Физическое насилие как один из альтернативных признаков объективной стороны заключается в том, что в процессе нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими наносятся единичные удары, побои, причиняется вред здоровью, совершаются иные насильственные действия, связанные с причинением физической боли потерпевшему либо ограничением его свободы.

Последствием применения насилия, предусмотренного в ч. 1 ст. 335 УК РФ, могут быть физическая боль или легкий вред здоровью, ограничение свободы¹²¹.

Ряд авторов считают, что понятие «насилие» в ст. 335 УК РФ, наряду с физическим воздействием, включает и психическое насилие, в частности угрозу¹²². Однако такой подход нельзя признать соответствующим законодательству, поскольку употребление в тексте закона слова «насилие» означает лишь его физическую разновидность (об этом говорилось выше). Хотя, безусловно, исключение признака угрозы физическим насилием, на наш взгляд, без достаточных на то оснований сужает пределы действия данной нормы. Кроме того, и система воинских насильственных преступлений получается в целом незавершенной, поскольку в одних случаях психическое насилие включается в объективную сторону (ст. 333 УК РФ), а в других — нет (ст.ст. 334, 335 УК РФ). В связи с этим представляется необходимым дополнить диспозицию ч. 1 ст. 335 УК РФ после слов «либо сопряженное с насилием» словами «или угрозой его применения» (см. приложение).

Момент окончания рассматриваемого преступления зависит от тех средств, которые использует виновный в процессе нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. В одних случаях преступление будет окончено с момента совершения действий, выражающихся в унижении чести и достоинства, в других — момент окончания связан с совершением действий издевательского характера, в третьих — окончание преступления обусловлено фактом применения насилия.

К квалифицирующим «насильственным» признакам нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности относятся: применение оружия, причинение средней тяжести вреда здоровью, тяжкие последствия. Эти признаки рассмотрены ранее. Ниже остановимся лишь на их особенностях в данном составе преступления.

Средней тяжести вред здоровью при нарушении уставных правил взаимоотношений может быть причинен умышленно и по неосторожности. Умышленное причинение такого вреда охватывается п. «д» ч. 2 ст. 335 УК РФ. Этого подхода придерживается и судебная практика¹²³.

В тех случаях, когда нарушение уставных правил взаимоотношений повлекло по неосторожности средней тяжести вред здоровью, содеянное необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 335 УК РФ.

Тяжкими последствиями в ч. 3 ст. 335 УК РФ признаются: причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, причинение смерти, в том числе и убийство, а также самоубийство потерпевшего либо покушение на него¹²⁴.

¹²⁰ О формах неуставных проявлений, связанных с издевательством, физическим или психическим насилием над военнослужащим, см.: *Моргуленко Е.А.* Неуставные взаимоотношения военнослужащих: теория и практика антикриминального воздействия. М., 2006. С. 17—25.

¹²¹ Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы. С. 103.

¹²² Преступления против военной службы. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации. С. 93.

¹²³ Обзор 2001 г. С. 32.

¹²⁴ Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими в некоторых случаях (например, в карауле, на боевом дежурстве) может привести не только к человеческим

Поскольку в ст. 335 УК РФ в качестве самостоятельного квалифицирующего признака причинение тяжкого вреда здоровью не выделяется, данное последствие должно расцениваться как тяжкое и его следует квалифицировать соответственно по п. «в» ч. 3 названной статьи. Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности либо умышленно, но при отсутствии квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 111 УК РФ, следует квалифицировать по ч. 3 ст. 335 УК РФ без дополнительной квалификации по ст. 111 или ст. 118 УК РФ¹²⁵.

Если нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими было сопряжено с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего при обстоятельствах, указанных в чч. 2, 3 и 4 ст. 111 УК РФ, содеянное требует квалификации по совокупности преступлений¹²⁶.

3. Разграничение воинских насильственных преступлений, предусмотренных ст.ст. 333, 334 и 335 УК РФ, между собой и отграничение их от насильственных преступлений против личности.

3.1. В юридической литературе нет единства мнений по вопросу о критериях разграничения составов принуждения начальника к нарушению обязанностей военной службы и насильственных действий в отношении начальника.

Ряд авторов считают, что по ст. 334 УК РФ, а не ст. 333 УК РФ подлежат квалификации случаи насилия над начальником не в связи с его конкретными действиями по службе, а на почве «его общей требовательности (например, насильственные действия солдат над сержантами за то, что последние не создают им облегченные условия службы по сравнению с сослуживцами, позже призванными на военную службу)»¹²⁷. Так, В.Г. Мирецкий полагает, что для ст. 333 УК РФ характерным является принуждение начальника к совершению (несовершению) отдельного действия по службе, а принуждение начальника к изменению характера его служебной деятельности, его линии поведения образует состав насильственных действий в отношении начальника (ст. 334 УК РФ)¹²⁸. Указанный автор также полагает, что цель принудить начальника к нарушению в будущем обязанностей по военной службе присуща субъективной стороне не только принуждения, но и насильственных действий в отношении начальника.

жертвам, но и к срыву выполнения боевой задачи, выводу из строя боевой техники и другим тяжким последствиям. Эти последствия также могут служить основанием для квалификации преступления по ч. 3 ст. 335 УК РФ.

¹²⁵ Примером правильной квалификации может служить следующее уголовное дело. Будучи недоволен служебной деятельностью рядового Г., рядовой К. нанес ему удар ногой по ягодицам, от которого потерпевший упал и ударился головой о деревянный короб. В результате этого удара здоровью Г. был причинен тяжкий вред в виде закрытой тупой травмы шейного отдела позвоночника. Правильно установив, что возможность наступления такого последствия К. не предвидел, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть (неосторожная форма вины), военный суд обоснованно квалифицировал содеянное виновным по ч. 3 ст. 335 УК РФ (Обзор 2001 г. С. 32—33).

Следует согласиться и с квалификацией по той же статье действий матроса И. Согласно приговору военного суда гарнизона И., будучи недоволен тем, как дневальный по кубрику матрос Р. исполняет возложенные на него обязанности, нанес названному лицу сильный удар кулаком в живот, причинив закрытую травму живота в виде разрыва селезенки, т. е. тяжкий вред здоровью. Осуждая И. по ч. 3 ст. 335 УК РФ, суд обоснованно исключил из обвинения ч. 1 ст. 111 УК РФ, указав, что умышленное причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью полностью охватывается первой из названных статьей и дополнительной квалификации, как это было сделано органами предварительного следствия, не требует (Обзор 2001 г. С. 35).

¹²⁶ Так, рядовой И. с целью утвердить свое превосходство попытался заставить военнослужащего более позднего срока призыва рядового Ц. отжиматься от пола, а за отказ нанес ему сильный удар ногой, обутой в сапог, в грудь. Этим ударом И. причинил Ц. закрытую травму груди, повлекшую рефлекторную остановку сердца и смерть. С учетом фактических обстоятельств, свидетельствующих об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью Ц., повлекшего по неосторожности его смерть, военный суд гарнизона обоснованно признал наступившее последствие тяжким и квалифицировал действия И. по ч. 3 ст. 335 и ч. 4 ст. 111 УК РФ (Обзор 2001 г. С. 35—36).

¹²⁷ Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы. С. 93.

¹²⁸ Мирецкий В.Г. Указ. соч. С. 20.

Судебные органы допускают возможность принуждения в составе насильственных действий в отношении начальника. Так, в определении Военной коллегии Верховного Суда СССР по одному из уголовных дел сказано, что если виновный добивается снижения общей требовательности по службе, а не нарушения каких-либо конкретных обязанностей, то его действия следует квалифицировать как насильственные действия в отношении начальника¹²⁹. Судебная практика, складывающаяся в настоящее время, поддерживает эту позицию¹³⁰.

В юридической литературе встречается и другая позиция, в соответствии с которой принуждение рассматривается как предъявление требования общего характера, касающегося деятельности начальников в целом¹³¹.

Представляется, что предложенное решение вопроса нуждается в корректировке.

Во-первых, вряд ли можно согласиться с тем, что принуждение (в какой бы то ни было форме, в том числе требования об изменении характера служебной деятельности начальника, его линии поведения и т. п.) является признаком состава насильственных действий в отношении начальника. Такой вывод, прежде всего, не соответствует закону. Объективная сторона в ст. 334 УК РФ изложена таким образом, что места принуждению (как самостоятельному «насильственному» признаку) в ней нет. В ч. 1 ст. 334 УК РФ речь идет исключительно о нанесении побоев или применении иного, как неоднократно отмечалось, физического насилия. Нельзя согласиться также и с теми авторами, которые «прячут» принуждение в субъективный признак, обозначающий мотив «в связи с исполнением обязанностей военной службы»¹³². Принуждение — это не побуждение, а самостоятельное действие, характеризующее объективную сторону преступления и заключающееся в самом общем виде в предъявлении каких-либо требований к потерпевшему. По нашему мнению, нет достаточных оснований даже так называемые неконкретизированные требования (т. е., по существу, принуждение) считать признаком объективной стороны состава насильственных действий в отношении начальника¹³³.

Во-вторых, толкование термина «принуждение» в узком смысле, т. е. как требования о нарушении начальником «конкретных обязанностей», «определенной обязанности», «совершения начальником отдельного конкретного действия» и т. д., не вытекает из закона. В ст. 333 УК РФ ничего не говорится о характере, содержании требований, которые могут предъявляться виновным. В связи с этим, по нашему мнению, под принуждением в ст. 333 УК РФ следует понимать любые требования (как общего, так и конкретного характера) о нарушении обязанностей военной службы.

Изложенное позволяет сформулировать следующее частное правило квалификации: для квалификации содеянного по ст. 333 УК РФ как принуждение начальника или иного лица, исполняющего обязанности военной службы, необходимо установить, что виновный предъявил требование о нарушении указанными лицами обязанностей военной службы, сопряженное с насилием или угрозой его применения. При этом, для квалификации не имеет значения степень конкретизации предъявленных требований.

3.2. В судебной практике возник вопрос о квалификации действий подчиненного, который в процессе оскорбления начальника в связи с исполнением им обязанностей военной службы или во время их исполнения применил к нему насилие. Так, по одному из уголовных дел было установлено, что в ответ на правомерное замечание

¹²⁹ Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 16 сентября 1967 г. № Зн-0154167 // Судебная практика по применению военно-уголовного законодательства Российской Федерации / сост. О.К. Зателепин, А.И. Ноздринов; под общ. ред. проф. Х.М. Ахметшина. М., 2001. С. 27—28.

¹³⁰ Обзор 2001 г. С. 14—15.

¹³¹ Советское уголовное право. Воинские преступления. М., 1978. С. 138.

¹³² Мотив преступления — «это детерминированное социальными и психологическими факторами, объективированное в деянии субъекта и актуально осознаваемое им побуждение, которое реализуется посредством совершения преступления» (Толкаченко А.А. Мотив и цель в воинских преступлениях по советскому уголовному праву. С. 89—155).

¹³³ Такой подход по существу является аналогией закона, которая в силу ч. 2 ст. 3 УК РФ недопустима.

дежурного по автопарку прапорщика З. младший сержант С. сначала нецензурно высказался в его адрес и нанес один удар кулаком по лицу, а затем избил потерпевшего, нанеся ему множество ударов руками и ногами по голове и телу. Эти действия С. органами предварительного следствия были квалифицированы по ч. 2 ст. 334 и ч. 2 ст. 336 УК РФ¹³⁴.

С данной квалификацией согласиться нельзя. В данном случае оскорбление явилось составной частью более тяжкого преступления — насильственных действий в отношении начальника и дополнительной квалификации не требует. «Если этапом (промежуточной стадией) совершения более тяжкого преступления было менее тяжкое преступление, содеянное охватывается нормой, предусматривающей состав более тяжкого преступления»¹³⁵.

Указанный подход был предложен в свое время и Пленумом Верховного Суда СССР в п. 7 постановления от 22 сентября 1989 г. № 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка». В нем разъяснялось, что если виновным совершен ряд непрерывных и взаимосвязанных действий, каждое из которых образует состав самостоятельного преступления против порядка управления (например, оскорбление и сопротивление, сопротивление и посягательство на жизнь), то все содеянное надлежит квалифицировать по статье закона, предусматривающей ответственность за наиболее тяжкое преступление¹³⁶.

С учетом сказанного частное правило квалификации будет следующим: если подчиненный в процессе оскорбления начальника во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы применяет насилие или угрожает его применением, содеянное перерастает в более тяжкое преступление, предусмотренное ст. 334 УК РФ.

3.3. В соответствии со ст. 335 УК РФ унижение чести и достоинства личности военнослужащих является одним из средств нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности. В то же время в ч. 1 ст. 336 УК РФ устанавливается ответственность за оскорбление одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы. В связи с этим возникает вопрос о разграничении преступлений, предусмотренных ст.ст. 335 и 336 УК РФ.

Оскорбление, предусмотренное ст. 336 УК РФ, выражается в отрицательном отношении виновного к личности потерпевшего, но при этом само унижение его чести и человеческого достоинства не связано с предъявлением ему тех или иных требований, принуждением к нарушению обязанностей военной службы, стремлением виновного добиться для себя привилегированного положения в воинском коллективе и т. п. Последнее является характерным для преступления, предусмотренного в ст. 335 УК РФ.

Различие, таким образом, состоит в направленности умысла виновного. При оскорблении стремление унижить честь и человеческое достоинство потерпевшего является конечной целью противоправных действий. При этом, сами такие действия не связаны с предъявлением к потерпевшему тех или иных требований, принуждением к нарушению обязанностей военной службы и т. д.¹³⁷

¹³⁴ Обзор 2001 г. С. 19.

¹³⁵ Практикум по уголовному праву: учеб. пособие / под ред. проф. Л.Л. Кругликова. М., 1997. С. 9.

¹³⁶ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. С. 360.

¹³⁷ Непонимание этого различия повлекло вынесение гарнизонным военным судом ошибочного решения по делу рядового Т. Будучи недоволен отказом дневального по КПП рядового Г. нести службу у ворот части, Т. нанес ему один удар ребром ладони по лицу, не повлекший расстройства здоровья потерпевшего. Содеянное виновным с учетом объема примененного насилия было квалифицировано судом по ч. 1 ст. 336 УК РФ (Обзор 2001 г. С. 17).

Однако с такой юридической оценкой согласиться нельзя. Хотя действия Т. и сопровождалась унижением чести и достоинства потерпевшего, обусловлены они были не намерением оскорбить сослуживца, а недовольством его служебной деятельностью, стремлением добиться

Специальное правило квалификации будет выглядеть следующим образом: если унижение чести и достоинства одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы является способом нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, не состоящими в отношениях подчиненности, т. е. связано с предъявлением тех или иных требований, принуждением к нарушению обязанностей военной службы, стремлением виновного добиться для себя привилегированного положения в воинском коллективе и т. д., то содеянное должно квалифицироваться по ст. 335 УК РФ.

3.4. В теории и на практике остается весьма актуальным вопрос отграничения нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности от преступлений против личности. Это обусловлено тем, что не всякое насилие одного военнослужащего над другим образует воинское преступление. В период прохождения военной службы военнослужащие являются участниками не только военно-служебных отношений, регулируемых нормами военного законодательства. В процессе взаимного общения, в связи с реализацией имущественных, брачно-семейных и других личных прав и свобод между ними могут возникать сугубо личные отношения. В конкретных случаях они могут сопровождаться общественно опасным нарушением общегражданских прав и свобод участвующих в них военнослужащих, в том числе и с применением насилия.

Принципиальное решение по данному вопросу было принято Военной коллегией Верховного Суда СССР по делу М.¹³⁸ Эта правовая позиция сохраняет свою силу и в настоящее время.

Таким образом, по ст. 335 УК РФ подлежат квалификации, во-первых, насильственные действия, когда они совершены в связи с исполнением потерпевшим обязанностей военной службы, например на почве недовольства его добросовестным отношением к службе. Во-вторых, основанием для квалификации указанных действий по ст. 335 УК РФ является их совершение не только в связи с исполнением потерпевшим обязанностей военной службы, но из иных, в том числе хулиганских, побуждений, если при этом хотя бы один из военнослужащих (потерпевший или виновный) исполнял обязанности военной службы. В-третьих, преступление, квалифицируемое по ст. 335 УК РФ, может быть совершено не в связи и не при исполнении обязанностей военной службы, но сопровождаться проявлением явного неуважения к воинскому коллективу, грубым нарушением внутреннего распорядка в подразделении, нормального отдыха или досуга личного состава, стремлением отдельных военнослужащих более раннего срока призыва утвердить свое «превосходство» над военнослужащими более позднего срока призыва¹³⁹.

надлежащего исполнения Г. обязанностей дневального по КПП. Поэтому содеянное подлежало квалификации по ч. 1 ст. 335 УК РФ, как это сделали органы предварительного следствия. Что же касается унижения чести и достоинства потерпевшего, то оно являлось составной частью объективной стороны нарушения уставных правил взаимоотношений и дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 336 УК РФ не требовало.

¹³⁸ Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 30 июля 1985 г. № 1н-0332/85 // Судебная практика по применению военно-уголовного законодательства Российской Федерации. С. 69—70.

¹³⁹ Примером правильного подхода при решении этого вопроса является уголовное дело в отношении младшего сержанта Р. Органами предварительного следствия Р. обвинялся в том, что в помещении казармы нанес младшему сержанту С. один удар кулаком в лицо, причинив перелом нижней челюсти, т. е. вред здоровью средней тяжести. Эти его действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 335 УК РФ. В судебном заседании военным судом гарнизона было установлено, что насилие Р. применено на почве личных взаимоотношений, не связанных с военной службой, — в связи с подозрением С. в краже принадлежавших подсудимому вещей. При этом, ни подсудимый, ни потерпевший какие-либо конкретные обязанности военной службы (общие или специальные) фактически не исполняли, а конфликт между ними произошел хотя и в установленном распорядком дня служебное время, но в уединенном месте, и нарушением внутреннего порядка в подразделении не сопровождался. Поскольку перечисленные обстоятельства свидетельствовали об отсутствии в действиях Р. признаков преступления против военной службы, суд с учетом причиненного личности потерпевшего вреда обоснованно переквалифицировал содеянное виновным на ч. 1 ст. 112 УК РФ (Обзор 2001 г. С. 10—11).

Изложенное позволяет предложить следующее правило квалификации: насилие одного военнослужащего над другим может быть признано воинским преступлением (ст. 335 УК РФ) лишь в том случае, когда оно служит средством нарушения установленного порядка прохождения военной службы и применено: а) в связи с исполнением потерпевшим обязанностей по военной службе или б) при исполнении хотя бы одним из них этих обязанностей, либо в) когда применение насилия, хотя непосредственно и не связано с исполнением обязанностей военной службы, но было сопряжено с очевидным для виновного нарушением порядка воинских отношений и выражало явное неуважение к воинскому коллективу.

3.5. Насильственные действия в отношении начальника в отдельных случаях должны быть квалифицированы как общеуголовное преступление против личности (по нормам гл. 16 УК РФ).

Необходимым признаком объективной стороны преступления, предусмотренного в ст. 334 УК РФ, является совершение насильственных действий в отношении начальника во время исполнения им обязанностей военной службы. Развернутое понятие «исполнение военнослужащим обязанностей военной службы» дано в ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и в ст. 7 УВС ВС РФ (об этом говорилось выше). Под исполнением обязанностей военной службы понимается, в частности, исполнение должностных обязанностей, установленных воинскими уставами, несение боевого дежурства и других специальных служб, выполнение приказа, распоряжения или задачи, отданных или поставленных командиром (начальником), и т. д. При этом, начальник считается приступившим к выполнению своих обязанностей в любой момент, в любое время, при любых обстоятельствах, требующих призвать к повиновению подчиненного¹⁴⁰. Насильственные действия в отношении начальника в указанных ситуациях подлежат квалификации по ст. 334 УК РФ.

Следует также иметь в виду, что преступление, квалифицируемое по ст. 334 УК РФ, может быть совершено также, когда начальник непосредственно не исполняет обязанности военной службы, но насилие применяется к нему в связи с исполнением этих обязанностей. В подобных случаях во время применения насилия начальник может пребывать вне пределов воинской части или места службы (отдых, отпуск, лечение и т. п.)¹⁴¹.

В отдельных случаях насильственные действия в отношении начальника могут совершаться не в связи с исполнением им обязанностей военной службы, а на почве личных неприязненных отношений (например, из ревности) и во внеслужебной обстановке, т. е. не во время исполнения им обязанностей военной службы. Такие действия не содержат признаков преступлений против военной службы и поэтому подлежат квалификации по соответствующим статьям УК РФ о преступлениях против личности.

Специальное правило квалификации можно сформулировать следующим образом: насильственные действия подчиненного в отношении начальника не могут быть квалифицированы по ст. 334 УК РФ, если виновный применил насилие к начальнику в свободное от службы время (отдых, отпуск и т. п.) и по мотиву, не связанному с военной службой (личные неприязненные отношения, хулиганские побуждения, ревность и т. п.). Подобные преступные действия должны квалифицироваться как преступления против личности.

Следует помнить, что в ст. 334 УК РФ установлена ответственность подчиненного за насилие в отношении начальника в связи с правомерными действиями последнего, совершенными по службе и соответствующими требованиям воинских уста-

¹⁴⁰ Бражник Ф.С. Указ. соч. С. 39.

¹⁴¹ Примером правильной квалификации насильственных действий, совершенных по мотиву недовольства служебной деятельностью начальника (т. е. связанных с исполнением последним обязанностей военной службы), может служить уголовное дело в отношении рядового Д. Будучи недоволен тем, как младший сержант А. исполняет обязанности старшины батальона, Д. завел его в умывальную комнату казармы, где нанес несколько ударов рукой в лицо, причинив физическую боль. Поскольку эти действия Д. были обусловлены желанием заставить А. более добросовестно исполнять обязанности по службе, они обоснованно квалифицированы военным судом гарнизона по ч. 1 ст. 334 УК РФ (Обзор 2001 г. С. 15).

вов. Если же насильственные действия явились защитой (местию) от противоправного насилия со стороны самого начальника, то ответственность подчиненного по данной статье исключается. Подобные действия в зависимости от конкретных обстоятельств могут быть признаны необходимой обороной, либо превышением ее пределов, либо преступлениями против личности. Такой позиции придерживается и судебная практика¹⁴².

Сказанное позволяет сформулировать еще одно специальное правило квалификации: насильственные действия подчиненного в отношении начальника могут быть квалифицированы по ст. 334 УК РФ, если виновный применил насилие к начальнику в связи с его правомерной деятельностью по службе. Если же насильственные действия явились защитой от противоправного насилия со стороны самого начальника, то ответственность подчиненного по данной статье исключается.

II. Спорные вопросы квалификации уклонений от военной службы.

В юридической литературе проблеме уголовной ответственности за уклонения от военной службы уделено много внимания¹⁴³. Вместе с тем, вопросы квалификации

¹⁴² Так, Военная коллегия Верховного Суда СССР в одном из своих определений указала, что с учетом того, что Л. причинил Г. легкие телесные повреждения без расстройства здоровья в связи с неправомерными по отношению к нему действиями Г., содеянное Л. не может быть расценено как воинское преступление, совершенное на почве недовольства служебной деятельностью начальника (ст. 242 УК РСФСР, ст. 334 УК РФ), и подпадает под признаки ч. 2 ст. 106 УК Азербайджанской ССР (ст. 115 УК РФ) (Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 29 сентября 1987 г. № In-0464/87 // Судебная практика по применению военно-уголовного законодательства Российской Федерации. С. 47—48).

¹⁴³ Антонов Ю.И., Шопинский В.И. Уголовная ответственность за самовольное оставление части или места службы по законодательству России и стран СНГ: учеб. пособие. М., 2005; Ахметшин Х.М. Дезертирство (научно-практический комментарий к ст. 338 УК РФ) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2004. № 3. (Вкладка «Военно-уголовное право»). № 6. С. 1—3; *Его же*. Самовольное оставление части или места службы (научно-практический комментарий к ст. 337 УК РФ) // Там же. № 2. (Вкладка «Военно-уголовное право»). № 4. С. 1—7; *Его же*. Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (научно-практический комментарий к ст. 339 УК РФ) // Там же. № 4. (Вкладка «Военно-уголовное право»). № 8. С. 1—4; *Его же*. О квалификации побега с гауптвахты // БВК ВС СССР. 1963. № 1 (51). С. 29—37; Ахметшин Х.М., Кудрявцев В.Н. Воинские преступления: Преступления против установленного порядка прохождения военной службы. Курс лекций. Лекция 5. М., 1955; Бушуев Г. Цель и мотивы дезертирства и самовольного оставления части или места службы // БВК ВС СССР. 1959. № 2—3 (36—37). С. 91—96; *Его же*. Разграничение преступлений, ответственность за которые предусмотрена в ст.ст. 245—248 УК РСФСР // Правоведение. 1964. № 1. С. 155—160; Вопросы разграничения и квалификации дезертирства, самовольного оставления части и самовольной отлучки // ИБ ГВП. 1957. № 34. С. 26—35; Горобец В. О мотиве уклонения от военной службы // ИБВС. 2003. № 2 (190). С. 19—23; Кожемякин Б.А. Некоторые вопросы понятия отказа от военной службы / Воен. ин-т // Сб. ст. № 13. 1977. С. 169—175; *Его же*. Вопросы квалификации уклонения от несения обязанностей военной службы путем подлога документов / Воен. ин-т // Сб. ст. № 14. 1978. С. 174—179; *Его же*. Некоторые вопросы квалификации уклонения от военной службы путем членовредительства и симуляции болезни // ИБ ГВП. 1978. № 102. С. 72—77; Куцев А.А. Некоторые вопросы характеристики признаков объективной стороны и субъекта уклонений от военной службы // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 10. С. 277—280; *Его же*. Спорные вопросы квалификации уклонений от военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по контракту // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2007. № 6. (Вкладка «Военно-уголовное право»). № 12. С. 122—124; *Его же*. Уголовно-правовая характеристика способов уклонения от прохождения военной службы по контракту // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке С. 437—441; *Его же*. К вопросу о моменте окончания дезертирства // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2008. № 2. (Вкладка «Военно-уголовное право»). № 4. С. 109—111; Меньшагин В.Д. Уголовная ответственность за дезертирство. Ашхабад, 1942; Оноколов Ю.П. Уклонения от военной службы (исторические, уголовно-правовые, криминологические аспекты): моногр. Новороссийск, 2007; О квалификации подлога документов с целью сокрытия уклонения от службы // БВК ВС СССР. 1971. № 3 (77). С. 55; Самойлов А.С. Квалификация дезертирства с оружием // Уголовное право. 2003. № 3. С. 55—56; Толкаченко А.А.

уклонений от военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, разработаны в меньшей степени, прежде всего, в силу их новизны¹⁴⁴. Не все из них получили должное освещение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы»¹⁴⁵. Кроме того, после принятия указанного постановления в практике возникли новые квалификационные вопросы, требующие научного осмысления. По-прежнему актуальной научной проблемой остается квалификация побега, совершенного военнослужащим, содержащимся на гауптвахте.

1. Спорные вопросы квалификации уклонений от военной службы военнослужащих, проходящих военную службу в добровольном порядке (по контракту)¹⁴⁶.

1.1. В практике органов военной юстиции возник вопрос, можно ли квалифицировать по ст. 337 УК РФ как неявку в срок на службу неприбытие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на службу в случае их проживания в общежитиях, расположенных на территории воинской части¹⁴⁷.

В юридической литературе неявкой в срок на службу признавались случаи, когда военнослужащий, *оставив* (курсив мой. — О. З.) расположение части или место службы на законном основании, не возвращался без уважительных причин в часть или к месту службы в установленный срок¹⁴⁸. Такое понимание неявки было сформулировано в то время, когда военнослужащие, проходящие военную службу в добровольном порядке (офицеры, прапорщики (мичманы) и военнослужащие сверхсрочной службы), прожигали, как правило, за территорией воинской части или места службы¹⁴⁹.

Реалии настоящего времени таковы, что в частях постоянной боевой готовности общежития для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту,

Некоторые вопросы судебной практики по делам об уклонении от военной службы (методическая разработка для военных судов). М., 1990; Тер-Акопов А.А. Дезертирство // Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. М., 1997; Шарапов С.Н. Дезертирство с оружием: основания криминализации, вопросы квалификации и проблемы законодательной конструкции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 11. С. 59—65; Шулепов Н.А. Исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности за дезертирство // Военно-правовые проблемы государственно-правовой реформы: материалы теоретического семинара. М., 1990. С. 82—87; Уклонение от несения обязанностей военной службы путем членовредительства // БУВТ и ВК ВС СССР. 1982. № 1 (112). С. 13—17.

¹⁴⁴ Подробнее об этом см.: Кулев А.А. Уголовная ответственность военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, за уклонение от военной службы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

¹⁴⁵ Автор настоящей работы принимал активное участие в разработке проекта данного документа, в его обсуждении.

¹⁴⁶ Судебная статистика свидетельствует о ежегодном росте судимости военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. При этом, первое место занимают уклонения от военной службы (такое положение дел характерно и для иностранных профессиональных армий). В 2007 г. впервые число осужденных за уклонение от военной службы по контракту превысило количество осужденных за уклонение от военной службы по призыву. К 2010 г. доля осужденных военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, за уклонения от военной службы уже составила 71 % от всех осужденных за эти преступления. Такая тенденция в целом сохранилась и в настоящее время (в 2012 г. этот показатель равнялся 64 %).

¹⁴⁷ К примеру, решением военного прокурора гарнизона прекращено уголовное дело в отношении К. на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду отсутствия в деянии состава преступления. К. 20 февраля 2000 г. убыл со службы и не исполнял обязанности военной службы на протяжении трех месяцев, проводя время по своему усмотрению. Однако при этом ежедневно ночевал в общежитии на территории воинской части. В постановлении о прекращении уголовного дела отмечается, что при таких обстоятельствах К. воинскую часть не оставлял и неявку в срок на службу совершить не мог.

¹⁴⁸ Закон об уголовной ответственности за воинские преступления: коммент. / под ред. А.Г. Горного. М., 1986. С. 53.

¹⁴⁹ В настоящее время такой подход в юридической литературе сохранился (Военно-уголовное право: учеб. С. 190).

нередко располагаются на территории воинской части. В отдельных (исключительных) случаях солдаты, матросы, сержанты и старшины, проходящие военную службу по контракту, могут временно размещаться в казармах отдельно от военнослужащих, проходящих военную службу по призыву (ст. 166 УВС ВС РФ). Кроме этого, ст. 167 УВС ВС РФ прямо предусматривает, что при комплектовании роты военнослужащими, проходящими военную службу по призыву, а также военнослужащими, проходящими военную службу по контракту на воинских должностях сержантов и старшин, последние размещаются в отдельных помещениях казармы.

В связи с вышесказанным изложенную выше позицию в отношении содержания понятия «неявка» вряд ли можно признать универсальной, подходящей для всех случаев незаконного отсутствия на службе.

Не вызывает трудностей оценка ситуации, когда военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, будучи, например, в отпуске, командировке, на лечении и находясь за пределами территории воинской части (места службы), в установленное время не прибывает на службу. В этих случаях под *неявкой в срок на службу* (курсив мой. — О. З.) следует считать неприбытие в воинскую часть или к месту службы в срок, указанный в соответствующих документах.

Сложнее обстоит дело, если военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, согласно регламенту служебного времени убыл со службы в общежитие, расположенное на территории воинской части, и длительное время не прибывает на службу. Создается впечатление, что в данном случае такой военнослужащий, находясь на территории воинской части (или в месте службы), не может совершить неявку на службу.

Для правильного решения поставленного вопроса следует определить содержание понятия «служба» в словосочетании «неявка в срок на службу».

В юридической литературе встречается основанное на законодательстве (в частности, ст. 6 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе») «деятельностное» понимание «службы». Так, Д.Н. Бахрах считает, что служба — это один из важнейших видов целенаправленной деятельности человека, а также общества и государства¹⁵⁰. Н.И. Кузнецов пишет: «Военная служба заключается в повседневном выполнении конкретных воинских обязанностей в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях»¹⁵¹.

Военная служба, таким образом, может быть определена как деятельность военнослужащего, заключающаяся в исполнении служебных обязанностей военной службы в военных организациях государства.

В соответствии с регламентом служебного времени военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, должны ежедневно убывать со службы. После убывтия со службы на законном основании своим временем они распоряжаются самостоятельно, никаких служебных обязанностей не исполняют (кроме общих обязанностей). При этом, находясь в общежитии, расположенном на территории воинской части, они, тем не менее, уже юридически и фактически не находятся на службе, хотя пребывают в месте службы (на территории части). Поэтому неявкой на службу следует признавать и случаи, когда указанные военнослужащие, убыв со службы и не покинув территорию части (места службы), в последующем не являются на службу в установленное время и не приступают к исполнению служебных обязанностей военной службы в целях выполнения основных мероприятий регламента служебного времени.

Такое понимание неявки в срок на службу применительно к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в принципе не противоречит п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы», в котором акцентируется внимание на неприбытии таких военнослужащих на

¹⁵⁰ Бахрах, Д.Н. Административное право. М., 1993. С. 97.

¹⁵¹ Военная администрация / под ред. заслуженного деятеля науки России, академика Академии военных наук, проф. Н.И. Кузнецова. М., 1998. С. 87.

службу ко времени, установленному регламентом служебного времени или приказом (распоряжением) командира (начальника), при этом не указывается на обязательное проживание этих военнослужащих «вне пределов расположения части»¹⁵².

1.2. В судебной практике вызывает трудности оценка случаев, когда военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, незаконно отсутствуют на службе, но при этом один раз в десять суток прибывают на территорию своей воинской части, однако при этом фактически не приступают к исполнению каких-либо конкретных служебных обязанностей военной службы (прежде всего, должностных).

Изучение уголовных дел показало, что при их прекращении в отношении таких лиц в процессуальных документах, как правило, указывается, что в ст. 337 УК РФ самовольное оставление части или места службы, а также неявку в срок на службу законодатель не связывает с *исполнением обязанностей* (курсив мой. — О. З.), данные деяния, как указывается в таких документах, совершаются путем самовольного оставления территории части (места службы) или неявки в определенное место. На основании этого делается вывод, что военнослужащий не подлежит уголовной ответственности, если он прибывает на территорию воинской части (места службы) один раз в десять суток. Факт исполнения или неисполнения служебных обязанностей для решения вопроса о привлечении его к уголовной ответственности значения не имеет.

Такая позиция, на наш взгляд, является спорной и не соответствует разъяснениям, содержащимся в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы». В нем, в частности, говорится, что в тех случаях, когда незаконно пребывающий вне части (места службы) военнослужащий временно появляется в расположении части (в месте службы) без намерения приступить к исполнению обязанностей военной службы и фактически не приступает к их исполнению, течение срока самовольного отсутствия не прерывается.

Вместе с тем, в указанном пункте не раскрывается, об исполнении каких обязанностей военной службы идет речь (общих, должностных или специальных), а также, что означает в данных ситуациях выражение «фактически не приступает к исполнению обязанностей военной службы». Уяснение этих моментов имеет важное значение для выработки правильного квалификационного решения.

Содержание общих, должностных и специальных обязанностей раскрыто в ст.ст. 26 и 27 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Совокупность указанных обязанностей в юридической литературе предлагается именовать «служебными» обязанностями¹⁵³, а те из них, которые могут быть возложены только на военнослужащих — «функциональными» («профессиональными») ¹⁵⁴.

Обязанности быть верным Военной присяге (обязательству), беззаветно служить народу Российской Федерации, мужественно и умело защищать Российскую Федерацию; строго соблюдать Конституцию Российской Федерации и ее законы, требования общевоинских уставов, беспрекословно выполнять приказы командиров и другие перечисленные в ст.ст. 16—23 УВС ВС РФ обязанности являются общими для всех военнослужащих и возлагаются на них с момента начала военной службы.

Понятие должностных и специальных обязанностей раскрывается в ст.ст. 24, 25 УВС ВС РФ. В частности, каждый военнослужащий, назначенный на воинскую должность, имеет должностные обязанности, которые определяют его полномочия, а также объем выполняемых им согласно занимаемой должности задач. Военнослужащие, находящиеся на боевом дежурстве (боевой службе), в суточном и гарнизонном наря-

¹⁵² Следует обратить внимание на то, что при разработке данного документа в нем предусматривалось разъяснение, в котором прямо говорилось о том, что для решения вопроса о неявке на службу место проживания военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, значения не имеет.

¹⁵³ Такой подход в целях унификации военного законодательства предложен А.В. Титовым (Титов А.В. Обязанности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 17).

¹⁵⁴ Тер-Акопов А.А. Правовые основания ответственности за воинские преступления. С. 159.

дах, а также привлекаемые для ликвидации последствий стихийных бедствий и в других чрезвычайных обстоятельствах, исполняют специальные обязанности, которые, как правило, носят временный характер.

Уклонения от военной службы путем неявки нарушают порядок пребывания на ней¹⁵⁵, т. е. военно-служебные отношения между органом военного управления и военнослужащими по поводу нахождения последних в течение определенного времени в установленном месте службы в *целях* (курсив мой. — О. З.) исполнения служебных обязанностей¹⁵⁶. Военнослужащий, находясь в воинской части или другом месте службы, обязан добросовестно исполнять общие, должностные и специальные обязанности в полном объеме (при этом, общие обязанности военнослужащий обязан исполнять в любое время и в любом месте). Поэтому правила пребывания на военной службе, по нашему мнению, устанавливают для военнослужащих не только обязанность находиться на территории воинской части (в месте службы), но и обязанность в этот период добросовестно исполнять общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих. Эти обязанности по своей юридической природе являются общими; они адресованы всем военнослужащим и связаны как с необходимостью своевременного прибытия на военную службу (из увольнения, отпуска в соответствие с регламентом служебного времени) и убытия с нее, так и с *условиями*¹⁵⁷ (курсив мой. — О. З.) нахождения на ней.

Таким образом, нарушением порядка пребывания на военной службе необходимо признавать не только отсутствие военнослужащего в части или в месте службы, но и неисполнение им служебных обязанностей военной службы, в том числе и в момент нахождения его на территории части (места службы).

Неявка в срок на службу, являясь разновидностью уклонения от военной службы, заключается в *бездействии* (курсив мой. — О. З.), суть которого в том, что военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, не исполняет возложенные на него служебные обязанности. Для того чтобы прервать такое бездействие, необходимо, чтобы такой военнослужащий приступил к реальному исполнению указанных обязанностей. При этом, следует особо обратить внимание на то, что место

¹⁵⁵ Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы. С. 120; Преступления против военной службы (Военно-уголовное законодательство Российской Федерации): науч.-практ. коммент. Уголовного кодекса Российской Федерации / Х.М. Ахметшин [и др.]. М., 1999. С. 99; Преступления против военной службы: учеб. для вузов. С. 45; Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: науч.-практ. коммент. / под общ. ред. Н.А. Петухова. М., 2004. С. 154; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. А.С. Михлина. М., 2004. С. 466.

¹⁵⁶ В юридической литературе используются разные понятия. Х.М. Ахметшин и В.Н. Кудрявцев говорят об установленном в Вооруженных Силах порядке прохождения военной службы, раскрывая его как совокупность правовых отношений, в которые вступает военнослужащий, начиная военную службу в рядах Вооруженных Сил (Воинские преступления: учеб. М., 1963. С. 122). Такой же точки зрения придерживался и А.М. Медведев (Медведев А.М. Ответственность за дезертирство по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1956. С. 85—86). Данный подход, по существу, отождествляет понятия «порядок прохождения военной службы» и «порядок пребывания на военной службе».

Интересен взгляд Г.И. Бушуева, который считал, что при совершении дезертирства ущерб причиняется охраняемому законом порядку взаимоотношений между военнослужащими и государством, который можно назвать порядком нахождения на военной службе, а объектом преступлений, связанных с совершением самовольных отлучек и самовольным оставлением части или места службы, считал установленный порядок нахождения в части или месте службы (Бушуев Г.И. Уголовная ответственность военнослужащих за самовольное оставление части и неявку в срок на службу. Рига, 1960. С. 103—104). Современные авторы под порядком пребывания на военной службе понимают порядок, в соответствие с которым военнослужащий должен проходить службу в установленном месте и выполнять служебные обязанности в полном объеме (Преступления против военной службы (Военно-уголовное законодательство Российской Федерации). С. 99; Преступления против военной службы. С. 45).

¹⁵⁷ К таким условиям мы относим добросовестное исполнение других общих, должностных и специальных обязанностей военнослужащих в период нахождения их на территории части (в месте службы).

их исполнения принципиального значения не имеет. Это может быть территория части, где проходит службу военнослужащий, а может быть и место вне части, где находится лицо, при условии, что оно сообщило командованию о месте своего нахождения и приступило к выполнению отданных ему распоряжений, т. е. приступило к исполнению служебных обязанностей, в данном случае — общих.

Такой подход нашел свое отражение в упоминавшемся уже ранее п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы», в котором разъясняется, что течение срока самовольного отсутствия не прерывается, если незаконно пребывающий вне части (места службы) военнослужащий после уведомления командования о месте своего нахождения не выполняет отданные ему распоряжения и тем самым продолжает уклоняться от исполнения обязанностей военной службы¹⁵⁸.

С учетом изложенного можно прийти к выводу, что в случае прибытия незаконно находящегося вне части (места службы) военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, на территорию части (места службы) уклонение от военной службы путем неявки на нее можно считать «прерванным» только при наличии двух обстоятельств вместе взятых. Первое — такой военнослужащий прибыл в часть с *намерением* (курсив мой. — О. З.) приступить к исполнению служебных обязанностей. Второе — он фактически приступил к их исполнению. О наличии этих обстоятельств могут свидетельствовать, например, прибытие на совещание, проверка личного состава в подчиненном подразделении, получение задачи и организация ее исполнения, а также выполнение иных обязанностей, к которым военнослужащий должен приступить согласно регламенту служебного времени.

В тех случаях, когда военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, прибывают один раз в десять суток на территорию части (места службы) без «реального» намерения приступить к исполнению служебных обязанностей, факт их явки на территорию части сам по себе не прерывает период неявки их на службу (т. е. не прерывает их нахождение в преступном состоянии). При этом, на наш взгляд, не имеют значения такие обстоятельства, как доклад о прибытии своим командирам, присутствие на построении личного состава, получение задач и т. п., если будет установлено, что в целом военнослужащий в день явки так и не приступил к выполнению основных мероприятий распорядка дня посредством исполнения должностных, а в ряде случаев и специальных, обязанностей, а на следующий день вновь не вышел на службу. Таких военнослужащих следует считать уклоняющимися от исполнения служебных обязанностей, в том числе и в тот день, когда они явились в часть (к месту службы), но фактически так не и приступили к их исполнению (к примеру, после доклада о прибытии своим командирам, построения личного состава, получения задач эти военнослужащие вновь без разрешения убыли из части).

1.3. Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, не обязаны, в отличие от военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, находиться на территории воинской части (или иного места службы), они имеют право ежедневно убывать со службы. Регламент служебного времени предусматривает время прибытия на службу и убытия с нее, время перерыва для приема пищи (обеда) и т. д.

С учетом отмеченной особенности правового положения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на практике возник вопрос об исчислении сроков продолжительности их уклонения от военной службы. В частности, следует ли из этого срока исключать выходные и праздничные дни, период между установленным регламентом временем убытия и прибытия на службу и т. п.

¹⁵⁸ При рассмотрении конкретного дела изложенная позиция была сформулирована Военной коллегией Верховного Суда СССР. Так, согласно определению Военной коллегии Верховного Суда СССР в отношении Б. неоднократная явка последнего на территорию части не была признана в качестве обстоятельства, прерывающего течение незаконного отсутствия вне места службы, так как в каждом случае Б. появлялся для того, чтобы узнать, разыскивают его или нет. При этом, Б. о своем прибытии никому из начальников не докладывал и служебных обязанностей не исполнял (Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 9 апреля 1964 г. № 3н-0175 / 64 // БВК ВС СССР. 1971. № 3 (77). С. 53—54).

Служебные обязанности военнослужащих имеют ряд существенных черт, отличающих их от других, в том числе сходных, юридических обязанностей, например трудовых. Военная служба, посредством прохождения которой граждане реализуют свое право на труд, представляет собой особый вид государственной службы, непосредственно связанной с обеспечением военной безопасности и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах. Лица, проходящие военную службу, выполняют конституционно значимые функции, чем обуславливается их правовой статус, а также содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним и их обязанностей по отношению к государству. Военная служба отличается от других видов трудовой деятельности, и поэтому реализация конституционного права на труд в условиях военной службы имеет свои особенности.

Военнослужащий, подписывая контракт и приступая к военной службе, налагает на себя ряд обязанностей, которые отсутствуют в других видах трудовой деятельности. В ст. 32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», регулирующей вопросы заключения контракта о прохождении военной службы, указано, что в контракте о прохождении военной службы закрепляются добровольность поступления гражданина (иностранного гражданина) на военную службу, срок, в течение которого гражданин (иностранец) обязуется проходить военную службу, и условия контракта. К таким условиям, согласно п. 3 ст. 32 названного Закона, относится обязанность проходящего военную службу гражданина (иностранного гражданина) в течение установленного контрактом срока добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих.

Контракт о прохождении военной службы является разновидностью административно-правового договора¹⁵⁹, нормы трудового законодательства, в частности о времени отдыха, не распространяются на правоотношения по поводу прохождения военной службы по контракту¹⁶⁰.

Из приведенных законоположений следует, что военнослужащий, заключая контракт о прохождении военной службы, добровольно принимает на себя обязанность *непрерывно* (курсив мой. — О. З.) исполнять возложенные на него служебные (функциональные) обязанности и, как следствие, подчиняться ограничивающим его права и свободы требованиям закона, в том числе неукоснительно соблюдать воинскую дисциплину, имея при этом в виду возможное применение к нему юридической, в том числе уголовной, ответственности за совершенные правонарушения¹⁶¹.

Таким образом, принимая во внимание непрерывный характер исполнения служебных (функциональных) обязанностей военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, периоды между временем убытия со службы и прибытия на нее (установленные регламентом служебного времени), выходные и праздничные дни

¹⁵⁹ Административно-правовую природу контракта признают многие специалисты в области военного права (Кудашкин А.В. Правовое регулирование военной службы в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 196—224; Вахидов А.Т. Организационно-правовые основы поступления на военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 98—140; Калинин А.Е. Нужен ли контракт о прохождении военной службы и как заключать новый контракт с военнослужащим // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2000. № 7).

¹⁶⁰ Исключением являются военнослужащие женского пола и военнослужащие, воспитывающие детей без отца (матери), которые пользуются социальными гарантиями и компенсациями в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами об охране семьи, материнства и детства (см. п. 9 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих»).

¹⁶¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2001 г. № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Краснодарского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части четвертой статьи 337 Уголовного кодекса Российской Федерации»; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2002 г. № 337-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панчука Анатолия Ивановича на нарушение его конституционных прав частями третьей и четвертой статьи 337 и частью первой статьи 338 Уголовного кодекса Российской Федерации».

должны включаться в общую продолжительность незаконного пребывания их вне части (места службы) и учитываться при квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 337, 338 и 339 УК РФ¹⁶².

1.4. В органах военной юстиции спорным являлся вопрос о признании субъектами уклонений от военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, длительное время находящихся в распоряжении командиров (начальников), в списках личного состава воинских частей ввиду необеспечения жилыми помещениями, после: а) истечения срок контракта; б) достижения предельного возраста пребывания на военной службе; в) признания ограниченно годными к военной службе; г) наступления оснований для увольнения с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Анализ материалов судебной практики по данному вопросу показал, что военные суды решают его по-разному. В одних случаях они признавали таких военнослужащих субъектами воинских преступлений, поскольку до момента исключения их из списков личного состава воинских частей на них в полном объеме распространяется статус военнослужащих, в том числе все обязанности и ответственность. В других — нет, так как считали, что в указанных случаях они не должны исполнять обязанности по военной службе.

В юридической литературе также отсутствовало единство взглядов на решение рассматриваемого вопроса¹⁶³.

На наш взгляд, точку в споре по данному вопросу поставил Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 7 декабря 2010 г. № 1622-О-О, в котором сформулирована следующая правовая позиция: военнослужащего, ожидающего обеспечения жилым помещением после истечения срока, указанного в контракте, следует считать *проходящим военную службу в добровольном порядке (по контракту)*¹⁶⁴ до обеспечения жилым помещением (курсив мой. — О. З.), а потому в

¹⁶² К такому выводу можно прийти и из анализа содержания п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы»: «Под продолжительностью самовольного оставления части (места службы) или неявки в срок на службу, указанной в статье 337 УК РФ, понимается фактическое время незаконного пребывания военнослужащего вне части (места службы), исчисляемое с момента самовольного оставления части (места службы) либо истечения установленного срока явки на службу и до момента прекращения такого пребывания по воле или вопреки воле лица (например, добровольная явка в часть (к месту службы) или в органы военного управления, задержание). При этом, срок незаконного пребывания военнослужащего вне части (места службы) исчисляется сутками и месяцами». Как видно, никакие исключения при исчислении сроков продолжительности уклонений от военной службы для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, не сделано.

С учетом приведенной в настоящей работе позиции складывается и судебная практика. Так, по приговору Новосибирского гарнизонного военного суда старший лейтенант медицинской службы Ф. осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 337 УК РФ. Ф., желая добиться досрочного увольнения с военной службы, с целью временно уклониться от ее прохождения, дважды, в периоды с 27 марта по 8 апреля 2008 г. и с 11 по 23 декабря 2008 г., в установленный регламентом служебного времени срок на военную службу не прибывал и своих обязанностей не исполнял. При этом, гарнизонным судом сделан верный вывод, что утверждение осужденного о том, что с учетом выходных дней, попадающих на указанные периоды уклонения, содеянное Ф. не образует состава преступлений, за которые он осужден, является необоснованным. Наличие выходных и праздничных дней течение срока самовольного оставления части не прерывает, поскольку преступным считается период, исчисляемый в сутках.

¹⁶³ *Корякин В.М.* К вопросу о правовом положении военнослужащего после окончания срока действия контракта // Рос. военно-правовой сб. 2006. № 5. С. 286—292; *Кудашкин А.В.* Некоторые проблемы реализации статуса военнослужащих при прохождении военной службы // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2000. № 1; *Фатеев К.В.* Организационно-правовые вопросы увольнения с военной службы граждан, проходящих ее по контракту в Вооруженных Силах РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 73—155.

¹⁶⁴ Впервые наличие такой категории военнослужащих было указано Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 30 сентября 2004 г. № 322-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Францyna Валерия Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 2 статьи 2 Федерального закона “О статусе военнослужащих”, пункта 4 статьи 32 и пункта 11 статьи 38 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе”».

случае совершения в этот период правонарушения он в зависимости от характера и тяжести содеянного подлежит привлечению к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой или уголовной ответственности.

В случае совершения лицом, проходящим военную службу в добровольном порядке после истечения срока контракта, деяния (действия, бездействия), формально подпадающего под признаки преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, до предоставления ему жилого помещения такое деяние (действие, бездействие), как считает Конституционный Суд Российской Федерации, в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ с учетом *характера содеянного и степени вины данного лица* (курсив мой. — О. З.) может в силу малозначительности не представлять общественной опасности и не являться преступлением.

После обеспечения такого военнослужащего жилым помещением он подлежит незамедлительному увольнению с военной службы; дальнейшее его пребывание не основано на законодательстве, вследствие чего он не может быть привлечен к уголовной ответственности за самовольное оставление части или места службы, хотя формально и подпадающее под признаки преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, но совершенное после того, как указанный гражданин должен был быть уволен с военной службы в связи с предоставлением ему соответствующего жилого помещения. Иное, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, означало бы возложение на граждан обязанности нести уголовную ответственность за преступления против военной службы вопреки положениям ст. 331 УК РФ (ч. 1), содержание которой с очевидностью свидетельствует, что такими преступлениями могут признаваться только деяния (действия, бездействие), посягающие на установленный порядок прохождения военной службы.

В целом мы разделяем изложенную правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации. Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание на то, что не совсем понятно основание непривлечения к уголовной ответственности во втором случае (уклонение от военной службы после получения жилого помещения). Судя по мотивировке этого решения, можно прийти к выводу, что в содеянном нет состава преступления ввиду отсутствия такого элемента, как объект преступления (порядок прохождения военной службы). На наш взгляд, в этих ситуациях объект посягательства имеется, поскольку до исключения из списков воинской части такой военнослужащий формально продолжает проходить военную службу, но в целом неявка его на службу уже не представляет общественной опасности, т. е. является, в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ, малозначительным деянием.

Аналогичную позицию занял Конституционный Суд Российской Федерации в отношении военнослужащих, являющихся офицерами и признанных ограниченно годными по состоянию здоровья, в своих определениях от 1 ноября 2007 г. № 721-О-О и от 15 ноября 2007 г. № 848-О-О¹⁶⁵.

Таким образом, в случае, если нахождение военнослужащего на военной службе сверх установленных сроков обусловлено добровольным его согласием на это, т. е.

¹⁶⁵ В частности, в них отмечается, что признание военно-врачебной комиссией военнослужащего, имеющего воинское звание офицера, ограниченно годным к военной службе на основании подп. «б» п. 3 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» дает ему право, но не обязывает досрочно увольняться с военной службы и не лишает его права продолжать военную службу на должности, позволяющей выполнять соответствующие состоянию здоровья воинские обязанности. Выражая свое несогласие на увольнение до обеспечения жилыми помещениями, военнослужащий свободно выбирает вариант реализации права на жилище путем получения жилого помещения в период дальнейшего прохождения военной службы на должности, учитывающей установленные ограничения по состоянию здоровья (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2007 г. № 721-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса президиума Московского окружного военного суда о проверке конституционности положения абзаца второго пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих»; определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 848-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воротникова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 2 статьи 2 и пункта 2 статьи 288 Федерального закона «О статусе военнослужащих», пункта 4 статьи 32 и пункта 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»»).

военнослужащий в целях реализации своих прав фактически пролонгирует контракт (дает согласие на прохождение военной службы сверх установленных сроков) до наступления определенного им самим момента и, следовательно, принимает на себя обязательство исполнять обязанности военной службы, то за их неисполнение он должен нести определенную законом ответственность.

В связи с изложенным при рассмотрении дел данной категории судам следует тщательно исследовать обстоятельства, при которых военнослужащий не был уволен с военной службы по окончании срока контракта, и окончательное решение по делу принимать с учетом установленных обстоятельств.

В правоприменительной практике возможны случаи, когда военнослужащий подлежит исключению из списков личного состава части и отсутствуют законные основания, препятствующие этому, однако органами военного управления по различным причинам он не исключается из списков части.

Профессор А. А. Тер-Акопов считал, что если срок военной службы истек и отсутствуют исключительные обстоятельства, то военнослужащий не может признаваться субъектом преступления против военной службы, даже если он не исключен из списков личного состава воинской части¹⁶⁶. Такой подход соответствует правовой позиции, изложенной в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2004 г. № 322-О, о том, что нормы военного законодательства в их системной связи не предусматривают прав федеральных органов исполнительной власти, заключивших контракт с военнослужащим, задерживать его исключение из списков личного состава по иным основаниям, помимо указанных в п. 11 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»¹⁶⁷.

1.5. В уклонениях от военной службы цель выполняет функцию разграничения преступлений, предусмотренных ст.ст. 337 и 338 УК РФ, а также ч. 1 или ч. 2 ст. 339 УК РФ. В ряде случаев военнослужащие, не желающие служить в определенном месте или проходить военную службу после поданного ими рапорта об увольнении, уклоняются от исполнения обязанностей военной службы, чаще всего путем неявки на службу. Суды квалифицируют подобные деяния по-разному: и по ст. 337 УК РФ, и по ст. 338 УК РФ.

Так, капитан Ф. после отчисления из очной адъюнктуры Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского не явился в срок 23 марта 1996 г. в воинскую часть, дислоцированную в г. Хабаровске, уклоняясь от прохождения военной службы таким образом вплоть до обращения в Главную военную прокуратуру 30 ноября 1998 г. При этом, Ф. в судебном заседании заявил, что цели вовсе уклониться от прохождения военной службы у него никогда не было, но в указанную часть он не прибыл, поскольку желал проходить службу в центральной части России.

Органами предварительного следствия Ф. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 338 УК РФ. Судом его деяния были перевалифицированы на ч. 4 ст. 337 УК РФ. При этом, в приговоре указано, что вывод о совершении Ф. дезертир-

¹⁶⁶ Преступления против военной службы: науч.-практ. коммент. Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 1999. С. 68.

¹⁶⁷ В качестве примера правильной юридической оценки содеянного судом кассационной инстанции можно привести следующее уголовное дело.

Гарнизонным военным судом старший лейтенант В. был признан виновным в совершении дезертирства при следующих обстоятельствах. 20 августа 2007 г. он с целью уклониться от прохождения службы не прибыл в свою воинскую часть, стал проводить время по своему усмотрению, приходя на службу раз в неделю, однако к исполнению своих должностных и специальных обязанностей не приступал. 28 мая 2008 г., узнав о возбуждении в отношении его уголовного дела, В. прибыл к командованию части. При рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке было установлено, что изложенные в приговоре выводы суда первой инстанции не соответствуют фактическим обстоятельствам дела.

При повторном рассмотрении дела В. был осужден по ч. 4 ст. 337 УК РФ. Приговор был вновь обжалован в кассационном порядке и отменен окружным военным судом с прекращением уголовного дела, поскольку В. совершил указанные действия по истечении определенного контрактом срока военной службы и препятствий к его увольнению не имелось, т. е. он не мог быть признан субъектом преступления, связанного с уклонением от военной службы (Обзорная справка о судебной работе гарнизонных военных судов по рассмотрению уголовных дел в 2008 г.).

ства не основан на материалах дела, поскольку как на предварительном следствии, так и в суде Ф. последовательно показывал о том, что у него не было цели вовсе уклониться от прохождения военной службы, и это утверждение ничем не опровергнуто¹⁶⁸.

На наш взгляд, с таким решением суда следует согласиться. Для квалификации деяния как дезертирства должна быть установлена цель на уклонение от военной службы вовсе. Наличие в данном случае желания военнослужащего служить, но в ином месте, свидетельствует об отсутствии такой цели.

Отсутствует цель уклониться от военной службы вовсе и в ситуации, когда военнослужащий, не желающий проходить службу, подает рапорт на увольнение и после этого прекращает прибывать на службу, ожидая своего увольнения¹⁶⁹.

Так, по приговору суда лейтенант М. осужден по ч. 1 ст. 338 УК РФ. Как установил суд, М., будучи не довольным распределением после окончания Военного авиационного технического университета, не явился в указанную в предписании воинскую часть к 5 мая 1999 г., написав рапорт об увольнении из Вооруженных Сил Российской Федерации¹⁷⁰.

Такое решение суда представляется спорным. Дезертирство налицо в тех случаях, когда военнослужащий, реализуя цель вовсе уклониться от военной службы, не является на службу в срок без уважительных причин и, самое главное, ничего не предпринимает для расторжения с ним контракта и последующего увольнения¹⁷¹.

2. Квалификация побега, совершенного военнослужащим, содержащимся на гауптвахте.

В соответствии с законодательством военнослужащие могут содержаться по различным основаниям на гарнизонных или войсковых (корабельных) гауптвахтах. Правовое положение таких лиц имеет ряд особенностей. Вопрос о квалификации побега, совершенного военнослужащим с гауптвахты, по-прежнему представляет большой теоретический и практический интерес¹⁷².

В настоящем параграфе предпринята попытка обобщить имеющиеся в юридической литературе, следственной и судебной практике позиции и на основе действующих нормативных правовых актов предложить рекомендации для органов военной юстиции и военных судов по квалификации побега с гауптвахты.

2.1. Согласно п. 2 приложения № 14 к УГК и КС ВС РФ («О гауптвахте) на гарнизонной гауптвахте¹⁷³ содержится военнослужащие, проходящие военную службу по призыву или в добровольном порядке (по контракту):

¹⁶⁸ Приговор № 170 от 5.07.2000 г. в отношении капитана Ф. // Наряд Московского гарнизонного военного суда 2000 г. № 12. Т. 5. С. 153 — 156

¹⁶⁹ По-иному данные деяния квалифицируются в США. Так, в Едином кодексе военной юстиции США понятие дезертирства трактуется довольно широко. В частности, таковым признается и «...оставление места службы или прекращение исполнения обязанностей по службе офицером, подавшим рапорт об отставке до удовлетворения его просьбы об отставке» (ст. 85).

¹⁷⁰ Приговор № 216 от 15.08.2001 г. в отношении лейтенанта М. // Наряд Московского гарнизонного военного суда 2001 г. № 12. Т. 5. С. 32.

¹⁷¹ Примером правильного решения является следующее уголовное дело. Майор В. 23 июля 1999 г., имея намерение дожидаться увольнения из рядов Вооруженных Сил Российской Федерации в связи с поданным ранее рапортом, не прибыл в часть и стал проводить время по своему усмотрению вплоть до обращения в Московскую городскую военную прокуратуру 21 февраля 2000 г. В указанный период В. обязанностей военной службы не исполнял. Органами предварительного следствия В. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 338 УК РФ, однако судом указанное деяние было переквалифицировано на ч. 4 ст. 337 УК РФ. При этом, суд правильно указал, что подсудимый не имел намерения на уклонение от прохождения военной службы вовсе, он проживал по месту жительства, добровольно прибывал в прокуратуру (приговор № 61 от 15.03.2001 г. в отношении майора Васильева А.Ю. // Наряд Московского гарнизонного военного суда 2001 г. № 12. Т. 2. С. 88—91).

¹⁷² Этот вопрос был обстоятельно рассмотрен профессором Х.М. Ахметшиным еще в 1977 г. (Ахметшин Х.М. Квалификация воинских преступлений: учеб. пособие. М., 1977. С. 25—31).

¹⁷³ Войсковая (корабельная) гауптвахта создается приказом начальника гарнизона (командира соединения) при отсутствии на гарнизонной гауптвахте достаточного количества мест и оборудуется только для содержания подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, подвергнутых дисциплинарному аресту и задержанных солдат (матросов) и сержантов (старшин).

В воинских частях, дислоцированных на значительном удалении от гарнизонной (войсковой) гауптвахты, приказом начальника гарнизона могут оборудоваться изолированные комнаты для содержания задержанных военнослужащих.

а) подвергнутые дисциплинарному аресту на срок, установленный в постановлении суда;

б) осужденные к аресту с отбыванием наказания на гауптвахте¹⁷⁴;

в) обвиняемые в совершении преступлений; подозреваемые в совершении преступлений или заключенные под стражу по судебному решению — не более 48 часов с момента задержания или заключения под стражу; в случае отложения судом принятого решения об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу военнослужащие могут содержаться на гауптвахте еще не более 72 часов с момента принятия судом такого решения; в исключительных случаях, когда доставка военнослужащих, заключенных под стражу, в следственный изолятор невозможна из-за отдаленности или отсутствия надлежащих путей сообщения, они могут содержаться на гауптвахте до 30 суток¹⁷⁵;

г) осужденные военнослужащие до вступления обвинительного приговора в законную силу¹⁷⁶;

е) задержанные военнослужащие¹⁷⁷.

На гарнизонных (войсковых) гауптвахтах по тем или иным основаниям могут содержаться все категории военнослужащих (офицеры и прапорщики, сержанты и старшины, солдаты и матросы).

2.2. Военной безопасности могут причинить вред, прежде всего, лица, проходящие военную службу и обладающие статусом военнослужащих. Иными словами, участники военно-служебных отношений, обеспечивающих военную безопасность.

Для того чтобы решить проблему возможности привлечения военнослужащих, содержащихся на гауптвахте, к уголовной ответственности за побег с гауптвахты, требуется уяснить следующее. С одной стороны, обладают ли они в период нахождения на гауптвахте по тем или иным основаниям статусом военнослужащих, т. е. проходят военную службу или нет. С другой — можно ли считать гауптвахту местом прохождения военной службы.

В Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» достаточно четко регламентированы моменты, с которых начинается и оканчивается военная служба. Для решения интересующего нас вопроса имеют важное значение обстоятельства, с которыми закон связывает прекращение статуса военнослужащих.

По общему правилу военнослужащие утрачивают свой статус с момента окончания военной службы. Согласно п. 11 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части. Эта дата должна совпадать с днем истечения срока военной службы. В соответствии с той же статьей военнослужащие не исключаются из списков личного состава воинской части (т. е. из сферы военно-служебных отношений) и после дня истечения срока военной службы, если они, например, находятся под следствием¹⁷⁸, в том числе и при содержании

¹⁷⁴ Положения УК РФ о наказании в виде ареста в настоящее время не введены в действие, хотя согласно ст. 4 Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ (с изменениями) «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» эти положения должны были быть введены в действие не позднее 2006 г.

¹⁷⁵ Нахождение на гауптвахте указанной категории лиц предусматривают ст. ст. 7 и 11 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» 1995 г.

¹⁷⁶ В Уставе гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации 1993 г. устанавливалось, что военнослужащие, осужденные военным судом к лишению свободы, могут содержаться под стражей на гауптвахте только до момента получения копии приговора, а осужденные к содержанию в дисциплинарной воинской части — до вступления приговора в законную силу. Кроме этого, на гауптвахте могли находиться военнослужащие, являющиеся подсудимыми, до окончания рассмотрения дела в суде (п. 2 приложения № 14 «О гауптвахте»).

¹⁷⁷ Согласно п. 2 приложения № 14 «О гауптвахте» Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации 1993 г., на гауптвахтах могли содержаться только военнослужащие, задержанные за нарушение воинской дисциплины в состоянии опьянения, при этом, сроком не более одних суток.

¹⁷⁸ По вопросу конституционности данного основания см. постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2009 г. № 7-П.

их под стражей. Окончание военной службы для них переносится на более поздний срок по сравнению с общим правилом. Это означает своеобразное продление их правового статуса со всеми вытекающими из этого юридическими последствиями. Военнослужащие рассматриваемой категории продолжают оставаться участниками военно-служебных отношений до окончания следствия. Действующее законодательство, таким образом, не содержит каких-либо положений о приостановлении военной службы лиц, содержащихся по различным основаниям на гауптвахте, или об утрате ими правового статуса военнослужащих. Кроме того, в нем отсутствуют положения, из которых следует, что нельзя считать местом прохождения военной службы гауптвахту в случае содержания там под стражей в качестве меры пресечения¹⁷⁹.

Однако прохождение военнослужащими службы во время их содержания на гауптвахте имеет некоторые особенности. В частности, на данных лиц в этот период остаются возложенными только общие обязанности военнослужащих. Должностные и специальные обязанности ими исполняться не могут, так как указанные военнослужащие, находясь на гауптвахте, не имеют возможности исполнять эти обязанности. В свою очередь, к общим обязанностям относятся, например следующие: выполнение требований воинских уставов, беспрекословное повиновение командирам (начальникам), бережное отношение к военному имуществу и ряд других (ст.ст. 16—23 УВС ВС РФ).

Поскольку все категории военнослужащих, содержащихся по различным основаниям на гауптвахте, проходят военную службу и обладают статусом военнослужащих, исполняя при этом общие обязанности, постольку гауптвахту следует признать своеобразным местом прохождения военной службы.

2.3. Изложенное выше имеет принципиальное значение для правоприменительной деятельности. Поскольку военнослужащие, содержащиеся на гауптвахте, остаются участниками военно-служебных отношений и исполняют общие обязанности, постольку имеются достаточные правовые основания для привлечения их к уголовной ответственности за нарушение этих обязанностей наравне с другими военнослужащими. В гл. 33 УК РФ содержатся составы воинских преступлений, представляющие собой нарушение, по существу, общих обязанностей военнослужащих (например, ст.ст. 332—339, 346, 347).

Такой подход разделяется и судебной практикой. Так, по делу Б. и Р. Военная коллегия Верховного Суда СССР указала, что военнослужащие, находящиеся на гауптвахте, несут уголовную ответственность за неповиновение на тех же основаниях, что и другие военнослужащие¹⁸⁰.

Представляется, что побег с гауптвахты военнослужащих, подвергнутых дисциплинарному аресту или задержанных (в дисциплинарном порядке), следует квалифицировать при наличии к тому оснований как воинское преступление, предусмотренное ст. 337 или ст. 338 УК РФ.

По своему характеру воинским правонарушением является также побег с гауптвахты, совершенный военнослужащим, осужденным к содержанию в дисциплинарной воинской части. Дело в том, что лицо, осужденное к этому наказанию, не перестает быть военнослужащим, субъектом военно-служебных отношений. Совершая побег с гауптвахты, это лицо, прежде всего, нарушает установленный порядок пребывания на военной службе. Кроме того, нахождение осужденного к содержанию в дисциплинарной воинской части на гауптвахте не является мерой пресечения в виде заключения под стражу¹⁸¹. В ст. 313 УК РФ предусмотрена ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, совершенный лицом, отбывающим наказание или находящимся в предварительном заключении. Военнослужащий, осужденный к содержанию в дисциплинарной воинской части, к этой категории лиц не может быть отнесен, поэтому случаи побега с гауптвахты не подпадают под признаки преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ.

¹⁷⁹ Иная точка зрения по этому вопросу высказана профессором Х.М. Ахметшиным (подробнее об этом будет сказано ниже).

¹⁸⁰ БВК ВС СССР. 1960. № 3 (41). С. 63—65.

¹⁸¹ Профессор А.С. Кобликов считал содержание на гауптвахте осужденного к содержанию в дисциплинарной воинской части самостоятельной мерой пресечения (Кобликов А.С. Приговор военного трибунала. М., 1962. С. 30).

Профессор Х.М. Ахметшин полагает, что военнослужащие, осужденные к содержанию в дисциплинарной воинской части и находящиеся на гауптвахте, продолжая нести обязанности военной службы, сохраняют статус военнослужащего. Поэтому побег указанных военнослужащих с гауптвахты, совершенный в целях уклонения от военной службы, является дезертирством и влечет за собой ответственность по ст. 338 УК РФ¹⁸². Такую позицию разделяла и Военная коллегия Верховного Суда СССР¹⁸³.

В юридической литературе по-разному предлагается решать вопрос о возможности квалификации по ч. 2 ст. 337 УК РФ самовольного оставления части, совершенного военнослужащим, осужденным к содержанию в дисциплинарной воинской части, но содержащимся на гауптвахте после вынесения приговора. Одни полагают, что эта норма может применяться только к тем военнослужащим, которые фактически прибыли в дисциплинарную воинскую часть. Другие считают возможной квалификацию по этой норме самовольного оставления, совершенного до прибытия осужденного в дисциплинарную воинскую часть, если к моменту его совершения приговор в отношении осужденного к содержанию в дисциплинарной воинской части вступил в законную силу (в том числе и во время конвоирования в дисциплинарную воинскую часть)¹⁸⁴.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 28 ноября 1975 г. признал правильной квалификацию самовольной отлучки с гауптвахты, совершенной военнослужащим, осужденным к направлению в дисциплинарный батальон, по п. «а» ст. 9 Закона об уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления: «Поскольку лица, осужденные к направлению в дисциплинарный батальон, продолжают оставаться на военной службе, побег с гауптвахты или иное уклонение от военной службы, совершенные до прибытия осужденного в дисциплинарную часть, в зависимости от направленности умысла, способа и продолжительности уклонения следует квалифицировать (в мирное время) по пунктам «а» статей 245, 246, 247 и 249 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик»¹⁸⁵.

В п. 8 постановления от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» прямо сказано, что к военнослужащим, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части (ч. 2 ст. 337 УК РФ), следует относить военнослужащих, осужденных к содержанию в дисциплинарной воинской части и зачисленных в списки переменного состава дисциплинарного батальона (роты).

В Обзоре 2001 г. указывается, что поскольку при осуждении военнослужащего к содержанию в дисциплинарной воинской части мера пресечения в отношении его отменяется, побег с гауптвахты должен расцениваться как воинское преступление¹⁸⁶.

¹⁸² Военно-уголовное право: учеб. С. 196.

¹⁸³ По приговору военного трибунала от 29 сентября 1961 г. рядовой Д. признан виновным в том, что 15 сентября 1961 г., воспользовавшись плохим несением службы составом караула, сбежал из камеры гарнизонной гауптвахты, где должен был находиться до вступления в законную силу приговора о направлении его в дисциплинарный батальон за ранее совершенные воинские преступления. Его действия военным трибуналом квалифицированы по ч. 1 ст. 183 УК УССР (ч. 1 ст. 313 УК РФ), т. е. как побег. Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР, считая приговор в отношении Д. неправильным, в своем протесте просил его отменить, а дело прекратить за отсутствием состава преступления по следующим основаниям. Действия Д., выразившиеся в непродолжительном самовольном оставлении гарнизонной гауптвахты в период, когда он содержался там в связи с осуждением к направлению в дисциплинарный батальон, суд неосновательно квалифицировал как преступление, направленное против правосудия. После осуждения Д. продолжал оставаться военнослужащим Советской Армии, субъектом военно-служебных отношений. Поэтому его действия, направленные на временное или постоянное оставление в этот период гауптвахты, необходимо рассматривать не как посягательство на интересы правосудия, а как посягательство на установленный порядок прохождения военной службы, т. е. точно так же, как их следовало бы рассматривать в соответствии с законом при их совершении во время пребывания Д. в дисциплинарной части (Определение военного трибунала Прикарпатского военного округа от 4 января 1963 г. // БВК ВС СССР. 1963. № 1 (151). С. 56—57).

¹⁸⁴ Воинские преступления: учеб. М., 1970. С. 138.

¹⁸⁵ Ахметшин Х.М. Квалификация воинских преступлений. С. 28.

¹⁸⁶ Как воинское преступление квалифицированы действия рядового Ж., осужденного военным судом к содержанию в дисциплинарной воинской части и совершившего после этого побег с гауптвахты в целях временного уклонения от прохождения военной службы (Обзор 2001 г. С. 44—45).

Таким образом, военнослужащие, осужденные к содержанию в дисциплинарной воинской части, в случае побега их с гауптвахты не могут быть привлечены к ответственности ни по ст. 313 УК РФ, ни по ч. 2 ст. 337 УК РФ. Содеянное такими лицами в зависимости от продолжительности самовольного отсутствия и цели побега может образовывать дисциплинарный проступок или преступления, предусмотренные чч. 1, 3 и 4 ст. 337 и ст. 338 УК РФ¹⁸⁷.

2.4. Наибольшую трудность для квалификации представляет собой побег с гауптвахты военнослужащих, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. По этому вопросу практические работники придерживаются следующих позиций.

Побег с гауптвахты с целью уклониться только от уголовной ответственности квалифицируется как преступление против интересов правосудия, а именно побег из-под стражи (ст. 313 УК РФ). Так, военнослужащий Ш. за совершение хищения личного имущества и нанесение телесных повреждений был арестован и содержится на гауптвахте воинской части. Ш. с гауптвахты бежал, но через сутки был задержан и помещен на гауптвахту воинской части, откуда он вторично совершил побег, однако через двое суток его задержали. Действия Ш., выразившиеся в побеге с гауптвахты, военным трибуналом были квалифицированы по п. «г» ст. 206⁷ УК УССР (ст. 337 УК РФ). По протесту Генерального прокурора СССР дело Ш. было рассмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР, которая переqualificировала действия Ш. на ч. 2 ст. 78 УК УССР (ст. 313 УК РФ), указав при этом следующее. По делу установлено, что против Ш. было возбуждено уголовное дело, и в связи с этим в отношении его была избрана мера пресечения в виде содержания под стражей на гауптвахте. В целях уклонения от уголовной ответственности Ш. дважды совершил побег из-под стражи. При таких обстоятельствах преступление Ш. в части побега из-под стражи надлежит квалифицировать не по п. «г» ст. 206⁷ (ст. 337 УК РФ), а по ч. 2 ст. 78 УК УССР (ст. 313 УК РФ)¹⁸⁸.

Совершение военнослужащим, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, побега с гауптвахты с целью уклониться вовсе от военной службы в судебной практике советского периода квалифицировалось по совокупности преступлений — как побег из-под стражи (ст. 313 УК РФ) и дезертирство (ст. 338 УК РФ). Такая позиция изложена в решении Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Ч.¹⁸⁹

Позиция Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемому вопросу изложена в Обзоре 2001 г., суть ее в следующем.

Объектом преступлений, предусмотренных ст.ст. 337, 338 и 339 УК РФ, является установленный действующим законодательством Российской Федерации порядок пребывания на военной службе, в соответствии с которым военнослужащий должен проходить службу в установленном для него месте и выполнять служебные обязанности в полном объеме. Военнослужащий, исключенный (временно выведенный) из сферы воинских правоотношений в связи с применением к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, не может нести ответственность по названным статьям¹⁹⁰. В подтверждение этой точки зрения в Обзоре 2001 г. приводятся судебные ре-

¹⁸⁷ Следует согласиться с мнением Х.М. Ахметшина о том, что побег с гауптвахты военнослужащего, осужденного к содержанию в дисциплинарной воинской части, как и побег, совершенный лицом, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части, посягает на интересы правосудия (Ахметшин Х.М. Квалификация воинских преступлений. С. 28). З.О. Ашитов также пишет, что нельзя исключать вовсе посягательства на интересы правосудия, когда виновный преследует эту цель — совершает побег из-под стражи во время конвоирования в дисциплинарную воинскую часть, чтобы не отбывать уголовное наказание (Ашитов З.О. Вопросы дальнейшего укрепления социалистической законности (соотношение воинских и общеуголовных преступлений). Алма-Ата, 1976. С. 17—18).

¹⁸⁸ Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР № 1н-09170/55 // БВУТ. 1957. № 1 (28). С. 49.

¹⁸⁹ БВК ВС СССР. 1963. № 1(51). С. 36.

¹⁹⁰ В указанном Обзоре обращается внимание на то, что применение к военнослужащему в связи с уголовным делом любой другой, кроме заключения под стражу, меры пресечения не влечет таких последствий. Поэтому уклонение такого лица от военной службы следует квалифицировать по соответствующей статье гл. 33 УК РФ как воинское преступление.

шения в отношении А. Гарнизонным военным судом А., совершивший побег с гарнизонной гауптвахты, на которой он находился в связи с избранием в отношении его меры пресечения по уголовному делу в виде заключения под стражу, был осужден по ч. 1 ст. 313 и ч. 1 ст. 338 УК РФ. Действия А. суд первой инстанции расценил как побег из-под стражи и дезертирство. Окружной военный суд, рассмотрев дело в кассационном порядке, пришел к выводу о том, что с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и помещения на гарнизонную гауптвахту А. был выведен из сферы воинских правоотношений, в связи с чем он не подлежал ответственности по ч. 1 ст. 338 УК РФ. По данным основаниям суд второй инстанции приговор в отношении А. в части осуждения за дезертирство отменил и дело прекратил.

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации решение военного суда округа по существу признает правильным, но считает, что изложенные в кассационном определении мотивы такого решения не в полной мере основаны на законе. В Обзоре 2001 г. указывается, что применение меры пресечения в виде заключения под стражу, действительно, временно выводит лицо из сферы воинских правоотношений. Вместе с тем, *продолжая оставаться военнослужащим* (курсив мой. — О. З.), это лицо, вопреки утверждению в кассационном определении, в полной мере обладает *всеми признаками субъекта преступления против военной службы* (курсив мой. — О. З.). Совершая побег из места предварительного заключения, виновный посягает не на установленный порядок прохождения военной службы, а на другие охраняемые законом отношения (в сфере правосудия). Именно в связи с отсутствием этого признака состава воинского преступления — его объекта, а не субъекта, и следовало в данном случае сделать вывод о невозможности привлечения А. к уголовной ответственности по ст. 338 УК РФ.

В качестве правильного решения в Обзоре 2001 г. приведен приговор гарнизонного военного суда в отношении лейтенанта С., осужденного по ч. 1 ст. 313 УК РФ. С. признан виновным в том, что наряду с другими преступлениями совершил побег из-под стражи после применения к нему этой меры пресечения. Исключая из обвинения по данному эпизоду ч. 1 ст. 338 УК РФ, суд гарнизона в приговоре указал, что после заключения под стражу С. был временно выведен из сферы воинских правоотношений, а поэтому не мог совершить уклонение от военной службы¹⁹¹.

Профессор Х.М. Ахметшин, специально занимавшийся рассматриваемым вопросом, полагает, что у военнослужащего, привлеченного к уголовной ответственности за преступления, наказуемые лишением свободы, и в порядке меры пресечения содержащегося под стражей в следственном изоляторе или на гауптвахте, принципиально меняется правовое положение по сравнению с другими военнослужащими, содержащимися на гауптвахте по иным основаниям. В частности, такой военнослужащий соответствующим судебным актом исключается из сферы военно-служебных отношений, его правовой статус как подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления определяется Федеральным законом от 21 июня 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». То обстоятельство, что арестованный содержится не в следственном изоляторе, а на гауптвахте, не меняет положения. Указанным Федеральным законом (ст. 11) прямо предусмотрено использование гауптвахт для содержания под стражей военнослужащих, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. В данном случае, утверждает названный ученый, гауптвахта должна рассматриваться как равнозначность места содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, а побег с гауптвахты с целью уклониться от уголовной ответственности за совершенное преступление квалифицироваться по ст. 313 УК РФ¹⁹².

Для правильного решения вопроса о квалификации побега с гауптвахты военнослужащих указанной категории необходимо иметь в виду следующее.

¹⁹¹ Следует обратить внимание на то, что позиция Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации в части невозможности квалификации в подобных случаях содеянного как дезертирства, наряду с побегом из-под стражи, отличается от позиции Военной коллегии Верховного Суда СССР, которая допускала такую совокупность преступлений (например, указанное выше определение Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Ч.).

¹⁹² Военно-уголовное право: учеб. С. 196. Аналогичная точка зрения была им высказана и в другой работе (Ахметшин Х.М. Квалификация воинских преступлений. С. 29—30).

Военнослужащие, заключенные под стражу в качестве меры пресечения, как было установлено выше, остаются участниками военно-служебных отношений, а значит, могут быть и субъектами преступлений против военной службы. Гауптвахта в данном случае является для них местом прохождения военной службы¹⁹³. Представляется, что побег с гауптвахты данных лиц является разновидностью уклонения от исполнения обязанностей военной службы. Уголовная ответственность за нарушение порядка пребывания на военной службе путем самовольного оставления места службы предусматривается в ст.ст. 337 и 338 УК РФ. Наличие при побеге с гауптвахты цели вовсе уклониться от военной службы должно иметь значение только для отграничения самовольного оставления места службы от дезертирства.

Вместе с тем, указанные военнослужащие, учитывая основания нахождения их на гауптвахте, обладают также статусом участников соответствующих уголовно-процессуальных отношений. В частности, они обязаны соблюдать специальный порядок, обеспечивающий реализацию избранной в отношении их меры пресечения, не препятствовать установлению истины по делу и т. д. На этих военнослужащих, наряду с общими обязанностями военной службы, возложены также обязанности по содействию осуществлению правосудия.

Таким образом, побег данных лиц с гауптвахты представляет собой уклонение не только от исполнения обязанностей военной службы, но и от обязанностей в сфере правосудия. Общественная опасность побега заключается в прерывании исполнения решения суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и, как следствие, в отвлечении сил и средств для поиска бежавшего, в создании опасности совершения этим лицом нового преступления и т. п. При этом, важно обратить внимание на то, что в самой ст. 313 УК РФ, устанавливающей ответственность за побег из-под ареста или из-под стражи, цель — уклонение от уголовной ответственности в качестве конструктивного или квалифицирующего признака не указана. Совершая побег, лицо всегда осознает, что оно таким образом уклоняется и от привлечения к уголовной ответственности и тем самым посягает на охраняемый в ст. 313 УК РФ объект преступления.

Побег с гауптвахты военнослужащих рассматриваемых категорий во всех случаях представляет собой посягательство на несколько объектов уголовно-правовой охраны — порядок пребывания на военной службе и военную безопасность, а также порядок содержания лиц, находящихся под стражей, и общественную безопасность. Налицо так называемая идеальная совокупность преступлений. Это обстоятельство требует квалифицировать такой побег по ст. 313 УК РФ и в зависимости от конкретных обстоятельств дела по ст. 337 или ст. 338 УК РФ.

Представляется, что не совсем последовательной была позиция Военной коллегии Верховного Суда СССР, согласно которой такая совокупность могла быть только при совершении побега с гауптвахты, сопряженного с дезертирством (например, упомянутое выше дело Ч.). Противоречивым, на наш взгляд, является и подход Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, сформулированный, правда, не по конкретным делам, а в Обзоре 2001 г. С одной стороны, признается, что военнослужащий исключается из сферы воинских правоотношений в связи с применением к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, а с другой стороны, утверждается, что такое лицо продолжает оставаться военнослужащим и в полной мере обладает всеми признаками субъекта преступления против военной службы, за исключением уклонений от военной службы, поскольку оно не может причинить вред порядку пребывания на военной службе.

Поскольку лица, содержащиеся на гауптвахте по решению суда об избрании в отношении их меры пресечения в виде заключения под стражу, продолжают оставаться военнослужащими, а гауптвахта для них является местом прохождения военной службы, постольку не только уклонение от военной службы вовсе следует квалифицировать по совокупности, но и временное оставление места службы (в данном случае — гауптвахты) на срок свыше двух (десяти) суток должно квалифицироваться как побег из-под стражи (ст. 313 УК РФ) и самовольное оставление места службы (ст. 337 УК РФ).

¹⁹³ Хотелось бы обратить внимание на то, что в УГК и КС ВС РФ, в приложении № 14 «О гауптвахте», речь идет именно о *военнослужащих* (курсив мой. — О. З.), заключенных под стражу и содержащихся на гауптвахте.

В тех случаях, когда военнослужащий осуждается военным судом к лишению свободы, до вступления приговора в законную силу в отношении его избирается мера пресечения в виде заключения под стражу (в тех случаях, когда ранее избиралась другая мера пресечения или не избиралась вовсе). Осужденные военнослужащие также могут находиться на гауптвахте до вступления обвинительного приговора в законную силу. Однако с учетом особенностей их правового положения как военнослужащих (пребывание в ожидании увольнения с военной службы) их побег с гауптвахты должен оцениваться только как преступление против правосудия (ст. 313 УК РФ), нарушение ими одновременно и порядка пребывания на военной службе следует считать не представляющим общественной опасности (малозначительным).

2.5. Военнослужащие, в отношении которых избрана мера пресечения — заключение под стражу, содержатся на гауптвахте в виде исключения. Как правило, указанные лица находятся в следственных изоляторах. В связи с этим возникает вопрос о квалификации побега военнослужащих из следственных изоляторов. В юридической литературе существует мнение, что военнослужащие, содержащиеся в следственных изоляторах, на основании соответствующих процессуальных актов также исключаются из сферы военно-служебных отношений и, как следствие, их побег во всех случаях необходимо квалифицировать только по ст. 313 УК РФ.

Представляется, что такое утверждение является не бесспорным. Предпочтительной следует признать точку зрения тех авторов, которые утверждают, что побег указанных военнослужащих из следственных изоляторов необходимо квалифицировать так же, как и их побег с гауптвахты, т. е. по совокупности ст.ст. 313 и 337 или 338 УК РФ¹⁹⁴.

В соответствии с презумпцией невиновности лица, содержащиеся под стражей в связи с обвинением в совершении преступления, считаются невиновными, пока их виновность не будет доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49 Конституции Российской Федерации). В ст. 6 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» определено, что арестованные лица пользуются правами и свободами и несут обязанности с ограничениями, предусмотренными этим Законом и иными федеральными законами.

Действующее федеральное законодательство не содержит положений, согласно которым военнослужащие, содержащиеся под стражей в следственном изоляторе, утрачивали бы свой правовой статус. Наоборот, в п. 11 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» говорится именно о военнослужащих, находящихся под следствием, в том числе, видимо, и о тех, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу и которые содержатся в следственных изоляторах. Согласно п. 4 ст. 42 того же Закона военнослужащие, в отношении которых возбуждено уголовное дело и которые находятся в распоряжении командира (начальника), считаются проходящими военную службу не на воинских должностях до вынесения решения по уголовному делу.

Представляется, что военный суд своим решением о применении к военнослужащему заключения под стражу в качестве меры пресечения не может исключить его из сферы военно-служебных отношений, т. е. фактически лишить правового статуса военнослужащего на период содержания под стражей в следственном изоляторе. Принятие такого процессуального документа само по себе не является юридическим фактом, создающим, изменяющим или прекращающим правовые отношения по поводу реализации правового статуса военнослужащих. Соответствующее решение по уголовному делу может входить только в состав так называемых сложных юридических фактов, изменяющих некоторым образом правовое положение данных лиц, но не лишаящих их полностью статуса военнослужащих.

Военнослужащие, содержащиеся под стражей в следственных изоляторах, проходят военную службу, а значит, и обладают, хотя и весьма специфическим (в определенном смысле «ограниченным»), правовым статусом военнослужащих. Содержание под стражей в следственных изоляторах является своеобразным периодом прохождения военной службы, поскольку военнослужащие, по существу, не выполняют большую часть служебных обязанностей (в частности, должностных и специальных). Последнее обстоятельство является одним из главных аргументов тех авторов, кото-

¹⁹⁴ Ашитов З.О. Указ. соч. С. 19—20.

рые утверждают, что в данном случае соответствующим судебным актом военнослужащий фактически исключается из сферы военно-служебных отношений. Однако следует помнить, что общие обязанности военнослужащих в одинаковой мере распространяются на всех военнослужащих в целях реализации их статуса, поддержания субординационных отношений и выполнения требований законности, независимо от времени и места их действия¹⁹⁵. Представляется, что общие обязанности распространяются и на военнослужащих, содержащихся по решению суда под стражей в следственном изоляторе. Для сравнения: при нахождении на лечении, в плену, положении заложника или интернированного военнослужащие также не исполняют фактически должностных и специальных обязанностей военной службы, но, тем не менее, считаются исполняющими обязанности военной службы (видимо, речь идет об общих обязанностях), а значит, и проходящими военную службу.

Военнослужащие, содержащиеся в следственных изоляторах под стражей, не освобождаются полностью от исполнения возложенных на них обязанностей военной службы и ответственности за их нарушение. Иное понимание данного вопроса может привести к неверным решениям, в частности, при разграничении ряда насильственных воинских преступлений со сходными общеуголовными. Например, если полагать, что военнослужащие, находясь в следственных изоляторах, утрачивают свой статус, то они лишаются не только прав, но и освобождаются от обязанностей по военной службе, т. е. становятся фактически гражданскими лицами. Как же быть в тех случаях, когда данные лица совершат насильственные действия в отношении своего начальника (в связи с исполнением им своих обязанностей по военной службе) при проведении очной ставки? Если считать, что они исключены из сферы военно-служебных отношений, то они соответственно не могут и посягать на различные стороны военной безопасности, охраняемые в гл. 33 УК РФ. В таком случае в приведенных примерах отсутствуют соответствующие составы воинских преступлений и подобные деяния необходимо квалифицировать как преступления против личности (например, по ст.ст. 111, 112 УК РФ). Представляется, что с таким выводом согласиться нельзя.

С учетом особенностей правового статуса военнослужащих, содержащихся в следственных изоляторах под стражей, они не могут исполнять, как и военнослужащие, содержащиеся на гауптвахте, только должностные и специальные обязанности военной службы. Указанные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности за нарушение ими общих обязанностей по соответствующим статьям гл. 33 УК РФ наравне с другими военнослужащими, в том числе и за уклонения от военной службы. При этом, следует также помнить, что данные военнослужащие одновременно являются и участниками правоотношений в сфере правосудия (как и те военнослужащие, которые содержатся на гауптвахте).

Таким образом, и побег военнослужащих, находящихся в предварительном заключении, из следственных изоляторов следует квалифицировать не только как побег из-под стражи (ст. 313 УК РФ), но и как соответствующее преступление против военной службы (ст. 337 или ст. 338 УК РФ), т. е. по правилам квалификации идеальной совокупности преступлений.

Таким образом, военнослужащие, содержащиеся по различным основаниям на гауптвахте, не исключаются из сферы военно-служебных отношений и могут быть субъектами преступлений против военной службы; побег с гауптвахты военнослужащих, содержащихся там под стражей в качестве меры пресечения, должен квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 313 и 337 или ст. 338 УК РФ; побег военнослужащих, находящихся в предварительном заключении, из следственного изолятора представляет собой также идеальную совокупность — побег из-под стражи и соответствующий вид уклонения от военной службы.

III. Нарушения порядка несения специальных видов военной службы, сопряженные с применением насилия.

В преступлениях против порядка несения специальных видов военной службы насилие не является обязательным признаком их объективной стороны. Эти воинские преступления, заключающиеся в нарушении правил несения той или иной спе-

¹⁹⁵ Титов А.В. Указ соч. С. 8—9.

циальной службы, могут совершаться как с применением насилия, так и без такового. Это обусловило и специфику их законодательного описания в гл. 33 УК РФ. Например, в диспозициях ст.ст. 342, 343 и 344 УК РФ не используется характерная для насильственных преступлений терминология: применение насилия или угроза его применения, побор, насильственные действия, причинение различного вида вреда здоровью и т. п.

Для обозначения общественно опасного деяния в указанных статьях используется словосочетание типа «нарушение правил несения службы» (караульной службы, службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, внутренней службы, патрулирования в гарнизоне). Этот термин напрямую не свидетельствует о возможном насильственном характере нарушений специальных правил поведения. Описание в ст.ст. 342, 343 и 344 УК РФ общественно опасных последствий также не позволяет однозначно об этом говорить.

Установление насильственного характера некоторых преступлений против порядка несения специальных видов военной службы возможно только путем обращения к правилам несения той или иной специальной службы. Анализ их дает основание говорить, что определенная часть таких правил предназначена для обеспечения физической и психической безопасности человека. Эти правила регламентируют порядок применения физической силы (оружия, специальных средств и т. д.) в отношении граждан при наличии соответствующих оснований. Следовательно, нарушения этих правил могут проявляться через применение насилия к потерпевшим.

Если определенные виды нарушения правил несения специальных видов военной службы могут сопровождаться насилием, то и последствия преступлений, предусмотренных в ст.ст. 342, 343 и 344 УК РФ, должны включать в себя, наряду со специальными последствиями (снижение боеспособности части, невыполнение учебных и боевых задач и т. д.), физический или психический вред.

Особенностью проявления насилия в преступлениях против порядка несения специальных видов военной службы является его преимущественно физический характер. Это обусловлено тем, что в этих преступлениях насилие выражается в нарушении порядка применения физической силы (оружия, специальных средств и т. п.) и, как следствие этого, вред также проявляется в физической сфере (например, ушибы, огнестрельные ранения, переломы костей и т. п.).

Несмотря на выявленные общие характеристики преступного насилия в рассматриваемых преступлениях, само насилие весьма специфично в каждом из этих преступлений, обладает достаточным количеством особенностей, которые необходимо учитывать при квалификации нарушений правил несения специальных видов военной службы, совершенных с применением насилия.

1. В ст. 342 УК РФ установлена ответственность за нарушение уставных правил караульной (вахтенной) службы.

Правила несения караульной службы регламентируются УГК и КС ВС РФ, а также иными ведомственными и локальными нормативными актами. Вахтенная служба организуется на кораблях Военно-Морского Флота в соответствии с установленными специальными правилами, содержащимися в Корабельном уставе Военно-Морского Флота и других нормативных правовых актах.

Значительная часть правил несения караульной службы предназначена для охраны и обороны боевых знамен, военных и государственных объектов, следовательно, их нарушение не может проявляться в применении насилия. Вместе с тем, в системе нормативов, регулирующих караульную службу, имеются специальные правила, предназначенные для охраны лиц, находящихся на гауптвахте и в дисциплинарной воинской части, например, ст.ст. 188, 189, 192, 224, 226, 227, приложение № 14 к УГК и КС ВС РФ и др.¹⁹⁶ Определенная часть этих правил регламентирует деятельность соответствующих лиц караула по обеспечению безопасности жизни и здоровья лиц,

¹⁹⁶ Вахтенная служба не предназначена для охраны и защиты людей, следовательно, можно прийти к выводу о «ненасильственном» характере нарушений соответствующих правил. В связи с этим ниже остановимся лишь на анализе нарушения уставных правил несения караульной службы.

находящихся на гауптвахте и в дисциплинарной воинской части¹⁹⁷. В них прямо закреплено, что применение должностными лицами караула физической силы и специальных средств с нарушением предусмотренных правил влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Применение физического насилия при нарушении правил несения караульной службы может повлечь различные последствия физического характера: боль, вред здоровью, смерть. В связи с этим в юридической литературе и на практике возникает вопрос о том, какой объем этих последствий охватывается понятиями «вред охраняемым караулом объектам» (ч. 1 ст. 342 УК РФ) и «тяжкие последствия» (ч. 2 ст. 342 УК РФ).

В частности, в комментариях к ст. 342 УК РФ, как правило, ничего не говорится о размерах физических последствий применительно к ч. 1 этой статьи, но отмечается, что в ч. 2 предусмотрена уголовная ответственность за нарушение правил караульной службы, повлекшее причинение смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью лицам, находящимся под охраной караула¹⁹⁸. В Обзоре 2001 г. указывается, что вредом, по смыслу ч. 1 ст. 342 УК РФ, является также причинение лицам, содержащимся на гауптвахте или в дисциплинарной воинской части, легкого или средней тяжести вреда здоровью¹⁹⁹.

Как видно, вопрос об объеме физического насилия в ч. 1 и ч. 2 ст. 342 УК РФ решается по-разному. На наш взгляд, в данном случае следует применять два критерия. Первым критерием в определении размера физических последствий является сопоставление строгости санкций соответствующих частей данной статьи со статьями, предусматривающими ответственность за насильственные посягательства на личность (преступления против личности). Это объясняется тем, что характер общественной опасности преступления формально отражен в санкции²⁰⁰. В санкциях ст. 342 УК РФ отражена совокупная общественная опасность нарушений правил несения

¹⁹⁷ В п. 39 приложения № 14 к УГК и КС ВС РФ прямо предусмотрено, что применение должностными лицами караула физической силы и специальных средств (резиновых палок, наручников) в отношении военнослужащего, содержащегося на гауптвахте, допускается на основании и в случаях, предусмотренных в пп. 40—43 приложения № 14, при этом специальные средства могут применяться только на основании законодательства Российской Федерации.

В частности, физическая сила может быть применена в отношении военнослужащего, содержащегося на гауптвахте, для пресечения совершаемого им правонарушения или преодоления его противодействия законным требованиям военнослужащих, несущих службу на гауптвахте, если ненасильственные способы не обеспечивают прекращения правонарушения либо выполнения законных требований. При этом, запрещается наносить военнослужащему, содержащемуся на гауптвахте, удары кулаками, ногами, головой, за исключением крайней необходимости — при отражении нападения с его стороны (п. 40).

Резиновые палки могут быть применены в случаях: отражения нападения военнослужащего, содержащегося на гауптвахте, на военнослужащих, несущих службу на гауптвахте, и иных лиц; пресечения массовых беспорядков или групповых нарушений установленного режима содержания на гауптвахте; пресечения неправомерных действий военнослужащего, содержащегося на гауптвахте, оказывающего неповиновение законным требованиям военнослужащих, несущих службу на гауптвахте, или сотрудников органов юстиции Российской Федерации; освобождения заложников, захваченных зданий, помещений, сооружений и транспортных средств; пресечения попытки побега военнослужащего, содержащегося на гауптвахте, с гауптвахты или из-под конвоя; пресечения попытки военнослужащего, содержащегося на гауптвахте, причинить вред окружающим. Запрещается нанесение ударов резиновой палкой по голове, шее, животу и половым органам. Применение резиновых палок должно сводиться к минимальному причинению вреда военнослужащим, содержащимся на гауптвахте (п. 41).

Наручники хранятся у начальника караула и применяются по его распоряжению в случаях: пресечения неправомерных действий военнослужащего, содержащегося на гауптвахте, оказывающего неповиновение законным требованиям военнослужащих, несущих службу на гауптвахте; пресечения попытки побега военнослужащего, содержащегося на гауптвахте; пресечения попытки военнослужащего, содержащегося на гауптвахте, причинить вред себе (п. 42).

¹⁹⁸ Преступления против военной службы: учеб. для вузов. С. 83.

¹⁹⁹ Обзор 2001 г. С. 68.

²⁰⁰ Кузнецова Н.Ф. Квалификация сложных составов преступлений. С. 26—27, 30; Наумов А.В. Указ. соч. С. 63—64.

караульной службы, которая определяется не только размером вреда боевой готовности воинских частей, но и объемом физического вреда причиняемого охраняемым караулом лицам.

Вторым критерием следует признать «насильственное» содержание оценочного понятия «тяжкие последствия». Практика исходит из того, что тяжкие последствия насильственных преступлений, как правило, могут проявляться в умышленном причинении смерти (убийство), умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, умышленном причинении средней тяжести и легкого вреда здоровью нескольких лиц. При обсуждении данного вопроса следует согласиться с мнением В.Н. Кудрявцева о том, что иногда даже легкий вред здоровью, причиненный нескольким лицам, может рассматриваться как тяжкое последствие²⁰¹.

В санкции ч. 1 ст. 342 УК РФ наиболее строгим наказанием является лишение свободы на срок до двух лет, в ч. 2 — лишение свободы на срок до трех лет. Сравнение этих наказаний с санкциями соответствующих статей гл. 16 УК РФ (преступление против жизни и здоровья) позволяет утверждать, что такие последствия, как физическая боль, причинение легкого вреда здоровью, ограничение свободы, охватываются понятием вреда, указанным в ч. 1 ст. 342 УК РФ, и не требуют дополнительной квалификации. В данном случае наказание в этой части статьи значительно строже, чем в ст.ст. 115, 116 УК РФ. А вот умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью одного человека следует квалифицировать по ч. 1 ст. 342 УК РФ и дополнительно по ст. 112 УК РФ, поскольку наказание за это преступление в ст. 112 УК РФ предусмотрено более строгое (ч. 1 — лишение свободы на срок до трех лет, ч. 2 — лишение свободы на срок до пяти лет).

Нарушение правил несения караульной службы, повлекшее тяжкие последствия, как отмечалось, наказывается лишением свободы на срок до трех лет (ч. 2 ст. 342 УК РФ). На основании изложенного можно предложить следующее: в случае умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью нескольким лицам, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью или смерти в результате нарушения правил несения караульной службы, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 342 и п. «а» ч. 2 ст. 112, ст. 111, ст. 105 УК РФ. Причинение легкого вреда здоровью нескольким лицам охватывается ч. 2 ст. 342 УК РФ.

Обязательным условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 342 УК РФ является наличие причинно-следственной связи между нарушением установленного порядка несения караульной службы, выразившимся в применении насилия, и наступившими вредными или тяжкими последствиями физического характера.

2. В ст. 343 УК РФ установлена ответственность за нарушение правил несения службы лицом, входящим в состав войскового наряда по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности²⁰².

Задачи, права и обязанности военнослужащих внутренних войск при несении специальной службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности определены в ст.ст. 18—24 Федерального закона «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» и других нормативных актах (приказах, инструкциях, распоряжениях). В ст.ст. 25—29 названного Закона определены условия и пределы применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники при выполнении внутренними войсками возложенных на них задач. Эти нормы, являющиеся составной частью правил несения

²⁰¹ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 165.

²⁰² Охрана общественного порядка непосредственно возлагается на органы внутренних дел. В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» задачей внутренних войск является оказание содействия органам внутренних дел в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности.

В соответствии со ст.ст. 2, 18 указанного Закона в состав внутренних войск входят соединения и воинские части оперативного назначения и специальные моторизованные воинские части, на которые возлагается участие совместно с органами внутренних дел в охране общественного порядка посредством несения патрульно-постовой службы в городах и населенных пунктах, а также в обеспечении общественной безопасности при проведении массовых мероприятий.

Статья 17 указанного Закона устанавливает, что исполнение обязанностей, возложенных на внутренние войска, осуществляется посредством боевой службы войсковых нарядов.

службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, регламентируют правомерное применение силы. Нарушение правил применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники при несении службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности может выражаться в применении насилия. Последнее обстоятельство и дает нам все основания относить это преступление к разряду насильственных.

Насильственный характер нарушений правил несения данной боевой службы может проявляться: а) в применении физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники без предупреждения, в тех случаях, когда оно является обязательным; б) в применении физической силы, в том числе боевых приемов борьбы²⁰³, при отсутствии для этого законных оснований; в) в применении оружия в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен военнослужащему внутренних войск, кроме случаев, когда такое применение является допустимым и т. д.

Обязательным признаком составов преступлений, указанных в ст. 343 УК РФ, является причинение вреда правам и законным интересам граждан (ч. 1) либо наступление тяжких последствий (ч. 2). Общественно опасные последствия данного преступления выражаются, как правило, в причинении имущественного ущерба гражданам и организациям, физического или морального вреда гражданам.

Последствия нарушения правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, выразившегося в насилии, представляют собой физическую боль, причинение вреда здоровью, смерть, ограничение свободы. В теории и судебной практике нет единства мнений по вопросу об объеме физического вреда применительно к чч. 1 и 2 ст. 343 УК РФ.

В юридической литературе отмечается, что причинение вреда правам и законным интересам граждан может выразиться в необоснованном задержании граждан, совершении в отношении их действий, унижающих честь и достоинство, правомерном применении физического или психического насилия, ограничении других прав и свобод, установленных законодательством Российской Федерации. В качестве тяжких последствий могут выступать причинение опасного для жизни и здоровья граждан вреда в результате неправомерного применения физической силы, специальных средств или оружия²⁰⁴.

Определение объема физического насилия в таких признаках, как вред правам и законным интересам граждан и тяжкие последствия, указанных в ст. 343 УК РФ, на наш взгляд, должно осуществляться таким же способом, как и в ст. 342 УК РФ (об этом речь шла выше). Суть его заключается в сопоставлении строгости санкций соответствующих частей данной статьи и статей, предусматривающих ответственность за насильственные посяательства на личность (преступления против личности), и ограничении объема понятия «тяжкие последствия» насильственного характера. В результате такого подхода можно прийти к следующим выводам.

В ч. 1 ст. 343 УК РФ вред правам и законным интересам граждан, имеющий физическую форму, полностью охватывает причинение физической боли, легкого вреда здоровью, ограничение свободы. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 343 УК РФ и по ст. 112 УК РФ.

Если результатом нарушения правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности явились умышленное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 343 и ст. 111 или ст. 105 УК РФ.

²⁰³ Обзор 2001 г. С. 70—71.

²⁰⁴ Военно-уголовное законодательство. С. 273; Преступления против военной службы. С. 92.

В Обзоре 2001 г. предлагается в ч. 1 ст. 343 УК РФ, исходя из характера и степени общественной опасности, отраженных в признаке наказуемости, объем физического вреда ограничивать причинением средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. К тяжким последствиям Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации при рассмотрении одного из дел в порядке надзора отнесла причинение тяжкого вреда здоровью в результате незаконного применения физической силы, специальных средств и табельного оружия или же нанесение в совокупности различного вреда здоровью нескольким гражданам (Обзор 2001 г. С. 70—71).

Представляется, что умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью нескольким лицам также требует квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 112 и ч. 2 ст. 343 УК РФ. Дело в том, что санкции за эти преступления одинаковые (лишение свободы на срок до пяти лет). В юридической литературе обоснованно утверждается, что при совпадении пределов санкций в подобных случаях необходима квалификация по совокупности, «так как “дополнительное” деяние, — как пишет А. В. Наумов, — приобретает тогда равную общественную опасность с составным преступлением», в то время как степень общественной опасности последнего должна быть всегда более высокой по сравнению с опасностью образующих его частей²⁰⁵. Такую же позицию занимает и Н. Ф. Кузнецова, говоря, что «компоненты не могут быть равными, а тем более выше по тяжести, нежели составное преступление»²⁰⁶.

Причинение легкого вреда здоровью нескольким лицам охватывается ч. 2 ст. 343 УК РФ.

3. Уголовная ответственность за нарушение уставных правил несения внутренней службы лицом, входящим в суточный наряд части (кроме караула и вахты), а равно нарушение уставных правил патрулирования в гарнизоне лицом, входящим в состав патрульного наряда, если эти деяния повлекли тяжкие последствия, предусматривается в ст. 344 УК РФ.

Строгое соблюдение уставных правил внутренней службы и патрулирования является важным условием, обеспечивающим поддержание порядка и высокой боеготовности воинских частей. Нарушение этих правил может привести к ослаблению воинской дисциплины, повлечь иные вредные последствия, в том числе и материального характера, что в конечном счете негативно влияет на выполнение задач, возложенных на военнослужащих.

Статья предусматривает два самостоятельных состава преступления: нарушение уставных правил внутренней службы и нарушение правил патрулирования в гарнизоне. Преступления посягают на установленные порядок несения внутренней службы лицами, входящими в состав суточного наряда части (кроме караула и вахты), и порядок патрулирования в гарнизоне лицами, входящими в состав патрульного наряда.

Организация суточного наряда, права и обязанности лиц, входящих в суточный наряд, детально регламентированы в гл. 6 (ст.ст. 256—316) УВС ВС РФ. В соответствии со ст. 256 указанного Устава такой наряд назначается для поддержания внутреннего порядка, охраны личного состава, вооружения, военной техники и боеприпасов, помещений и имущества воинской части (подразделения), контроля за состоянием дел в подразделениях и своевременного принятия мер по предупреждению правонарушений.

Организация и несение службы гарнизонными патрулями регламентированы в ст.ст. 93.40—93.54 УГК и КС ВС РФ. В частности, в ст. 93.40 данного Устава определено, что в каждом гарнизоне для поддержания порядка и контроля за соблюдением воинской дисциплины военнослужащими на улицах, в транспорте общего пользования и в других общественных местах, на вокзалах, железнодорожных станциях (в портах, аэропортах) приказом военного коменданта гарнизона организуется патрулирование, для чего из состава военной комендатуры и воинских частей гарнизона назначаются гарнизонные патрули, а при военной комендатуре — резервный гарнизонный патруль с транспортным средством.

С объективной стороны рассматриваемые преступления выражаются в нарушении уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне.

В системе правил, регулирующих порядок несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне, имеются нормативы, предназначенные для обеспечения физической и психической безопасности человека в процессе несения указанных видов нарядов. Следует заметить, что таких норм гораздо меньше, чем в правилах несения караульной службы, и особенно службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Согласно ст.ст. 300, 303 УВС ВС РФ дежурный и очередной дневальный по роте обязаны в случае нарушения установленных уставами правил взаимоотношений меж-

²⁰⁵ Наумов А. В. Указ. соч. С. 63—64.

²⁰⁶ Кузнецова Н. Ф. Квалификация сложных составов преступлений. С. 26.

ду солдатами и сержантами принимать неотложные меры к наведению порядка. На наш взгляд, принятие «неотложных мер к наведению порядка» в определенных случаях предполагает применение физической силы и оружия к нарушителям уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, если ненасильственные способы не обеспечивают прекращения правонарушения либо выполнения законных требований. При несоблюдении условий правомерности применения силы речь может идти о нарушении правил несения внутренней службы, которые будут иметь насильственный характер. К сожалению, сами условия правомерности применения физической силы в названном нормативном акте не указаны и, безусловно, нуждаются в дополнительной специальной регламентации. Однако в настоящее время вполне приемлемым ориентиром может служить приложение № 14 к УГК и КС ВС РФ (применение физической силы и специальных средств).

Анализ других положений УВС ВС РФ показывает, что в правилах несения службы в иных видах суточного наряда, кроме наряда по роте, отсутствуют нормы, непосредственно направленные на обеспечение безопасности жизни, здоровья, свободы личности. Например, наряды по парку, контрольно-пропускному пункту, столовой и другие наряды по полку предназначены для решения весьма разнообразных задач, не связанных непосредственно с обеспечением физической или психической безопасности человека.

В ст. 93.49 УГК и КС ВС РФ устанавливается, что в случае неповиновения или сопротивления военнослужащего при его задержании начальник патруля имеет право сам или составом патруля применить к нему оружие или физическую силу; применение оружия в данном случае должно быть крайней мерой, которая допускается только в случаях и в порядке, изложенных в УВС ВС РФ; применение оружия и физической силы с превышением полномочий влечет за собой ответственность, установленную законом.

Представляется, что лицам, входящим в состав патрульного наряда, следует строго соблюдать условия правомерности применения физической силы и оружия. Невыполнение таких условий следует оценивать как нарушение уставных правил патрулирования в гарнизоне, выразившееся в преступном насилии. Необходимо вновь обратить внимание на то обстоятельство, что условия правомерности применения физической силы и оружия в УГК и КС ВС РФ также не нашли четкого отражения, что следует признать существенным его недостатком. Данный вопрос должен быть решен либо в общих нормах УВС ВС РФ (как это сделано в отношении применения оружия), либо в специальных нормах, регламентирующих порядок несения того или иного вида военной службы (как это имеет место в УГК и КС ВС РФ применительно к караульной службе).

Обязательным (конструктивным) признаком составов рассматриваемых преступлений является наступление тяжких последствий в результате нарушения уставных правил несения указанных выше специальных видов служб. Как отмечалось ранее, понятие «тяжкие последствия» относится к категории оценочных. К таким последствиям обычно относят: срыв внутреннего распорядка в подразделении или выполнения боевой задачи, совершение в подразделении преступления, нарушение военнослужащими общественного порядка и общественной безопасности на маршруте патрулирования и т. д. Кроме этого, в юридической литературе в качестве тяжких последствий данных преступлений признаются и некоторые виды физического вреда; в частности, причинение кому-либо из личного состава воинской части или подразделения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью²⁰⁷. Судебная практика к тяжким последствиям применительно к ст. 344 УК РФ относит причинение тяжкого вреда здоровью одного лица либо хотя и меньшего вреда здоровью, но нескольким лицам. Причинение физической боли в результате побоев или иных насильственных действий, легкого или средней тяжести вреда здоровью одного лица не является основанием для привлечения к ответственности по ст. 344 УК РФ²⁰⁸.

Представляется, что в ст. 344 УК РФ решение вопроса об объеме физического вреда в понятии «тяжкие последствия» должно иметь в своей основе подход, сфор-

²⁰⁷ Преступления против военной службы. С. 95—96; Военно-уголовное законодательство. С. 276.

²⁰⁸ Обзор 2001 г. С. 75.

мулированный нами выше. Кроме этого, здесь требуется учитывать, что тяжкие последствия являются конструктивным признаком (а не квалифицирующим, как в ст.ст. 342 и 343 УК РФ).

Нарушения правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне, повлекшие тяжкие последствия, наказываются ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет. Сравнение данной санкции с санкциями соответствующих статей гл. 16 УК РФ позволяет прийти к выводу, что умышленное причинение легкого вреда здоровью нескольким лицам полностью охватывается ст. 344 УК РФ.

В тех случаях, когда результатом нарушений правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне явились умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью нескольким лицам, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 344 и п. «а» ч. 2 ст. 112, ст. 111 или ст. 105 УК РФ.

Если в результате нарушения указанных правил причиняется боль, легкий вред здоровью, вред здоровью средней тяжести, содеянное лицами, входящими в состав суточного наряда по роте или гарнизонного патруля, необходимо квалифицировать по другим статьям Особенной части УК РФ в зависимости от особенностей отношений между военнослужащими (в частности, по ст.ст. 286, 333, 334, 335 УК РФ).

4. Изучение судебной практики показывает, что весьма актуальными являются вопросы отграничения преступлений против порядка несения специальных видов военной службы, совершенных с применением насилия, от нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.

При квалификации воинских насильственных преступлений часто возникают ситуации, когда в содеянном имеются признаки нарушения правил несения специальных видов военной службы (ст.ст. 342—344 УК РФ) и нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ). Например, дневальный по роте применяет насилие в отношении военнослужащего, который не выполняет предъявляемые к нему требования со стороны лиц суточного наряда (к примеру, убыть на физическую зарядку и т. п.). Вариантов квалификации подобных случаев может быть несколько.

Так, в Обзоре 2001 г. разъясняется, что совершение любого противоправного деяния (хищения, нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими и др.) может образовывать одновременно и состав преступления рассматриваемой категории лишь тогда, когда виновным были нарушены правила несения специального вида военной службы, задачей которой являлось предупреждение наступивших вредных последствий. Об идеальной совокупности преступлений в таких случаях свидетельствует посягательство на различные непосредственные объекты и причинение каждому из них реального ущерба²⁰⁹.

В юридической литературе автору не удалось встретить конкретное решение рассматриваемого вопроса. Вместе с тем, военные юристы отмечают, что не всякое нарушение воинского правопорядка, совершенное лицом, входящим в состав того или

²⁰⁹ При этом, в качестве ошибочного решения в Обзоре 2001 г. приведено дело в отношении М., который признан виновным в том, что, будучи дневальным по роте, за необоснованно предъявленные к нему претензии по службе подсечкой бросил на пол рядового Ф. В результате удара о пол Ф. была причинена закрытая черепно-мозговая травма с переломом костей свода и основания черепа, т. е. тяжкий вред здоровью. Полагая, что содеянное М. полностью охватывается признаками преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 335 УК РФ, суд исключил из его обвинения ст. 344 УК РФ. В данном случае, по мнению составителей Обзора, поддержание уставного порядка в подразделении, в том числе и правил взаимоотношений между военнослужащими, являлось задачей внутреннего наряда и М. как дневального. Поэтому нарушение им порядка взаимоотношений с другим военнослужащим явилось одновременно и нарушением уставных правил несения внутренней службы. В связи с изложенным, отмечается в Обзоре, действия М. суду следовало квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 335 и ст. 344 УК РФ, как это сделали органы предварительного следствия (Обзор 2001 г. С. 78.)

инного наряда, образует состав преступления против порядка несения специальных видов службы, а лишь нарушение установленных уставом специальных правил, регламентирующих несение таких служб и обеспечивающих выполнение поставленных перед военнослужащими задач по охране вверенных объектов. Если военнослужащий, находясь в том или ином наряде, допускает преступное нарушение общих требований военной службы, не связанных со специальными правилами несения военной службы, то содеянное не может квалифицироваться по статьям, предусматривающим ответственность за нарушение специальных правил несения службы²¹⁰.

Представляется, что для правильного решения рассматриваемой проблемы необходимо иметь в виду следующие, на наш взгляд, важные обстоятельства.

Требуется четко установить систему (совокупность) правил несения специальных видов военной службы. При этом, данные правила должны иметь специальное предназначение, т. е. соответствовать установленным для той или иной специальной службы целям. Уголовно-правовая самостоятельность бланкетных норм достигается включением в них не всего объема правил, содержащихся в конкретном отраслевом источнике, а только тех, которые отражают специальную задачу нормы, определяемую по отношению к объекту охраны. Нарушение правил, не имеющих специального предназначения, т. е. не обеспечивающих выполнение задач тех или иных видов специальной службы (нарядов), должно квалифицироваться при наличии соответствующих оснований по иным статьям.

В связи с изложенным важным является уяснение вопроса о том, включены ли общие правила взаимоотношений между военнослужащими в систему норм, регламентирующих порядок несения специальных видов военной службы. Анализ соответствующих правовых источников под таким углом зрения показывает, что установленные УВС ВС РФ общие правила взаимоотношений между военнослужащими не включены в систему специальных правил несения той или иной специальной службы. Это означает, что специальные правила несения, например, караульной и внутренней служб, патрулирования в гарнизоне, не регламентируют порядок взаимоотношений между военнослужащими, о котором идет речь в ст. 335 УК РФ. Нарушение общего порядка взаимоотношений между военнослужащими, который непосредственно не обеспечивает решение задач специальных видов военной службы, не может рассматриваться как нарушение порядка их несения, охраняемого в ст.ст. 342—344 УК РФ.

Изложенное позволяет утверждать, что в тех случаях, когда военнослужащий, входящий в состав того или иного наряда, допускает нарушение общих правил уставных взаимоотношений между военнослужащими, не связанных с выполнением задач той или иной специальной службы (в частности, применяет насилие по личным мотивам), его действия при наличии соответствующих оснований следует квалифицировать по ст. 335 УК РФ.

Предложение о квалификации подобных ситуаций по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 342—344 и ст. 335 УК РФ, представляется не совсем удачным и по другим основаниям. В частности, его реализация приводит фактически к двойному вменению одним и тех же обстоятельств. Так, одним из оснований квалификации применения насилия по ст.ст. 342, 343 и 344 УК РФ является причинение тех или иных физических последствий (физической боли, вреда здоровью и т. д.). По существу, эти же действия (применение насилия) и последствия (физический вред) вменяются указанным военнослужащим при оценке их поведения и по ст. 335 УК РФ (примером является указанное выше дело в отношении Н). Такое положение дел явно противоречит ч. 2 ст. 6 УК РФ (никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление).

Применение насилия в отдельных случаях может быть разновидностью нарушения специальных правил несения тех или иных видов военной службы. Это ситуации, когда одной из задач специальной службы является охрана военнослужащих (караул при гауптвахте), обеспечение безопасности личности, защита прав и свобод человека и гражданина (войсковой наряд по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности), обеспечение соблюдения правил внутреннего распорядка (суточный наряд роты). Нарушение таких правил выражается, как пра-

²¹⁰ Закон об уголовной ответственности за воинские преступления. С. 116, 123.

вило, в необоснованном применении физической силы либо оружия, иногда и других специальных средств (более подробно об этом говорилось выше) при решении задач, стоящих перед специальной службой. Физические последствия, наступившие в результате применения насилия, охватываются соответствующими статьями гл. 33 УК РФ, поскольку для предупреждения этих последствий (наряду с другими) устанавливается та или иная специальная служба. К примеру, необоснованное применение насилия дневальным по роте к нарушителям воинской дисциплины в целях наведения порядка в подразделении.

Таким образом, представляется возможным сформулировать следующие специальные правила квалификации:

а) нарушение в процессе несения специальных видов военной службы общих правил уставных взаимоотношений между военнослужащими, сопряженное с применением насилия, следует квалифицировать при наличии соответствующих оснований только по ст. 335 УК РФ;

б) нарушение специальных правил несения военной службы, предназначенных для охраны военнослужащих (караул при гауптвахте), обеспечения безопасности личности, защиты прав и свобод человека и гражданина (войсковой наряд по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности), обеспечения соблюдения правил внутреннего распорядка (суточный наряд роты), выраженное в необоснованном применении физической силы, оружия и других специальных средств, следует квалифицировать соответственно по ст.ст. 342, 343 и 344 УК РФ. В ряде случаев возможна квалификация по совокупности с преступлениями против личности.

**Проект закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации
в части совершенствования уголовной ответственности за преступления
против военной безопасности Российской Федерации**

**РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН**

О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации

Статья 1

Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

- 1) статью 328 признать утратившей силу;
- 2) раздел XI изложить в следующей редакции:

«Раздел XI. Преступления против военной безопасности Российской Федерации

**Глава 33. Преступления против порядка комплектования военной организации
государства**

Статья 331. Уклонение от призыва на военную службу в мирное время

1. Уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований, препятствующих призыву на эту службу, —

наказывается штрафом в размере до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до девяти месяцев, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года.

2. То же деяние, совершенное путем симуляции болезни, или причинения себе какого-либо повреждения, или использования подложного документа, или иного обмана, —
наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

**Статья 332. Уклонение от призыва на военную службу по мобилизации, в период
военного положения и в военное время**

1. Уклонение от призыва на военную службу по мобилизации, в период военного положения и в военное время при отсутствии законных оснований, препятствующих призыву на эту службу, —

наказывается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет.

2. То же деяние, совершенное путем симуляции болезни, или причинения себе какого-либо повреждения, или использования подложного документа, или иного обмана, —
наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Статья 333. Уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы

1. Уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы при отсутствии законных оснований для увольнения с этой службы продолжительностью свыше одного месяца —

наказывается штрафом в размере до шестидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо арестом на срок до шести месяцев.

3. То же деяние, совершенное с целью вовсе уклониться от исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы, —

наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо арестом на срок от трех до шести месяцев.

Глава 34. Преступления против порядка военного управления

Статья 334. Отдача незаконного приказа

1. Отдача командиром (начальником) незаконного приказа, если это повлекло существенный вред интересам службы, —

наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо ограничением по военной службе

на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок от четырех до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до четырех лет.

2. То же деяние, повлекшее тяжкие последствия, — наказывается лишением свободы на срок до шести лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет.

Примечания. 1. Под командирами (начальниками) в статьях настоящей главы понимаются военнослужащие и лица гражданского персонала, замещающие в установленном порядке воинские должности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых предусмотрено прохождение военной службы, являющиеся должностными лицами в соответствии с примечанием 1 к статье 285 настоящего Кодекса.

2. Под военным временем в статьях настоящего Кодекса понимается период нахождения Российской Федерации в состоянии войны с другим государством или группой государств с момента объявления федеральным законом состояния войны или фактического начала военных действий до момента объявления о прекращении военных действий, а в случае их продолжения после объявленного срока — не ранее их фактического прекращения.

3. Под боевой обстановкой в статьях настоящего Кодекса понимаются подготовка и ведение боя в условиях вооруженного соприкосновения с противником.

Статья 335. Нарушение командиром (начальником) уставных правил взаимоотношений с подчиненными

1. Нарушение командиром (начальником) уставных правил взаимоотношений с подчиненными, выразившееся в издевательствах над потерпевшим либо ином существенном нарушении его прав и законных интересов, а равно сопряженное с насилием или угрозой его применения, —

наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок от четырех до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок от одного года до четырех лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) в отношении двух или более лиц;

б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

в) с применением оружия;

г) с умышленным причинением средней тяжести вреда здоровью, —

наказывается лишением свободы на срок от двух до восьми лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи:

а) совершенные с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью;

б) повлекшие тяжкие последствия, —

наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до двадцати лет.

Статья 336. Бездействие по службе

1. Умышленное неисполнение командиром (начальником) возложенных на него обязанностей, если это повлекло существенный вред интересам службы, —

наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, повлекшее тяжкие последствия, —

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет.

Статья 337. Превышение дисциплинарной власти

1. Совершение командиром (начальником) действий, явно выходящих за пределы его дисциплинарной власти, если это деяние совершалось систематически либо повлекло существенное нарушение прав и законных интересов подчиненного, —

наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет, либо лишением свободы до одного года.

Статья 338. Неисполнение обязанностей по реализации прав военнослужащего на социальные гарантии и компенсации

Умышленное неисполнение командиром (начальником) обязанностей по реализации прав военнослужащего на социальные гарантии и компенсации, установленные законодательством Российской Федерации, если это деяние совершалось систематически или повлекло существенное нарушение прав и законных интересов военнослужащих и членов их семей, —

наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы до одного года.

Глава 35. Специальные воинские преступления

Статья 339. Понятие специальных воинских преступлений

Специальными воинскими преступлениями признаются предусмотренные настоящей главой виновно совершенные военнослужащими и гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов, нарушения установленного порядка прохождения военной службы (военных сборов), причинившие вред военной безопасности Российской Федерации.

Статья 340. Неисполнение приказа

1. Неисполнение подчиненным приказа начальника, отданного в установленном порядке, причинившее существенный вред интересам службы, —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года.

2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) с причинением тяжких последствий, —

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

3. Неисполнение приказа, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия, —

наказывается ограничением по военной службе на срок от одного года до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок от трех до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок от шести месяцев до одного года, либо лишением свободы на срок до одного года.

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до двенадцати лет.

5. Деяние, предусмотренное частью третьей настоящей статьи, совершенное в военное время или в боевой обстановке, —

наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет.

Статья 341. Сопrotивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы

1. Спротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, или принуждение его к нарушению этих обязанностей, сопряженные с насилием или с угрозой его применения, —

наказываются ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок от трех до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до четырех лет.

2. Те же деяния, совершенные:

а) в отношении двух или более лиц;

б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

в) с применением оружия;

г) с умышленным причинением средней тяжести вреда здоровью, — наказываются лишением свободы на срок от одного года до восьми лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи:

а) совершенные с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью;

б) повлекшие тяжкие последствия, —

наказываются лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до двадцати лет.

Статья 342. Насильственные действия в отношении начальника

1. Нанесение побоев или применение иного насилия либо угроза его применения в отношении начальника, совершенные во время исполнения им обязанностей военной службы или в связи с исполнением этих обязанностей, —

наказываются ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок от трех до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до четырех лет.

2. Те же деяния, совершенные:

а) в отношении двух или более лиц;

б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

в) с применением оружия;

г) с умышленным причинением средней тяжести вреда здоровью, —

наказываются лишением свободы на срок от одного года до восьми лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи:

а) совершенные с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью;

б) повлекшие тяжкие последствия, —

наказываются лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до двадцати лет.

Статья 343. Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности

1. Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, выразившееся в издевательствах над потерпевшим либо иным существенном нарушении его прав и законных интересов, а равно сопряженное с насилием или угрозой его применения, —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок от одного года до трех лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) в отношении двух или более лиц;

б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

в) с применением оружия;

г) с умышленным причинением средней тяжести вреда здоровью, —

наказывается лишением свободы на срок до восьми лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи:

а) совершенные с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью;

б) повлекшие тяжкие последствия, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до двадцати лет.

Статья 344. Оскорбление военнослужащего

1. Оскорбление одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы —

наказывается ограничением по военной службе на срок до шести месяцев, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до трех месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до шести месяцев.

2. Оскорбление подчиненным начальника, а равно начальником подчиненного во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы —

наказывается ограничением по военной службе на срок до одного года, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года.

Статья 345. Самовольное оставление части или места службы либо неявка в срок без уважительных причин на службу

1. Самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше двух суток, но не более десяти суток, —

наказываются ограничением по военной службе на срок до одного года, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до трех месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до шести месяцев.

2. Те же деяния, совершенные военнослужащим, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части или арест с содержанием на гауптвахте, —

наказываются лишением свободы на срок до двух лет.

3. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, продолжительностью свыше десяти суток, но не более одного месяца, —

наказываются ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

4. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, продолжительностью свыше одного месяца —

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

5. Самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу, совершенные в военное время или в боевой обстановке, если самовольное отсутствие продолжалось свыше одних суток, —

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

Примечание. Военнослужащий, впервые совершивший самовольное оставление части или места службы, освобождается от уголовной ответственности, если это деяние явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств.

Статья 346. Дезертирство

1. Дезертирство, то есть самовольное оставление части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы вовсе, а равно неявка в тех же целях на службу —

наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

2. Дезертирство, совершенное:

а) с огнестрельным оружием, вверенным по службе;

б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, —

наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет.

Статья 347. Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами

1. Уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни, или причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), или использования подложного документа, или иного обмана продолжительностью свыше двух суток, но не более десяти суток, —

наказывается ограничением по военной службе на срок до одного года, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года.

2. То же деяние продолжительностью свыше десяти суток, но не более одного месяца, —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до трех лет.

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, продолжительностью свыше одного месяца —

наказывается лишением свободы на срок до шести лет.

4. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в целях полного освобождения от исполнения обязанностей военной службы, —

наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

5. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в военное время или в боевой обстановке и продолжительностью свыше одних суток, —

наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

6. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в военное время или в боевой обстановке и в целях полного освобождения от исполнения обязанностей военной службы, —

наказывается лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет.

Статья 348. Уклонение от прохождения военных сборов

Самовольное оставление места проведения сборов, неявка в срок к месту проведения сборов без уважительных причин, а равно уклонение от исполнения обязанностей по прохождению военных сборов путем симуляции болезни, или причинения какого-либо повреждения (членовредительство), или подлога документов, или иного обмана продолжительностью свыше десяти суток, совершенные гражданином, пребывающим в запасе, в период прохождения военных сборов, —

наказываются штрафом в размере до двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух месяцев до одного года, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо арестом на срок до шести месяцев.

Статья 349. Нарушение правил несения боевого дежурства (боевой службы)

1. Нарушение правил несения боевого дежурства (боевой службы) по своевременно обнаружению и отражению внезапного нападения на Российскую Федерацию либо по обеспечению ее безопасности, если это деяние повлекло или могло повлечь причинение вреда интересам безопасности государства, —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок от трех до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

2. То же деяние, повлекшее тяжкие последствия, —

наказывается лишением свободы на срок до десяти лет.

3. Нарушение правил несения боевого дежурства (боевой службы), повлекшее по неосторожности тяжкие последствия, —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок от трех до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до трех лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет.

5. Деяние, предусмотренное частью третьей настоящей статьи, совершенное в военное время или в боевой обстановке, —

наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Статья 350. Нарушение правил несения пограничной службы

1. Нарушение правил несения пограничной службы лицом, входящим в состав пограничного наряда или исполняющим иные обязанности пограничной службы, если это деяние повлекло либо могло повлечь причинение вреда интересам безопасности государства, —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок от трех до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, повлекшее тяжкие последствия, — наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

3. Нарушение правил несения пограничной службы, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия, —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок от трех до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет.

5. Деяние, предусмотренное частью третьей настоящей статьи, совершенное в военное время или в боевой обстановке, —

наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Статья 351. Нарушение уставных правил несения караульной (вахтенной) службы

1. Нарушение уставных правил несения караульной (вахтенной) службы лицом, входящим в состав караула (вахты), если это деяние повлекло или могло повлечь причинение вреда охраняемым караулом (вахтой) объектам, —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, повлекшее тяжкие последствия, —

наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

3. Нарушение уставных правил несения караульной (вахтенной) службы, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия, —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до одного года.

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до двенадцати лет.

5. Деяние, предусмотренное частью третьей настоящей статьи, совершенное в военное время или в боевой обстановке, —

наказывается лишением свободы на срок от двух до шести лет.

Статья 352. Нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности

1. Нарушение правил несения службы лицом, входящим в состав войскового наряда по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, если это деяние повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства, —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) с применением насилия или с угрозой его применения;

б) с применением оружия, боеприпасов, взрывных устройств или специальных средств;

в) с причинением тяжких последствий, —

наказывается лишением свободы на срок до десяти лет.

3. Нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия, —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок от трех до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет.

Статья 353. Нарушения уставных правил несения внутренней, комендантской и гарнизонной служб

1. Нарушения уставных правил несения внутренней, гарнизонной и комендантской служб лицом, входящим в суточный наряд части, в состав наряда гарнизонной и комендантской служб (кроме караула и вахты), если эти деяния повлекли тяжкие последствия, —

наказываются ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок от трех до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

Статья 354. Оставление погибающего военного корабля

1. Оставление погибающего военного корабля командиром, не исполнившим до конца свои служебные обязанности, а равно лицом из состава команды корабля без надлежащего на то распоряжения командира —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

2. То же деяние, совершенное в военное время или в боевой обстановке, —

наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Статья 355. Разглашение военной тайны

1. Разглашение военной тайны лицом, которому эти сведения были доверены или стали известны по службе, если эти сведения стали достоянием других лиц, при отсутствии признаков государственной измены —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия, —

наказывается лишением свободы на срок до четырех лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Примечание. Под военной тайной в статьях настоящего Кодекса понимаются сведения в военной области, не составляющие государственную тайну, распространение которых ограничено законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Статья 356. Утрата документов, содержащих военную тайну

1. Нарушение установленных правил обращения с документами, содержащими военную тайну, а равно с предметами, сведения о которых составляют военную тайну, лицом, которому эти документы или предметы были доверены по службе, если это повлекло по неосторожности их утрату и наступление тяжких последствий, —

наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет.

2. То же деяние, совершенное в военное время или в боевой обстановке, —

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Статья 357. Умышленное уничтожение или повреждение военного имущества

1. Умышленное уничтожение, повреждение, разукомплектование, а равно приведение иным способом в негодное для использования или эксплуатации состояние оружия, боеприпасов или предметов военной техники —

наказываются штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. Те же деяния, повлекшие тяжкие последствия, — наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, — наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

Статья 358. Уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности

1. Уничтожение, повреждение, а равно приведение иным способом в негодное для использования или эксплуатации состояние по неосторожности оружия, боеприпасов или предметов военной техники, повлекшие тяжкие последствия, —

наказываются штрафом в размере до двусот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в военное время или в боевой обстановке, —

наказываются лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

Статья 359. Утрата военного имущества

1. Нарушение правил бережения вверенных по службе оружия, боеприпасов или предметов военной техники, если это повлекло по неосторожности их утрату, —

наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом с содержанием на гауптвахте на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, совершенное в военное время или в боевой обстановке, —

наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

Статья 360. Сдача сил и средств ведения войны или оставление противнику средств ведения войны

Сдача в военное время или в боевой обстановке противнику командиром (начальником) вверенных ему сил и средств ведения войны, а равно не вызывавшее боевой обстановкой оставление противнику укреплений, боевой техники, вооружения и других средств ведения войны, при отсутствии признаков государственной измены, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до двенадцати лет.

Статья 361. Самовольный выход из боя или отказ действовать оружием

Самовольный выход из боя, а равно отказ во время боя действовать оружием или применять вооружение —

наказываются лишением свободы на срок от двух до десяти лет.

Статья 362. Добровольная сдача в плен

Добровольная сдача противнику в плен —

наказывается лишением свободы на срок от двух до десяти лет.

Примечание. Лицо не подлежит уголовной ответственности, если военнослужащий, находясь в беспомощном состоянии, в том числе вследствие тяжелого ранения или контузии, будет захвачен противником в плен.

Статья 363. Преступные действия военнослужащего, находящегося в плену

1. Добровольное участие военнослужащего, находящегося в плену, в работах, имеющих военное значение, или в других мероприятиях, которые заведомо могут причинить ущерб интересам Российской Федерации или союзным с ним государствам, при отсутствии признаков государственной измены —

наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

2. Применение военнослужащим, находящимся в плену на положении старшего, насилия в отношении иных военнопленных, издевательство над ними или иные грубые нарушения их прав и законных интересов, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

3. Совершение военнослужащим, находящимся в плену, действий, направленных на причинение вреда другим военнопленным, за исключением действий, указанных в части второй настоящей статьи, из корыстных побуждений или в целях обеспечения снисходительного отношения к себе со стороны противника —

наказывается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет.

Глава 36. Преступления против порядка мобилизации и обеспечения режима военного положения или военного времени

Статья 364. Уклонение от направления для работы на должностях гражданского персонала, предусмотренных штатами военного времени

1. Уклонение граждан, пребывающих в запасе и не призванных на военную службу по мобилизации, от направления для работы на должностях гражданского персонала, предусмотренных штатами военного времени, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований — наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет.

2. Уклонение от исполнения обязанностей лицами, работающими на должностях гражданского персонала, предусмотренных штатами военного времени, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований, на срок свыше двух суток — наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Статья 365. Неисполнение военно-транспортной обязанности в период мобилизации и в военное время

Неисполнение в период мобилизации и в военное время военно-транспортной обязанности — наказывается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет.

Статья 366. Неисполнение повинностей в период мобилизации и в военное время
Неисполнение в период мобилизации и в военное время предусмотренной законодательством трудовой или иной повинности —

наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

Статья 367. Неисполнение организациями обязанностей в период мобилизации и в военное время

1. Неисполнение организациями в период мобилизации и в военное время предусмотренной законодательством обязанности по предоставлению необходимого для нужд обороны имущества (за исключением транспорта), находящегося в их собственности,

— наказывается лишением свободы на срок от одного года до четырех лет.

2. Неисполнение организациями в период мобилизации и в военное время предусмотренной законодательством обязанности по выполнению заданий (заказов) в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации в соответствии с заключенными договорами (контрактами), если это повлекло выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной боевой техники, вооружения или иного военного имущества, —

наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Примечание. В настоящей статье субъектами предусмотренных в ней преступлений являются собственники, руководители организации либо иные лица, выполняющие управленческие функции в этой организации»;

3) в разделе XII изменить нумерацию статей 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360 соответственно на 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375.

Статья 2

Настоящий Федеральный закон вступает в силу по истечении 30 дней после дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ
Издательства «За права военнослужащих»

Справочник по вопросам прохождения военной службы (формы документов с комментариями и разъяснениями);

Материальная ответственность военнослужащих;

Военное право: антология диссертаций (1-я и 2-я части);

Сборник нормативных актов по вопросам военной службы;

Социальные гарантии для военнослужащих (в схемах и таблицах);

Социальные гарантии военнослужащих – участников боевых действий на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и членов их семей;

Правовые позиции Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации по жилищным спорам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей;

Практика Европейского Суда по правам человека по делам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, членов их семей и других граждан;

Судебная практика Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по вопросам военной службы и статуса военнослужащих;

Судебная практика Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (СССР) по уголовным делам;

Экспертиза правовых актов в области обороны и военной безопасности;

Настольная книга судьи военного суда по гражданским делам;

Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика.

Заказ книг для отправки наложенным платежом по тел/факсу: (495) 334-92-65 (10.00 – 17.00 в будние дни, время московское) или по электронной почте – pvs1997@mail.ru.

В любом почтовом отделении России с любого месяца можно подписаться на уникальные военно-правовые издания РОД «За права военнослужащих» по каталогу «Роспечать»:

1. Журнал **«Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение»** – это разъяснение военных законов, приказов руководителей Минобороны, внутренних войск МВД, ФСБ, МЧС и других «силовых» структур России; тематические рубрики («Правовая страница командира»; «Социальная защита военнослужащих»; «Жилищное право и военнослужащий»; «Дела судебные»; «Правовая консультация»; «Увольняемому с военной службы»; «Труд гражданского персонала» и др.); шесть вкладок, в том числе «Новое военное законодательство» и «Финансово-экономическая деятельность в военных организациях».

Журнал, издаваемый с 1997 г. и включенный на основании директивы министра обороны РФ в коллективную подписку на газеты и журналы, всегда первым дает полные, глубокие, подробные комментарии новых нормативных актов по вопросам военной службы.

Направив в адрес редакции купон с вопросом, который печатается в каждом номере журнала, Вы можете получить бесплатный ответ на страницах рубрики «Правовая консультация».

Периодичность выхода журнала – ежемесячно. Объем – 128 стр. *Подписные индексы – 20244 (на год), 72527 (на полугодие).*

2. Серия книг практической направленности по актуальным вопросам военной службы **«Право в Вооруженных Силах – консультант»**. *Подписной индекс – 79205.*

Телефон для справок: (495) 334-98-04 (10.00 – 17.00 в будние дни, время московское).

Наш адрес в Интернете – <http://www.voennopravo.ru>, связь по элек*тронной почте – pvs1997@mail.ru.

Зателепин О.К. Уголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации (вопросы теории, законодательства и практики): Монография. – Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». — М.: «За права военнослужащих», 2013. — Вып. 135. — 192 с.

Редактор *Тюрина О.А.*
Оператор компьютерной верстки *Зулькарнаев А.Б.*

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 030863 от 18 ноября 1998 г.

Подписано в печать 15.06.2013. Формат 60 x 90/16.
Гарнитура Times New Roman.
Бумага газетная. Печ. л. 12. Тираж 1 000 экз. Заказ №

Издательство Общественного движения
«За права военнослужащих»
117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 40

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-93297-143-7

9 785932 971437